

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2024

№ 91

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

***Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

***Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»***

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

***Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

***Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology***

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Волошина С.В., Демешкина Т.А. Концептуализация искусственного ландшафта в речи сибирских старожилов: огород (на материале речи сельских жителей Томской области)	5
Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Иерархическая тематическая структура устного спонтанного текста: этническая вариативность	22
Иванцова Е.В. Речевой жанр письма в дискурсивной практике диалектной языковой личности	49
Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Зооморфный код вологодских говоров: деривационный аспект	70
Казяба В.В. Самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): психолингвистический аспект. Статья 2	84
Малюга Е.Н., Петросян Г.О. Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики	104
Чурсева О.А. Театральный текст и театральный дискурс	131

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в.	145
Буханова Е.Д. Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 2. Поиск выхода из гносеологического кризиса: экология, этология, эсхатология	176
Гнюсова И.Ф. Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 2. «Ист-Линн» миссис Генри Вуд и его отражение в «Анне Карениной»	198
Завгородняя Г.Ю., Завгородний А.М. Кьеркегоровский ключ к «таинственным повестям» И.С. Тургенева: еще раз к вопросу о составе несобранного цикла	223
Московкина Е.А. Четыре самоубийства: суицидологический дискурс В.М. Шукшина	235
Пономарев Е.Р. Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: жанровый генезис и поэтика	255
Храмова Ю.А., Парашенко-Корнейчук Л.Н., Свистуненко Т.А. Метатекстуальность романа Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима»	269

РЕЦЕНЗИИ

Боброва М.В. Рецензия на книгу: Лесников С.В. Метаязык лингвистики: в 2 т. СПб. : Нестор-История, 2021. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы. 512 с.; Т. 2: Лексикон терминосистемы. 1024 с.	281
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Voloshina S.V., Demeshkina T.A. Conceptualization of an artificial landscape in Siberian old-timers' speech: <i>Ogorod</i> (based on the speech of Tomsk Oblast rural residents)	5
Erofeeva E.V., Khudyakova E.S. Hierarchical thematic structure of oral spontaneous text: Ethnic variability	22
Ivantsova E.V. The speech genre of letter in the discursive practice of a dialect language personality	49
Ilyna E.N., Ganitcheva S.A. Zoomorphic code of Vologda dialects: A derivational aspect	70
Kaziaba V.V. Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): A psycholinguistic aspect. Article 2	84
Malyuga E.N., Petrosyan G.O. Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric	104
Chureyeva O.A. Theatrical text and theatrical discourse	131

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. Types of the socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of the 19th-century travel prose	145
Buhanova E.D. The plot of the journey in Andrei Bitov's story <i>Birds, or The Catechesis of Man</i> (1971, 1975). Article Two. Finding a way out of the epistemological crisis: Ecology, ethology, eschatology	176
Gnyusova I.F. Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Paper Two: Mrs. Henry Wood's <i>East Lynne</i> and its reflection in <i>Anna Karenina</i>	198
Zavgorodnyaya G.Ju., Zavgorodnii A.M. Kierkegaard's key to the "mysterious tales" by Ivan Turgenev: Once again on the composition of the unassembled cycle	223
Moskovkina E.A. Four suicides: Vasily Shukshin's suicidological discourse	235
Ponomarev E.R. Early works of Vera Muromtseva-Bunina: Genre genesis and poetics	255
Khramova Yu.A., Paraschenko-Korneychuk L.N., Svistunenko T.A. Metatextuality in Jonathan Coe's novel <i>The Terrible Privacy of Maxwell Sim</i>	269

REVIEWS

Bobrova M.V. Book review: Lesnikov, S.V. (2021) <i>Metayazyk lingvistiki. T. 1: Problemy sistematizatsii terminosistemy. T. 2: Leksikon terminosistemy</i> [Metalanguage of linguistics. Vol. 1: Problems of systematization of the term system. Vol. 2: Lexicon of the term system]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya	281
--	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'282.2, 81'42
doi: 10.17223/19986645/91/1

Концептуализация искусственного ландшафта в речи сибирских старожилов: огород (на материале речи сельских жителей Томской области)

Светлана Владимировна Волошина¹, Татьяна Алексеевна Демешкина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается функционирование концепта «Огород» в устных рассказах жителей сёл Томской области. Выделяются репрезентанты концепта, осуществляется его послойное описание. Определено, что огород – это не только пространство для выращивания овощей и источник жизнеобеспечения, но и место, требующее ухода, служащее маркером трудолюбия, идентичности, инструментом формирования социальных связей, являющееся объектом суеверий. Образные интерпретации свидетельствуют о восприятии огорода как живого существа.

Ключевые слова: огород, культурно-языковой ландшафт, концепт, Томская область

Благодарности: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В., Демешкина Т.А. Концептуализация искусственного ландшафта в речи сибирских старожилов: огород (на материале речи сельских жителей Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 5–21. doi: 10.17223/19986645/91/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/1

Conceptualization of an artificial landscape in Siberian old-timers' speech: *Ogorod* (based on the speech of Tomsk Oblast rural residents)

Svetlana V. Voloshina¹, Tatiana A. Demeshkina²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vsv1304@yandex.ru*

² *demeta@rambler.ru*

Abstract. The aim of the article is to analyze the representation of the concept “ogorod” [vegetable garden] based on the speech of residents of villages in Tomsk Oblast.

The research material is oral stories of rural residents of Tomsk Oblast born at the end of the 19th–20th centuries. The main source of the material is audio recordings of speech made in dialectological expeditions from the 1940s to July 2024, then decoded and partially placed in the Tomsk Dialect Corpus. Illustrative material from dialect dictionaries and audio recordings from the authors' personal archive are also used in the research. The novelty of the proposed analysis lies in its inclusion in the general problem of describing the cultural and linguistic landscape of Siberia as a region with cross-border characteristics. The concept “vegetable garden” is one of the key concepts of rural culture, which determines the relevance of its study. A concept is a unit of consciousness that is represented by means of language units and reflects the peculiarities of culture. The method of analysis is based on the description of conceptual, figurative and axiological layers in the concept structure. The methodology of the conceptual metaphor theory is also used in the description of the figurative layer. To nominate a vegetable garden in the speech of rural residents of Tomsk Oblast, the lexical unit of the same name and its dialect variants *igorod*, *gorod*, as well as the forms of subjective assessment formed from them *ogorodishche*, *ogorodchik*, *ogorodishko*, *igorodishko* are used. The concept is also verbalized with derivative words: *ogorodnik*, *ogorodnitsa*, *gardening* / *igorodnichestvo*, *gardening*; *gardening*, etc. A vegetable garden as a plot of land for growing vegetables, berries, etc. is presented in the speech practices of rural residents as a space requiring care, labor; as a marker of hard work, acting as a tool for forming social ties; as an indicator of local, age, gender identity; as an object of real estate; as an object of superstition, signs. The figurative layer of the concept is represented by a few units, lexemes can form a target sphere and a source sphere. The vegetable garden and everything growing in it is presented as a living being. In the “human being” sphere, linguistic units with the semantics of a vegetable garden mainly describe appearance, actions, social and personal relationships. The axiological layer actualizes the understanding of the vegetable garden by rural residents as having a utility value: as a source of food for the family and livestock, as a source of income. As an aesthetic value, a source of love and joy, the vegetable garden is represented in a few statements. The analysis showed that, in the perception of rural residents, the vegetable garden is one of the main elements of the house, representing a value-based part of human life, a source of vital activity and life support for the family.

Keywords: vegetable garden, cultural and linguistic landscape, concept, Tomsk Oblast

Acknowledgements: The results of the study were obtained under the state assignment of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2024) Conceptualization of an artificial landscape in Siberian old-timers' speech: *Ogorod* (based on the speech of Tomsk Oblast rural residents). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/1

Концептуализация пространства в речи сельских жителей, в том числе сибирских старожилов, не раз становилась объектом лингвистических исследований [1–5]. Среди объектов изучения в основном естественно сформированные ландшафты. В данной работе обратимся к описанию концептуализации искусственно созданного и возделываемого пространства.

Цель статьи – анализ репрезентации концепта «Огород» на материале речи жителей сёл Томской области.

Материал исследования – устные рассказы (воспоминания, автобиографические, бытовые рассказы и т.п.) сельских жителей Томской области, рождённых в конце XIX–XX в. Основным источником материала являются аудиозаписи речи, сделанные сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета в диалектологических экспедициях со второй половины 1940-х гг. по июль 2024 г., затем расшифрованные и частично размещённые в Томском диалектном корпусе [6], в котором представлено 4 260 текстов и только один из многочисленных репрезентантов концепта – лексема *огород* – встречается 1 492 раза, а тематическая разметка корпуса показывает, что в нём 1 244 текста имеют фрагменты темы «Выращивание растений». В статье также используется иллюстративный материал ряда диалектных словарей [7–13], из которых было извлечено около 130 высказываний, включающих единицы, вербализующие концепт, а также аудиозаписи из личного архива авторов.

Интерес к анализу этого значимого фрагмента картины мира сельских жителей объясняется репрезентативностью речевого материала (частотностью встречающихся высказываний об огороде в речевой практике, тематической выделенностью) и значительными изменениями, произошедшими на протяжении последних десятилетий в этой отрасли сельского хозяйства и обозначаемыми информантами. Несмотря на это, концепт «Огород» на материале речи сельских жителей мало изучен, существуют исследования его функционирования в художественных произведениях [14], рассматриваются магические тексты, используемые в системе народного огородничества в восточнославянской традиции [15]; функционирование лексемы *огород* и ее дериватов в старожильческих говорах Среднего Прииртышья в ряду других слов с полногласными и неполногласными сочетаниями [16]; изучаются наименования приусадебных участков в диалектах Европейского Севера России [17]. Этнографы, работающие с полевым материалом, отмечают, что «огородничество остается одной из самых неизученных и незаслуженно исключенных из этнографических исследований земледельческих практик», хотя «этот вид сельскохозяйственной деятельности занимает приоритетные позиции в экономике жизнеобеспечения сельского населения, проживающего на территории практически всех регионов России» [18. С. 38].

Новизна предлагаемого анализа заключается во включенности его в общую проблематику описания культурно-языкового ландшафта Сибири как региона с трансграничными характеристиками. Многомерная картина взаимодействия людей, текстов, вещей складывается в том числе и из анализа концептов, имеющих различную природу. Как показал краткий обзор работ, приведенный выше, концепт «Огород» относится к числу ключевых концептов сельской культуры, что определяет актуальность его изучения.

Концепт в данной работе рассматривается как ментальная единица, репрезентируемая языковыми средствами. Концепты, по мнению Ю.С. Степанова, существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок»

представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [19. С. 43].

Методика анализа концепта «Огород» включает в аналитическое поле описание понятийного, образного и аксиологического слоёв [20]. В исследуемом материале отобраны контексты, содержащие лексему *огород* и единицы, которые являются компонентами представлений об огороде, анализируется сочетаемость этих лексем, мотивационные связи, их системные отношения (синонимия, полисемия, антонимия), анализируется семантика этих единиц и высказываний. Содержательная сторона концепта моделируется с помощью контекстуального анализа. При описании образного слоя концепта используется методология теории концептуальной метафоры. Единицами анализа выступают лексемы, фразеологизмы, высказывания, фрагменты текстов.

Понятийный слой концепта

Огород – это участок земли, обычно расположенный вблизи дома, жилья и обнесённый изгородью, где высаживаются овощи [21].

Для номинации огорода в речи сельских жителей Томской области используются одноименная лексическая единица и ее диалектные варианты *игоро'д*, *горо'д*, а также образованные от них формы субъективной оценки *огородище*, *огоро'дчик*, *огоро'дишко*, *игоро'дишко*: *Ко мне прибегают, то в огороде полют, то... я-то уже, большущий **огородище** вон какой* [6]. Понятия *огород* и *огоро'дчик* могут дифференцироваться и рассматриваться не только с точки зрения размера или значимости для информанта: *огородом* называют участок для выращивания картофеля, а *огородчиком* – место для выращивания других овощей и ягод: *Огород – это картофельный, а огородчик – это где овощи, но у нас тут больше цветник уже* (Красный Яр, Кож. р-н, 2024).

Вербализация концепта осуществляется также при помощи образованных от слова дериватов, называющих:

- человека, работающего в огороде: *огородник*, *огородница*;
- процесс выращивания растений, работу в огороде: *огородничество* / *игоро'дничество*, *огоро'дничество*;
- действия, связанные с работой в огороде: *огородничать*, *поогородничать*, *огородничествовать*: *Крестьянствовали, **огородничествовали**, сено возили, дрова* [7];
- огородные растения: *огоро'дина*, *огоро'днина*.

В сибирских говорах *огород* и *огородница* вступают в отношения полисемии: *огородом* также называют «ограду, забор, изгородь», а словом «огородница» обозначают парник для огурцов: *Огурцы изла'дишь, лунки, парники сделаешь, обогреватель, чтобы воспарение шло, огурешница, **огородница** называют* [7].

Лексема *огород* обладает широкой сочетаемостью и образует словосочетания на основе связей согласования и управления.

Среди признаков огорода в речи обычно отмечаются: его размер – *большой, большущий, маленький, огород: Горо'д у нас большой* [7]; его принадлежность: *свой/чужой огород: Но у меня вот есть подсолнухи, но кто-то их там срывает, а мы в другом срывали, так ещё. [Смеётся]. Это драйв такой, что нужно пролезть, по картошке, не помять. [Смеётся]. Ну вот так вот дети в чужом огороде всегда всё сладкое* (Мельниково, Шег. р-н, 2018) [6]. Указываются разнообразие и количество посаженных в огороде растений: *богатый огород: А там же огород богатый, большущий* [10], а также новые техники, способы выращивания: *интересный огород: У меня муж ушёл на пенсию, ему уже, вот щас он десять лет на пенсии уже. Выращивает картофель особенным способом <...> вот он посадил девяносто шесть или девяносто восемь картошечек [смеётся]. Ну можете представить? Это ведро. Да, вот. И на большом расстоянии, два метра друг от друга – ряд. Да, ну я, знаете, я, даже могу, еслив это, сфотографировать потом, сбросить, как это. Интересный огород, конечно* [6].

Лексема *огород* сочетается с глаголами, указывающими на цикличность, необходимость и последовательность сельскохозяйственных работ: *садить огород, насадить огород, спяхать огород, одабривать (удобрять) огород, поливать огород, попочистить огород, подбивать огород, убирать огород, выкопать огород, скончать огород: Сёдня они скончают этот огород* [7].

Необходимость охраны урожая от уничтожения его птицами фиксируется через устойчивое выражение *пугало / пужало огородное: Пугало огородное – пуга. Ставили в хлеб, нарядят чё-нибудь, все звали попугаем* [7]; *У капусты пугало ставили, чтоб птички не склевали. И стоит, как попугай. Шапчонку наденут, руки приде'льват, одежонку* [6].

Огород рассматривается как пространство, разделенное на части, на котором находятся *грядки, теплицы (теплички), палисадник, колодец: Мы раньше в тем краю жили, колодец в огороде, посреди'не* [6]. Части огорода также получают номинации в зависимости от размещаемых в нем культур: *огуречница, огородница, капустник, цветник, картовище – то же, что картошечник, картошище (= место, с которого убран картофель)* [7], *овощник (= место, где растут овощи): В огороде, где овощи всякие растут – овощник называется* [7]. Работая человек в этих частях огорода также получает номинации: *парниководка (= женищина, выращивающая овощи в парниках); огуречник (= тот, кто ухаживает за огурцами): Кто ухаживает – огородник, огурешник* [7].

В вербализации концепта участвуют названия выращиваемых овощей, ягод, цветов и их сортов: *огурцы, картошка, лук, чеснок, помидоры, морковь, жимолость и др.: Тут четыре ведра картошки посадила, ага, капусты-ы-ы, ну, вся мелочь, всё, и помидорки, и всё у меня есть тут, в огоро'дчике, ага. Вот так, помале'ньку шевелюсь* [6]; *Жимолость... Вот этот вот «Бакчарский великан», с мизинец почти что. Редиска, цветная капуста, да. <...> Вот картофель. Вот смотрите! Вот такая <...> это была красная картошка, а щас мы белую садим «Адретту», «Тулеевскую». Очень хорошие сорта! (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.).*

Концепт объективируется при помощи слов, называющих инвентарь для работы в огороде: *загребал'лка, огребал'лка, грабли, подбивал'лка, подбивал'шка, сгребал'лка, тюка'вка, тя'пка, копач, лопата, литовка, поливал'льник, лейка, сы'пка*: **Копач** взяла да и пошла в огород [7]; В огороде **загребалки** остались [7].

Высказывания, включающие лексему *огород*, раскрывают представления сельских жителей об огороде, его значимости, признаках, связи с другими фрагментами мира.

Основное значение лексемы «огород» (участок земли, используемый для выращивания ягод и овощей, как источник питания, обеспечения жизнедеятельности семьи) реализуется во всех исследуемых текстах. Оно подвергается детализации в зависимости от аспектов деятельности человека и факторов, оказывающих влияние на работу в огороде. Рассмотрим признаки, актуализируемые в речи жителей сёл.

1. Огород – место, где необходимо работать.

Выращивание культур и урожай зависят от количества вложенных усилий: *Всё-всё садим. Всё нормально растёт, если походишь за ним* [6]; *Отсюда вот можете посмотреть весь мой огород, какая площадь. Ну то есть, в принципе... э-э, не заскучаешь. Работы много. Вот такой большой огород у меня. И все кусты, и яблони, всё, так что работы и летом мне хватает* [6], что также отражается в поговорке «не потопаешь – не полопаешь». Тяжелая работа в огороде номинируется экспрессивными глаголами *по'рхаться* (= *возиться*), *пластаться*, *шиманаться* (делать что-л. медленно, бестолково, непроизводительно), *копаться*: *Всё по'рхается с огородом* [7]; *В огороде пластаюсь* [10].

В речи информантов прослеживается связанность природной и религиозной сфер: *Ну, когда уж праздники, не поливали и не сажали. Этим уже... я сильно в праздники эти уже верую, как сказать, праздную* [6]; [Говорят же до Троицы нужно высадить всё, да? Вы так высаживаете тоже?] *Да!* [6]; *Я сейчас на даче работаю в огороде, бабушки идут в церковь и говорят: «Сегодня праздник», мол, типа, нельзя работать. Я думаю: «А когда – сто'ко праздников – когда мне тогда чё делать?» Ну... Дак бабушки пройдут в церковь, тогда я выхожу на огород, я тоже теперь хитрую* [6].

Зависимость эффективности ухода за огородом и работы в нём от природных явлений фиксируется в пословицах и поговорках: *Маленький дожди'шка, а лентяам отдышка* (= Если идёт дождь, не нужно поливать огород) [12. С. 69]; *Маленький дождь лу'че большого полива*. Одобр. О прошедшем дожде, избавляющем от необходимости полива огорода [12. С. 31].

2. Работа на огороде связана с природными циклами. Это прежде всего сезонная работа: *Теперь бы пожить, да старость одоля'т. Зиму отдыхаю, летом на огороде полю* (г. Колпашево, Колп. р-н, 1982 г.).

Рассказывая об огороде, информанты отмечают тесную связь выращивания культур с климатическими условиями: *Дождя на'доть, всё на огородах посохнет* [7]; *Сейчас малины нет, июль месяц и холодно. Ягоды нет, сахара нет. За тот год было столько малины, виктории; А нынче ещё зима такая*

была, непонятная. Весной ничё не лезет. Тут всё повывмерзло. У меня тут мята росла, мелисса вот [показывает], ну да чай заваривать – всё повывмерзло. Не знаю, какой урожай бу'ет (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); Огород весь затопило, такая вода, но'нче у многих... а у нас тут низко. Весь огород, то'ка в заду маленько посадили, всё водой зали'ло. Всё водой зали'ло, ужас; А то как-то град был с воробы'но яйцо, да ещё по три слеплены, дак всё на огороде побило: и огурцы, и помидоришки прямо под корень, одни прутики голы остались [6].

В условиях сибирского климата, зоны рискованного земледелия огород также является экспериментальным участком, где пытаются вырастить новые сорта растений, морозоустойчивые культуры или культуры, редко растущие в Сибири: У меня по две-три штуки я сажу сорта, некоторые вот, допустим, «Розовый носик» я первый раз сажу, я не знаю, как они себя проявят, вот эти у меня «Бравый генерал» тоже крупноплодные, «Алтайский мёд» – жёлто-оранжевые, это «Самбол» – черноплодные помидоры, очень сладкие, это вот такие с виду хиленькие, но они только начинают. Короче, мужчина привез их из Тайланда, когда их подали на тарелке с салатом. Они маленькие растут, но они такие сладкие. Я слаще помидоры не ела. Вот как бы я сажу их всех две штуки (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2024 г.).

В своей деятельности сельские жители опираются на лунный календарь, согласно которому можно увеличить урожайность огородных культур и в котором указаны благоприятные дни для посадки растений: А мы раньше ничё не знали. Это щас в журналах написано, в какой день садить надо, а мы когда попало садили. Время подойдёт, и садили. Никаких приме'тов не верили. А щас чё-то там всё написано. **В какой-то день женской надо садить, да всё. В среду да в пятницу** [смеётся]. А мы, раньше даже я не слышала, это щас в журналах написано где-то. Так мы ничему и не верили, такие, да и верить-то, говорят, грех. Нельзя [6].

3. Огород выступает местом выстраивания социальных связей, отношений с родственниками, соседями и др.

Взаимодействие с детьми, внуками основывается на отношении к труду и помощи пожилым родителям. Информанты, как правило, отмечают, помогают ли им дети работать в огороде или нет: Избу купила. Вот и живу, дочь помогает, сын тоже. И сын со снохой приезжа'т помогать. Пошти' чуть не весь горо'д за день выкопали. А но'нче посадили сами. Я и тяпочки ни одной не тянула, всё дети делают, я то'ко исть готовлю [6]. Огород, таким образом, становится маркером трудолюбия / лени: Кода' Гена в городе, ещё служил, а потом пошёл у городе, ну, кода' работал там, на выходной приезжал, помогал и всё. Он так тоже работал, как я такая, как папа Карло. За два дня сорок соток огорода мы с ём оку'чаем, оку'чаем, ца'пками окучивали, не конями [6]; Дети, внуки – все в городе, никто нам не помогает, сами возимся в огороде (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); Дети не помогают никого, горожу сама. А светы' никаки' не сажу', то'ко малина, смородина, ранетка, две яблони, виктория [6].

Огород и работа в нём являются своеобразным инструментом формирования отношения к человеку в сельском социуме. Люди, имеющие огород и не работающие в нём или плохо работающие, осуждаются: [Пьющая односельчанка пришла помогать В.П. копать огород.] *А е'то... видела, сколько копала, квадратик какой? То туды' хочет... тычется – пень колотить да день проводить. Ешо кого-то хотела прогребать мне, потти' там. От она бутылку выпила. Она вчара' выпила стопку, сёдня четыре – бутылку выпила* [12. С. 67]; *А бабёшка-то? Ох, ленива. Огород зарос* [8], *Вишь, молодые живут по это... Ну, у них ребёнок, годик ему исполнился. Ну, вот посадили пол-огорода, а эта стоит, ну хоть бы скосил бы или что, а вот эта трава так и... Так вот они не косят, обещали скосить, не косят... Я же не пойду, я, между прочим, от нашей границы, вот там маленько есть, я вот настолечко [показывает] вырвала у них траву. Вот в сторону того, вот там видно, где мои эти заканчиваются, вырвала* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); *Кто уж ленивый – в огороде трава росла* [10].

В конфликтных ситуациях огород может быть объектом зложеланий: *И так и Лида – обозлилась и прямо всё... «Чтобы, гыт, у вас ничё не было в огороде, ничё не родило'сь ба!»* [12. С. 83].

Огород выступает локусом социальных связей, которые возникают на основе обмена растениями, урожаем, техниками выращивания растений: *Вон здесь вот астры насадила, они у меня все пропадают <...> засыхают да и всё. <...> Растут-растут, ведь бо'льшиеюшки уже выросли такие и засыхают. Я уж там других подсадила, у соседки взяла, не знаю, чё будет. Ну хоть маленько, может, зелень будет. Если не помрут* [6]. Огород становится объектом взаимодействия местных жителей и ссыльных, переселенцев: *На помидорах сучки' есть. Срыва'шь сучки'. У латыша научились* [6]; *Россе'я научила удобрять. В тое' герма'нску войну нагляделись. Наша земля не принима'т навозу. Сей рожь. Без перемишки. Не нужно назьму' на эту землю, хлеб будет высокий, то на землю ля'гет. Земля и без того жи'рна. За' городом нигде не назьми'ла* [6].

Урожай, выращенный в огороде, является объектом воровства: *А сейчас! На ходу воруют. Тут сгребут, там. У меня, у самой вот в позапрошлый год ведро луку украли* [6]. Интересным представляется, что объектами воровства являются не только выросшие овощи, плоды, но и рассада, саженцы, отростки, так как считается, что украденное растёт лучше.

4. Огород выступает как инструмент идентификации: возрастной, локальной, гендерной.

Информантами являются в большинстве своем пожилые люди, поэтому они часто сравнивают работу в огороде в настоящее время с работой в прошлом, во времена своего детства и молодости, а также себя и современную молодёжь. Как показывают примеры, пожилые люди воспринимают огород как ценность и осуждают молодых, не работающих в огороде, не помогающих родителям.

В рассказах отмечается наличие огорода и невозможность в нём работать в силу возраста и состояния здоровья: *стала падать в огороде, уже нет сил*

работать в огороде и т.п.: Я до восьмидесяти лет садила огород, пятнадцать соток огорода, а в восемьдесят **что-то стала уже в огороде па-дать** (с. Мельниково, Шег. р-н, 2020 г.); Вчера её сноха и говорит, в магазине хлеб брали, она и говорит: «Вы, баба Лида, не бегайте, а потихоньку ходите». А я вот, тут уж бегай не бегай – запнёшься... Я вот, напрямую, ну, это внук прокосил дорожку, щас ещё можно, ага, а то и шла, а они в огоро-дчике были. Я запнулась и упала, лежала-лежала, и [смеётся] прямо в кра-пиву, ага, а... А там, ты скажи, всё время ходила, ничё не вида'ла, а у меня нога попала как в петлю, ага, вот и... [смеётся] и лежала-лежала, ну, чув-ствую, сама ничё, подниматься надо. А она мне кричит, эта женищина: «По'мочь не надо?» Я говорю: «Да нет, потихо'ньку я сама здесь щас». Ой, господи, ноги-то, они, вроде хочешь побыстрее, а они уже всё, скорость-то уже ушла [6]; Я уже устала. Я жить устала. Чижало'. Такой возраст. Только вот прошлый год, два года где-то, ну, **но'нче третий год в огород не сажу**, а то и помогала садить и всё убирать, и помогала всё ишо' деть'м. А чича'с уж третий год я ничё не делаю [6]. Таким образом, огород является показателем благополучия и здоровья тех, кто его обрабатывает.

В рассказах об огороде отмечается, что он – неотъемлемая часть сель-ского быта, основа жизнедеятельности сельчан: [А у Вас нет огорода?] По-чему нет? Есть. Без огорода нельзя. Надо луку и картошки. <...> Я только 6 ведер сажую. У меня малый он [6]; [Расскажите, а огород у Вас есть?] Огород? [Да] А вот там картошки есть, тут грядки. [Любите в огороде работать?] Аа, люблю-у! мне только работать и надо. Сено косить, скота держать, в огороде [6]; И вот представляете, я выхожу что-то делаю – вот такое чириканье... А там дальше вот щас за моим огородом там есть небольшое болотце: там и сороки, там и вороны, там и кукушки нынче, столько кукушек, и я нахожусь вот в этом, знаете вот... я не знаю, мне **так хорошо!** <...> Поэтому я **чисто деревенский житель** и вот землю, деревню никогда на город не променяю [6]. В «Русском ассоциативном сло-варе» слово деревня является реакцией на слово-стимул огород [22. С. 65], что также свидетельствует о тесной связи деревни, ее жителей и огорода в русском языковом сознании.

О гендерной дифференциации в «огородной» сфере свидетельствует наличие номинаций **огородник** и **огородница**: **Огородник** хорошо ухаживает за овощами, за картошками. О человеке говорят о таком: «Вот **ого-родник!**» [6]; И скороспелка была, и американка, и забыла ещё как-то, нарымка. А берлинка хороша была. Овощей было много. Это всё старик-огородник, латыш [6]; **Огородницей** была, и дед тоже. Сейчас на стройке сторожем [6]. Исследователи отмечают, что, например, в говорах Среднего Прииртышья в отличие от слова **огородница** не зафиксировано наименова-ние человека (мужской род) **огородник** ‘человек, который возделывает ого-род, владелец огорода’, и делают предположение, что «в данном случае ре-ализуется дифференциация женского / мужского труда» и наименование **огородница** отражает женскую участь ухаживать за огородом [16].

5. Огород как важная часть жизни сельских жителей является объектом примет и суеверий. Приметы связаны с наблюдениями сельчан за природой, погодой в разные времена года и, как правило, направлены на предсказание того, каким будет урожай: *Вот это пе'рва гроза нынче. Ну, опять видишь, по всему, если гроза есть, то значит урожай на всё: и на ягоды, и на хлеб, и на картошку – на всё есь урожай. Или когда Бог даёт грозу, это к хорошему, урожай хороший* [6]; *Куржак на новый год садится – урожай будет. Зимой куржаки на деревьях привива'ются. Куржаков нынче не было – урожай плохой* [6].

Суеверия представляют важный фрагмент картины мира огородников. Это практики, направленные на выращивание хорошего урожая, вера в то, что соблюдение определенных правил гарантированно уберезет растения «от сглаза»: *Когда начинаю сажать грядку, с левой стороны нож надо втыкать и говорить: не на зависть людям, а на радость. Я всегда говорю. Капусту садишь, чтоб была упругой. Всяко разное. Это бабушки наши, и вот я чё помню. А так вот нож надо обязательно втыкать на грядке. Чтобы не сглазили. Или даёшь кому потом, я потом раз и убираю. Я ножей столько теряю за лето. А потом он, Серёжа, раз и найдет где-то* (с. Красный Яр, Кож. р-н, 2024 г.). Подобные практики, как правило, востребованы при высаживании растений, при взаимодействии с соседями, что представляет огород как объект, требующий защиты. Исследователи также отмечают применение магических текстов в период посадки овощей: «Потребность в исполнении магического текста возникает в определенные семантически нагруженные переходные периоды. В рамках системы народного огородничества наиболее критическим является период посадки овощей – в этот момент происходит своеобразное программирование свойств овощей в будущем [15. С. 33–34].

6. В речевой практике отражаются факторы, препятствующие получению хорошего урожая, приносящие вред растениям. Борьба с вредителями – это еще один аспект деятельности, связанной с огородом. Вредителями являются сорные растения, различные насекомые, животные: *Мне-то ничё, я уж у огороде ходила, жуки смотрела, выбирала тут между траве. Жуки чёртовы, всё поели; Пойдёшь на игоро'д, все глаза объели, подбивала картошку* [6]; *...мокрица – есть трава и насекомые. Если завяжется на огороде, не отвяжешься. Мошки – мокрицы, маленькие, зелёные* [6]; *Раньше едешь – радуешься. А щас покручено червями-то. Раньше маленькими были, не понимали. Даже лук на огороде червь съеда'т. Скажешь раньше про червей – не верим, «щас по морде набью». Всё приходится прибегать, всё хлорово'стом обрызгивали, и всё не помога'т* [6]; *В огороде хомяк, медведо'к. Идёт под землёй, а земля аж подыма'тся* [6]; *Шестого, в город ездила шестого числа, а я шестого числа, это, купили отраву, от этих сорняков. Я брызгала, ну там, где ничего не растёт, по краям. Вот не знаю, получится чего, нет. Погибнут эти сорняки или нет. Ну, до этого уже травила, помогает* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2023 г.); *Кода игуреиный год, много огурцов. Кода не огуречный год, их совсем мало, то их блошка съес, то роса, там, всё как привяжется* [8]; *Знаете, ещё есть вьюнок, весь огород наш*

затянул, мы ещё его «вьюнок», «берёзка» зовём, он цветёт такими розовыми колокольчиками [8].

Осложняют человеку работу в огороде кровососущие насекомые: *Я в огороде уж побывала, там всё мокрицей [трава сорная] позаволокло, ажно и борозды, а не то что уж говорить гряды. Борозда – так это промежду грядов межа маленька. Комары не мучают, хорошо, а то вчера аж курево пришлось жечь. Курево – это дымарь такой, сырых веток набрасаешь, чтоб дыму больше было* [6].

7. Огород представляет собой «свое», индивидуальное, частное пространство, в котором необходимо культивировать те или иные растения, работать «на себя», свою семью: [о военном времени] и противопоставляется общему пространству, воспринимаемому как чужое: *тут день и ночь с работой загиба'шься: и в колхозе, и в своём огороде, а ничего и не остаётся, не с чего суп варить, то'ка крапива и остаётся* [6].

Как освоенное пространство огород противопоставляется лесу, который также служит источником пропитания для сельских жителей: *Ну а про малину уж и говорить не было. Мы жили в Бушуево, в те годы не заведено было, чтобы на приусадебных участках какие-то разводить кусты, мы всегда ходили в лес на заготовку. Вот мне было 5 лет, 5 лет, и я уже ходила собирать малину в тайгу, там бушуевская тайга. И все вот собирались и всё, у меня такое лукошко было, и мы собирали то есть вот эту малину. Это мне 5, Мише было восемь, вот, как говорится, и мы, это была обязанность, чтобы мы ходили и собирали эту малину. Смородина там же росла, кислица. (с. Мельниково, Шег. р-н, 2018 г.); В лесу ягод полно. Ну черника, голубика, брусника, клюква, малина. А на огороде дак редко каки' са'дют [6]; Раньше в лес ездили по ягоду. Так отец поды'мет нас ра'ненько: «Ну, берите кузова', поедem по смородину, берите вёдры». А щас на огороде у меня и малина растёт. Мы её са'женками из Бакчара выписывали [6]. Огород, таким образом, представляется одновременно как искусственно созданный и как естественный ландшафт, в котором для растения создаются условия его естественной среды. По мнению А.К. Байбурина, «важной стороной функционирования системы «человек (социум) – природа» является деятельность по созданию искусственной (культурной) среды обитания (поселение, дом, орудия труда, утварь и т. п.). Особенность такой деятельности состоит в том, что она предполагает активное взаимодействие со сферой «природы» в ее наиболее привычном аспекте – с естественным окружением человека» [23. С. 153]. Это взаимодействие имеет утилитарные цели и направлено на поддержание уже существующей системы жизнеобеспечения [23].*

8. Огород является объектом недвижимости, который можно продать / купить, подарить и т.д.: *Я захотела продать [огород]. А Серёжа как раз ча'стну квартиру снимал. «Баба, я лучше буду строиться, не продавай. Ну, вот, я 15 соток разделила пополам и подарила внуку с внучкой (с. Мельниково, Шег. р-н, 2020 г.).*

9. Огород выступает ориентиром для человека в окружающем пространстве: *У меня вон, через огород магазин [6]; А там дальше вот щас за моим*

огородом там есть небольшое болотце: там и сороки, там и вороны, там и кукушки нынче [6].

Таким образом, концепт «Огород» имеет большое количество репрезентантов, что свидетельствует о его ценностной отмеченности. Огород как участок земли для выращивания овощей, ягод и др. в речевых практиках сельских жителей представлен как пространство: а) требующее ухода, заботы; б) служащее маркером трудолюбия, в) выступающее инструментом формирования социальных связей и показателем локальной, возрастной, гендерной идентичности; г) являющееся объектом недвижимости и объектом суеверий и примет.

Образный слой концепта актуализируется образными единицами и сравнениями. Единицы тематической группы «огород» формируют сферу-мишень и сферу-источник.

Огород как источник питания номинируется одушевленным существительным *кормилец*:

Огород мой – мой кормилец (с. Красный Яр, Кож. р-н, 2024 г.). Этот же смысл репрезентируется глагольным словосочетанием *кормиться огородом*: *Так вот и сейчас огородчик содим, копошимся там, своим **огородчиком кормимся**, по людям не ходим, не просим, хотя уже старенькие, но всё для себя своими руками делаем* [6]. Огород для сельских жителей является живым существом, нуждающимся в отдыхе: *Но тут, в основном, конечно, пенсионерам тут хорошо. Огороды большие, хозяйство можно держать, всё-таки сено можно и купить, и самим накосить*. [И у вас огород, он тоже большой, да?] *Да. Ну мы где-то третью часть огорода используем, остальное так у нас отдыхает*.

Как живое существо представляются растения, растущие в огороде. Например, высказывание *головой не выйти* используется применительно к ситуации, когда не взошли посаженные растения: *Свёкла головой не вышла* [7], ягодные кусты, овощи называются *сильными*, если удалось собрать богатый урожай: *Там вот на этих кустах я обобрала, а эти прям сильные, сильные помидорки. Знаете, только пошли завязи, четыре ведра я собрала крупных <...>* (Красный Яр, Кож. р-н, 2024); *Смородина си'льна, си'льна* [7].

Устойчивые сочетания с лексемой *огород* и ее мотиватами формируют сферу-мишень. С их помощью описываются разные сферы человеческой жизни, как правило с отрицательной оценкой: характеристика человека через его манеру одеваться (*пугало огородное: А я сегодня несла этот старый не помню, в каком году, нае'рно, в восьмидесятом году плащ покупала. Надела его и грю: «Нормально», а если щас старуха оденется в современное, как пугало на огороде стоит. Ну всему своё время, правда? Ну пугало и пугало на огороде* [6]), выражение негативного отношения к действиям человека, которые оцениваются как нерезультативные (*городить огород*) или деструктивные (*камень в чей-то огород*); описывается сфера личных отношений: лексема *огород* может использоваться в паремийном высказывании *плохо огород загорожен (загороженный), да (но, и то) овечки не едят*, используемом для метафорического обозначения наличия супружеской пары,

в представлении сельских жителей предпочтительным считается наличие даже плохого мужа, чем его отсутствие [24]: *Ну хоть плохо огород загорожен, но овечки не лезут туды', и не едят – раз загороженный. Так и так: худой, да мужичонка* [12].

Вместе с тем встречаются и метафорические высказывания, которые номинируют работу в огороде, усердный труд: *сидеть на грядках* (= заниматься огородничеством): *Ну, всё время полола, на грядках сидела, всё делала ей, снохе-то* [13]; *вечная огородница* (= постоянная, постоянно работающая) [13].

Метафоризации подвергается форма огорода: *Нету так удобного места. Был бы так огород ровненький – где-то посадил бы [ягоду]. Как чашка [огород]. Ска'тываются с этого боку и суды* [13. С. 206]. Актуализируется модель «природная реалья-артефакт».

Огородом также могут называть выращиваемые на подоконнике культуры: *огород на подоконнике* (с. Кожевниково, Кож. р-н, 2024 г.).

Подводя итог, отметим, что образный слой концепта представлен немногочисленными единицами, лексемы могут формировать сферу мишень и сферу-источник. Огород и все растущее в нем представляется как живое существо. С помощью языковых единиц с семантикой «огород» описывается преимущественно сфера «человек»: его внешность, действия, социальные и личностные отношения. Приведенные примеры показывают, что и в том и в другом случае огород воспринимается как живое существо.

Ценностный слой концепта

Огород рассматривается сельскими жителями в первую очередь как утилитарная ценность.

1. Огород служит источником питания семьи и скота: *И всё было, и скотина, и всё, но на картошку как-то мы не обращали сильно внимания, посадим – посадим, потому что у нас, нам надо было этой картошки: сами кушали и коров, там, всю скотину кормили* [6]; *Если б не огород, я бы и не знаю, что делала* (с. Мельниково, Шег. р-н, 2023 г.); *У нас огород был, вот, начиная как садим один участок, был шестьдесят семь соток. <...> Мы копали картошку почти месяц. <...> Ну, потому что картофель-то шёл ещё помимо, это <...> Помимо того, что мы сами, это, естественно, же немного шло на пропитание, в основном это шло скотине* [6].

Для вынужденных переселенцев в Сибирь огород становится способом адаптации: *ну, тем не менее, стало уже легче жить, уже был свой огород, вот* [6].

2. Возделывание огорода – это наиболее значимый вид деятельности, ему отдается предпочтение перед любой другой деятельностью и времяпровождением: *Дети вот щас звали, в Геленджик поехали, мне некогда нынче: у меня тут ребятишки маленькие – щенки, ну и огород, соответственно* (с. Старая Ювала, Кож. р-н, 2023 г.); *Вот торты' начала делать два года назад. Села, подседа – понимаете, такая вещь, девочки! Это ж вообще красота.... Просто раньше у меня времени не хватало: скотина, дом, огород, работа* [6].

3. Огород как источник дохода: *Вот и живу, дочь помогает, сын тоже. И сын со снохой приезжат помогать. Пошли чуть не весь горо'д за день выкопали. А но'нче посадили сами. Я и тыпочки ни одной не тяпнула, всё дети делают, я то'ко исть готовлю. Этот горо'д со'дим дак на всех. А мене куды его. А они и платья ку'ют, и обувь ку'ют, и деньги дадут* [6].

Как эстетическая ценность, источник любви и радости огород представлен в немногочисленных высказываниях: *Вот это мои яблоки, тыква, одна тыква тридцать три килограмм. Вот это на этом... такая смородина, это такие помидоры, да. Виктория. Вот такой сад... У меня это тюльпаны. Это вот в саду, это, вернее, в моём огороде: вот тюльпаны, вот такие перцы, триста пятьдесят грамм, я их ещё взвешиваю [смеётся]. Ну люблю я это!* [6].

Приведенные контексты, репрезентирующие все рассмотренные слои концепта, показывают трансформации в ведении данного вида сельскохозяйственной деятельности.

Прежде всего, изменения коснулись размера огородов, которые раньше были большими, и в настоящее время хозяева засаживают только часть огорода: *Огород большой у нас был, картошки садили много. Нихто' шесь соток эти не мерил, сади сколь хочешь, корчуй и сади* [6]; *У нас огород был, вот, начиная как садим один участок, был шестьдесят семь соток. <...> Мы копали картошку почти месяц* [6].

В связи с доступностью продуктов в магазинах изменяется роль огорода в жизни человека. Как правило, младшее поколение уже не рассматривает огород как единственный кормилец семьи: *А то где-то чё-то не сделано, мне надо сделать, я терпенья не хватает, а я сама не могу, а им некогда. А я переживаю, и ночи не сплю и не ем и ничё, на меня кричат ребятишки: «Зачем эта тебе картошка?». Нынче много картошки в погребе, осталась, а куда её теперь. Скоро свежая будет, а та осталась. Я говорю, раздавай, внушек, раздавай людя'м, он так раздаёт. Ну всё равно потом надо выгребать. картошка такая хорошая, красная, от какой-то этот сорт красный. Развалится, такая вкусная. Всю выбрасывать будем* [6].

Таким образом, анализ показал, что в восприятии сельских жителей огород является неотъемлемым элементом дома, представляющим значимую, ценностно обусловленную часть жизни человека, источник жизнедеятельности и жизнеобеспечения семьи. Послойное описание концепта позволило выявить в речи жителей Томской области ряд дополнительных признаков по сравнению с лексикографической фиксацией, показывающих, что огород – это пространство, созданное человеком и требующее ухода, заботы, усердного труда, служащее маркером трудолюбия и идентичности, выступающее инструментом формирования социальных связей, объектом недвижимости и объектом суеверий, примет; воспринимаемое как живое существо.

Список источников

1. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.

2. *Инютина Л.А.* Развитие пространственных лексико-семантических парадигм в вокабуляре русского старожильческого говора Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 19–22.

3. *Демешкина Т.А.* Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.

4. *Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте* / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер [и др.]. Томск : UFO-Plu, 2007. 384 с.

5. *Демешкина Т.А., Толстова М.А.* Репрезентация концепта «Лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76.

6. *Томский диалектный корпус* // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2024. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 03.03.2024).

7. *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. 1964–1983.* URL: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (дата обращения: 05.03.2024).

8. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.

9. *Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1: А–З.* / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 358 с.

10. *Словарь синонимов сибирского говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том.ун-та, 2016. 456 с.

11. *Словарь образных единиц сибирского говора* / авт.-сост. О.И. Блинова, М.А. Толстова, Е.А. Юрина ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 220 с.

12. *Иванцова Е.В.* Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожил. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.

13. *Словарь образных слов и выражений народного говора* / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.

14. *Башкова И.В.* Концепт «Огород» в повести В.П. Астафьева «Ода русскому огороду» // IV Астафьевские чтения в г. Красноярске. Национальное и региональное в русском языке и литературе : материалы Всероссийской конференции, Красноярск, 12–13 сентября 2006 г. Красноярск, 2007. С. 188–189.

15. *Савина Н.А.* Вербальная магия народного огородничества в восточнославянской традиции // Живая старина. 2015. № 4 (88). С. 33–36.

16. *Игнатенко С.А., Харламова М.А.* Лексика с полногласными / неполногласными сочетаниями в старожильческих говорах Среднего Прииртышья (на примере слов с праславянской основой *gord) // Филологический ежегодник. Омск, 1999. С. 115–119.

17. *Теуш О.А.* Наименования приусадебных участков в диалектах Европейского Севера России // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 6. С. 74–86.

18. *Самойлова Е.В.* Этнография огородничества: по публикациям конца XIX в. и современным полевым материалам, собранным в Вологодской, Костромской, Ленинградской и Архангельской областях (2005–2014 гг.) // Родники культуры: материалы научн.-практ. конф., с. Тарногский Городок, 12–13 июля 2014 г. Вологда, 2014. С. 38–57.

19. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.

20. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

21. *Большой универсальный словарь русского языка* : ок. 30 000 наиболее употребительных слов / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая ; под ред. В.В. Морковкина. М. : АСТ-ПРЕСС школа, 2018. 1451 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=огород&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=огород&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 15.04.2024).

22. *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Соколин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М. : ИРЯ РАН, 1996. 324 с.

23. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 237 с.

24. *Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В.* Муж и жена как константы традиционной народной культуры в речи диалектной языковой личности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 12. С. 272–284.

References

1. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept “Siberia” in the autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/47/2

2. Inyutina, L.A. (2012) Development of spatial lexical-semantic paradigms in the vocabulary of the Russian old-timer dialect of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 355. pp. 19–22. (In Russian).

3. Demeshkina, T.A. (2019) *The World of Nature in the Mirror of the Dialect* (A Case Study of the Concept “Swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/4

4. Poryadina, R.N. et al. (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO-Plu.

5. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the concept “Forest” (based on dialect speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/65/4

6. Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (2024) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (Accessed: 03.03.2024).

7. Laboratory of General and Siberian Lexicography of Tomsk State University. (1964–1983) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi* [Dictionary of Russian old-timer dialects of the middle part of the Ob River basin]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/dialectdictionary> (Accessed: 05.03.2024).

8. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.

9. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialectal Language Personality]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

10. Blinova, O.I. (ed.) (2016) *Slovar' sinonimov sibirskogo govora* [Dictionary of Synonyms of the Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

11. Blinova, O.I. (ed.) (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [Dictionary of Figurative Units of Siberian Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

12. Ivantsova, E.V. (2016) *Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [Idiolect Dictionary of Precedent Texts of a Siberian Old-Timer]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of Figurative Words and Expressions of Folk Dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Bashkova, I.V. (2007) [The concept “Ogorod” in V.P. Astafiev’s story “Ode to the Russian Vegetable Garden”]. *IV Astaf'evskie chteniya v g. Krasnoyarske. Natsional'noe i regional'noe v russkom yazyke i literature* [IV Astafiev Readings in Krasnoyarsk. National and Regional in Russian Language and Literature]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk. 12–13 September 2006. Krasnoyarsk. pp. 188–189. (In Russian).

15. Savina, N.A. (2015) Verbal'naya magiya narodnogo ogorodnichestva v vostochno-slavyanskoy traditsii [Verbal Magic of Folk Gardening in the East Slavic Tradition]. *Zhivaya starina*. 4 (88). pp. 33–36.
16. Ignatenko, S.A. & Kharlamova, M.A. (1999) Leksika s polnoglasnymi / nepolnoglasnymi sochetaniyami v starozhil'cheskikh govorakh Srednego Priirtysh'ya (na primere slov s praslavyanskoy osnovoy *gord) [Vocabulary with full-vowel/non-full-vowel combinations in old-timer dialects of the Middle Irtysh region (based on words with the Proto-Slavic stem *gord)]. In: *Filologicheskyy ezhegodnik* [Philological yearbook]. Omsk. pp. 115–119.
17. Teush, O.A. (2015) Naimenovaniya priusadebnykh uchastkov v dialektakh Evropeyskogo Severa Rossii [Names of household plots in the dialects of the European North of Russia]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. 6. pp. 74–86.
18. Samoylova, E.V. (2014) [Ethnography of gardening: based on publications from the late 19th century and modern field materials collected in Vologda, Kostroma, Leningrad, and Arkhangelsk Oblasts (2005–2014)]. *Rodniki kul'tury* [Springs of Culture]. Conference Proceedings. Tarnogskiy Gorodok. 12–13 July 2014. Vologda. pp. 38–57.
19. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.
20. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
21. Morkovkin, V.V. (ed.) (2018) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka: ok. 30 000 naibolee upotrebitel'nykh slov* [Large Universal Dictionary of the Russian Language: approx. 30,000 Most Common Words]. Moscow: AST-PRESS shkola. [Online] Available from: [https://gramota.ru/poisk?query=ogorod&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=ogorod&mode=slovari&dicts[]=48) (Accessed: 15.04.2024).
22. Karaulov, Yu.N. et al. (1996) *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Book 2. Part 2. Moscow: IRL RAS.
23. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskyy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg.
24. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2017) Muzh i zhena kak konstanty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti [Husband and wife as constants of traditional folk culture in the speech of a dialectal language personality]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 12. pp. 272–284.

Информация об авторах:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 06.04.2024;
approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 81'42:81'27
doi: 10.17223/19986645/91/2

Иерархическая тематическая структура устного спонтанного текста: этническая вариативность

Елена Валентиновна Ерофеева^{1, 2}, Екатерина Сергеевна Худякова³

^{1, 3} Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} elenerofee@gmail.com

³ khudiakova.es@gmail.com

Аннотация. Рассматривается иерархическая тематическая структура спонтанного монолога «О себе», порождаемого на русском языке билингвами – коми-пермяками и татарами. Предлагаемая структура включает иерархию тематических блоков и семантических групп, наполняющих эти блоки. Анализ текстов показывает, что их структура варьирует в зависимости от группы билингвов: набор тематических блоков и их объем отражают ценность этих «элементов жизни» для этнической группы, а набор семантических групп в блоке – культурно специфичный отбор объектов и явлений, соотносимых с темой.

Ключевые слова: устный спонтанный текст, тематические блоки, семантические группы, иерархическая структура, коми-пермяки, татары, монолог «О себе»

Благодарности: работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900009-2.

Для цитирования: Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Иерархическая тематическая структура устного спонтанного текста: этническая вариативность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 22–48. doi: 10.17223/19986645/91/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/2

Hierarchical thematic structure of oral spontaneous text: Ethnic variability

Elena V. Erofeeva^{1, 2}, Ekaterina S. Khudyakova³

^{1, 3} Perm State University, Perm, Russian Federation

² St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ elenerofee@gmail.com

² khudiakova.es@gmail.com

Abstract. The article considers the variability of the hierarchical thematic structure of a spontaneous text in Russian depending on the ethnic group of the bilinguals who

generate the text. The hierarchical thematic structure proposed by the authors includes a set of thematic text blocks, their hierarchy, their recurrence or uniqueness among different speakers, semantic groups of vocabulary included in thematic blocks, and the hierarchy of these semantic blocks. Such a structure generally repeats the classical model of discourse structuring according to Teun A. van Dijk: macrostructure → themes → microthemes. The hypothesis of the study was that the proposed text model does not depend solely on the language used, but is assimilated along with the native culture. Thus, the problem of cultural determination of the hierarchical structure of the text generated by bilinguals on the same topic and in a common language is considered. The specific subject of research is the variability of the hierarchical thematic structure of texts spontaneously generated in Russian by bilinguals – Komi-Permyaks and Tatars – on the topic “I, myself”. The research material was spontaneous texts-monologues in Russian received from 22 Tatar and 23 Komi-Permyak informants; the total volume of texts is 10,523 words. In these texts, using van Dijk’s method of macro-propositional analysis, thematic blocks were identified; for each identified thematic block, a frequency dictionary of lexemes was automatically obtained using the PYMORPHY2 LIBRARY. The qualitative content of the blocks was analyzed by identifying semantic groups of nouns within the block, since it is nouns that are associated with the object categorization of the referent. The analysis of the texts showed that the thematic structure in the Russian-language texts of bilinguals has a core – the most frequent thematic blocks found in all life stories, and a non-nuclear zone, in which thematic blocks with different content are concentrated, and blocks that are unique for each of the studied groups of bilinguals. The specificity of the structure of texts in different groups of bilinguals is found already at the level of nuclear thematic blocks. An analysis of the semantic groups of lexis without referring them to thematic blocks does not reveal a stable structure of the text, since in each ethnic group it can participate in filling various blocks. However, such an analysis turns out to be indicative if the lexis within the thematic block is qualitatively considered: the semantics of lexical units shows the value orientations of the ethnic groups’ representatives. In general, the analysis of the texts demonstrates that the set of thematic blocks and their significance for the text reflect the social and psychological value of these “elements of life” for the ethnic group; a set of lexemes that implement thematic blocks indicates the categorization of this spheres of life, a culturally specific selection of objects and phenomena related to the topic. The bilingual ethnicity influences the hierarchical thematic structure of the text in their common language: Komi-Permyaks and Tatars generate texts with different structures.

Keywords: oral spontaneous text, thematic blocks, semantic groups, hierarchical structure, Komi-Permyaks, Tatars, monologue “I, myself”

Acknowledgements: The study was supported by St Petersburg University, Project No. 124032900009-2.

For citation: Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2024) Hierarchical thematic structure of oral spontaneous text: Ethnic variability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 22–48. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/2

Введение

Проблема структурирования устного дискурса является одной из актуальнейших в современном языкознании [1–4]. Такого рода структура может пониматься: а) как локальная (в таком случае выделяются и анализируются

минимальные единицы синтаксического и просодического членения, элементарные дискурсивные единицы – синтагмы и фразы) [3. С. 56]; б) как глобальная, для которой пока не существует общепринятой модели. При рассмотрении локальной структуры А.А. Кибрик и В.И. Подлесская используют понятие устного дискурса, практически синонимичного понятию устной речи [3. С. 25], однако при исследовании макроструктуры устного дискурса для обозначения функционального цельного и связного объекта обычно используется термин «текст» (см., например, применение именно данного термина указанными авторами [3. С. 462]), поскольку дискурс реализуется в конкретных текстах, которые его формируют и являются его таксономическими единицами. Поэтому изучение дискурса обычно происходит на материале конкретных текстов. «Родовая характеристика дискурсивных исследований состоит в том, что они ориентированы на какой-то конкретный жанр или группу близких жанров» [3. С. 36], а жанр рассматривается как текстовая категория. Представленное исследование также выполнено в дискурсивной парадигме, при этом материалом выступают устные тексты автобиографического жанра как единицы, реализующие дискурс.

Существует несколько подходов к проблеме макроструктурирования дискурса и, соответственно, несколько моделей структуры текста, которые, по мнению Э. Хоуи, можно разделить на структуралистские и функциональные [5. Р. 364].

Наиболее популярными среди структуралистских моделей являются теория дискурсивной репрезентации (Discourse Representation Theory), разработанная Л. Полани [6] и Н. Ашером [7], в которой ментальная репрезентация, лежащая «за» текстом, представлена в виде семантической сети, а также модель иерархической тематической структуры, предполагающая, что клауза (или группа клауз), функционирующая как гипертема, предопределяет паттерн выбора тем, содержащихся в данной фазе текста (в традиционной российской терминологии – тематические блоки, см.: [8. С. 200]), а макротемы предопределяют серии гипертем в тексте [9. С. 193], что в целом повторяет классическую модель структурирования дискурса по Т. ван Дейку: макроструктура → темы → микротемы [10. Р. 115]. Далее в работе развивается именно иерархическая тематическая модель структуры текста.

Представления об иерархичности развертывания текстов соотносимы с классическими психолингвистическими представлениями о его сущности. Глубинная смысловая структура, напрямую не связанная с лингвистическими единицами, осмысливается в психолингвистике как цельность текста: она обеспечивается «замкнутой смысловой системой» [11. С. 201; см. также: 12], возникающей в процессе порождения и восприятия текста. Цельность текста, по Н.И. Жинкину, создается тем, что существует предмет высказывания (текста). Элементами структуры текста в данном случае становятся предмет и его признаки [13. С. 185]. «...При порождении целого текста происходит <...> процесс иерархизации предикаций во внутренней программе» [14. С. 115] (см. также: [15. Т. 1]). Какой бы метод выявления «представления-образа» [16. С. 33], глубинной предикации, макропропозиции, «общего

смысла (концепта) текста» [17. С. 159] ни использовался, так или иначе затрагивается лексико-грамматическая «поверхность» текста; лингвист, по сути, повторяет деятельность читателя / слушателя: «...следуя по этим фиксированным сигналам, можно заново восстановить текст» [18. С. 364].

При функциональном подходе к структуре устного текста выделяются единицы членения – «пассажи» (отрывки/эпизоды), отличающиеся функционально и характеризующиеся лексико-грамматической гомогенностью: повествовательные, описательные, объяснительные, аргументативные и ин-структивные [4. Р. 275; 19].

Таким образом, можно видеть, что оба подхода – и структуралистский, и функциональный – так или иначе опираются на семантику.

Иерархический тематический подход успешно применяется для компьютерной обработки текста [20]. При таком анализе все единицы текста относятся к семантическим категориям, которые, в свою очередь, к темам, а последние – к гипертемам (см. [21. Р. 32]). Так, в указанной статье именные лексемы отнесены к 14 семантическим категориям, соответствующим шести темам, например, гипертерма «Политика» включает тему «Экономика», к которой отнесены семантические категории «бюджет», «рынок», «сельское хозяйство», «промышленность», «наука» и «технологии». Однако такой подход не учитывает синтаксические связи единиц текста и подходит для исследования текстов предметных областей с явной тематической отнесенностью лексики (чаще всего терминологической). Опира на семантику текста можно видеть также в [22], где структура устного текста представлена через иерархию и связи блоков текста, организованных по семантическому принципу.

Итак, учет семантики и иерархии компонентов важен при любых попытках структурирования устного дискурса на макроуровне. В данной работе также применяются иерархический и семантический принципы структурирования устных спонтанных текстов.

Представленное в статье исследование тематической структуры устного текста билингва в некоторой степени затрагивает глобальные, сформулированные А.А. Кибриком еще в 2009 г., вопросы изучения дискурса: «какие разновидности дискурсов встречаются и какие классификационные параметры могут использоваться для их типологизирования?», «из каких компонентов строится дискурс?», «как дискурсивные явления связаны с другими лингвистическими явлениями?» [1. С. 4]. Поставленные вопросы могут решаться на одних типах текстов успешнее, чем на других. Согласно М.Б. Бергельсон ряд текстов, содержательно «центральных» для человеческого сообщества, к которым относятся и «рассказы о жизни», представляют интерес для типологизации содержания: «Они представляют особый интерес и для социолингвистики, и для когнитивной психологии, поскольку именно через особенности вербализации личностно важного и выделенного опыта психологи получают возможность анализировать особенности хранения такой информации и обращения к ней» [23. С. 79–80]. Поэтому тематическое

членение рассказов о жизни человека – один из возможных подходов к анализу организации макроструктуры устного текста, а выявление варьирования тематической структуры устного текста в зависимости от первого языка говорящего имеет когнитивные перспективы.

Структурирование жизненного опыта, отраженное в ментальной модели текста о жизни, прямо зависит от культуры говорящего: «В рассказе о жизни человек пытается ответить на вопросы “что сделало меня тем, кто я есть”, “что нужно знать обо мне, чтобы понять кто я”. Конкретное наполнение рассказов о жизни, их содержательная структура в огромной степени определяются конкретной культурой. Каждая жизнь содержит те или иные вехи (выбор профессии, создание семьи, серьезные изменения мировоззрения), но и сам набор их, и их значимость суть разные в разных культурах. Рассказ о жизни обычно состоит из множества встроенных мини-рассказов» [23. С. 81].

Тематическая организация текстов диалектоносителей рассмотрена А.И. Бурановой на основании количественного анализа лексико-тематических групп: выявлено преобладание лексики тематической группы «Человек» в текстах, к ближней периферии отнесены лексико-тематические группы «Медицина», «Быт», «Природа» [24]. В данной статье рассматривается частота реализации понятийных (тематических) областей лексики в целом тексте вне зависимости от его структурных компонентов, иными словами, «фактически предполагается осуществление семантической, а не тематической разметки» [25. С. 48]. Полученный перечень лексико-тематических групп указывает на отражение в текстах жителей сельской местности относительно устойчивой картины мира. Схожие результаты получены также в работах томских диалектологов [26, 27].

Отмеченные свойства рассказов о жизни – отражение культурных «вех» и включение отдельных микротем – делают их важным материалом при изучении структурирования устного текста. Поэтому гипотезой настоящего исследования стало предположение о том, что иерархическая тематическая модель текста не зависит исключительно от используемого языка, но усваивается вместе с родной культурой. Впервые исследуется иерархическая тематическая структура текстов билингвов – носителей разных культур, выявляется ее этноспецифичность. Новизна представленного в статье исследования заключается в применении новой модели иерархической структуры устного текста, объединяющей модель иерархической тематической макроструктуры (см.: [8]) с семантической микроструктурой лексического (поверхностного) наполнения текста, что позволяет учитывать качественно-количественные различия устных спонтанных текстов двух выборок информантов.

Предметом настоящего исследования является тематическая структура спонтанно порождаемых билингвами текстов на русском языке на тему «О себе», а также соотнесение этой структуры с семантикой лексики, наполняющей тематические блоки. Тематические блоки рассматриваются в данной статье как единицы макроструктурирования текста – части текста, реализующие одну макропропозицию, т.е. тематические блоки имеют одну тему и выражены синтаксически.

Тематическая структура текста рассматривается в данном случае не просто как иерархия тематических блоков, реализующих одну тему и отражающихся в оперативной памяти при порождении и восприятии текста [28. С. 168], но и как иерархия семантических групп лексики (понимаемых традиционно как группы лексики, объединенные на основе общего семантического признака), формирующей тематические блоки (рис. 1).

Рис. 1. Схема иерархической тематической структуры текста

Как видно из рис. 1, одинаковые семантические группы лексики могут использоваться в разных тематических блоках, но с разной активностью. Тематические блоки и семантические группы – единицы разного порядка (глубинного и поверхностного); они представляют собой два уровня членения текста, которые вместе формируют его семантику.

Сопоставление структур текстов билингвов, у которых первые языки разные, а второй единый – в данном случае русский, позволит выявить влияние первого языка (и культуры) на тематическую структуру текста.

Материал и методы исследования

Материалом исследования стали спонтанные монологи на тему «О себе» на русском языке, полученные от билингвов – коми-пермяков (22 текста) и татар (23 текста).

Информанты-татары являются уроженцами Ординского района Пермского края, в настоящее время большинство из них проживает в с. Карьево Ординского района. Из 23 информантов 14 женщин и 9 мужчин, 14 имеют среднее образование, 2 – неоконченное среднее, 4 – высшее, 3 – неоконченное высшее; возраст информантов-татар варьирует от 14 до 79 лет. Информанты коми-пермяки проживают в разных деревнях Коми-Пермяцкого округа Пермского края, в основном в Кудымкарском и Кочёвском районах. Среди 22 информантов коми-пермяков 20 женщин, 2 мужчин; 8 – со средним образованием, 3 – с высшим, 11 – с неоконченным высшим; их возраст варьирует от 20 до 89 лет. Несмотря на несбалансированность выборки, по своей сути случайной, социальные характеристики информантов примерно отвечают соотношению представителей разных социальных групп населения районов и отражают специфику полевой работы в сельских районах¹. Поскольку проблема исследования связана с выявлением варьирования иерархической структуры текста в зависимости от родного языка говорящего, а не с социальными параметрами отдельных информантов, такая выборка информантов является валидной.

Информантов просили рассказать о себе; тема раскрывалась по усмотрению говорящего, тексты являлись спонтанными, интервьюер не вмешивался в процесс их порождения. Транскрипты спонтанных монологов вместе с данными по каждому информанту опубликованы в [33, 34]. Общий объем текстов составил 10 523 словоупотребления (6 694 словоупотребления в текстах коми-пермяков, 3 829 словоупотреблений в текстах татар).

Методика работы предполагала членение и объединение тематических блоков согласно следующему алгоритму анализа:

- в высказываниях размечались актантные и предикативные единицы; определялась семантика этих единиц;
- по правилам иерархической организации дискурса пропозиции объединялись в более крупные единицы – тематические блоки (для нескольких высказываний с актантами, характеризующимися общей родовой семантикой, но с разными предикатами, описывающими одну ситуацию);
- при членении устных текстов на текстовые блоки учитывались также дискурсивные маркеры границ блоков (наличие инициальных и финальных дискурсивов типа *ну, вот, что еще сказать?*, единое интонационное оформление, наличие пауз на границе, отсутствие анафорических показателей когезии на границе блоков).

¹ Независимо от проблемы исследования, психологи, психолингвисты и социолингвисты активно применяют метод случайной выборки, особенно в кросс-культурных исследованиях; при этом и объемы выборок могут быть неравными [29. С. 33; 30. С. 190; 31. Р. 6; 32]. В монографии С. Дорофеева и П. Гранта, посвященной использованию случайной выборки в научных исследованиях, прямо указывается, что случайная выборка может применяться для различных групп населения, относительно которых решаются различные исследовательские задачи [31. Р. 6].

Таким образом, методика анализа предполагала движение сверху вниз: сначала выделение тематических блоков, затем анализ семантических групп лексики внутри каждого из блоков.

Приведем для примера небольшой отрывок текста женщины коми-пермячки 89 лет и покажем методику анализа на этом отрывке.

Ой (вздых) // Потом я вышла на пенсию / а-а / в семь(де)сят / в семь(де)сят третьем году // Ой (вздых) // Муж у меня безногий был // Я с ним повозилась // Одиннадцать лет безногий был //

Этот отрывок делится на два тематических блока «Пенсия» (*Потом я вышла на пенсию / а-а / в семь(де)сят / в семь(де)сят третьем году //*) и «Семья» (*Муж у меня безногий был // Я с ним повозилась // Одиннадцать лет безногий был //*). Основания для разделения на данные блоки следующие.

1. Макропропозициональный анализ, повторяющий методику, подробно описанную в [8. С. 200; 9. Р. 193; 10. Р. 115; 20; 21], на основании которой выделяются макропропозиции *Я – вышла на пенсию* (тематический блок «Пенсия») и *Муж – безногий был* (тематический блок «Семья»). Пропозиции *я – провозилась* и повтор *муж – безногий был* по правилу построения Т. ван Дейка (предполагает замену последовательности пропозиций, обозначающих временные или логические условия какой-либо ситуации, на пропозицию, выведенную из всего ряда [35. С. 44]), объединяются в один тематический блок «Семья».

2. Просодическое оформление границы тематических блоков в тексте, а именно длительная пауза на границе блоков (5 500 мс), а также более глубокое падение тона в конце фразы на границе блока (рис. 2).

3. Наличие дискурсивов (*ой*) и паралингвистических метамаркеров (вздохов) на границе блоков.

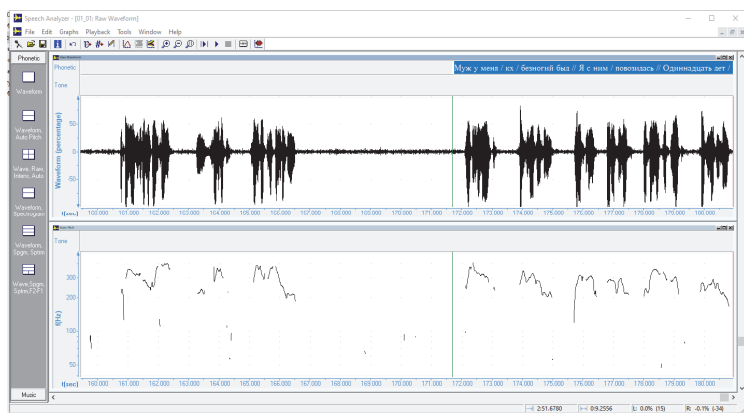

Рис. 2. Визуализация просодической границы тематических блоков

Далее проводилось автоматическое сведение всех словоупотреблений к лексемам с помощью библиотеки *rumorphy2* (<https://github.com/rumorphy2/rumorphy2>). Например, для рассмотренного блока «Семья», автоматически

был получен список лексем с указанной частотностью *муж* (2), *безногий* (2), *быть*, *я*, *повозиться*, *одинадцать*, *год*.

В результате для каждого текста были получены наборы тематических блоков, а также словник каждого тематического блока. Далее лексика совпадающих тематических блоков в текстах разных информантов объединялась с учетом частоты и формировались частотные словники каждого тематического блока.

Следующий этап анализа – определение качественного наполнения блоков – производился путем выделения семантических групп (подтем) существительных внутри блока. Отнесение лексем к семантическим группам и выделение групп осуществлялось на основе «Большого толкового словаря русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко [36]. Анализовалась семантика существительных, поскольку именно они передают предметные значения и связаны с объектной категоризацией референта. Значение слов и принадлежность их к той или иной семантической группе определялись контекстуально. В соответствии с контекстным значением слово могло входить в несколько семантических групп одновременно. Например: *В выходные дни хожу по ягоды / по грибы // Тут / у нас / все / почти / ягоды и грибы растут //* – в данном контексте слова *ягоды* и *грибы* относятся одновременно к семантическим группам «Природа» и «Еда».

Помимо качественного семантического анализа для сопоставления тематических блоков и семантических групп (подтем) использовались количественные методы, позволяющие определить объем структурных компонентов текста и выстроить их иерархию¹.

Иерархия тематических блоков в текстах билингвов

В результате анализа спонтанных текстов на русском языке на тему «О себе», полученных от коми-пермяков и татар, было выделено 14 тематических блоков, состав и относительные объемы (рассчитывались относительно общего объема текста в словоупотреблениях) которых представлены на рис. 3. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что структура тематической организации текста «О себе» на русском языке отличается у коми-пермяков и татар как с точки зрения включения/отсутствия некоторых блоков, так и с точки зрения их объема, т. е. иерархии блоков в тематической структуре текста.

¹ В более ранней нашей статье [37] на данном материале проводился поверхностный анализ количественных характеристик тематических блоков текстов, который рассматривался как пилотное исследование. Подробного семантического анализа входящих в блоки лексем, сопоставления ядерных компонентов тематической структуры текста коми-пермяков и татар, а также анализа иерархии тематических структур текста ранее не производилось.

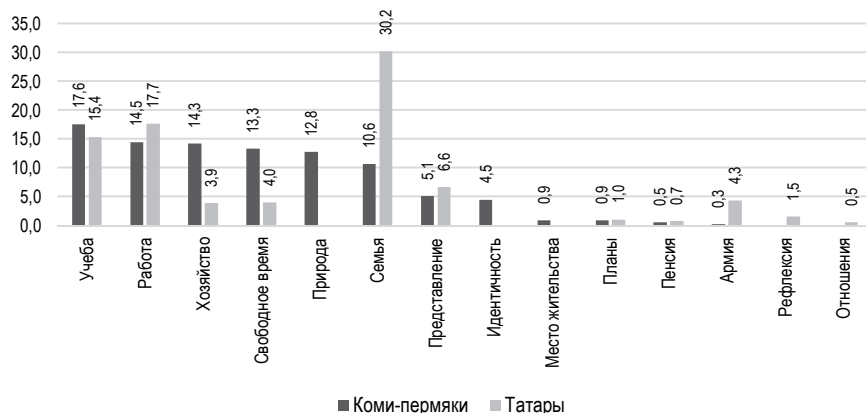

Рис. 3. Объемы тематических блоков в текстах коми-пермяков и татар, %

Так, состав тематических блоков, которые билингвы актуализируют в текстах на русском (втором) языке не совпадает: только у коми-пермяков в текстах присутствуют тематические блоки «Природа», «Идентичность» (имеется в виду этническая идентичность) и «Место жительства»; только у татар в текстах актуализированы тематические блоки «Рефлексия» и «Отношения».

Объемы некоторых тематических блоков (а именно блоков «Учеба», «Работа», «Представление») примерно совпадают в текстах разных групп билингвов, в то время как объемы других блоков могут довольно сильно варьировать. Например, блоки «Хозяйство», «Свободное время» значительно объемнее в текстах коми-пермяков, тогда как блоки «Семья» и «Армия» больше по объему в текстах татар.

В таблице показано превалирование объемов блоков в текстах коми-пермяков или татар вне зависимости от величины разницы между объемами (если объем блока больше в текстах данной этнической группы, в таблице стоит знак «плюс»). Анализ данных, визуализированный в таблице, демонстрирует тенденции, которые уже были отмечены в [38, 39] при анализе ментальных лексиконов коми-пермяков и татар.

Коми-пермяки, рассказывая о себе, значительно чаще татар актуализируют в тексте различные аспекты, связанные с этнической идентичностью: саму этническую идентичность, место жительства, уклад хозяйства и свободное время (обычно связанные с традиционным образом жизни), а также рассказы о природе. Эти данные коррелируют с выводами этнологов о связи этнической идентичности коми-пермяков с традиционными способами ведения хозяйства: «...коми-пермяцкая этничность закреплена за сельским образом жизни и связана с такими традиционными промыслами, как рыбалка, охота, собирательство (в основном даров леса – грибов, ягод, различных трав и т. п.) [40. С. 14].

**Превалирование тематических блоков
в текстах одной этнической группы на фоне другой**

Тематический блок	Тексты коми-пермяков	Тексты татар
Учеба	+	
Работа		+
Хозяйство	+	
Свободное время	+	
Природа	+	
Семья		+
Представление		+
Идентичность (этническая)	+	
Место жительства	+	
Планы		+
Пенсия		+
Армия		+
Рефлексия		+
Отношения		+

Социологи и этнографы в конце XX в. отмечали деэтнизацию коми-пермяцкого населения, как городского, так и сельского [41. С. 69], однако более поздние данные об иерархии идентичностей коми-пермяков свидетельствуют о том, что «этнический компонент играет приоритетную роль в самоопределении респондентов; 85,7% опрошенных поставили этническое в “Я-самоопределении” на первое место и 14,3% – на второе» [42. С. 137] (см. также [43. С. 150]). Слабую актуализацию блока «Семья» в текстах коми-пермяков нельзя назвать случайной: социологи отмечают, что при ранжировании общности с социальными группами у коми-пермяков семья оказывается на последнем месте, проигрывая всем социальным группам от гражданско-правовых движений, политических партий и россиян в целом, которые занимают лидирующие позиции, до коллег, сверстников и друзей, которые значительно уступают первым трем позициям, однако в 3–4 раза превышают значимость семьи [44].

Татары в текстах о себе обращают большее внимание на социальные аспекты жизни: самопредставление (вписывание себя в социальный контекст), семью, работу, пенсию, армию, межличностные отношения, планы на жизнь и рефлексия относительно себя в социуме. На первый взгляд из этой закономерности выбивается тематический блок «Учеба», который у коми-пермяков имеет немногим больший объем, чем у татар. Вероятно, это можно объяснить тем, что учеба – это процесс становления социальных характеристик человека, в то время как татары ориентированы прежде всего на результат, на состоявшийся социальный статус.

Эти результаты соотносятся с полученными на основе опросов данными этнопсихологов и социологов о ценностных установках татар. Так, опираясь на исследования религиозных групп татар, Я.З. Гарипов и Р.В. Нурулина описывают структуру ценностных установок татар следующим образом: на первом месте оказываются религиозные ценности (53% опрошенных), далее

следует здоровье (43%), счастливая семейная жизнь (41,5%) и знания (26%) [45. С. 127]. Р.М. Шамионов и Е.Е. Бочарова, анализируя ценностные ориентации татар Саратовского региона, не приводят статистику, однако указывают, что в этнической группе татар значимы ценности «интересная работа» и «материально-обеспеченная жизнь», что можно объединить в обобщенную ценность – «работа, приносящая материальный достаток», высока также роль ценности «наличие хороших и верных друзей» [46]. Иерархию ценностей, в которой семья занимает первое место (родственные связи, религия, язык) приводит и И.Г. Комарова [47. С. 162]. О роли семьи в этнической идентификации татар см. также [48–50]. Таким образом, набор ведущих этнических ценностей татар, помимо религиозных убеждений (а в данном случае респондентами являлась не религиозная группа), составляют наличие социальных связей, крепкие семейные отношения, материальный успех, а также телесное здоровье.

Иерархическая тематическая структура текста по трем наиболее значимым – ядерным – компонентам у коми-пермяков и татар представлена на рис. 4. Можно видеть, что соотношение ядерных и остальных компонентов в текстах коми-пермяков и татар разное: в текстах татар ядерные компоненты покрывают более половины (57,3%) словоупотреблений, в то время как в текстах коми-пермяков большая часть – это неядерные компоненты (53,6%). Это свидетельствует о большей типизированности текстов, порождаемых татарами, т.е. можно сделать аккуратное предположение и о том, что у татар на фоне коми-пермяков представление «себя» через текст является более распространенным, а оттого и более типичным, так как они чаще слышат и реализуют данный тип текста.

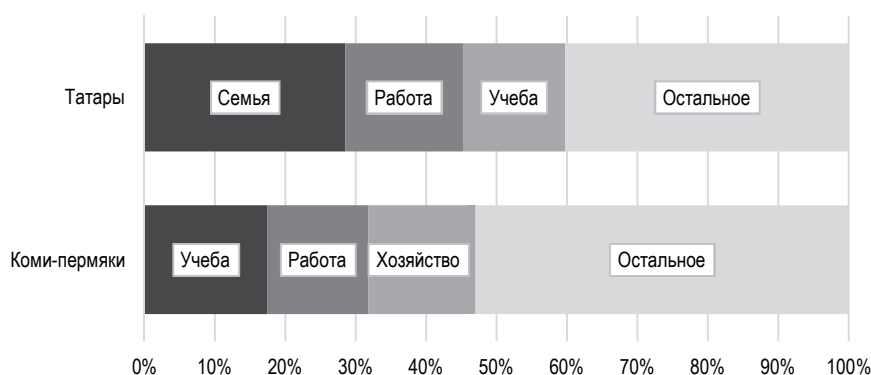

Рис. 4. Соотношение ядерных компонентов тематической структуры текста у коми-пермяков и татар, %

Из наиболее важных тематических компонентов в структуре текста коми-пермяков и татар два («Учеба» и «Работа») совпадают, однако занимают разные места в структурной иерархии; в то же время в ядро тематичес-

ской структуры текстов «О себе» у каждой этнической группы входят разные компоненты: «Хозяйство» у коми-пермяков и «Семья» у татар. Это может свидетельствовать о том, что свое место в мире и та и другая группы определяют через три важнейших компонента – учебу, работу и семью, которая, возможно, переосмысливается у коми-пермяков через общность хозяйственной деятельности. Однако иерархия этих компонентов выстраивается по-разному: у татар ведущей оказывается семья, а у коми-пермяков – учеба.

Отличаются в текстах коми-пермяков и татар не только объемы и иерархия тематических групп, но и их качественное наполнение, поэтому перейдем к рассмотрению семантических групп внутри тематических блоков.

Иерархия семантических групп внутри тематических блоков

Объем статьи не позволяет рассмотреть все тематические блоки с точки зрения их семантического наполнения, поэтому остановимся только на двух блоках – «Хозяйство» и «Семья». Выбор именно этих тематических блоков обусловлен их положением в структуре устного монолога «О себе» у коми-пермяков и татар: оба блока входят в число ядерных компонентов тематической структуры текста у разных этнических групп, но частотность этих блоков у коми-пермяков и татар разная.

Тематический блок «Хозяйство». Семантика единиц, наполняющих тематический блок «Хозяйство», может быть «этнографически» своеобразной: коми-пермяки и татары Пермского края, являясь в основном сельскими жителями, проживают на противоположных краях региона, в разных климатических условиях, традиционно ведут разный тип хозяйственной деятельности. Действительно, анализ семантики существительных, использованных информантами в высказываниях, входящих в тематический блок «Хозяйство» (282 словоупотребления у коми-пермяков и 84 у татар), показал, что информанты описывают хозяйство с разных точек зрения, в связи с чем внутри блока выделяется достаточно большое количество семантических групп (17 у коми-пермяков и 14 у татар). Состав и объемы групп в текстах обеих этнических групп представлены на рис. 5 (относительные объемы семантических групп рассчитывались от общего числа существительных в тематическом блоке). Очевидно, что последние пять групп имеют объемы ниже 1% от общего числа существительных и не имеют большого веса в формировании текстового блока.

На рис. 5 можно видеть, что коми-пермяки чаще рассказывают о еде и домашних животных; только у них в рамках этого блока встречаются упоминания об одежде и учебе. Татары уделяют гораздо больше внимания описанию дома, растениеводству, семье, работе и свободному времени; только у них в текстах встречается семантическая группа «транспорт».

С одной стороны, это может быть связано с устройством быта (например, большей ориентированностью на скотоводство у коми-пермяков и на растениеводство у татар, поскольку они живут в более теплом климате), однако такие группы, как «дом», «семья» и «еда» показывают, что интерпретация

темы даже внутри одного тематического блока оказывается разной у представителей разных этносов.

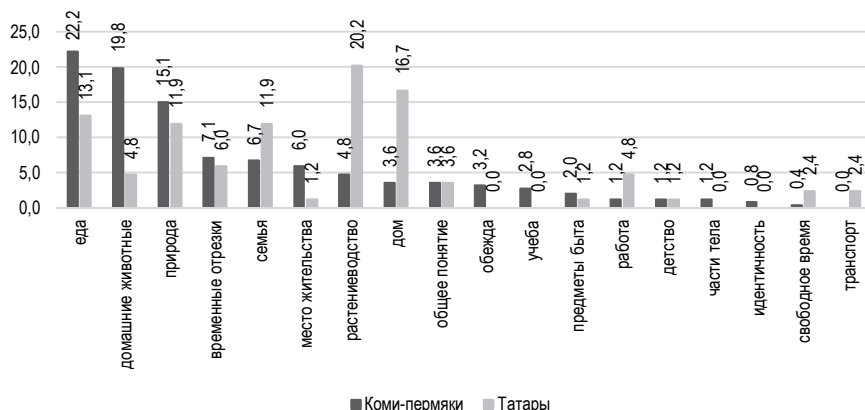

Рис. 5. Объемы семантических групп в тематическом блоке «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар, %

Соотношение ядерных (три наиболее объемных семантических группы) и неядерных компонентов тематического блока «Хозяйство» представлено на рис. 6. Ядра блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар включают только один общий компонент – семантическую группу «еда», хотя она занимает разное место в иерархии групп. Кроме семантической группы «еда», в ядро семантической структуры тематического блока «Хозяйство» у коми-пермяков входят группы «домашние животные» и «природа», а у татар – «растениеводство» (самая крупная семантическая группа в структуре блока) и «дом».

Совокупный объем ядра в данном случае выше в текстах коми-пермяков (57,1%), по сравнению с текстами татар (50%), что, очевидно, свидетельствует о большей типизированности группы «Хозяйство» для коми-пермяков.

Рассмотрим лексический состав семантических групп, формирующих ядро текстового блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар.

У коми-пермяков семантическая группа «еда» представлена 56 словоупотреблениями 28 лексем: *гриб* (9), *хлеб* (4), *пирог/пирожок* (3), *брусника* (2), *лисичка* (2), *морошка* (2), *пистик* (диалектное название хвоща, молодые ростки которого используются коми-пермяками в пищу) (2), *рыжик* (2), *картошка* (2), *вкус* (2), *молоко* (2), *пиво* (2), *суп* (2), *яйцо* (2), *блюдо*, *гнёт*, *заготовка*, *каша*, *лёгкое*, *мука*, *мясо*, *сметанка*, *соленье*, *сур* (коми-пермяцкое пиво), *чай*, *черинянь* (коми-пермяцкий пирог с рыбой), *шаньга* (уральская ватрушка с картофелем). Разнообразие семантической группы «еда» в текстах коми-пермяков довольно велико и включает дикорастущие растения, употребляемые в пищу (пересечение с группой «Природа»), культивируемые растения (пересечение с группой «Растениеводство»), продукты питания и различные блюда, в том числе национальные.

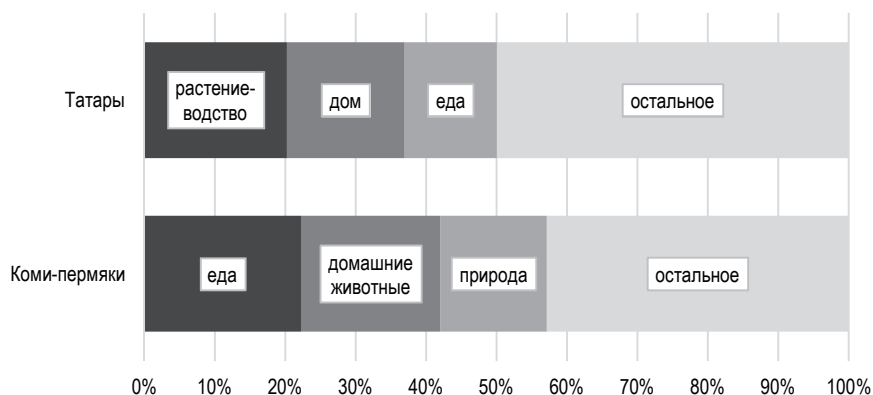

Рис. 6. Соотношение ядерных семантических компонентов тематического блока «Хозяйство» в текстах коми-пермяков и татар, %

Семантическая группа «домашние животные» в текстах коми-пермяков включает 50 словоупотреблений (18 разных слов): *корова* (10), *овца* (7), *гусь* (5), *курица/куры* (5), *животное* (4), *свинья/порсез* (коми-перм. 'свиньи') (3), *телёнок* (3), *бык* (2), *кот/кошка* (2), *скот/скотинка* (2), *коза*, *кролик*, *лошадь*, *поросёнок*, *птица*, *пчела*, *собака*. В основном в данную группу входят названия разводимых животных и птиц. Группа не пересекается с другими семантическими группами.

Семантическая группа «природа» представлена в текстах коми-пермяков 38 словоупотреблениями (15 лексем): *гриб* (9), *зима* (4), *ягода* (5), *брусника* (2), *весна* (2), *время* (2), *лисичка* (2), *морошка* (2), *осень* (2), *пистик* (2), *рыжик* (2), *гора*, *лес*, *лето*, *мороз*. Многие слова этой группы повторяют лексемы, вошедшие в семантическую группу «еда»; кроме них в группу «природа» вошли слова, называющие временные отрезки (в данном случае – времена года) и природный ландшафт. Обращает на себя внимание тот факт, что слово *зима* употребляется информантами в два раза чаще, чем названия других времен года, к тому же упоминают говорящие и *мороз*, что, очевидно, является отражением важности длительного зимнего периода на Урале для ведения хозяйства.

У татар в группу «растениеводство» попало 17 словоупотреблений 10 слов: *картошка* (4), *огород* (4), *ягода* (2), *земляника*, *капуста*, *морковь*, *смородина*, *сotka*, *теплица*, *цветок*. В основном слова этой группы называют сам огород и огородные растения, употребляемые в пищу (пересечение с группой «еда»).

Семантическая группа «дом» у татар включает 14 словоупотреблений 5 слов: *дом* (10), *баня*, *дрова*, *евроремонт*, *ремонт*. Частотным здесь является слово *дом*, использованное почти половиной информантов (для сравнения – коми-пермяки употребили это слово всего три раза). Данная группа имеет пересечение только с группой «предметы быта» (через единственную лексику *дрова*).

В семантическую группу «еда» в текстах татар вошли 11 словоупотреблений 7 слов: *картошка* (4), *ягода* (2), *гриб*, *земляника*, *капуста*, *морковь*, *смородина*. Разнообразие перечисленных продуктов питания у татар меньше, называются только дикорастущие растения, употребляемые в пищу, и культивируемые растения, что обуславливает пересечение данной группы с семантической группой «растениеводство».

Если более подробно рассмотреть пересечения между ядерными семантическими группами в тематическом блоке «Хозяйство», то очевидны взаимопереплетения семантических групп «еда» и «природа» у коми-пермяков и группами «еда» и «растениеводство» у татар.

Так, у коми-пермяков в семантической группе «еда» 56 словоупотреблений, в группе «природа» – 38, в группе «растениеводство» – 15. Слов, входящих одновременно и в группу «еда» и в группу «природа», – 24, что составляет 43% от группы «еда» и 63% от группы «природа»; слов, входящих одновременно и в группы «еда» и «растениеводство», – 7, что составляет 13% от группы «еда» и 47% от группы «растениеводство».

Для татар характерны обратные тенденции. В довольно небольшой группе существительных, посвященных еде (11), 8 относятся одновременно к семантической группе «растениеводство» (всего в эту группу входят 17 словоупотреблений) и лишь 3 – к группе «природа» (объем этой группы – 10 словоупотреблений). Пересечение семантической группы «еда» с указанными подгруппами составляет 65% в первом случае и 30% – во втором.

Таким образом, у коми-пермяков наблюдается довольно сильное взаимопереплетение группы «еда» с группой «природа» и довольно слабое с группой «растениеводство», что свидетельствует об активном использовании в пищу коми-пермяками даров природы, о сохранении этих традиций до сих пор; о традиционном укладе хозяйства свидетельствуют также активно употребляемые коми-пермяками национальные блюда и укоренившиеся способы приготовления пищи. Что касается татар, то их пищевой рацион в большей степени ориентирован не на дикую природу, а на культивируемые растения. Интересно при этом, что вся группа «еда» состоит у татар исключительно из растений; очевидно, это связано с тем, что слова этой группы появлялись в монологах в основном именно в контекстах, описывающих огород и выращиваемые на нем растения.

Тематический блок «Семья». Семья играет ведущую роль в процессе социализации индивида, именно в семье закладывается базовая картина мира, в том числе и этническая. В связи с этим анализ семантики слов, входящих в тематический блок «Семья», представляет интерес не только потому, что этот блок показывает значительную разницу в объеме в текстах коми-пермяков и татар, но также и потому, что его наполнение может продемонстрировать разные аспекты осмысления ближайшего окружения человека в разных культурах.

Анализ семантики существительных, использованных информантами в высказываниях, входящих в тематический блок «Семья», показал, что, несмотря на большую разницу в объемах блоков (293 словоупотребления у

коми-пермяков и 532 – у татар), актуализация различных аспектов семейной жизни у коми-пермяков и татар в целом довольно похожа, однако можно выделить и различия.

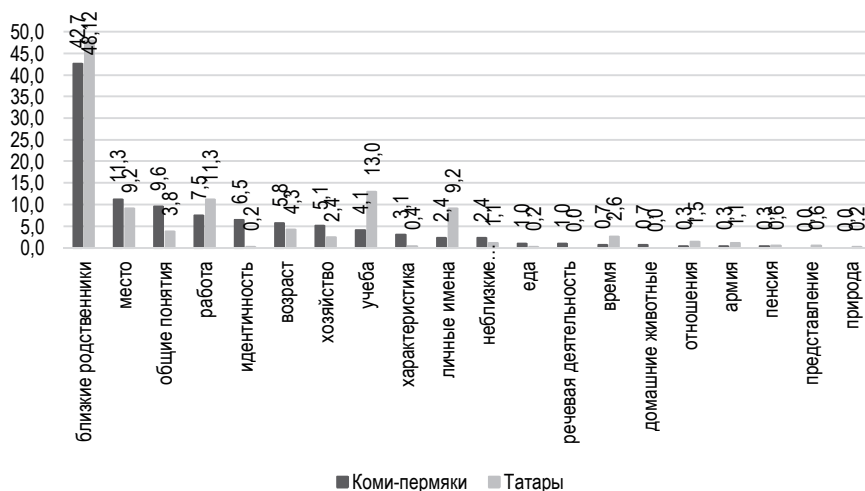

Рис. 7. Объемы семантических групп в тематическом блоке «Семья» в текстах коми-пермяков и татар, %

Состав и объемы семантических групп в текстах обеих этнических групп представлены на рис. 7 (относительные объемы семантических групп рассчитывались от общего числа существительных в тематическом блоке). У коми-пермяков в тематическом блоке «Семья» выделяется 18 семантических групп, а у татар – 19, однако последние девять групп имеют крайне низкие объемы (1% или ниже) и не имеют значительного влияния на структуру тематического блока «Семья».

Коми-пермяки чаще рассказывают о месте (рождения, жительства, длительного пребывания) и чаще употребляют общие понятия; только у них внутри этого блока встречаются упоминания о домашних животных. Татары чаще коми-пермяков говорят о близких родственниках, работе и учебе, упоминают личные имена и временные отрезки; только у них в текстах встречаются семантические группы «представление» и «природа».

Интересно отметить некоторые моменты, которые заметны при сопоставлении общей тематической структуры текста и семантических групп внутри тематических блоков «Хозяйство» и «Семья».

1. Тематический блок «Учеба» имеет чуть больший объем в текстах коми-пермяков (см. рис. 3) и только у них семантическая группа «учеба» встречается в составе тематического блока «Хозяйство» (см. рис. 5). Однако у татар данная семантическая группа гораздо чаще, чем у коми-пермяков, представлена в составе тематического блока «Семья» (см. рис. 7).

2. Тематический блок «Природа» выделяется только в текстах коми-пермяков (см. рис. 3); в тематическом блоке «Хозяйство» объем семантической группы «природа» у коми-пермяков выше, чем у татар, но несущественно (см. рис. 5); но в тематическом блоке «Семья» семантическая группа «природа» встречается, хотя и очень редко, только у татар (см. рис. 7).

Эти наблюдения позволяют сделать довольно важный, с нашей точки зрения, вывод о том, что тематическая структура текста не может быть описана достоверно без привлечения данных о семантических группах лексики, входящей в состав тематического блока, поскольку блоки наполняются определенной лексикой в зависимости от социального опыта человека и социальной группы (не только этнической, но и других – профессиональных, поколенческих и т.п.), в которую он входит.

Соотношение ядерных и неядерных компонентов тематического блока «Семья» представлено на рис. 8. Ядра блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар включают только один общий компонент – семантическую группу «близкие родственники», которая в обоих случаях занимает ведущее место в иерархии групп, однако имеет чуть больший объем в текстах татар. Помимо данной группы, в ядро семантической структуры тематического блока «Семья» у коми-пермяков входят группы «место» и «общие понятия», а у татар – группы «учеба» и «работа».

Отметим, что в данном случае объем ядерных семантических групп оказался несколько выше в текстах татар (72,4%), чем в текстах коми-пермяков (64,6%), что косвенно свидетельствует о разной степени типизированности рассказов о семье в разных этнических группах.

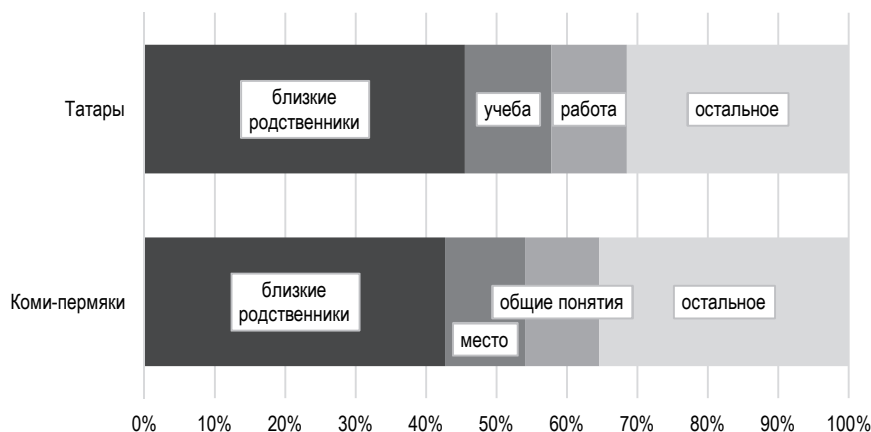

Рис. 8. Соотношение ядерных семантических компонентов тематического блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар, %

Рассмотрим лексический состав семантических групп, формирующих ядро текстового блока «Семья» в текстах коми-пермяков и татар.

У коми-пермяков семантическая группа «Бликие родственники» представлена 125 словоупотреблениями 28 лексем, большинство из которых встречается неоднократно: *сестра* (16), *муж* (11), *ребенок* (11), *брат* (10), *муж* (10), *мама* (9), *бабушка* (8), *отец* (7), *сын* (6), *мать* (4), *папа* (4), *родитель* (4), *дедушка* (3), *дочь* (3), *жена* (3), *близняшка* (2), *внук* (2) и др. Один раз при назывании близких родственников в текстах было использовано личное имя в полной форме (фамилия + имя + отчество) и шесть раз только имена родственников¹.

У татар данная семантическая группа включает 256 словоупотреблений 67 лексем. Наиболее частыми словами в текстах татар оказываются следующие: *дочь* (25), *сын* (24), *ребёнок* (17), *отец* (16), *внук* (14), *родитель* (13), *мама* (12), *муж* (11), *брат* (10), *сестра* (10), *дочка* (9), *бабушка* (8), *внучка* (7), *жена* (6), *мать* (6). Как видим, использованные коми-пермяками и татарами лексемы практически совпадают (что неудивительно ввиду закрытости семантической группы слов, обозначающих родственные отношения), однако лексическое разнообразие данной группы у татар значительно выше; оно достигается за счет активного использования не названий родственных связей, а личных имен родственников: татары используют и официальное именование по фамилии, имени и отчеству, и сочетание фамилии с именем без отчества, отдельные фамилии или имена в полной и ласкательной формах (всего в данной группе использовано 38 личных имен общей частотностью 42 словоупотребления).

Если подробнее рассмотреть пересечения семантических групп «близкие родственники» и «личные имена» у коми-пермяков и татар, оказывается, что у коми-пермяков в семантической группе «близкие родственники» доля личных имен составляет всего 5,6%, в то время как аналогичный показатель у татар достигает 16,4% (абсолютные числа представлены выше). И данные показатели, и общее число личных имен в текстах татар и коми-пермяков (см. рис. 7) свидетельствуют о большей открытости татар при рассказе о семье, а также о большем стремлении индивидуализировать каждого члена семьи, что в целом еще раз доказывает важность семьи при определении собственного места в мире.

Семантическая группа «место» у коми-пермяков объединяет 33 словоупотребления 19 лексем, называющих конкретные места рождения и проживания: самым частотным словом оказывается слово *деревня* (10), далее следуют название краевого центра *Пермь* (4) и слова *город* (2), *район* (2), остальные единицы – это слова с единичной частотностью, в основном названия населенных пунктов края (*Гырова*, *Кондратово*, *Мурмарова*, *Сеполь*, *Софронова*, *Юсьва* и др.). Таким образом, заметно стремление информантов вписать себя в конкретное пространство жизни.

В семантическую группу «общие понятия» у коми-пермяков вошло 28 словоупотреблений 7 лексем: *семья* (13), *человек* (5), *детство* (5), *жизнь*

¹ Из соображений об охране личных данных конкретные личные имена в тексте статьи не приводятся.

(2), *династия* (1), *женщина* (1), *рождение* (1). Как видим, коми-пермякам довольно важно определить основные категории, в которых описывается жизнь семьи.

Татары в семантической группе «учеба» использовали 69 словоупотреблений 35 лексем, обозначающих свое место учебы и место учебы своих родственников, специальности, по которым обучались или обучаются члены семьи, учебные группы, преподавателей, учебные предметы, а также успехи в учебе: *класс* (12), *школа* (10), *университет* (5), *курс* (4), *информатика* (3), *училище* (3), *группа* (2), *колледж* (2), *менеджер* (2), *детсад*, *дизайнер*, *диплом*, *лингвист*, *окончание*, *отличница*, *оценка*, *учитель* и др. Обращает на себя внимание тот факт, что процесс и результат учебы отражены в словнике весьма подробно и акцентируют внимание на достижении определенных результатов в процессе учебы – ее успешное окончание и получение специальности.

Семантическая группа «работа» является логичным продолжением группы «учеба» как реализация в социуме. Эта группа у татар включает 60 словоупотреблений 42 лексем, называющих различные профессии и места работы: *нефтяник* (4), *бухгалтер* (3), *работа* (3), *водитель* (2), *врач* (2), *директор* (2), *заслуга* (2), *компания* (2), *Лукойл* (2), *МАН* (2), *начальник* (2), *ООО* (2), *повар* (2), *почта* (2), *администрация*, *дело*, *ЗАО «Сургутнефтегаз»*, *коллектив*, *помощь*, *предприниматель* и др. Помимо собственно профессий и мест работы в словнике этой группы, так же как и в словнике семантической группы «учеба», присутствуют слова, указывающие на коллективы, и слова, определяющие успешность в карьере (*директор*, *заслуга*, *начальник*).

Таким образом, у коми-пермяков при рассказе о семье, внимание направлено на вписывание себя и членов семьи в общие категории и пространственное размещение, в то время как у татар оно сфокусировано на вписывании семьи в социальный контекст, а также на социальной успешности семьи.

Выводы

Предлагаемая иерархическая тематическая структура текста может рассматриваться как один из вариантов типологии текстов и как ответ на проблемы, поставленные А.А. Кибриком в [1. С. 4]. Данная структура включает не только иерархию тематических блоков, но и иерархию семантических групп, наполняющих эти блоки, и демонстрирует движение от макротемы (в нашем случае «Я, моя жизнь») к тематическим компонентам – блокам – и, далее, к лексическому наполнению этих блоков.

Соответственно, представленная модель учитывает, с одной стороны, макросинтаксическую (пропозициональную) иерархию текстовых блоков, с другой – конкретное семантическое наполнение каждого блока, причем принципиально новым является не только сама модель, но и фиксация реализации «нетипичных» семантических единиц в каком-либо блоке.

В статье для демонстрации подхода выбран параметр «этнос» билингва. В то же время разработанный иерархический подход к организации текстов

позволит проводить сравнение текстов, порожденных представителями разных этнических и социальных групп: билингвов и монолингвов с разными языками, гендерных, возрастных групп, жителей сельской местности и городов и т.п.

Как указывал А.А. Кибрик, собственно лексическое наполнение текста не является определяющим для жанра [1]. Выявленная в текстах, порожденных на втором языке билингвальных говорящих – коми-пермяков и татар, вариативность структуры, вероятно, не имеет жанровой природы, она не лингвистична, а социолингвистична. В статье показано, что даже использование второго – общего для данных групп говорящих – языка не привело к унификации структуры монолога.

Эта структура в русскоязычных текстах обладает ядром – встречающимися во всех рассказах о жизни частотными тематическими блоками со сходным объемом: в исследуемом материале это совпавшие в текстах информантов тематические блоки «Учеба» и «Работа», а также блоки, отражающие культурную специфику билингвов, – «Хозяйство» у коми-пермяков и «Семья» у татар; и неядерной зоной, в которой сосредоточены блоки с различным наполнением и блоки, уникальные для каждой исследуемой группы билингвов.

Для установления устойчивости/вариативности структуры устного текста «О себе» важны следующие параметры: сам набор тематических блоков, их повторяемость или уникальность; их количественная наполненность (на практике отражается в величине фрагмента монолога); семантические группы реализующей их лексики.

Анализ семантических групп лексики вне отнесения их к тематическим блокам, а в целом по тексту не показывает устойчивой структуры текста, поскольку в каждой исследуемой группе может участвовать в наполнении различных блоков (ср. пересечения семантических групп «природа» и «еда» в текстах коми-пермяков, «растениеводство» и «еда» в текстах татар, «близкие родственники» и «личные имена» в обеих этнических группах). Однако такой анализ оказывается показательным при качественном рассмотрении внутри тематического блока. Семантика лексических единиц показывает ценностные ориентации представителей этнических групп: как было показано на примере тематических блоков «Хозяйство» и «Семья», имеющих разный ранг в иерархии тематических блоков, коми-пермяки осмысляют хозяйство в основном как сбор даров природы и скотоводство и птицеводство, отражение традиционного уклада жизни; татары – как растениеводство и обустройство быта. Категория семьи также по-разному интерпретируется представителями двух этносов: для татар важны социальные характеристики членов семьи, их учеба и работа; коми-пермяки в большей степени ориентированы на пространственное размещение семьи и общие категории. Несмотря на то, что данные результаты можно рассматривать как в определенном смысле предварительные ввиду небольшого количества проанализированных текстов и несбалансированности выборки информантов, представленные выводы соотносятся с данными этнологов и социологов о ценностных ориентациях представителей двух этносов, что подтверждает работоспособность модели.

В целом интерпретация уровней иерархии тематической структуры текста различна: набор тематических блоков, их значимость для текста отражают социально-психологическую ценность этих «элементов жизни» для этнической группы; набор лексем, реализующих тематические блоки, показывает категоризацию сфер жизни, культурно-специфичный отбор объектов и явлений, соотносимых с темой.

Список источников

1. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
2. Кибрик А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / под ред. А.А. Кибрика, А.Д. Кошелева, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазуровой, О.В. Федоровой. М., 2015. С. 595–634.
3. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 736 с.
4. Kibrik A.A. Cognitive discourse analysis: local discourse structure // Slavic linguistics in a cognitive framework / M. Grygiel, L.A. Janda (eds.). Frankfurt am Main : P. Lang Publ., 2011. P. 273–304.
5. Hovy E. Recent trends in computational research on monologic discourse structure // Computational Intelligence. 1991. № 7. P. 363–366.
6. Polanyi L. Towards a formal analysis of discourse structure and interpretation // Text. 1990. Vol. 10, № 1/2. P. 81–85.
7. Asher N. Lexical Meaning in Context: A Web of Words. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 284 p.
8. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 317 с.
9. Moyano E.I. Theme in English and Spanish: Different means of realization for the same textual function // English Text Construction. 2016. Vol. 9, № 1. P. 190–219.
10. Dijk T.A. van. Semantic discourse analysis // Handbook of discourse analysis. London ; New York : Academic Press, 1985. Vol. 2: Dimensions of Discourse. P. 103–136.
11. Лурья А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
12. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
13. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Избранные труды: Язык – Речь – Творчество. М., 1998. С. 183–319.
14. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл ; СПб. : Лань, 2003. 287 с.
15. Сахарный Л.В. Тема-рематическая структура текста: основные понятия // Язык и речевая деятельность. 1998. Т. 1. С. 7–16.
16. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 5–33.
17. Брудный А.А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М., 1976. С. 152–159.
18. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. 370 с.
19. Longacre R.E. The discourse strategy of an appeals letter // Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text / W.C. Mann, S.A. Thompson (eds.). N.Y. : John Benjamins Publ., 1992. P. 109–130.
20. Lebois L.A.M., Wilson-Mendenhall Ch.D., Barsalou L.W. Are automatic conceptual cores the gold standard of semantic processing?: The context-dependence of spatial meaning in grounded congruency effects // Cognitive science. 2015. Vol. 39, № 8. P. 1764–1801.

21. Duchastel J., Paquin L.-C., Beauchemin J. Automated syntactic text description enhancement: The thematic structure of discourse utterances // Computers and the humanities. 1992. Vol. 26, № 1. P. 31–42.
22. Павлова Д.С. Семантическая структура устного спонтанного текста: социолингвистическое варьирование. Пермь, 2018. 148 с.
23. Бергельсон М.Б. Дискурсивный анализ мини-нарративов в контексте структурированного интервью // Родной язык. 2017. № 2 (7). С. 74–98.
24. Буранова А.И. Тематическая организация диалектной речи: квантитативный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 35–38.
25. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Тематическая разметка диалектного корпуса: опыт томских диалектологов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 45–61.
26. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сел) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22.
27. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концепт «Семья» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 39–68.
28. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153–211.
29. Блиникова И.В., Блиников Г.Б., Бобков А.Н., Алиева А.Э. Кросс-культурные различия в оценках эмоциогенных изображений: сравнение российской и азербайджанской выборок // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 1. С. 28–50.
30. Разумкова А.В. Коми, какие они? : Или автостереотипы и гетеростереотипы коми (зырян) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 188–202.
31. Dorofeev S., Grant P. Statistics for Real-Life Sample Surveys. Non-Simple-Random Samples and Weighted Data. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 266 p.
32. Erzhanova A., Kharkhurin A.V. The influence of prior language experience on foreign language anxiety: A study on a russian-speaking sample // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2022. Т. 19, № 3. Р. 448–464.
33. Русская речь коми-пермяков / науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2007. 72 с.
34. Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район / науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь, 2012. 124 с.
35. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск : Благовещ. гос. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
36. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
37. Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Интерпретация темы при спонтанном порождении текста на русском языке билингвами // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 905–910.
38. Ерофеева Е.В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 90–102.
39. Ерофеева Е.В., Худякова Е.С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 7–16.
40. Дерябин В.С. Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. Серия: Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. М. : ИЭА, 1997. Документ № 102. 22 с.

41. Шаббаев Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов: (Из опыта формирования Пермского края) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 64–71.
42. Михалева А.В. К вопросу о соотношении этноконфессиональной и территориальной идентичностей у коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 1. С. 134–149.
43. Попова Т.А. Особенности этнической идентификации и самоотношения у русских и коми-пермяков // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии : материалы науч. конф. / отв. ред. Л.А. Цветкова. СПб., 2010. Ч. 2. С. 148–150.
44. Михалева А.В. Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 5. С. 26–37.
45. Гарипов Я.З., Нурулина Р.В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 123–131.
46. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е. Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья // Проблемы социальной психологии личности / отв. ред. Р.М. Шамионов. Саратов, 2008. URL: https://psyjournals.ru/nonserpublications/sgu_socialpsy/contents/30284 (дата обращения: 07.10.2023).
47. Комарова И.Г. Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 1 (5). С. 161–172.
48. Галиева Г.И. Татарская семья в демографическом измерении (этнорегиональный аспект). Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 154 с.
49. Азисова Н.Н. Семейные традиции и ценности татар Мордовии // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 241–251.
50. Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. «Культура имеет значение?»: Семейные и трудовые ценности русских и татар Башкортостана // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 6. С. 139–154.

References

1. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanzr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Mode, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 3–21.
2. Kibrik, A.A. et al. (eds) (2015) Kognitivnyy analiz diskursa: lokal'naya struktura [Cognitive analysis of discourse: local structure]. In: *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow. pp. 595–634.
3. Kibruk, A.A. & Podlesskaya, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: a corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Kibrik, A.A. (2011) Cognitive discourse analysis: local discourse structure. In: Grygiel, M. & Janda, L.A. (eds) *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Frankfurt am Main: P. Lang. pp. 273–304.
5. Hovy, E. (1991) Recent trends in computational research on monologic discourse structure. *Computational Intelligence*. 7. pp. 363–366.
6. Polanyi, L. (1990) Towards a formal analysis of discourse structure and interpretation. *Text*. 10 (1/2). pp. 81–85.
7. Asher, N. (2011) *Lexical Meaning in Context: A Web of Words*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competency]. Moscow: Labirint.
9. Moyano, E.I. (2016) Theme in English and Spanish: Different means of realization for the same textual function. *English Text Construction*. 9 (1). pp. 190–219.
10. van Dijk, T.A. (1985) Semantic discourse analysis. In: *Handbook of discourse analysis*. Vol. 2. London; New York: Academic Press. pp. 103–136.

11. Luriya, A.R. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow: Moscow State University.
12. Murzin, L.N. & Shtern, A.S. (1991) *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk: Ural State University.
13. Zhinkin, N.I. (1998) Razvitie pis'mennoy rechi uchashchikhsya III–VII klassov [Development of written speech of students in grades III–VII]. In: *Izbrannye trudy: Yazyk – Rech' – Tvorchestvo* [Selected works: Language – Speech – Creativity]. Moscow. pp. 183–319.
14. Leont'ev, A.A. (2003) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl; St. Petersburg: Lan'.
15. Sakhar'nyy, L.V. (1998) Tema-rematicheskaya struktura teksta: osnovnye ponyatiya [Theme-rheme structure of the text: basic concepts]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'*. 1. pp. 7–16.
16. Zimnyaya, I.A. (1976) Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya [Semantic perception of a speech message]. In: Drizde, T.M. & Leont'ev, A.A. (eds) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in the context of mass communication)]. Moscow. pp. 5–33.
17. Brudnyy, A.A. (1976) Podtekst i elementy vnetekstovykh znakovykh struktur [Subtext and elements of extra-textual sign structures]. In: Drizde, T.M. & Leont'ev, A.A. (eds) *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii)* [Semantic perception of a speech message (in the context of mass communication)]. Moscow: pp. 152–159.
18. Zhinkin, N.I. (1958) *Mekhanizmy rechi* [Speech mechanisms]. Moscow: Izd-vo APN RSFSR.
19. Longacre, R.E. (1992) The discourse strategy of an appeals letter. In: Mann, W.C. & Thompson, S.A. (eds) *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. N.Y.: John Benjamins Publ. pp. 109–130.
20. Lebois, L.A.M., Wilson-Mendenhall, Ch.D. & Barsalou, L.W. (2015) Are automatic conceptual cores the gold standard of semantic processing?: The context-dependence of spatial meaning in grounded congruency effects. *Cognitive science*. 39 (8). pp. 1764–1801.
21. Duchastel, J., Paquin, L.-C. & Beauchemin, J. (1992) Automated syntactic text description enhancement: The thematic structure of discourse utterances. *Computers and the humanities*. 26 (1). pp. 31–42.
22. Pavlova, D.S. (2018) *Semanticheskaya struktura ustnogo spontannogo teksta: sotsiolingvisticheskoe var'irovanie* [Semantic structure of oral spontaneous text: Sociolinguistic variation]. Perm.
23. Bergel'son, M.B. (2017) Diskursivnyy analiz mini-narrativov v kontekste strukturirovannogo interv'yua [Discourse analysis of mini-narratives in the context of a structured interview]. *Rodnoy yazyk*. 2 (7). pp. 74–98.
24. Buranova, A.I. (2012) Tematicheskaya organizatsiya dialektnoy rechi: kvantitativnyy analiz [Thematic organization of dialect speech: quantitative analysis]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*. 12 (3). pp. 35–38.
25. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2020) Dialect corpus thematic markup: The experience of tomsk dialectologists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 45–61. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/3
26. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2021) Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 13–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/2
27. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) The Concept “Family” in the Oral Autobiographical Stories of Siberians. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 39–68. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/3
28. van Deyk, T.A & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding Coherent Text]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 23. Moscow. pp. 153–211.

29. Blinnikova, I.V. et al. (2021) Kross-kul'turnye razlichiya v otsenkakh emotsiogennykh izobrazheniy: sravnenie rossiyskoy i azerbaydzhanskoy vyborok [Cross-cultural Differences in Emotional Image Assessments: Comparison of Russian and Azerbaijani Samples]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 1. pp. 28–50.
30. Razumkova, A.V. (2017) Komi, kakie oni?: Ili avtostereotipy i geterostereotipy komi (zyryan) [Komi, what are they?: Or autostereotypes and heterostereotypes of the Komi (Zyryans)]. *Voprosy psikholingvistiki*. 1 (31). pp. 188–202.
31. Dorofeev, S. & Grant, P. (2006) *Statistics for Real-Life Sample Surveys. Non-Simple-Random Samples and Weighted Data*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Erzhanova, A. & Kharkhurin, A.V. (2022) The influence of prior language experience on foreign language anxiety: A study on a russian-speaking sample. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 19 (3). pp. 448–464.
33. Erofeeva, T.I. (ed.) (2007) *Russkaya rech' komi-permyakov* [Russian speech of the Komi-Permyaks]. Perm.
34. Erofeeva, T.I. (ed.) (2012) *Russkaya spontannaya rech' tataroyazychnykh bilingvov Permskogo kraja: Ordinskiy rayon* [Russian spontaneous speech of Tatar-speaking bilinguals of Perm Krai: Ordinsky District]. Perm.
35. van Deyk, T.A. (2000) *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State College named after I. A. Baudouin de Courtenay.
36. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [The Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
37. Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2022) Interpretatsiya temy pri spontanном porozhdenii teksta na russkom yazyke bilingvami [Interpretation of the Topic in Spontaneous Generation of Text in Russian by Bilinguals]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 4 (51). pp. 905–910.
38. Erofeeva, E.V. (2014) Nesotsiologicheskoe issledovanie sotsial'nykh identichnostey i tsennostey: teoreticheskoe obosnovanie, metody issledovaniya, yazyk [Non-sociological Study of Social Identities and Values: Theoretical Justification, Research Methods, Language]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 2. pp. 90–102.
39. Erofeeva, E.V. & Khudyakova, E.S. (2012) Psikholingvisticheskoe issledovanie tsennostnykh ustanovok bilingvov (na materiale tematicheskoy gruppy "Chelovek") [Psycholinguistic study of value-based attitudes of bilinguals (based on the thematic group "Man")]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2 (18). pp. 7–16.
40. Deryabin, V.S. (1997) *Komi-permyaki segodnya: osobennosti etnokul'turnogo razvitiya* [Komi-Permyaks today: features of ethnocultural development]. Seriya: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN [Series: Research in applied and urgent ethnology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IEA, Document No. 102.
41. Shabaev, Yu.P. (2006) Etnosotsial'nye posledstviya ob"edineniya regionov: (Iz opyta formirovaniya Permskogo kraja) [Ethnosocial consequences of the unification of regions: (From the experience of forming Perm Krai)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 64–71.
42. Mikhaleva, A.V. (2018) K voprosu o sootnoshenii etnokonfessional'noy i territorial'noy identichnostey u komi-permyakov Permskogo kraja [On the relationship between ethnoconfessional and territorial identities among the Komi-Permyaks of Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 1. pp. 134–149.
43. Popova, T.A. (2010) [Features of ethnic identification and self-attitude among Russians and Komi-Permyaks]. *Anan'evskie chteniya – 2010. Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psikhologii* [Ananyev Readings – 2010. Modern Applied Directions and Problems of Psychology]. Conference Proceedings. Part 2. St. Petersburg. pp. 148–150. (In Russian).

44. Mikhaleva, A.V. (2016) Etnokonfessional'naya identichnost' komi-permyakov Permskogo kraia [Ananyev Readings – 2010. Modern applied directions and problems of psychology]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*. 5. pp. 26–37.

45. Garipov, Ya.Z. & Nurulina, R.V. (2011) Musul'manskaya molodezh' Tatarstana: konfessional'naya sotsializatsiya i tsennostnye orientatsii [Muslim youth of Tatarstan: confessional socialization and value-based orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 123–131.

46. Shamionov, R.M. & Bocharova, E.E. (2008) Tsennostnye orientatsii i udovletvorennost' zhizn'yu nekotorykh etnosov Saratovskogo Povolzh'ya [Value-based orientations and life satisfaction of some ethnic groups of the Saratov Volga region]. In: *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti* [Problems of social psychology of personality]. Saratov. [Online] Available from: https://psjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30284 (Accessed: 07.10.2023).

47. Komarova, I.G. (2009) Levels and types of ethnic identity of the Tatars of the Tomsk region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1 (5). pp. 161–172.

48. Galieva, G.I. (2010) *Tatarskaya sem'ya v demograficheskom izmerenii (etnoregional'nyy aspekt)* [Tatar Family in the Demographic Dimension (Ethnoregional Aspect)]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.

49. Azisova, N.N. (2013) Semeynye traditsii i tsennosti tatar Mordovii [Family Traditions and Values of the Tatars of Mordovia]. *Regionologiya*. 4 (85). pp. 241–251.

50. Gabdrakhmanova, G.F. & Makarova, G.I. (2019) “Kul'tura imeet znachenie?”: Semeynye i trudovye tsennosti russkikh i tatar Bashkortostana [“Does Culture Matter?”: Family and Labor Values of Russians and Tatars of Bashkortostan]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 8 (6). pp. 139–154.

Информация об авторах:

Ерофеева Е.В. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия); научный сотрудник Института когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elenerofee@gmail.com

Худякова Е.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: khudiakova.es@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Erofeeva, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics. Perm State University (Perm, Russian Federation); research fellow, Institute of Cognitive Research, St Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elenerofee@gmail.com

E.S. Khudyakova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: khudiakova.es@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023;
одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 03.04.2023;
approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 81'271+81'27
doi: 10.17223/19986645/91/3

Речевой жанр письма в дискурсивной практике диалектной языковой личности

Екатерина Вадимовна Иванцова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ekivancova@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются эпистолярные тексты сибирской крестьянки, типичного представителя старшего поколения старожильского села говоров среднего Приобья. Рассмотрены особенности освоения малограмотным информантом речевого жанра письма, уровень речевой культуры и отраженная в эпистолярной системе ценностей диалектоносительницы. Тексты естественной письменной речи крестьянки, исследуемой в рамках проекта многоаспектного изучения феномена диалектной языковой личности более 40 лет, изучаются впервые.

Ключевые слова: речевой жанр письма, диалектная языковая личность, носитель традиционной речевой культуры

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042 «Социокоммуникативное пространство трансграничья: факторы формирования культурного языкового ландшафта Сибири».

Для цитирования: Иванцова Е.В. Речевой жанр письма в дискурсивной практике диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 49–69. doi: 10.17223/19986645/91/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/3

The speech genre of letter in the discursive practice of a dialect language personality

Ekaterina V. Ivantsova¹

¹ *National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation, ekivancova@yandex.ru*

Abstract. The article aims to identify the features of Vera Vershinina's mastering of the speech genre of letter and her personal characteristics as a dialect speaker: her level of culture and the system of values of a dialect language personality. The source of the material was the letters of Vera Vershinina, an illiterate indigenous resident of Vershinino settlement located in Tomsk Oblast. The addressees were two dialectologists who for a long time studied the speech of this elderly peasant woman by the method of immersing into the speaker's language environment. In the course of the analysis, the basic parameters of determining the speech genre identified by Mikhail Bakhtin (composition, topics and style) were used; models of speech genres by Tatyana

Shmeleva and Natalya Lebedeva were partially applied. The letters of the Siberian peasant woman show that she insufficiently mastered the skills of competent writing; however, they demonstrate the development of the structure of the epistolary text (three parts of the letter with the main part framed by the etiquette beginning and ending) and its hypergenre nature. The beginning of the letter is written in the high style with frequent etiquette clichés; the main part in the everyday colloquial style; the ending is a mixture of styles. Compositionally, each letter as a hypergenre includes the genre of message and its varieties (explanations, instructions). Evaluative and imperative genres are used less frequently. In some cases, hybrid simple speech genres are found. The topics in the main part of the letter are communicative failures in correspondence or communication, incidents in the village, health of the author and people from her settlement, events in their families, prices in stores, and weather. The topics vividly show the system of values of the dialect language personality, which she reports to the addressee. The disclosure of these topics reflects the dialect language personality's life values. The main purpose of the informant's letters is communicative, which implies the preservation of communication. The latter, according to the Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science, means information transition and exchange leading to mutual understanding, establishing both personal relations and the type of flexible social order. This purpose, which is somehow manifested in many fragments of letters, speaks of the need of the bearer of folk-speech culture for personal communication as one of the main values which her large family, numerous relatives, the settlement residents' mutual assistance in collective work, joint participation in feasts and rituals formed and secured as the necessity and habit of constant communication. Strong friendly ties in the family, with relatives and friends create a sense of comfort and help in difficult life situations. Vershinina's Insufficient literacy is compensated by the logic of thinking, her rich vocabulary, stylistic diversity, profound moral principles reflected in the letters she wrote.

Keywords: speech genre, dialect language personality, bearer of traditional speech culture

Acknowledgements: The results of the study were obtained under the state assignment of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ivantsova, E.V. (2024) The speech genre of letter in the discursive practice of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 49–69. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/3

Введение

Изучение в наши дни феномена языковой личности (ЯЛ) прошло длительный путь с начала XIX столетия. Под языковой личностью автор статьи понимает «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженную в созданных ею текстах» [1. С. 10]. Обсуждение объекта и предмета исследования языкознания привело в начале XIX столетия к выводу о необходимости изучения не только коллективного языка, но и языка отдельных субъектов. К концу века укрепляется мнение о том, что главным объектом исследования в языкознании должна стать речевая деятельность индивидов. С каждым новым этапом теория ЯЛ, получившая на рубеже XX–

XXI в. название «лингвоперсонология», обогащается не только новыми идеями (отметим вклад Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, В.П. Нерознака, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и мн. др.), но и практическими результатами исследований конкретных ЯЛ разных типов (подробнее см. очерк [2. С. 7–35]).

В этот же период формируется теория речевых жанров (РЖ), берущая начало от трудов М.М. Бахтина [3] и развивающаяся в работах Т.В. Шмелевой [4], М.Ю. Федосюка [5]; В.Е. Гольдина [6–8], В.В. Дементьева [9] и других исследователей. Бахтин дал определение РЖ, понимая его как «относительно устойчивые типы высказываний», характеризующиеся их тематическим содержанием, языковым стилем и композицией [3. С. 249]. С развитием коммуникативной и когнитивной лингвистики, коллоквиалистики и других направлений развивающейся науки о языке появляются разные дефиниции РЖ, но общепринятого определения этого термина пока не выработано.

Развитие лингвоперсонологии (теории ЯЛ) и теории РЖ имеет много общего. Важным фактором, оказавшим влияние на эти дисциплины, стала антропоцентрическая парадигма научного знания. Принцип антропоцентризма в лингвистике подразумевает, что он «характеризуется оживленным интересом к субъективному, гуманитарному, человековедческому началу в языке <...> и в языковедческих поисках» [10. С. 14]. Значимым был и процесс интеграции наук, порождающий в языкознании междисциплинарные области. Так, теория ЯЛ вобрала в себя достижения социо- и психолингвистики, стилистики, прагмалингвистики, лингвистики текста, неориторики, философии, культурологии, литературоведения, семиотики, этнографии и т.д. В лингвоперсонологических исследованиях разрабатываются стилистический (лингвостилистический), социо-, психо- и прагматический, когнитивный и лингвокультурологический, коммуникативный, лингвориторический, лингводидактический, онтогенетический, лексикографический и другие аспекты [2. С. 25–30]. В жанроведении РЖ начинают исследоваться в коммуникативно-речевом, когнитивном, дискурсивном, социо-, психо- и прагмалингвистическом, неориторическом, лингвокультурологическом и других аспектах [9, 11, 12]. Как можно видеть, лингвоперсонология и генеристика имеют общие точки пересечения.

В.В. Дементьев обращает внимание на то, что М.М. Бахтин в известной статье «Проблемы речевых жанров» «заложил основы будущей теории речевых жанров, а в этой будущей теории им уже был намечен личностный аспект речевого жанра» [12. С. 313]. Так, Бахтин, в частности, отмечает соотношенность личностей говорящих с различными жанрами, возможными предпочтениями в их выборе, что позволяет портретирование ЯЛ с определением типа речевой культуры и речевого поведения, нравственного развития; говорится и о необходимости внимания к языковым составляющим РЖ [12. С. 313–314]. «Жанроведение, – подытоживает В.В. Дементьев, – успешно взаимодействует с теорией языковой личности» [9. С. 271].

В учебном пособии И.Н. Горелова и К.Ф. Седова «Основы психолингвистики», где один из параграфов назван «Речевой жанр и языковая личность»,

авторы отмечают: «В ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления» [13. С. 161].

Отталкиваясь от признания установленного взаимодействия теории и практики изучения РЖ и конкретной языковой личности, перейдем к анализу РЖ письма в дискурсивной практике диалектной ЯЛ.

Эпистолярные материалы из личного архива автора относятся к естественной письменной речи (ЕПР) – новой области жанроведения, которая изучается в последние десятилетия Н.Б. Лебедевой [14–16] и ее последователями. Характерными признаками ЕПР считаются письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения [14–16].

Круг речевых жанров ЕПР достаточно широк, в их число входят и письма. Письмо, по определению Т.В. Шмелевой, – «письменный (рукописный) текст, имеющий обращение в сфере межличностного общения» [17]. Анализ писем речевого жанра ЕПР широко представлен в исследованиях [16, 18–20], однако письма диалектоносителей учеными рассматриваются редко и в них не уделяется внимания жанровому аспекту.

Краткие сведения об информанте

Источником материала послужили письма Веры Прокофьевны Вершининой (годы жизни 1909–2004), русской, коренной жительницы с. Вершинино Томской области. Информант был выбран как типичная ЯЛ жителя старшего поколения старожильского села, обладающая общительным характером, развитой речью, хорошей сохранностью черт традиционного говора и народной культуры. Ее спонтанная речь фиксировалась методом включения в языковое существование говорящего почти четверть века (1981–2004 гг.) и изучается до сих пор в разных аспектах – лексикологическом, когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом, лексикографическом, с позиций теории текста, метаязыкового сознания и др., в том числе и в сфере жанроведения. Система РЖ В.П. Вершининой описана О.А. Казаковой с целью их типологизации [21], однако в этом исследовании рассматривались только РЖ устной речи.

Родители Веры Прокофьевны были неграмотными, в школе она не училась, как и ее братья и сестры. Минимальные навыки чтения и письма были получены ею в подростковом возрасте на курсах ликбеза, которые организовывались на селе в первые годы советской власти: **Ходила на ликбез вечером. Никого я не кончала. Самоу'ком, мале'нько ходила – «ликбез» назывался*¹.

Впоследствии крестьянка фрагментарно освоила навыки некоторых речевых жанров ЕПР. Иногда она писала короткие записки односельчанкам,

¹ Знаком * маркируются высказывания информанта в устном бытовом дискурсе.

обращаясь с какой-то незначительной просьбой, но наиболее востребованными у данной личности можно считать письма.

Отметим языковую рефлексию диалектоносительницы, отражающую оценку собственной речи. Она самостоятельно осуществляла переписку с адресатами из близкого круга кровных родственников или находящихся в дружеских отношениях хорошо знакомых односельчан – видимо, оценивая их уровень речевой культуры как близкий к своему (так, женщина писала письма племянникам, служившим в армии; переписывалась с двоюродной сестрой, жившей на Дальнем Востоке, и с подругой, переехавшей из Вершинино в другое село). В то же время не слишком грамотная ЯЛ стеснялась посылать эпистолярные тесты образованным людям, входящим в круг более отдаленных контактов. Например, она упоминала образованную знакомую, у которой жил в городе сын Веры Прокофьевны во время учебы в техникуме: **А тут она: «Ми'ленька моя, дорогой ты мой целове'к! Да пиши ты сама! Да никогда'-то я тебя не обсужу'!» – Мишина хозяйка, Лизавета Дими'тревна [говорит]*¹. Осознание недостаточного владения культурой письма, вызывающее у крестьянки чувство стыда (**А мне и стыдно: думаю, ху'до пишу-то я; Я писарь-то такой. Пишу мал-ма'ло*), думается, сформировалось под влиянием сына, который критиковал нелитературную речь матери и обращал внимание на ошибки в ее письмах. Однако отношение к диалектологам, в течение многих лет собиравших речевой материал диалектной ЯЛ методом включения в языковое существование говорящего, было несколько иным. Этот метод основан на долговременном наблюдении дискурсивных практик информанта и достижении его психологической контактности с собирателями – именно соблюдение этих условий дает возможность фиксировать непринужденную, естественную речь индивида, одновременно постигая черты его личности [22]. Диалектоносительница была благодарна диалектологам за посильную помощь в покупке лекарств и продуктов, уборке урожая на огороде, участие в ее жизни. Она, в свою очередь, старалась помогать сама в установлении контактов с вершининцами, воспринимая образованных горожанок как близких, родных: **Как всё равно родня больша' приехала ко мне. Приравняв систематически посещавших Веру Прокофьевну собирателей спонтанного речевого материала к родственникам, крестьянка сделала исключение из общего правила: отбросив стеснение, она написала несколько ответных писем, откликаясь на письма или открытки.*

Цель статьи – выявить особенности освоения информантом эпистолярного РЖ и личностные характеристики изучаемого диалектоносителя: уровень речевой культуры и систему ценностей диалектной языковой личности.

² В квадратных скобках даются пояснения собирателей. Точкой с запятой отделяются разрозненные фрагменты текста.

Материал и принципы исследования

Объем имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных писем крестьянки невелик – в общей сложности около шести рукописных страниц. Письма были адресованы автору статьи, а также участвовавшей в сборе материала Л.Г. Гынгазовой. Письма диалектологов, адресованные информанту, к сожалению, не сохранились: Вера Прокофьевна считала общение с близкими людьми важным, а поздравление с праздниками – знаком уважения, но полученную корреспонденцию как представитель традиционной культуры не хранила, сжигая после прочтения в печке.

Анализ писем опирался на уже упоминавшуюся выше триаду признаков РЖ, обозначенных М.М. Бахтиным (тематическое содержание, языковой стиль и композиция) [3. С. 249] с привлечением моделей РЖ, предложенных Т.В. Шмелёвой [4] и Н.Б. Лебедевой [14]. Первая модель – более обобщенная, что дает возможность анализировать широкий спектр разнообразных РЖ, вторая модель отчасти совпадает с предыдущей, но она ориентирована на речевые жанры ЕПР и членится более дробно (12 параметров против семи). Имеющийся эпистолярный не позволил в полной мере выявить все параметры моделей, обозначенных исследователями (например, образ прошлого и образ будущего, среда коммуникации, коммуникативное время, ход коммуникации). Отталкиваясь от эпистолярного РЖ, лингвоперсонологический аспект предполагает не только описание отдельных параметров РЖ письма, но и выявление характеристик диалектной ЯЛ: ее уровня культуры, интересов, ценностей, типичных и индивидуальных черт в создании эпистолярных текстов. Пониманию не всегда вербализованных в письмах крестьянки смыслов способствовали долговременное включение собирателей в языковое существование говорящего и обширный архив спонтанных записей ее устной речи (в расшифровке около 10 000 печатных страниц).

Создатели моделей РЖ Т.В. Шмелева и Н.Б. Лебедева ставят параметр «Автор» на первое место. Т.В. Шмелева вслед за В.В. Виноградовым называет его «образом автора», считавшего этот феномен организующим моментом художественного текста [4. С. 95], а Н.Б. Лебедева подчеркивает, что автор «является создателем письменно-речевого знака» [14. С. 7].

Важны при изучении эпистолярного и образы адресатов, поскольку переписка – результат коммуникации, значимой для обеих сторон, однако при отсутствии несохранившихся писем диалектологов их образы можно отчасти восстановить лишь через образ самой диалектоносительницы, ее отношение к ним. Поэтому в лингвоперсонологическом исследовании основной акцент сосредоточивается прежде всего на образе автора, представленном в его письмах.

Результаты и обсуждение

Авторский образ исследуемой ЯЛ многогранен. Он постепенно раскрывается в эпистолярном тексте ее писем – как через языковые черты, так и с учетом содержательной стороны РЖ письма.

Отметим вначале особенности графики, орфографии, пунктуации автора в эпистолярном дискурсе.

Письма информанта рукописные, написаны кириллицей. Почерк Веры Прокофьевны довольно разборчивый. Слова ровно расположены в строках на разлинованных линиях:

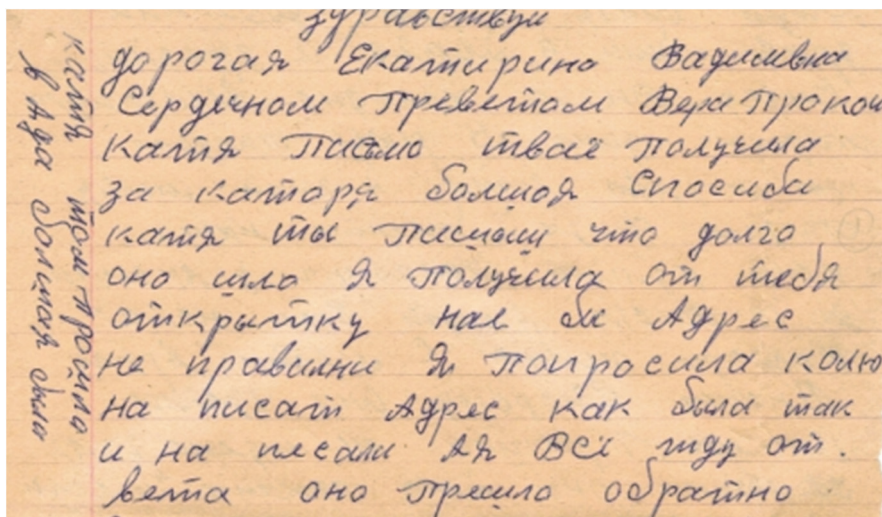

Рис. 1. Фрагмент письма В.П. Вершининой

В тексте отсутствует правильное соединение букв в слове (иногда они не соединяются вообще), высота букв или их частей не всегда одинакова, нет и равномерного расстояния между буквами, не всегда соблюдены одинаковый наклон слов в строке, плавность письма. В некоторых случаях сложно разобрать, начертана заглавная или строчная буква.

Обращает на себя внимание отсутствие некоторых букв. В письмах не зафиксирован мягкий знак как в середине слов (бол[ь]шая Спасибо; А Ете [девушки] малоден[ь]ке; А мы Скол[ь]ко рас званили [по телефону]), так и в их конце (Я Катя дома боюс[ь]; Помедоры Посеила А как буду содит[ь] не известно). Не отмечен, кроме того, и краткий, заменяемый в тексте на и (здравствуй; хлеп 5 р с копеекми), реже – на е (поёмш «поймёшь»)¹.

Причиной возникновения этих особенностей, отмечаемых также и у осваивающих письмо детей, предполагают либо из-за неумения обозначать мягкие и твердые согласные звуки на письме [23], либо из-за несовершенства слуховой дифференциации звуков [24]. В очерке современного состояния фонологических систем среднеобских говоров Г.А. Садретдинова отме-

¹ Полужирным шрифтом выделены особенности написания автора. В квадратных скобках диалектологом восстановлены пропущенные крестьянкой буквы.

чает «на путях перехода от еканья к иканию неразличение Е и И, произношение Е на месте фонематического И» [25. С. 83]. Это явление наблюдается в письмах информанта – представителя старшего поколения: *Адрес как была так и на песали, как будеш[ь] читат[ь] токую Песанину [писанину]; за летел [односельчанин] Пот камас [Камаз]сам жевои; Пожевеи[ь] у нас*. Об аналогичной орфографии как у школьников, так и у малограмотных колхозников с. Вершинино, пишет О.И. Блинова [26. С. 46]. В то же время текст диалектной ЯЛ дает несколько примеров разрушения еканья: *письмо тваё Получила; Коля Взял конверт и написал; Живут С моти врят [с Мотей в ряд]*.

Автор часто пропускает в словах гласные буквы, сохраняя согласные (*г[о]варят хорошы [картошки]; Вадим[о]вна; Я стех Пор не б[ы]ла уних; сах[а]ру савсем нет; дум[а]ю была ба Катя [дома] я бы Позванила*), поскольку последние более информативны при реализации смысловозначительной роли. В некоторых случаях безударные гласные тем не менее сохраняются: *не кто не отвечаит [по телефону]; болеит Саша Гутин брат*.

Встречается иногда замена букв по невнимательности: *Поемёте нет маю Весанину [писанину]*.

Ошибки в написании текста отражают фонетические особенности говора с. Вершинино. Широко представлено аканье: *Позванила; варуют; драва; ламали; балел; болит нага; в каропке; меня завёт Валя к себе* и др. – но встречается также и *о* в безударной позиции: *хотела; выходны, дорогия; хорошо; в городе; одна* и др.

При написании согласных также виден фонетический принцип. В слабых позициях отражается оглушение звонких: *драва были 5 берёс; едет в гор[о]т, В каропке [картошка]* и т.п. Наблюдается также смешение парных звонких и глухих в сильных позициях: *не знаю что бутет [будет] им [убившим женщину] каторы гаварят не чего не будет*

Не передаются на письме долгие согласные (*ист[ь] не магу обесилела*). Встречается упрощение групп согласных (*с прасняком [праздником]; сердеца [сердится]*), отражающееся и в устной речи, нарушение слитного или раздельного написания предлогов, союзов или приставок со словами разных частей речи (*Я пошла сними; не езвесно [неизвестно]; Атут Валя; на ругала; вкамнатушке*) и даже членение при написании самих приставок (*драва были 5 берёс и зрез[а]ли [изрезали]*).

Распространены вариативные написания в одних и тех же словах или корнях слов: *Людмила Геворгевна; людмила геворгевна; Екатирина; Екатирина; Коля Взял конверт и написал; Попросила колю на писат[ь]; Адрес как была так и на песали*.

Что касается пунктуации, то знаков препинания в письмах информанта почти нет. Отмечены только дефисы при обозначении дат (например: *13-2-1990 года*). Отсутствие точек и не всегда определенное написание слов с заглавной или строчной букв затрудняет членение текста; абзацы также не отмечаются.

Письма информанта написаны на листах, вырванных из тонких ученических тетрадей в линейку или в клетку, с односторонними полями. Объем

каждого эпистолярного текста – от страницы до двух. Носителем субстрата являются конверты. Крестьянка, невысоко оценивая свое владение письменной речью, обычно просила надписать адрес на конверте более грамотного родственника. Одно из писем, переданное в Томск адресату через племянницу вместе с посланным для посадки картофелем, было приложено к посылке без конверта. Орудие и средство написания анализируемых писем во всех случаях – шариковая ручка с пастой фиолетового цвета.

Таким образом, эпистолярные тексты демонстрируют неполное освоение малограмотной крестьянкой норм письменной речи. Вместе с тем ЯЛ освоила основные правила написания письма при соблюдении композиции этого речевого жанра.

Специфика эпистолярного дискурса диалектной ЯЛ заключается в том, что каждое ее письмо не ограничивается одним из наиболее крупных, обобщенных видов речевых жанров, выделенных Т.В. Шмелевой в предложенной ею модели РЖ [4]. Исследователь отмечает, что «Содержание П. [письма] отражает практически всё разнообразие первичных речевых жанров, т.е. с помощью П. могут решаться любые коммуникативные задачи: отмечают более двух десятков смысловых типов текста – сообщение, благодарность, соболезнование, просьба, совет, приглашение и т.д.» [17].

Письма В.П. Вершининой также отличаются этим признаком, представляя собой, таким образом, гипержанр. Под гипержанрами К.Ф. Седов подразумевает «макροобразованья, т.е. речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своём составе несколько жанров» [27].

В композицию писем исследуемого информанта входят зачин, основная часть и заключительная. Каждый из них имеет свои особенности.

Зачин содержит РЖ приветствия с обращением к адресату и представление автора.

Приветствие обозначается общерусским «здравствуй(те)»; вслед за ним используется этикетная формула «с сердечным приветом и с низким поклоном» (иногда в усеченных вариантах): *здравствуи наша дорогая Екатирина Вадим[о]вна [С] Сердечном Преветом и Снискем Поклоном; здравствуи дорогая Екатирина Вадим[о]вна [С] Сердечным Преветом Вера Прокон[ьевна]; С Преветом Вера Пр[окофьевна]*

Краткие варианты этого клише зафиксированы в некоторых словарях XX – начала XXI в.: «с дружеским, сердечным, большим и т.п. приветом» в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова [28]; «с (горячим, пламенным, сердечным...) приветом» в «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая [29. С. 405, 466]; как устойчивые словосочетания «с приветом» и «сердечный привет» отмечены в словаре Д.Н. Ушакова [30. Стб. 770] и *сердечный привет, поклон* – в «Большом академическом словаре русского языка» [31. С. 376]. Все они обозначают дружеское расположение, доброжелательность, как и в письмах Веры Прокофьевны, однако лексико-

графические источники указывают, что такие единицы употребляются в заключительной части письма, тогда как в нашем материале они входят в начальную часть эпистолярного текста.

Развернутая клишированная конструкция «с сердечным приветом и низким поклоном» ни в названных толковых, ни во фразеологических словарях А.И. Молоткова, А.И. Фёдорова и Ю.А. Ларионовой [32–34] не обнаружена. В то же время она встречается в близком к нашему варианту в письмах разного времени и лиц из разных культурных и социальных слоев: *Нижайший поклон и привет из глубины сердца* (А.П. Чехов – А.С. Суворину; 11(22) декабря 1897 г. Ницца) [35]; *Шоколад этот съеден и шлет Вам сердечный привет и с любовью низкий поклон* (А.Н. Жиглинский – матери. 25 ноября 1916 г. Действующая армия) [36]; *Крепко жму Вашу руку и шлю самый сердечный привет. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне* (Г.В. Адамович – М.А. Алданову. Париж, 7 мая 1947 г.) [37]. Возможно, встречавшееся в письмах XIX – первой половины XX в. рассматриваемое клише постепенно устаревало и в связи с этим не нашло отражения в современных словарях.

Приведенные выше примеры приветствий в зачине эпистолярных текстов диалектоносительницы содержат обращение к адресату¹. При этом автор использует именование адресата по имени-отчеству (*Людмила геворгевна, Екатирина Вадим[о]вна*), часто сопровождаемые эпитетом *дорогая/дорогие* и местоимениями *моя/мои, наша*, и сам называет себя по имени-отчеству.

Зачин писем с этикетными клише приветствия и уважительными именованиями того, к кому обращено письмо, подчеркивает дружеское отношение автора к близкому (приравненному к родственнику) человеку, которому адресовано послание, написан высоким стилем. Обязательная персонализация обозначений автора и адресата обозначает линию коммуникации, а языковые средства (приветственные клише, официальные обращения по имени-отчеству с позитивными оценочными эпитетами и притяжательными местоимениями) выполняют контактоустанавливающую функцию конкретных лиц.

Созданные диалектной ЯЛ эпистолярные тексты – преимущественно моновладельческие, однако в одном из писем автор включает в приветствие не только свое именование, но и имена нескольких односельчан, хорошо знакомых как автору, так и адресату, общающихся в селе с информантом: *здравствуи наша дорогая Екатирина Вадим[о]вна. [С] Сердечном Преветом и Снискем Поклоном Вера П[рокопьевна] Гутя коля Аня* Здесь перечислены ее родственники – племянник Коля с женой Аней, а также соседка

¹ Исследователи рассматривают обращение неоднозначно. Ряд лингвистов относят его к речевому жанру (см., например: [38]; есть также мнение, что обращение можно считать субжанром – тактикой в составе РЖ [39. С. 303]. В данном исследовании под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения» [40. С. 289–290].

Гутя. Антропонимы и местоимение «наша» (*наша дорогая*) эксплицитно расширяют образ автора, подчеркивая дружеские отношения не только между адресатом и автором письма, но и с близким кругом общения крестьянки, хорошо известным диалектологу.

От начальной рамки, маркирующей зачин письма, крестьянка переходит к основной его части. Этот раздел эпистолярного текста менее стандартен: в нем нет строгих правил содержания письма, излагаемых на усмотрение пишущего. Центральная часть, занимающая самую большую долю всего письма, представляет собой разные жанры, отличающиеся значимой для автора тематикой, стилем и разновидностями РЖ.

Переход от зачина письма к главному разделу также нередко связан с установлением или поддержанием контактов. Так, Вера Прокофьевна сообщает адресату о получении от него письма или поздравления с праздником по телефону от второго диалектолога. Информативная констатация такого факта всегда дополняется речевым жанром благодарности: *Людмила геворгевна тожса Позванила Поздравила с Праздником Спосиба Вам завсё*.

Неоднократно поднимается в переписке тема коммуникативных сбоек между автором и адресатом.

Одно из отправленных в Москву писем крестьянки, где диалектолог проходил повышение квалификации и поздравил Веру Прокофьевну с праздником, значительно задержалось. Этот эпизод в письме информанта занимает важное место. Сообщение информирует адресата о получении письма и дополняет его этикетной формулой благодарности: *Катя Письмо тваё Получила за катора бол[ь]шоя Спасиба* Комментарий диалектолога о длительности доставки письма вызывает у автора детальное описание ситуации, поясняющей причины задержки ответа и попытки его исправить: *Катя ты Пишеш[ь] что долго оно шло Я получила от тебя открытку [2 слова написано неразборчиво] Адрес не правил[ь]ни Я Попросила колю на писат[ь] Адрес как была так и на песали А Я Всё жду ответа оно Прешло обратно Елена [дочь Коли] Почту носет Коля Взял конверт и написал Адрес мы разговарев[а]ли П[о] телефону С Екатерины Петровни [матери адресата] Она дала Адрес Ваш от катен[ь]ка оно так и долго шло*

РЖ сообщения реализуется здесь в виде объяснения. В отличие от сферы науки, где «объяснение предполагает использование метаязыка, что исключено в определении, которое лаконично, стремится к универсальности, не предполагая авторской включенности» [41. С. 52], в сфере повседневной обыденности это «причина, разъясняющая что-л.» [42]. Если в научной речи при объяснении маркерами причинно-следственных связей какого-либо явления выступают причинные союзы (так как, потому что, поскольку...), каузальные глаголы и краткие причастия (это зависит от..., происходит от..., это связано с тем, что..., обусловлено...) [43. С. 261], то в письме автора аргументация задержки в переписке с адресатом представляет собой перечисление цепочки причин длительной доставки корреспонденции: неверный адрес в присланной открытке; возврат письма информанта с повтором

неверного адреса; выяснение правильного адреса у родственницы. Завершается описание подытоживанием: *от катен[ь]ка оно так и долго шло*. При объяснении ситуации диалектоносительница, возможно, чувствует себя виноватой за медлительность ответа близкому человеку и упоминает имена родственников и знакомых (Коля, Лена, Екатерина Петровна), принимавших участие в отправке ее письма по верному адресу.

В другом письме автор описывает адресату (еще находящемуся в командировке) неудачные попытки связаться с его мамой, чтобы пригласить ее к себе в гости на два совпавших по времени праздника: *А мы Скол[ь]ко рас званили [по телефону] не кто не отвечает катя званиле Екатерине Петровне Я хотела чтобы она Пр[и]ех[а]ла камне не ково нет дома ран[ь]ше званили и Вас[ь]мова марта нет <...> А Я Пекла пероги дум[а]ю была ба Катя я бы Позванила какрас масленка [совпала с 8 марта]*.

Крестьянка выбрала для коммуникации с матерью адресата не письмо, а телефонный звонок – возможно, отчасти стесняясь своей малограмотности, отчасти – предпочтя более оперативный вариант связи. В данном случае в письме к адресату также используется РЖ сообщения.

Празднование *ма'сленки* и ставшего официальным уже при советской власти Международного женского дня (наряду с праздничными датами народного календаря) значимо для пожилой женщины как продолжение привычного для диалектоносителей поддержания традиции. Информативный РЖ далее переходит в оценочный, отражающий сравнительное восприятие диалектоносительницей праздничных дат в прошлом и настоящем. Оценка проведения сельских праздников в начале XX в. дается предельно кратко в позитивном ключе, в условиях современности ситуация характеризуется более детально и получает негативную оценку: *катЯ спомним как ран[ь]ше была Весело А Сечас не где нет неково П[ь]ют кто где ~ смот[ря]т Поуглам да варуют маих соседев двере изламали и Всё Уташил у обоих итак увногев дачнек[о]в Предут мелиц[и]Я Посмотрют д[а]и всё*. Праздники прошлого ностальгически запомнились пожилому информанту как веселое времяпровождение, разнообразное и радостное общение односельчан. Масленица, восходящая к языческим праздникам и частично трансформированная после принятия христианства, отмечалась в Вершинино выпеканием блинов и различными увеселениями (по устным рассказам ЯЛ, прежде катались на санях и с горок; мужчины соревновались, залезая на гладкий столб, чтобы получить прикрепленный наверху приз; посещали родственников с угощением блинами; сжигали чучело, символизирующее уходящую зиму...). Письмо, датированное началом 90-х гг. XX в., отражает разрушение традиционных обрядов, сокращение коллективного досуга членов сельского сообщества и увеличение потребления спиртных напитков в связи с изменением социальных причин жизни крестьянства, размыванием бытовой и обрядовой сферы [44. С. 27–28].

Обращенный к молодому диалектологу в другом письме призыв приехать, чтобы повидаться, представляет императивный РЖ. В этом случае ав-

тор использует речевые тактики: он начинает с более типичной для информанта смягченной просьбы (*катя я хотел[а]ба чтобы Вы Пр[и]ех[а]ле комне хот[ь] одна када будети Выходны*) и завершается в более категоричной форме – с опережающим возможным отказ адресата аргументом о занятости и использованием повелительного наклонения (*Я знаю что Вам нет Время ну на идити и Пре[з]жаити*).

При общении диалектологов и крестьянки поддержка дружеских контактов осуществлялась не только в вербальных формах: этикет предполагал также дарение небольших подарков и гостинцев. В одном из писем Веры Прокофьевны отражается ситуация, в которой она посылает через племянницу клубни картофеля для посадки, прилагая к посылке короткое сообщение без конверта. Автор сообщает о своей посылке картофеля и его сортов: *Пос[ы]лаю Вам кортошку В каропке Внизу жолты А тут разныя <...> А я хотела [чтобы] С вали [Валей]от правили* Информативный РЖ сообщения затем переходит в императивный РЖ наставления: *Вы их разлошти тонкем Слоим Они не будут так расти* Этот РЖ связан со статусом старшего адресата и большим жизненным опытом крестьянки в сфере сельского хозяйства. Попутно заметим, что в этом письме, обращаясь к диалектологу, автор использует грамматические формы множественного числа (*Здравствуити маи дорогая*) и местоимение *Вы/вам*, подразумевая в образе адресата не только женщину, но и ее мужа как неотъемлемую часть семьи.

В письмах диалектной ЯЛ регулярно встречаются и другие темы. Она сообщает адресатам о происшествиях в селе, собственном здоровье и здоровье односельчан, событиях в их семьях, ценах в магазине, природных явлениях. За каждым из таких кратких сведений, которыми диалектная ЯЛ хочет поделиться с адресатами, стоят значимые для нее события, отражающие систему ценностей.

В сообщении о криминальном событии, произошедшем в селе, поднимается тема пьянства и бездуховности, грубого нарушения норм морали: *А тут Еще новас[ь] котори Живут С моти [Мотей] врят [в ряд] В нашу Сторону они гуляли книим Прешла женицена <...> Она бела [была] п[ь]янеца 26 лет Они все на пилис[ь] и иё розняли [«раздели»] до нага и убили и уташила до коли бросили как мат[ь] радела не знаю что бутет [будет] им каторы гаварят не чего не будет она Пела [пила] не работ[а]ла ну таскают [воруют] катя Страшно она человек не сабака Сдержанно осуждая тех, кто выбросил из дома на мороз нетрезвую женщину, Вера Прокофьевна говорит о молодой односельчанке и ценности человеческой жизни: в представлении крестьянки смерть человека намного значительнее, чем смерть животного.*

Рассказ о размолвке с давней подругой, в дом которой дочь Матрёны не пустила студентов и сопровождавшую их Веру Прокофьевну, отражает значимость для автора нормативного гостеприимства, при нарушении которого разрушаются дружеские связи: *Матрёна Артем[ь]евна бегит мала м[а]ла комне не ходет не знаю толя [то ли] Сердца или так Я тожа не хожу кода были дев[о]чке [на диалектологической практике] Я пошла сними Валя*

[дочь Матрёны]нас не пустило на ругала <...> А Ете малоден[ь]ке Пошли на хлебалис[ь] не солу от Я стех Пор не б[ь]ла уних

В текстах писем информант регулярно затрагивает тему здоровья. Сведения о болезнях драматичны для одиноко живущей пожилой женщины в ситуации, когда хозяйство требует постоянной физической нагрузки: *Сечас мален[ь]ко Получша Ест[ь] не магла тол[ь]ка Сухарик ивсё белила к паске на кухне 2 дня А вкамнатушке тожса день белила* Состояние здоровья в сознании крестьянки тесно связано с трудом и витальными потребностями: *Помедоры Посеила А как буду содит[ь] не езвесно так и болит нага и рука тепер[ь] лекиша нечего ждат[ь] тол[ь]ко жде хор[о]ша Пензию Я получила 436 рублей А кто 500 бол[ь]ша Всё дорого тожса Превозют в магазин дорого; А Я Катя болею болит желудок токия Приступы от месяца ист[ь] не магу обес[с]илила Смерте нет* Аналогичную информацию ЯЛ передает о здоровье односельчан: *Тат[ь]Яна Васил[ь]евна В городе Физа уже Пр[и]х[а]ла болеит Саша Гутин брат в больницы леж[и]т тожса за балел камене в Почкев*

Сведения о природных явлениях в Вершинино для диалектоносительницы гораздо важнее, чем для жителей города: информация об обильном снегопаде и морозе зимой (*Снегу Внога холодно*), а также о весеннем половодье (*катя [река] том[ь] Прошла вАда бол[ь]шаЯ была*) значима для сельчан: большое количество снега и мороз затрудняют уборку двора и отопление дома; разлив полноводной реки, на берегу которой стоит Вершинино, с одной стороны, препятствует совершению автобусных рейсов в областной центр; под угрозой высокого паводка могут оказаться избы, построенные слишком близко к воде; с другой стороны, *большая вода* подпитывает почву на заливных лугах, пополняет водой пересыхающее летом озерцо в середине села.

В письмах к обоим диалектологам встречается метаязыковая рефлексия автора, где диалектоносительница оценивает текст своего письма; за оценкой скрывается и извинение, и отношение к адресату как родному человеку: *Екатери́на Вадим[о]вна на сарапаю ну где Поемёш где здогадася я чюж[и]м не пишу да грам[о]тным ну ты тожса Свая радна Катя; Людмила геворгевна Поемёте нет маю Весанину [писанину].*

В основной части письма преобладает обиходно-бытовой стиль, соотносимый с понятийной сферой быта информанта. Там, где затрагивается тема смерти, есть элементы высокого стиля. Содержание этого раздела и по тематике, и по языковым средствам напоминает устный рассказ новостей приехавшим или пришедшим гостям. Здесь отсутствуют этикетные клише, преобладает общерусская лексика с вкраплениями диалектных вариантов общерусских единиц (*Снегу внога* [«много»] было; *В июле Поедет на Перацею* [«операцию»]), немногочисленны диалектно-просторечные слова и фразеологизмы (*Матрёна Артем[ь]евна бегит мала м[а]ла; Пошли на хлебалис[ь] не солу* («ничего не добившись, обманувшись в своих ожиданиях»). Доминируют в эпистолярном тексте, как и в устной речи информанта, общерусские слова. При обращении к адресатам часто используются неполные имена и диминутивы (*катя; катен[ь]ка*), часто встречаются и

имена односельчан, отмечены и сравнительные обороты (*бросили [раздетую женщину на морозе]* как *мать родела* – об обнаженном человеке; *она человек не сабака* – о человеке, не заслуживающем жестокого обращения). Отсутствует сниженная лексика.

В финальной части писем диалектная ЯЛ использует формулы прощания и высказывает адресату пожелания (*досведанеца*; ну *Пока бут[ь] здорова*; ну *буть здорова*), передаёт приветы (*Передаи Превет людмиле геворгевне и сваёй маме*), символически обозначает свое доброе отношение (*целую*), просит писать письма и навещать ее (*Пишы; Пре[из]жаи В гости*). В одном из писем автор поздравляет с праздником (не называя его), дополняя поздравление обобщенным пожеланием (*С прасняком Вас хорошо Превести [«провести»]*). Завершают письма датировка (*10-3-92 г; 13-2 1990 года; 1.5 93 года*) и фамилия автора (иногда – с сокращенными до первых букв именем и отчеством (*Вершин[и]на; Вершинина В.П.*)), в двух письмах подписи отсутствуют. Этот раздел самый краткий, в нем наблюдается смешение обиходно-бытового стиля и элементов высокого стиля с этикетными клише. Так замыкается этикетная рамка письма, обрамляя эпистолярный текст и делая его единым целым.

Выводы

Итак, анализ писем сибирской крестьянки ЕПР свидетельствует о недостаточно освоенных индивидом навыках грамотного письма (особенно в пунктуации), однако созданные ею эпистолярные тексты демонстрируют освоение их трехчастной структуры с основной частью, обрамленной этикетными зачином и концовкой. В каждой из этих частей различаются языковые средства и стили. В зачине письма представлен высокий стиль с преобладанием этикетных клише, в средней части – обиходно-бытовой стиль с нейтральной общерусской лексикой, диалектными вариантами общерусских единиц, а также диалектно-просторечной и просторечной лексикой и фразеологией, в концовке – смешанные стилевые черты от обиходно-бытового до высокого. Все эти признаки ЕПР базируются на естественной устной речи, сформировавшейся через коллективное общение и традиции социума.

Центральная часть письма наиболее ярко отражает речевые компетенции диалектной языковой личности. Её письменной речи присущи логичность, связность, отбор разнообразных сюжетов, которые связаны с ее жизнью и жизнью родственников и односельчан. В них представлены РЖ всех основных типов, выделенных Т.В. Шмелевой, с преобладанием информативных, более редки – оценочные и императивные. Письма-гипержанры включают разновидности РЖ (так, наряду с сообщениями имеют место сообщения-объяснения, сообщение-наставление), встречаются и гибридные РЖ.

Тематическое содержание жанров (коммуникативные сбои в переписке или общении; происшествия в селе, здоровье автора и односельчан, события в их семьях, цены в магазинах, природные явления) раскрывает систему

ценностей носителя традиционной культуры. В их числе – здоровье, достаток в хозяйстве, этические нормы речевого поведения, традиции. При этом главная цель писем информанта – коммуникативная, предполагающая сохранение коммуникации, по определению «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» – «общения, приводящего к взаимопониманию, устанавливающее как личностные отношения, так и тип гибкого социального порядка...» [45]. Эта цель, так или иначе проявляющаяся во многих фрагментах письма, говорит о потребности носителя народно-речевой культуры в личностном общении как одной из главных ценностей, которые в течение всей ее жизни сформировали в сельском сообществе большая семья, многочисленные родственники, взаимопомощь сельчан в коллективном труде, общее участие в праздниках и обрядах, закрепившие необходимость и привычку постоянного общения. Прочные связи в составе семьи, родных и близких помогают в трудных жизненных ситуациях, создают ощущение комфорта.

Отраженный в письмах образ автора репрезентирует типичного представителя старожильского села, сохранившего черты среднеобского говора, нормы речевого поведения, глубоко заложенные нравственные устои этики. Как кооперативная языковая личность он широко владеет этикетными формулами, может использовать варьирующиеся стратегии, регулируя речевые контакты с собеседником. Интересно, что автор выступает в письмах не как отдельный субъект, а как группа близких родственников и сельчан, представляющих в эпистолярной единую группу, в которую входит и он. Адресаты, с которыми переписывается информант, также воспринимаются автором как родственные семейные группы – жена и муж, дочь и мать...

Контакты с диалектологами и письма, относящиеся к фатическим речевым жанрам, были особенно важны нашему информанту, потерявшему семью и нуждавшемуся в общении, воспринимая вузовских преподавателей из другой социальной страты как родных.

Перспективы данного исследования видятся в изучении эпистолярных жанров диалектных языковых личностей разного возраста, пола и образования, выявлении типологических черт носителей местных говоров с точки зрения их сохранности или трансформации.

Список источников

1. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
2. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 249–299.
4. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–99.
5. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
6. *Гольдин В.Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. 1997. № 1. С. 23–34.

7. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. 1999. Вып. 2. С. 4–6.
8. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. 2002. № 3. С. 5–8.
9. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
10. Сусов И.П. Лингвистика между двумя берегами // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 9–14.
11. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С. 23–40.
12. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 2, ч. 1. С. 313–318.
13. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Языковая личность и речевые жанры // Основы психолингвистики : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 161–175.
14. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2001. № 1-2. С. 4–10.
15. Лебедева Н.Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 257–263.
16. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2001. С. 260–261.
17. Шмелева Т.В. Письмо 1 // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 438–439.
18. Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения: на материале рукописных и опубликованных текстов XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 24 с.
19. Крючкина Н.Ю., Рабенко Т.Г. Личное письмо как жанр естественной письменной речи: гендерный аспект // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Кемерово, 2016.– С. 175–180.
20. Лебедева Н.Б., Рабенко Т.Г. Тексты естественной письменной речи как проявление ценностных доминант рядового носителя языка (на материале родительских писем) // Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 112–125.
21. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.
22. Иванцова Е.В., Соломина Е.В. Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 14–27.
23. Большой вопрос.ру. Почему ребенок при письме пропускает мягкий знак. URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3130876-pochemu-rebenok-pri-pisme-propuskaet-mjagkij-znak.html?ysclid=lv5jcfyx3s883204879> (дата обращения: 19.04.2024).
24. Короткова О.В. Дифференциация Й–Е // Открытый урок Первое сентября. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/585138?ysclid=lv513uko36540175961> (дата обращения: 19.04.2024).
25. Русские говоры Среднего Приобья / О.И. Блинова, Л.А. Захарова, О.Н. Киселева, В.В. Палагина, Г.А. Садретдинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. Ч. 1. 208 с.
26. Блинова О.И. Фонетические особенности говора с. Вершинина Томской области // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С. 40–56.
27. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 14–15.

28. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82?ysclid=lsg7y020vr240043499> (дата обращения: 15.07.2024).
29. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
30. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.
31. Большой академический словарь русского языка. Т. 20. М. ; СПб. : Наука, 2012. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2627> (дата обращения: 16.07.2024).
32. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Русский язык, 1978. 543 с.
33. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.
34. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014. 512 с.
35. Этикетно-эпистолярные единицы в письмах А.П. Чехова. URL: https://studbooks.net/2147271/literatura/kontsovska_pisma?ysclid=lznb42su3q658388843 (дата обращения: 25.08.2024).
36. Жиглинский А.Н. «Я горд тем, что могу быть полезен России...»: (Письма русского офицера) // Сенявская Е.С. Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 111–135.
37. «Не скрывайте от меня вашего настоящего времени»: переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева. URL: <https://readli.net/ne-skryivayte-ot-menya-vashego-nastoyashhego-mneniya-perepiska-g-v-adamovicha-s-m-a-aldanovyim-1944-1957/> (дата обращения: 17.08.2024).
38. Бирюлина А.И., Моисеев А.П. Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 8 (76). С. 223–228.
39. Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 428 с.
40. Русский язык : энцикл. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М. : БРЭ; Дрофа. 1997. 772 с.
41. Шкурина Н.В. Объяснение и определение: специфика текстовой организации // Филологический класс. 2014. № 4 (38). С. 50–53.
42. Ефремова Т.Ф. Толково-образовательный словарь русского языка. 2000. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D1%8F%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5?ysclid=lw7zh3fa67662405337> (дата обращения: 07.07.2024).
43. Трошева Т.Б. Объяснение // Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 260–263.
44. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: напитки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 17–35.
45. Федотова В.Г. Коммуникация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 11.08.2024).

References

1. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Phenomenon of Dialectal Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: Fundamentals of the Theory of Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Bakhtin, M.M. (2000) Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: Bakhtin, M.M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: On the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg. pp. 249–299.
4. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of Speech Genre]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 88–99.
5. Fedosyuk, M.Yu. (1997) Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved Issues in the Theory of Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 102–120.
6. Gol'din, V.E. (1997) Imena rechevykh sobyitiy, postupkov i zhanry russkoy rechi [Names of speech events, actions and genres of Russian speech]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 1. Saratov: Kolledzh. pp. 23–34.
7. Gol'din, V.E. (1999) Problemy zhanrovedeniya [Problems of genre studies]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 2. Saratov: Kolledzh. pp. 4–6.
8. Gol'din, V.E. & Dubrovskaya, O.N. (2002) Zhanrovaya organizatsiya v aspekte sotsial'nykh vzaimodeystviy [Genre organization in the aspect of social interactions]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 3. Saratov: Kolledzh. pp. 5–8.
9. Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow: Znack.
10. Susov, I.P. (1987) Lingvistika mezhdv dvumya beregami [Linguistics between two shores]. In: *Yazykovo obshchenie: edinit'sy i regul'yativy* [Language communication: units and regulators]. Kalinin. pp. 9–14.
11. Sedov, K.F. (2009) Yazykoznanie. Rechevedenie. Genristika [Linguistics. Speech science. Genres]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 6. Saratov: Kolledzh. pp. 23–40.
12. Dement'ev, V.V. (2011) Aspekty problemy "Rechevoy zhanr i yazykovaya lichnost'" [Aspects of the problem "Speech genre and language personality"]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo un-ta im. V.I. Vernad'skogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 24 (63):2 (1). pp. 313–318.
13. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2001) Yazykovaya lichnost' i rechevye zhanry [Language personality and speech genres]. In: *Osnovy psikholingvistiki: ucheb. posobie* [Fundamentals of psycholinguistics: textbook]. 3rd ed. Moscow. pp. 161–175.
14. Lebedeva, N.B. (2001) Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written Russian speech as an object of linguistic research]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1-2. pp. 4–10.
15. Lebedeva, N.B. (2000) [Russian natural written speech: problems and tasks of laboratory research]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical issues of Russian studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257–263. (In Russian).
16. Lebedeva, N.B. (2001) [Natural written Russian speech: problems of study]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. International Congress of Russian Language Researchers: Works and Materials. Moscow. pp. 260–261. (In Russian).
17. Shmeleva, T.V. (2014) Pis'mo 1 [Letter 1]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik* [Effective speech communication (basic competencies): reference dictionary]. 2nd ed. Krasnoyarsk. pp. 438–439.
18. Kabanova, T.N. (2004) *Epistolarnyy tekst chastnoy perepiski v aspekte teorii rechevogo obshcheniya: na materiale rukopisnykh i opublikovannykh tekstov XX v.* [Epistolary text of private correspondence in the aspect of speech communication theory: based on handwritten and published texts of the 20th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
19. Kryuchkina, N.Yu. & Rabenko, T.G. (2016) Lichnoe pis'mo kak zhanr estestvennoy pis'mennoy rechi: gendernyy aspekt [Personal letter as a genre of natural written speech: gender aspect]. In: *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy aspekty* [Natural written Russian speech: research and educational aspects]. Kemerovo. pp. 175–180.

20. Lebedeva, N.B. & Rabenko, T.G. (2020) Teksty estesvennoy pis'mennoy rechi kak proyavlenie tsennostnykh dominant ryadovogo nositelya yazyka (na materiale roditel'skikh pisem) [Texts of natural written speech as a manifestation of value dominants of an ordinary native speaker (based on parents' letters)]. *Kul'tura i tekst*. 3 (42). pp. 112–125.
21. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialectal language personality in the genre aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
22. Ivantsova, E.V. & Solomina, E.V. (2014) On effective methods of recording spontaneous oral speech in the study of language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 14–27. (In Russian).
23. Bolshoy Vopros. (2024) *Pochemu rebenok pri pis'me propuskaet myagkiy znak* [Why a child skips a soft sign when writing]. [Online] Available from: <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3130876-pochemu-rebenok-pri-pisme-propuskaet-mjagkij-znak.html?ysclid=lv5jcfyx3s883204879> (Accessed: 19.04.2024).
24. Korotkova, O.V. (2024) *Differentsiatsiya Y–E* [Differentiation of Y–E]. [Online] Available from: <https://urok.1sept.ru/articles/585138?ysclid=lv5l3uko36540175961> (Accessed: 19.04.2024).
25. Blinova, O.I. et al. (1985) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
26. Blinova, O.I. (1976) Foneticheskie osobennosti govora s. Vershinina Tomskoy oblasti [Phonetic Features of the Dialect of the Village of Vershinino, Tomsk Oblast]. In: *Voprosy russkogo yazyka i ego govorov* [Issues of the Russian Language and Its Dialects]. Tomsk. pp. 40–56.
27. Sedov, K.F. (2007) Psikholingvisticheskiy aspekt izucheniya rechevykh zhanrov [Psycholinguistic Aspect of the Study of Speech Genres]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow. pp. 14–15.
28. Kuznetsov, S.A. (2024) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82?ysclid=lsg7y020vr240043499> (Accessed: 15.07.2024).
29. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow: AST-PRESS.
30. Ushakov, D.N. (ed.) (1939) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
31. Gerd, A.S. (2012) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 20. Moscow; St. Petersburg: Nauka. [Online] Available from: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2627> (Accessed: 16.07.2024).
32. Molotkov, A.I. (ed.) (1978) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
33. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: AST: Astreld'.
34. Larionova, Yu.A. (2014) *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Adelant.
35. Studbooks.net. (2024) *Etiketno-epistol'yarnye edinitsy v pis'makh A.P. Chekhova* [Etiquette and epistolary units in the letters of A.P. Chekhov]. [Online] Available from: https://studbooks.net/2147271/literatura/kontsovka_pisma?ysclid=lznb42su3q658388843 (Accessed: 25.08.2024).
36. Zhiglinskiy, A.N. (1997) “Ya gord tem, chto mogu byt' polezen Rossii...”: (Pis'ma russkogo ofitsera) [“I am proud that I can be useful to Russia...”: (Letters of a Russian officer)]. In: Senyavskaya, E.S. *Chelovek na voyne: Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [Man at war: Historical and psychological essays]. Moscow. pp. 111–135.

37. Korostelev, O.A. (ed.) (n.d.) "Ne skryvayte ot menya vashego nastoyashchego vremeni": perepiska G.V. Adamovicha s M.A. Aldanovym (1944–1957) ["Do not hide your present time from me": correspondence of G.V. Adamovich with M.A. Aldanov (1944–1957)]. [Online] Available from: <https://readli.net/ne-skryivayte-ot-menya-vashego-nastoyashchego-mneniya-perepiska-g-v-adamovicha-s-m-a-aldanovym-1944-1957/> (Accessed: 17.08.2024).
38. Biryulina, A.I. & Moiseev, A.P. (2009) Funktsional'naya napravlennost' sredstv khudozhestvennoy vyrazitel'nosti v zhanre rechevogo etiketa obrashcheniya [Functional orientation of means of artistic expression in the genre of speech etiquette of address]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 8 (76). pp. 223–228.
39. Sedov, K.F. (1999) *Stanovlenie struktury ustnogo diskursa kak vyrazhenie evolyutsii yazykovoy lichnosti* [Formation of the structure of oral discourse as an expression of the evolution of language personality]. Philology Dr. Diss. Saratov.
40. Karaulov, Yu.N. (ed.) (1997) *Russkiy yazyk: entsikl.* [Russian language: encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: BRE; Drofa.
41. Shkurina, N.V. (2014) Ob'yasnenie i opredelenie: spetsifika tekstovoy organizatsii [Explanation and definition: specifics of text organization]. *Filologicheskii klass*. 4 (38). pp. 50–53.
42. Efremova, T.F. (2000) *Tolkovo-obrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory and Educational Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D1%8F%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5?ysclid=lw7zh3fa67662405337> (Accessed: 07.07.2024).
43. Trosheva, T.B. (2003) Ob'yasnenie [Explanation]. In: Kozhina, M.N. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Stylistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow. pp. 260–263.
44. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2017) Transformation of the Siberian food tradition in the discourse of a dialectal language personality: drinks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 17–35. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/50/2
45. Fedotova, V.G. Kommunikatsiya [Communication]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (Accessed: 11.08.2024).

Информация об авторе:

Иванцова Е.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии при кафедре русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Ivantsova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.06.2024;
одобрена после рецензирования 05.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 06.06.2024;
approved after reviewing 05.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 81'28
doi: 10.17223/19986645/91/4

Зооморфный код вологодских говоров: деривационный аспект

Елена Николаевна Ильина¹, Светлана Алексеевна Ганичева²

^{1, 2} *Вологодский государственный университет, Вологда, Россия*

¹ *filfak@list.ru*

² *sganicheva@mail.ru*

Аннотация. Описывается морфемная и словообразовательная структура анималистической лексики говоров Вологодской области. Исследуются общезыковые свойства и локальные черты диалектных словообразовательных гнезд и аффиксальных парадигм, в составе которых представлены слова, называющие животных, и их производные. Комментируется внутренняя форма анималистической лексики в связи с осмыслением феномена диалектной языковой картины мира. Делаются выводы о специфике зооморфного кода крестьянской культуры Европейского Севера России.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная лексикография, морфемная и словообразовательная структура слова, говоры Вологодской области

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

Для цитирования: Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Зооморфный код вологодских говоров: деривационный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 70–83. doi: 10.17223/19986645/91/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/4

Zoomorphic code of Vologda dialects: A derivational aspect

Elena N. Ilyina¹, Svetlana A. Ganicheva²

^{1, 2} *Vologda State University, Vologda, Russian Federation*

¹ *filfak@list.ru*

² *sganicheva@mail.ru*

Abstract. The necessity to study the derivational potential of the word in Russian territorial dialects determines the relevance of the research. The authors of the work focus on the animalistic vocabulary from Vologda dialects reflected in the published

editions and the card index of the Vologda dialects dictionary. This animalistic vocabulary contains more than 850 names, with more than 300 names of pets, about 150 names of wild mammals, more than 100 names of birds as well as names of fish, insects etc. We comment on the inner form of animal names, describe general language features of these words' structure (predominance of Russian morphemes in their structure and formation of most of these words according to general language derivational models) and their local features: presence of dialect names, conservation of more archaic distribution and general language word semantics in the analyzed words, different derivational potential of all-Russian words in the standard language and the analyzed dialects. We analyze the lexical structure and derivational relations in dialect derivational word-families either formed from names of animals or including them as derivative words. We make conclusions about the specificity of modern Vologda dialects' "zoomorphic code" based on this information and results of content analysis of statements about animals received in expeditionary observations of the speech of villagers from Vologda Oblast. This work proves that verbalization of "animal world" in Vologda dialects is a system of one-word and composite nominations, their inner form and contextual environment represent typological properties of the dialect linguistic view of the world: priority of human biological survival in harsh environmental conditions and its social adaptation in peasant community, traditionalism and expressiveness. The "animal world" in its objective, axiological and actional components is a part of the dialect linguistic view of the world, including features of inanimate nature, flora, and the human world. The "zoomorphic code" of the analyzed dialects finds its manifestation in an inseparable connection between the "animal world" and the "human world", which is reflected in the parallel wording of the most important physiological processes (conception, pregnancy, birth of offspring; caring for children and animals; illness and death) as well as in the realization of typical schemes of the semantic transfers linking events of the "human world" and the "animal world" in a single semiotic unit.

Keywords: Russian dialectology, dialect lexicography, morphemic and word-formation structure of words, dialects of Vologda Oblast

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00123.

For citation: Ilyna, E.N. & Ganitcheva, S.A. (2024) Zoomorphic code of Vologda dialects: A derivational aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 70–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/4

Введение. Исследование *зооморфного кода* культуры составляет одну из актуальных проблем лингвокультурологии, во-первых, в силу необходимости выявления и описания наиболее значимых кодов человеческой культуры, находящихся своё отражение в языке, а во-вторых, по причине потребности в спецификации проявления этих кодов в различных языках мира, а также в различных коммуникативных сферах, жанрах устнопоэтического и литературного творчества, идиоматических выражениях и пр.¹ Самостоятельную научную проблему изучение зооморфного культурного кода имеет

¹ Обзор научных публикаций, предметом изучения которых являются структурная организация, семантика и функционирование анималистической лексики, представлен в коллективной монографии, подготовленной при непосредственном участии авторов данной статьи [1. С. 9–16].

для русской диалектологии: это определяется в первую очередь спецификой восприятия мира сельскими жителями, бытовая и духовная культура которых теснейшим образом связана с природой, а присущие диалектной картине мира оценочность и экспрессивность определяют многочисленность в говорах анималистической лексики с прозрачной внутренней формой [2. С. 140–202].

В данной статье изучение зооморфного кода русского языка связано с осмыслением локального речевого контента, систематизированного по результатам диалектологических экспедиций в центральную и восточную части Вологодской области. С учётом уже сделанных ранее наблюдений относительно лексического состава, семантики и функционирования анималистической лексики в представленных на этой территории белозерско-бежецких и вологодских говоров мы обращаем внимание на специфику деривационных связей этих слов в системе диалектного словообразования, с одной стороны, с целью выявления региональной специфики этой системы [3], а с другой стороны, приближая появление исследований обобщающего характера, посвящённых системному описанию зооморфного кода русской культуры, основанных на осмыслении максимально полного и разнообразного речевого материала¹.

Ближайшей практической целью нашего исследования является характеристика структурных особенностей лексики, называющей и характеризующей животных, в формате диалектного словаря корневых гнезд и аффиксальных парадигм: в настоящее время этот лексический материал введён в электронную базу данных диалектного словаря строения слов и на равных основаниях с другими словами этого ресурса включён в систему поиска слов по различным показателям их морфемной структуры [5] – хотелось бы понять, могут ли быть использованы для этого лексического множества какие-либо иные возможности поиска и сортировки данных.

Основная часть. Исследователи анималистической лексики русских народных говоров отмечают многочисленность таких слов в диалектной системе, обращают внимание на «естественную» систематику животного мира в языковом сознании диалектоносителей, а также на неразрывную связь «мира животных» с «миром человека» в диалектном языковом сознании [6. С. 183–184]. Эта связь проявляется в параллельном для человека и животного ословливание наиболее важных физиологических процессов: зачатие, беременность и рождение потомства; уход за младенцами и детёнышами; болезнь и смерть и др. [7. С. 176]. «Мир животных» является одной из важнейших составляющих диалектной картины мира. Как *объектная* составляющая здесь представлены *домашние* (сельскохозяйственные животные, домашняя птица, животные-компаньоны) и *дикие* животные (звери, птицы, рыбы и «гады»: мелкие млекопитающие, насекомые, пресмыкающиеся, и

¹ В качестве ориентира с точки зрения полноты описания нам видится монография А.В. Гуры [4].

др.). *Оценочная* составляющая касается внешнего вида животных, их физиологических параметров, особенностей проживания, питания поведения и пр., что в конечном итоге определяет получаемую от животного практическую пользу для человека. *Акциональную* составляющую определяют способ передвижения животного в пространстве, характер поведения единичной особи или их совокупностей, особенности физиологических действий взрослого животного и детёныша, сильного и слабого животного, самца и самки, а также специфика действий человека по отношению к домашним (выращивать, кормить, охранять, получать полезный продукт) или диким (охотиться, обороняться) животным.

В исследуемых нами говорах Вологодской области зафиксировано около 850 слов, называющих животных. Это названия домашних животных, имеющих сельскохозяйственное значение, домашней птицы и животных-компаньонов, а также названия диких животных и птиц, рыб и насекомых. Наибольшее число названий среди домашних животных имеют корова (39) и курица (38), а среди диких животных – медведь, лось (по 17), заяц (14), кабан (9), белка, крот, мышь, лиса, кукушка (7).

Для названия **домашних животных** в исследуемых говорах зафиксировано более трёхсот слов. Это общерусские общие названия (*живность, животина, скот, скотина*), общерусские и диалектные названия крупного (*бык, дойка, теля*) и мелкого (*баран, ягушка, козлица*) рогатого скота, лошадей (*конь, жерёба, стрижок*), свиней (*вепрь, рюха*), кроликов (*кролик, кролика*), домашней птицы (*певень, кутя, цыпля*) и животных-компаньонов (*кот, кавка, пёс, кутя*). Большинство этих названий обнаруживает формальные и семантические признаки производности¹.

В сфере *отсубстантивного образования* маркируются семантика самки животного (*козлуха, селезниха*), детёныша (*вепрёнок, собачонок*), разнообразная оценочная семантика (*кобелина, лошаде́нка, петухан, сучошка*), а также связь названия животного с занятиями людей (*запастушник* ‘телёнок’) и различными предметами их хозяйственной деятельности (*ведерница* ‘корова’, *колокольница* ‘корова’, *подсуслонник* ‘цыплёнок’). Учитываются также взаимодействия между названиями взрослых животных и детёнышей (*цыплетуха* ‘курица’, *подсвинок* ‘поросёнок’). Маркируются социальные ценности: *таланушка* ‘корова’ – ср.: *талан, талань* ‘счастье, судьба, доля’ [8. Вып. 11. С. 5].

Семантика *отглагольных существительных* связана с характерным для животного действием: *парунья* ‘курица’ – ср.: *парить* ‘не нести яиц, проявлять беспокойство, собираясь высидывать цыплят’ [8. Вып. 7. С. 9], *припусток* ‘телёнок’ – ср.: *припускать* ‘производить на свет, рожать’ [8. Вып. 8. С. 59] и др., а также с именованнием хозяйственных действий человека по отношению к животному: *дойка* ‘корова’, *опоек, откормыш* ‘телёнок’ и др.

¹ Наиболее подробно о семантике производных названий животных писала Т.И. Вендина в связи с осмыслением феномена диалектной языковой картины мира [2].

Отадъективные производные реализуют семантику носителя качественного признака (*пеструха*, *яловка* 'корова', *воронуха*, *карюха*, *чалка* 'лошадь', *серавка* 'овца', *сивко* 'поросёнок', *молодка*, *рябуха* 'курица', *ярун* 'баран'), а также признака по отношению к действию (*холёнушка* 'корова' – ср.: *холёный*, *холить*) или предмету (*годовушка* 'тёлка' – ср.: *годовой*, *год*).

Производные названия животных, образованные с участием количественных и порядковых числительных, эксплицируют семантику возраста (*двулеток* 'бык в возрасте двух лет', *однолеток* 'годовалый жеребёнок') или физиологического состояния животного (*первотёлка*, *первотёлок* 'корова после первого отёла'), а также количества животных одного помёта (*двойники*, *тройники* 'два, три детёныша, одновременно рожденные одной матерью').

Сложные существительные с первоэлементом *сам-* реализуют значение действия, выполняемого животным не по заведённому порядку: *самосадка*, *самоседка* 'курица, откладывающая яйца в неположенном месте', *самолайка* 'склонная к беспричинному лаю собака' [9. С. 114–116].

Особую группу составляют производные, внутренняя форма которых связана со звукоподражаниями и подзывными словами: *депа*, *депочка* 'телёнок', *чага*, *чака*, *чёга*, *чёка*, *чига* 'овца', *пикун* 'цыплёнок' и др.

В сфере образования производных названий домашних животных наиболее широко представлены случаи словообразовательной синонимии: *гусиха*, *гуска* 'гусыня', *комолка*, *комлюха* 'безрогая корова', *недоёнок*, *недоюха* 'корова, дающая мало молока', *телица*, *тёлка*, *телушка* 'молодая, ещё не телившаяся корова, тёлка', *ягнятко*, *ягушек* 'ягнёнок', *петко*, *петун* 'петух', *собаченёнок*, *собачонок*, *собачошко* 'щенок' и др., а также фонематического варьирования морфем: *малька*, *маська* 'овца', *цыплёнок*, *цыпнёнок*, *цылюшка*, *цыренька* 'цыплёнок', *клокуша*, *клохтунья* 'курица' и др. Это вполне закономерно, так как образование названий домашних животных составляет в говорах весьма актуальную сферу действия словообразовательных типов, активных в устной разговорной речи [10. С. 41–43].

Во внутренней форме названий домашних животных актуализированы различные составляющие, имеющие непосредственное отношение к хозяйственной деятельности человека. Это, во-первых, половые и возрастные характеристики животных: *свинюха* 'свинья', *свинёнок* 'поросёнок' – ср.: *свин* 'боров'. Во-вторых, это физиологические особенности животных, связанные со способностью к продолжению рода: *валух* 'кастрированный козёл' – ср.: *валить* 'кастрировать', *нетель* 'тёлка', *яловка* 'неоплодотворенная корова'. В-третьих, это отличительные черты внешнего облика и поведения животных: *комолка* 'безрогая корова', *отыло* 'жирное, откормленное животное', *толкун* 'бык' и др. В-четвёртых, это хозяйственная продуктивность животного: *ведерница*, *доёнка* 'корова, дающая ведро молока за удой', а также связь с различными составляющими содержания и ухода: *колоколена* 'любое домашнее животное с колокольцем на шее', *запастушник* 'телёнок', *откормошник* 'откармливаемое на убой животное' и др.

Названия *диких животных* (млекопитающих, птиц, рыб и пр.) представлены, во-первых, общерусскими и диалектными обобщающими названиями

(*дичьё*, *зверьё*, *лешня* 'общее название диких животных', *птица*, *потка* 'общее название птиц', *меево*, *моль*, *сегодка* 'общее название мелкой рыбы', *букарка*, *букараха*, *букарина*, *букашка* и др. 'общее название насекомых'), а во-вторых, преимущественно видовыми названиями этих животных (наиболее разнообразны среди них названия диких млекопитающих: медведя, волка, лисы, лося, зайца, белки и др.).

Отсубстантивные производные названия диких животных также реализуют семантику женскости (*медведиха*, *сохатиха*, *лиска*), невзрослости (*медведёнок*, *лисёнёнок*, *лосёныш*), оценочности (*медвежище*, *векишоночек*, *волчок*), а также маркируют характерные отличительные особенности животного (*горбач*, *матросник* 'окунь', *ушан*, *ушкан* 'заяц'), в том числе внешнее подобие предметам неживой природы (*батман* 'медведь'¹, *вертеленка*, *веретенница* 'безногая ящерица', *лапотник* 'таракан'), время пребывания на исследуемой территории (*зимец* 'снегирь'), место проживания (*мошник*, *польник*, *поляш* 'тетерев') и продукты жизнедеятельности (*теньятник* 'паук', *медовица*, *медуница* 'пчела').

Отглагольные дериваты эксплицируют характерные для животного действия (*шатун* 'медведь', *рытик* 'крот', *секач* 'кабан' и др.) и коммуникативные сигналы (*кукуля*, *кукуша* 'кукушка', *пискун* 'сверчок').

Отадъективные производные называют носителя качественного признака: *слепыш* 'крот', *рябок* 'рябчик', *площица* 'вошь' (в том числе и образованные в результате субстантивации прилагательных: *долгая* 'змея', *серый* 'волк'), а также признака по отношению к предмету (*головастик* 'головастик' – ср.: *головастый*, *голова*).

Производные, включающие в себя несколько корневых морфем, объективируют внешние отличительные особенности диких животных (*зубодавка* 'щука', *куцехвостый* 'заяц', *палаголовец*, *пологоловец* 'головастик', *семиглазка* 'минога'), характерные для них особенности действия (*кроторойка* 'крот', *самоед* 'щука', *ишикопол* 'дрозд') и др.

Обращают на себя внимание простые и составные наименования диких животных, соотносящие их с названиями домашних животных (*корова*, *освиha* 'самка лося' – ср.: *ослиha* 'самка осла', *богов конёк*, *травяная кобылка* 'кузнечик'), а также других живых существ (*Михайло Потапыч* 'медведь'), реализующих различные социальные роли (*матка* 'пчела', *мачеха* 'кукушка') или оценочно характеризруемых (*гадина* 'мышь', *стерва* 'змея').

Следует заметить, что производная лексика этой сферы достаточно часто используется для различения взрослых (крупных, в полной мере реализующих свои биологические функции, вполне пригодных для охоты, рыболовства, употребления в пищу и пр.: *лосиха*, *сохатиха* – ср.: *лось*, *сохат* 'лось') и невзрослых (мелких, недостаточно развитых, непригодных для практического использования – *лосёныш*) животных, названия отдельных особей (*окунёк*, *окушок* 'окунь', *гадина* 'мышь') и их нерасчленённого множества (*окуньё* 'соби́р. окуни', *гадьё* 'соби́р. мыши').

¹ Ср.: *батман* 'связка лука или чеснока' [8. Вып. 1. С. 24].

Производные существительные, образованные от названий диких животных, эксплицируют экспрессивную оценку объекта номинации говорящим (*медведятина*, *медвежник* 'медведь', *волчара*, *волчина*, *волчище* 'крупный, матёрый волк'), а также называют мясо и / или шкуру животного, если образуются от названий млекопитающих и птиц, служащих объектом охоты: *заяц* – *зайчатина*, *рябок* 'рябчик' – *рябчатина*).

Производные прилагательные называют признак по принадлежности животному (*векиша* 'белка' – *векишный*, *лягуша* 'лягушка' – *лягуший*), а также сравнительно-уподобительный признак (*по-змеючы* 'по-змеиному', *по-кукушы* 'как кукушка').

Производные глаголы имеют значение действия, приписываемого животному или сообщаемого объекту свойства этого животного: *кабанеть* 'полнеть, толстеть', *щучить* «бранью доводить до отрицательного состояния».

Ресурсы неморфемного словообразования проявляют здесь меньшую активность по сравнению с названиями домашних животных, однако реализуют типичные семантические модели: а) «название человека, обнаруживающего сходство с животным во внешнем облике или в поведении» (*росомага* 'неопрятная, растрёпанная женщина', *распетушь* 'неряшливо, нелепо одетая, непричёсанная женщина'); б) «название предметов неживой природы, обнаруживающих внешнее сходство с животным» (*жавората*, *жаворатки* 'маленькие сдобные булочки в виде птичек, выпекаемые по обычаю в начале весны', *медведко* 'связка лука, чеснока', *таракан* 'заколка для волос').

Обращает на себя внимание активность образования производных слов от видовых названий домашних и диких животных. Среди **комплексных единиц словообразовательной системы** исследуемых говоров наиболее многочисленный и разнообразный лексический состав имеет словообразовательное гнездо с вершиной *корова*. От него образуются многочисленные имена существительные, эксплицирующие оценку (*коровёнка*, *коровка*, *коровуха*, *коровушка* и др.), существительные со значениями собирательности (*коровьё*) и вещественности (*коровина*, *коровятина* 'мясо коровы'), конкретные существительные, называющие помещение для скота (*коровник*) и человека, ухаживающего за скотом (*коровница*), предметы природного мира (*коровка*, *коровушка*, *короватик*, *короватник*, *коровятник* 'гриб') и хозяйственной деятельности человека (*коровка* 'выемка, углубление, гнездо в конце бревна, куда вставляется выступ другого; паз' [8. Вып. 3. С. 107]), имена прилагательные, маркирующие отношение к животному или принадлежность ему (*коровий*), а также глаголы состояния, внутренняя форма которых уподобляет внешний облик человека животному (*короветь* 'толстеть, полнеть' и его производные: *закороветь*, *раскороветь* и др.). Это же существительное представлено во многих диалектных фразеологизмах (♦ *Заползать на коровках*¹ 'стать немощным, неспособным что-либо делать вслед-

¹ Ср. также: *Встать коровой (коровушкой)* 'встать на четвереньки' (картотека «Словаря вологодских говоров»).

ствие наступления старости'), формулах народного этикета (◇ *Море под коровой (под кормилицей, под маткой)* 'пожелание женщине, доящей корову' [8. Т. 5. С. 3]) и др.

В целом от производящих слов анималистической семантики образуются производные продуктивных в общезыковой системе моделей морфемного, неморфемного и смешанного словообразования – отличия здесь будут проявляться преимущественно в составе производящих основ (*вепрёнок* 'кабанёнок', *векшонок* 'бельчонок'), в более широком выборе средств реализации словообразовательного значения (*волчара, волчина, волчице* 'взрослый, большой волк', *лисёнок, лисёнок, лисёныш, подлисок* 'детёныш лисы'), а также в весьма заметном варьировании фонемного состава морфем и основ: *молява, мулява* 'мелкая рыба', *веретеница, веретельница* 'безногая ящерица' и др.

Представление анималистической лексики **в диалектных словарях**, отражающих специфику структурной организации слов, осуществляется либо в составе диалектных словообразовательных гнезд [11], либо в составе комментируемых авторами словаря словообразовательных типов [12]. Размышляя о том, как эта лексика может быть представлена в формате электронного словаря диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм, обратимся к примерам её репрезентации в диалектном гнездовом словообразовательном словаре [11], а также в мотивационном диалектном словаре, объективирующем отношения формальной и семантической вторичности в исследуемой совокупности диалектов [12] – оба эти словаря характеризуют словообразовательную систему сибирских старожильческих говоров территорий среднего течения реки Оби.

Авторы словообразовательного словаря разграничивают словообразовательные гнезда, вершинами которых являются сосуществующие в диалектной системе варианты слов (*журавль, журавель, журав* 'птица журавль' [11. С. 235–236]), разграничивают названия животных и образованные от них семантические производные (например, 1. *бык* 'самец коровы' и 2. *бык* 'мыс в реке' [11. С. 72]), *голубь* 'птица' и *голубь*₂ 'ласковое название мужчины' [11. С. 139]), приводят лексически тождественные однокоренные образования в составе словообразовательных парадигм (например, *гусёнок* и *гусенёнок* 'детёныш гуся', *гусиха, гусица* 'самка гуся' [11. С. 166]), толкуют значения производных слов через соотношение семантики мотивирующего и мотивированного слов с учетом семантики словообразовательного средства (например, *гусятник* '1. Лицо по объекту охоты. 2. Помещение по объекту расположения. 3. Растение – объект питания' [11. С. 166]), учитывают фонематические изменения морфем и основ в процессе словообразования (например, *ельчик* (*е / ø, ы / ч*). Уменьш.-ласк. к *елец* 'рыба семейства карповых' [11. С. 211], *жеребячий* (*т / ч*) 'свойственный предмету' [11. С. 225]).

В словообразовательных парадигмах, репрезентирующих производные одного словообразовательного типа, определяются отношения лексической и семантической мотивации (например, *Вострохвостиха* 'самка вострохвоста'. ЛМ *вострохвост* / острохвост 'вид утки шилохвост'. СМ *шилохвостиха, гу-*

сиха, клохариха, косачиха, лутиха 'названия самок птиц' [12. С. 71], *Ельцовка* 'сеть для ловли ельцов и другой мелкой рыбы'. ЛМ *елец, ельчик*. СМ. *карасёвка, окунёвка, язёвка* 'названия рыболовных сетей' [12. С. 116]), а также с помощью речевых иллюстраций доказывается наличие отношений мотивации в исследуемых говорах: ...*Были утки... вострохвост да вострохвостиха, да гусь и гусиха, клохарь и клохариха, – их тоже едят, но больше жарить, они рыбу едят. А у косача – косачиха* (В.-Кет. Б.Яр) [12. С. 71]; *Ельцовка – это ельцов ловить, а тут ельцы и язи, и всё на свете попадат* (Колп. Тип.) [12. С. 116]¹.

Создаваемый нами электронный диалектный словарь строения слов, базирующийся на возможностях выбора и сортировки данных поисковой системы диалектного словаря строения слов, в настоящее время позволяет сформировать корневые гнёзда и аффиксальные парадигмы на основе точного графического тождества морфов, корневых (например, *-тетер-* / *-тетёр-*: *тетера, тетёра, 1 тетеря* 'кушанье из толокна; витая булочка из пшеничной муки без начинки', *2 тетеря, тетеревица* 'тетерев', *тетеревьё* 'тетеревы', *тетерёнок, тетёрыш* 'птенец тетерева', *тетериться* 'отстраняться', *3 тетеря* 'удар кулаком' и др.) или аффиксальных (например, *-ёнок-*: *вепрёнок* 'поросёнок', *пестерёнок* 'неуклюжий, неумелый человек', *полупальтёнок* 'утеплённая кофта', *Сидорёнок* 'сын, внук Сидора' и др.). Очевидно, что за пределами такой выборки окажутся семантически соотносительные морфы, отличающиеся от заявленного эталона составом фонем (например: *-енёнок-*: *волченёнок, гусенёнок, котенёнок, собаченёнок* и др.) и, наоборот, при абсолютном формальном тождестве выделенных аффиксов реализующие их различные функции (*вепрёнок* ← *вепрь*, ср.: *жерребёнок*) и неодинаковые значения (например, подобия или неполного тождества: *полупальтёнок*). Сформированные на основе первичной сегментации корневые гнёзда могут обнаружить ещё более сложные взаимодействия, представляя целый комплекс словообразовательных гнёзд, вершинами которых будут однокоренные образования, обнаруживающие различия в фонематической структуре морфем и основ, а также различающиеся по своей семантике. Фрагмент такого гнезда приводится ниже.

1 *тетер/я* →
'тетерев'

тетер/ев →
'тетерев'

тетерев/иц/а
'тетерев'
тетеревь/[j/ø]
'сбир. тетеревы'
тетерев/ок
'ум.-ласк. к тетерев'

тетер/ёнок
'птенец тетерева'

¹ В том числе в тех случаях, когда слова не обнаруживают в исследуемых говорах непосредственной синхронической производности, например: *Жеребёнок* «детёныш лошади». ЛМ *жерёбая* «беременная (о лошади)», *ожеребиться*. СМ *поросёнок* «детёныш свиньи», *телёнок (телок)* «детёныш коровы», *ягнёнок* «детёныш овцы». *Кобыла жерёба, когда родится жеребёнок, кобыла ожеребилась* (Том. Яр.) [12. С. 121].

<i>тетёра</i> → 'тетерев'	<i>тетёр/к/а</i> 'самка тетерева' <i>тетёр/ьи</i> 'птенец тетерева'	
2 <i>тетер/я</i> → 'кушанье из толокна; витая булочка из пшенич- ной муки без начинки'	<i>тетер/к/а</i> → 'ум.-ласк. к 2 <i>тетеря</i> ; выпеч- ное изделие в виде птицы, ко- торое съедают новобрачные после венчания; др. <i>тетер/юшк/а</i> 'небольшая лепёшка из жидкого теста'	<i>тетереч/к/а</i> 'ум.-ласк. к 2 <i>тетеря</i> ; кусочек пирога'
3 <i>тетер/я</i> 'удар кулаком'		
4 <i>тетер/я</i> → 'нерасторопный, медлитель- ный человек'	<i>тетер/и/ть/ся</i> → 'медлить, мешкать; отстра- няться'	<i>про/тетериться</i> 'провести какое-либо время в хлопотах, провозиться'

Очевидно, структурирование диалектных гнёзд и аффиксальных парадигм должно сопровождаться комментарием, мотивирующим решение авторов словаря об отождествлении вершин комментируемых совокупностей однокоренных и одноструктурных слов. Этот комментарий должен включать информацию о том, на каких основаниях производится отождествление корневых и аффиксальных морфов, обнаруживающих формальные и семантические различия, а также обоснование выделяемых в структуре гнезда деривационных отношений между однокоренными словами и разграничиваемых в составе аффиксальной парадигмы значений аффиксов. Соответственно основанием для объединения в одну морфему суффиксальных морфов *-онок-* (*-ёнок-*) // *-енёнок-* будет их генетическое родство, тождественность словообразовательной семантики¹, а также параллельное функционирование на территории распространения русских народных говоров [14. Карта № 35]. А объединение в составе диалектного корневого гнезда деривационных гнёзд гомотенных омонимов с предметным корнем *-тетер-* / *-тетёр-*, во-первых, подтверждается их этимологическим родством [15. Т. 4. С. 52], а во-вторых, мотивируется типичностью семантических переносов «название животного > название человека»; «название животного > название выпечного изделия» и др. [16].

Таким образом, для структурирования и описания диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм в формате диалектного словаря, с одной стороны, важно знать устройство словообразовательной системы русских народных говоров, её общезыковые черты и диалектные особенности, а с другой – иметь представление о лексическом составе, семантике и деривационном потенциале слов различных семантических сфер, о репрезентации с помощью этих слов существенных составляющих диалектной языковой

¹ Образования с суффиксом *-онок-* (*-ёнок-*) фиксируются в памятниках с XV в., развивая в современных говорах северо-восточной диалектной зоны на основе значения невзрослости семантику уменьшительности, уничижительности и неполного подобия [13].

картины мира. В этом нас убеждает представленный в данной статье опыт исследования анималистической лексики русских северо-восточных говоров, эксплицирующей *зооморфный код* культуры сельских жителей Вологодского края.

Выводы

Очевидно, что лексика животного мира составляет в вологодских говорах одно из актуальных семантических множеств, обладающее большим дериивационным потенциалом. Наибольшее число названий имеют самки крупного рогатого скота (*корова*) и домашней птицы (*курица*), от жизнедеятельности которых в значительной мере зависит благополучие крестьянского хозяйства, а характеризующиеся в речи диалектоносителей действия и оценки обстоятельств жизненного цикла домашних животных (зачатие и рождение детёнышей, уход за ними, возможность или невозможность реализации своих продуктивных и репродуктивных возможностей, болезнь и смерть) обнаруживают закономерный параллелизм с подобного рода оценками по отношению к человеку.

Для диких животных наибольшее количество номинаций обнаруживается у промысловых млекопитающих (медведь, лось, заяц, кабан, лиса, белка), а также у животных и птиц, чьи образы наиболее ярко представлены в речевой культурной традиции (змея, мышь, кукушка). На фоне преобладающего в исследуемых говорах использования общерусских названий домашних и диких животных привлекают внимание диалектные слова (*загоска* 'кукушка', *шишкопол* 'дрозд', *поляш* 'тетерев', *язвик* 'барсук' и др.), в том числе утраченные литературным языком архаичные названия с общезыковыми корнями (*теля* 'теленки', *утя* 'утки', *пороса* 'поросенок' и пр.).

Внутренняя форма названий животных отражает особенности их восприятия сельскими жителями, чьё благополучие напрямую определяется взаимодействием с миром животных: маркируются внешние признаки и показатели жизнеспособности животного, специфика его проживания в условиях дикой природы или крестьянского хозяйства, функциональность в различные периоды жизненного цикла, особенности ухода за животным и отношения к нему. «Свёрнутая предикативность» словообразовательного значения названий животных в вологодских говорах подтверждается «в развёрнутом виде» системой микротекстов, в составе которых фиксируются названия домашних и диких животных (*Ягушка всё тройникам приносит, троё у ёй сразу рождаются; Бык-от в колхозе был бодун, будачкой – не одного, поди, мужика, разбудал*), тем самым доказывая, что именно этот набор признаков животных наиболее важен для языкового сознания диалектоносителя.

Таким образом, мир животных оказывается одной из ядерных составляющих диалектной языковой картины мира. Инвентарь объектов здесь систематизируется сообразно жизненным потребностям человека, подразделяясь на домашних (животных, птицу, компаньонов), диких (зверей, птиц, рыб) и «гадов» (мелких млекопитающих, земноводных, насекомых и пр.). Система

оценок животного выстраивается с точки зрения практической пользы, получаемой человеком от животного, а также его мифопоэтического образа, поддерживаемого традиционной народной культурой. Эти же основания существенны для характеристики акциональной составляющей картины мира: маркируются способ передвижения животного в пространстве, характер поведения единичной особи или их совокупностей, особенности физиологических действий взрослого животного и детеныша, сильного и слабого животного, самца и самки, а также специфика действий человека по отношению к животному: домашнему – *выращивать, кормить, охранять, получать полезный продукт* – или дикому – *охотиться, обороняться, избегать встречи, игнорировать* и др. Все эти наблюдения убеждают нас в том, что диалектная языковая картина мира в полной мере проявляет здесь свои отличительные качества: парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Список источников

1. Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Вологда : ВоГУ, 2019. I. Домашние и дикие животные. 178 с.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М. : Индрик, 1998. 240 с.
3. Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. Санкт-Петербург : Наука ; Вологда : ВГПУ, 2007. 204 с.
4. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 716 с.
5. Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов // Свидетельство Роспатента о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013611057.
6. Сабурова Л.В. Домашние и дикие животные в языковой картине мира вологодского крестьянина // Русское слово: горизонты анализа (к 80-летию со дня рождения Людмилы Григорьевны Яцкевич). Вологда, 2024. С. 165–188.
7. Ганцовская Н.С., Красильщик Е.А. Лексика по теме «народная медицина, болезни скота» в говоре одной деревни (по материалам «Словаря русских народных говоров») // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 1995. СПб., 1998. С. 172–176.
8. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / науч. ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т; Вологод. гос. пед. ун-т, 1983–2007.
9. Кирилова Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах : дис... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 203 с.
10. Шаброва Е.Н. Морфемика русских говоров : учебное пособие к спецкурсу. Вологда : ВГПУ, 2006. 108 с.
11. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / под ред. Е.М. Пантелеевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 235 с.
12. Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / Л.А. Араева, В.Г. Арьянова, О.И. Блинова и др. ; ред. О.И. Блинова. Т. 1: А–О. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. 268 с.
13. Азарх Ю.С., Бурова Е.Г. Об одной диалектной модели имен со значением невзрослости // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 129–145.

14. *Дialeктологический атлас русского языка*. Центр европейской части СССР : в 3 вып. Вып. 2 : Морфология. Комментарии к картам / Ю.С. Азарх и др. ; под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М. : Наука, 1989. 165 с.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель: АСТ, 2004.
16. *Исаев Ю.Н., Сергеев В.И., Николаева Н.В.* Анималистическая когнития: Метафора и сравнение. Чебоксары, 2016. 260 с.

References

1. Il'ina, E.N., Saburova, L.V. & Ganicheva, S.A. (2019) *Yazykovaya kartina mira vologodskogo krest'yanina* [The linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. Vol. 1. Vologda: VoSU.
2. Vendina, T.I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira cherez prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik.
3. Shabrova, E.N. (ed.) (2007) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* [Dialect word formation, morphemics and morphophonology]. Saint Petersburg: Nauka; Vologda: VSPU.
4. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.
5. Il'ina, E.N., Krylova, A.B. & Nikiforov, O.Yu. (n.d.) *Dialektnyy slovar' stroeniya slov* [Dialectal dictionary of word structure]. Certificate of Rospatent on state registration of computer programs No. 2013611057.
6. Saburova, L.V. (2024) Domashnie i dikiye zhivotnye v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina [Domestic and wild animals in the linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. In: *Russkoe slovo: gorizonty analiza (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudmily Grigor'evny Yatskevich)* [Russian word: horizons of analysis (on the 80th anniversary of the birth of Lyudmila Grigoryevna Yatskevich)]. Vologda. pp. 165–188.
7. Gantsovskaya, N.S. & Krasil'shchik, E.A. (1998) *Leksika po teme "narodnaya meditsina, bolezni skota" v govore odnoy derevni (po materialam "Slovara russkikh narodnykh govorov")* [Vocabulary on the topic of "traditional medicine, livestock diseases" in the dialect of one village (based on the materials of the "Dictionary of Russian folk dialects")]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya. 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research. 1995]. St. Petersburg. pp. 172–176.
8. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University.
9. Kirilova, E.A. (2008) *Struktura slozhnykh slov v sovremennykh vologodskikh govorakh* [Structure of compound words in modern Vologda dialects]. Philology Cand. Diss. Vologda.
10. Shabrova, E.N. (2006) *Morfemika russkikh govorov: uchebnoe posobie k spetskursu* [Morphemics of Russian dialects: study guide for a special course]. Vologda: VSPU.
11. Panteleeva, E.M. (ed.) (1992) *Opyt dialektного гнездового словообразоват'ного slovary* [Experience of a dialectal "nest" word-formation dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Blinova, O.I. (ed.) (1982) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': govory Srednego Priob'ya* [Motivational dialect dictionary: dialects of the Middle Ob region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
13. Azarkh, Yu.S. & Burova, E.G. (1985) Ob odnoy dialektnoy modeli imen so znacheniem nevzroslosti [About one dialectal model of names with the meaning of immaturity]. In: *Dialektografiya russkogo yazyka* [Dialectography of the Russian language]. Moscow. pp. 129–145.

14. Avanesov, R.I. & Bromley, S.V. (eds) (1989) *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Tsentral'noyevropeyskoy chasti SSSR: v 3 vyp.* [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

15. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German. 4th ed. Moscow: Astrel': AST.

16. Isaev, Yu.N., Sergeev, V.I. & Nikolaeva, N.V. (2016) *Animalisticheskaya kognitsiya: Metafora i sravnenie* [Animalistic cognition: Metaphor and comparison]. Cheboksary.

Информация об авторах:

Ильина Е.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: filfak@list.ru

Ганичева С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: sganicheva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Ilyina, Dr. Sci. (Philology), professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: filfak@list.ru

S.A. Ganicheva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sganicheva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 811.112.2
doi: 10.17223/19986645/91/5

Самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): психолингвистический аспект. Статья 2

Виктория Викторовна Казяба¹

¹ *Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, Северодвинск, Россия, kazaba@yandex.ru*

Аннотация. На материале опросов немецкоязычных мальчиков-подростков исследуются особенности процесса самономинации в интернет-коммуникации с субъективно-авторских позиций. Раскрываются психолингвистические аспекты никнеймов как основных антропонимических единиц самономинации: мотивационный, номинативный, интенциональный, рефлексивный, когнитивный. Анализируется влияние половой и возрастной принадлежности пользователей на вербальную реализацию самономинативных актов. Устанавливаются лингвистические и экстралингвистические свойства и характеристики никнеймов исследуемой группы информантов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, антропоним, никнейм, самономинация, самопрезентация, подростковый возраст, мальчик

Источник финансирования: исследование проведено при финансовой поддержке Германской службы академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst), проект № 57440915 «Personales Internet-Anthroponymikon (anhand von Beispielen deutschsprachiger Benutzer)».

Для цитирования: Казяба В.В. Самономинации немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации (на примере никнеймов): психолингвистический аспект. Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 84–103. doi: 10.17223/19986645/91/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/5

Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): A psycholinguistic aspect. Article 2

Viktoriya V. Kaziaba¹

¹ *Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk,
Severodvinsk, Russian Federation, kazaba@yandex.ru*

Abstract. The article presents the psycholinguistic features of the self-nomination process in Internet communication among German-speaking adolescent boys aged be-

tween 11 and 17. The result of a self-nomination act is recognized as a virtual anthroponym – a nickname. The aim of the study is to identify and evaluate the manifestation of such extralinguistic factors as gender and age in the nicknames of German-speaking adolescent boys in Internet communications, as well as to determine the specifics of the self-nomination process from the subjective author's point of view. The research material was based on the results of three surveys of 239 informants. Questionnaires and interviews were conducted from 2019 to 2022 in Hannover, Germany, and online. The analyzed data includes both the nicknames themselves and user responses. The following questions were asked: *What nickname do you most often use on the Internet?; What Internet service do you use this nickname on?; What does your nickname mean?; How did you create the nickname? Describe the history of your nickname; Why did you call yourself that nickname with?; How do you evaluate your nickname? What is it like?; What do you think other users can understand about you based on your nickname, without knowing you personally?; How long have you had this nickname?; Have you thought about changing your nickname? If yes, for which one?.* The results show that the preferred functional environment for nicknames is communication-oriented Internet services. Thinking through and purposefully creating self-nominations is the most typical scenario for the emergence of nicknames. The motives for self-nomination are diverse, among them the following prevail: individualization/self-expression; improvement of the real image; satisfaction/pride in real autonym; overcoming technical limitations of the service; showing originality/attracting attention. Most informants are satisfied with their nicknames, evaluating them positively or neutrally, and do not intend to change nicknames. The main intention of self-nominations is information delivery/transmission. The formal stability of nicknames over time was also revealed. The study confirms that the gender and age characteristics of Internet users are intentionally or unconsciously projected onto a virtual persona at the stage of choosing a nickname. Among the age-related characteristics of adolescence, reflected in the self-nominations of boys, the following were found: formation of the self-concept; need for individualization; positive or inflated self-esteem with an emphasis on masculine qualities; improvement of cognitive functions, maturation of the intellectual apparatus and critical thinking; need for recognition by a certain social group, especially in the field of gaming activity; tendency towards verbal aggression.

Keywords: Internet communication, anthroponym, nickname, self-presentation, self-nomination, adolescence, boy

Acknowledgements: The study was supported by the German Academic Exchange Service (DAAD), Project No. 57440915: Personales Internet-Anthroponymikon (anhand von Beispielen deutschsprachiger Benutzer).

For citation: Kaziaba, V.V. (2024) Self-nominations of German-speaking adolescent boys in Internet communication (on the example of nicknames): A psycholinguistic aspect. Article 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 84–103. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/5

Вступление

Никнейм – антропонимическая составляющая виртуальной личности, представляющая собой результат самономинации пользователя в интернет-пространстве и служащая достижению многообразных самопрезентационных и коммуникационных целей своего автора. История изучения никнеймов в немецком языке имеет последовательный характер и берет свое

начало в конце прошлого столетия, когда впервые был предпринят анализ именного корпуса в чат-коммуникации [1]. Дальнейшее развитие тема получила в рассмотрении никнеймов онлайн-форумов [2], мессенджеров [3], социальных сетей и порталов [4, 5]. Акцент в указанных работах смещен в сторону влияния интернет-сервисов на акт самономинии. Экстралингвистические особенности интернет-пользователя и их специфическое влияние на процесс создания никнеймов до сих пор остаются в тени.

Непрерывное увеличение числа информационно-коммуникационных онлайн-платформ провоцирует постоянный рост массива никнеймов. Эта ситуация подталкивает ономастологов к отказу от прежних обобщенных описаний антропонимической системы Интернета в пользу рассмотрения конкретных особенностей процесса самономинии в Сети сквозь призму функционально-дискурсивных и экстралингвистических факторов. Изучению всё чаще стали подвергаться антропонимикона определенных интернет-сервисов [6, 7], а также связи между самономинией пользователя и таких его персональных характеристик, как: гендер [8, 9], сексуальная ориентация [5] и даже психологические паттерны [10]. Подобное сужение исследовательского фокуса, с одной стороны, гарантирует более достоверные, глубокие и точные результаты дескриптивных анализов никнеймов, а также способствует объективации влияющих на их создание факторов и мотивов невербального плана. С другой стороны, направленное изучение отдельных антропонимических подсистем Интернета позволяет дать прогностические заключения о личностях авторов самономиний еще на докоммуникативном уровне [11, 12], что приобретает особое значение для безопасного и успешного опосредованного виртуального взаимодействия.

Сказанное свидетельствует об актуальности затрагиваемой проблематики и задает предлагаемому исследованию вектор, который направлен на изучение виртуального антропонимикона немецкоязычных подростков. Цель настоящей статьи – выявить и оценить проявление таких экстралингвистических факторов, как пол и возраст, в никнеймах немецкоязычных мальчиков-подростков в интернет-коммуникации, а также определить специфику самого процесса самономинии интересующей нас группы пользователей с субъективно-авторских позиций. Новизна подхода заключается в фокусе на половозрастных особенностях самономинирования в Интернете, а также в извлечении и интерпретации данных, основанных на непосредственной работе с авторами-носителями никнеймов. Далее обоснуем обращение к немецкоязычным мальчикам-подросткам как к исследуемому контингенту пользователей.

В научной литературе по сей день существует множество взглядов и подходов к терминологическому оформлению и определению возрастных границ интересующей нас стадии онтогенетического развития человека. Наиболее часто используют понятия: *подростковый возраст*, *переходный период*, *отрочество*, *юность*, *пубертат*, *Jugend*, *Jugendalter*, *Jugendphase*, *Adoleszenz*, *Pubertät*. Мы отдаем предпочтение термину *подростковый воз-*

раст, фигурирующему в основной массе фундаментальных работ по возрастной психологии и психофизиологии [13, 14]. Пубертат, как правило, имеет прежде всего медицинское, биологическое значение, так как обозначает начало полового созревания, объективных физиологических изменений в теле подростка [15]. Терминам *отрочество* и *юность* свойственен в большей степени религиозно-художественный контекст и размытые возрастные рамки, а понятие *переходный период* используется преимущественно для маркировки только психологических преобразований, волнообразно происходящих с подростком [16. С. 18–20]. Подростковый возраст является объединяющим все обозначенные выше феномены и представляет собой переход от детской модели к взрослой, характеризующийся особенностями биологического, психического, социального и культурного развития [17. Р. 62].

Наряду с физиологическим развитием подростки переживают социально-эмоциональные и когнитивные изменения. В подростковый период завершается созревание интеллектуального аппарата, формируется индивидуальное мировоззрение, происходит становление системы ценностей и развитие образа «Я», пока еще неустойчивого на данной стадии [18]. Сказанное обуславливает интерес к вербальной самопрезентации людьми в подростковом возрасте, когда случается первый опыт взаимодействия в виртуальной коммуникации. У подростков начинается эффективное формирование языковой личности, активизируется ее языковая инкультурация, впервые появляются стремления не просто выразить мысль, а донести ее до понимания визави [17. Р. 63]. Интернет-пространство предоставляет подросткам широкие возможности для наработки коммуникативных и речевых практик. Дети дошкольного и младшего школьного возраста, как правило, индифферентны к общению в Сети, и если они действительно имеют разрешенный родителями доступ к Интернету, то используют его преимущественно для игр и прочих развлечений. Подростки же, напротив, стремятся к установлению контактов в виртуальном пространстве, что делает создание собственного онлайн-портрета особенно значимым для этой возрастной категории пользователей. Важность интернет-общения для мальчиков-подростков Германии подтверждает статистика. Согласно данным Юго-западной исследовательской ассоциации медиаобразования «JIM-Studie», которая проводит ежегодное исследование потребления Интернета среди пользователей Германии 12–19 лет, чуть более трети своего времени в Сети подростки тратят на общение. При этом карантинные ограничения последних лет привели к настоящему скачку популярности мессенджеров и социальных сервисов, замещающих общение, среди молодежи [19. Р. 32–34]. Любопытно отметить значительно возросшую с 2021 г. коммуникативную активность юношей подросткового возраста, для которых обычно в приоритете была игровая и развлекательная деятельность в Интернете [20. Р. 35].

Обращение к мужскому полу обусловлено также и тем, что у мальчиков многие проявления подросткового возраста имеют специфические особенности. Анализ их связи с языковыми реализациями никнейма способствует

обнаружению половозрастных маркеров в самоминациях, которые выступают неотъемлемой частью виртуальной личности в интернет-пространстве. Именно на этом докоммуникативном уровне самопрезентации фиксируется самосознание пользователя: отражаются внутренний мир, ментальные, интеллектуальные и эмоциональные состояния [21. С. 421]. Следовательно, имена, за которыми в Интернете скрываются мальчики-подростки, содержат как языковые, так и экстралингвистические особенности, связанные с данной фазой онтогенетического развития.

Материал исследования

Материалом исследования послужили результаты опросов немецкоязычных мальчиков-подростков в возрасте 11–17 лет (взяты усредненные возрастные рамки возрастного периода, предшествующие официальному совершеннолетию в Германии). В качестве анализируемых данных выступают как сами никнеймы, так и ответы информантов на вопросы. Сбор материала проводился в период с октября 2019 г. по март 2022 г. в ходе интервьюирования и опросов информантов как в удаленном режиме на протяжении более трех лет исследования, так и на территории Германии в городе Ганновер в 2019 г. в рамках научно-исследовательской стажировки в Ганноверском университете им. Г.В. Лейбница. Всего было осуществлено три опроса: анкетирование при участии 114 информантов, а также 32 личных и 93 онлайн-интервью. Во всех случаях опросы проводились при посредничестве государственных образовательных учреждений Ганновера среди мальчиков-подростков, чьи законные представители дали разрешение. Выборка опрошенных составила 239 человек и является статистически репрезентативной при доверительном интервале 5% и доверительной вероятности 90% в условиях генеральной совокупности в объеме чуть менее 2,4 миллиона немецкоязычных мальчиков-подростков Германии [22]. Расчет размера выборки выполнен с помощью программного пакета Statgraphics¹.

Процедура анкетирования включала введение, инструкции и вступительную информацию для формирования интереса и включенности у информантов. Анкета подразумевала два блока:

1) метаданные о реальной личности: добровольное предоставление персональных данных (имя, возраст, место рождения и проживания, родной язык);

2) данные о виртуальной личности с акцентом на открытые вопросы о самоминациях в виде никнейма. Представим последние в переводе на русский язык:

1. *Каким никнеймом ты наиболее часто пользуешься в Интернете?*
2. *В каком интернет-сервисе ты используешь этот никнейм?*
3. *Что значит твой никнейм?*

¹ Диалоговый статистический пакет для PC Statgraphics Centurion XVII for 64-bit Windows (Version 17.2.07), Statgraphics Technologies, Inc. The Plains, Virginia.

4. Как возник твой никнейм? Опиши историю возникновения твоего никнейма?

5. Почему ты назвал себя таким никнеймом?

6. Как ты оцениваешь сам свой никнейм? Какой он?

7. Как ты думаешь, что могут понять о тебе другие пользователи по твоему никнейму, не зная тебя лично?

8. Как долго у тебя этот никнейм?

9. Ты задумывался о смене никнейма? Если да – то на какой?

Целью данных вопросов было не только получить объективные данные о механизмах и способах создания никнеймов мальчиками-подростками, но и выявить субъективно-авторский взгляд на именную часть своих виртуальных личностей. Значимым в ходе опросов было побудить респондентов к глубинной рефлексии и, как следствие, искренним и развернутым ответам об истинной мотивации и интенциях их самономинаций в Интернете. Известные автору крупные изыскания в области никнеймов практически всегда опираются исключительно на интерпретации самих исследователей и почти никогда – информантов. Это, на наш взгляд, не может гарантировать адекватность и достоверность выводов, касающихся лингвистических и экстралингвистических параметров интернет-самономинаций. Процедура офлайн- и онлайн-интервьюирования базировалась на вопросах анкеты, однако само интервью носило фокусированный, полустандартизованный характер, варьируемый в зависимости от каждого информанта. Ответы личных интервью записывались в аудиоформате с последующей расшифровкой.

Дополнительно в онлайн-работе с информантами применялись методы фокус-группы и включенного наблюдения, необходимые для выявления устойчивости/вариативности самономинаций во временной перспективе.

Все используемые в работе данные добровольно предоставлены информантами с разрешением последующей публикации. Полученный таким образом материал используется в научно-исследовательских целях, что не нарушает Общий регламент защиты персональных данных в Европейском союзе (EU-Datenschutz-Grundverordnung, 2018), а также Федеральный закон о защите данных Федеративной Республики Германия (Bundesdatenschutzgesetz, 2018).

Результаты

Представим результаты проведенных опросов 239 информантов. Полностью на все заданные вопросы ответы дали 76% анкетированных (87 респондентов) и 94% (118 респондентов) интервьюируемых мальчиков-подростков. Дальнейшее исследование предоставленных ответов в научных целях разрешили абсолютно все информанты. Согласие на возможную фрагментарную публикацию ответов анкетирования и интервью дали 72% всех респондентов. Качественный анализ данных осуществляется на основе типологизации предоставленной в ответах информации.

Вопросы *Каким никнеймом ты наиболее часто пользуешься в интернете?; В каком интернет-сервисе ты используешь этот никнейм?; Что значит твой никнейм?* задавались с целью сбора именных единиц исследования и их верной лингвистической характеристики в сопоставлении с метаданными пользователей. Остальные вопросы также способствовали корректной интерпретации полученных данных, но были направлены прежде всего на раскрытие интенций самономинаций, а также стоящих за ними половозрастных особенностей создания виртуального образа на уровне никнейма. Статистическое распределение используемых мальчиками-подростками интернет-платформ выглядит следующим образом.

Таблица 1

**Интернет-сервисы с активным функционированием никнеймов
немецкоязычных мальчиков-подростков**

№ п/п	Интернет-сервис	Распространенность, абс. (%)
1	Instagram ¹	49 (20,5%)
2	TikTok	34 (14%)
3	Facebook ²	30 (12,5%)
4	Steam	28 (12%)
5	YouTube	27 (11%)
6	Snapchat	23 (10%)
7	Pinterest	20 (8%)
8	Twitter ³	19 (8%)
9	Другие	9 (4%)

Сами никнеймы опрошенных пользователей позволяют охарактеризовать себя с различных лингвистических позиций. Представим полученные результаты в виде распределения самономинаций согласно их номинативному потенциалу и семантике, что представляется наиболее значимым в рамках настоящей работы. В зависимости от языковых единиц, лежащих в основе акта самономинирования, никнеймы могут быть трех типов [3. Р. 329]: никнеймы-автонимы (содержат только реальные антропонимы автора), никнеймы-псевдонимы (содержат апеллятивные или заимствованные онимы), гибридные никнеймы (являются композицией двух предыдущих типов). Все три типа в различной степени обнаружены в ходе опросов информантов и представлены языковыми единицами различного номинативного потенциала и широкой семантики (табл. 2).

¹ Деятельность социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

³ Деятельность социальной сети Twitter ограничена Роскомнадзором на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

Таблица 2

**Номинативно-семантическая характеристика никнеймов
немецкоязычных мальчиков-подростков**

Семантический тип	Распространенность, абс. (%)	Номинативно-семантическая характеристика составляющих	Примеры
Никнеймы-автонимы	100 (42%)	Личное имя (в полной, краткой, усеченной форме), фамилия (в полной и усеченной форме), комбинация личного имени и фамилии в различных вариациях)	<i>Michael_08_</i> (<i>Michael Kius</i>); <i>manumanumanu</i> (<i>Manuel Schlötz</i>); <i>Buergi</i> (<i>Konstantin Bürgersteuer</i>); <i>kArDick</i> (<i>Karl Dickmeier</i>)
Никнеймы-псевдонимы	77 (32%)	Апеллятивные единицы, обозначающие качества и свойства личности, внешность и интеллектуальные способности, лиц мужского пола по профессии, роду занятий, лексика геймерской и аниме культур, антропонимы известных реальных и ирреальных персон, словосочетания, предложения-метасообщения	<i>//Stippig\ </i> ; <i>PEDANT</i> ; <i>crazymind</i> ; <i>totaler.kluge</i> ; <i>dein.inspektor.666</i> ; <i>oliking</i> ; <i>minecraftboy1</i> ; <i>Naruto Jorg</i> ; <i>Harter Cheff</i> ; <i>leavemeplzalone</i>
Гибридные никнеймы	62 (26%)	Соединение полной или краткой формы личного имени с единичным или множественным антропонимом, топонимом, эргонимом, апеллятивными единицами мелиоративной или маскулинной семантики	<i>d!rk te\$la</i> ; <i>Harald_Potter_0_0</i> ; <i>ALOISxNETFLIX</i> ; <i>alexander_ausrichtig</i> ; <i>Driver Maxo</i> ,

Отвечая на вопрос *Как возник твой никнейм? Опиши историю возникновения твоего никнейма?*, лишь 5 респондентов (2%) признались, что выбор никнейма принадлежит третьим лицам (друзьям, родителям) или системе автоматического генерирования. Ответы остальных информантов позволяют определить три основных сценария самономинации:

1. Случайная самономинация – 6%. Такой сценарий предполагает, что никнейм является результатом произвольной самономинации. Пользователь не тратил времени или каких-либо усилий на создание никнейма, избрав в качестве него первое, что пришло в голову. Проиллюстрируем ответом информанта: *drauf bin ich zufällig gekommen*¹ (*мне случайно пришло в голову*).

2. Использование готового, существующего автонима – 16%. В этом случае пользователи утверждают, что воспользовались готовой антропонимической продукцией: полностью перенесли свой автоним (имя, фамилию,

¹ Здесь и далее фрагменты письменных ответов респондентов приведены с оригинальной пунктуацией и орфографией авторов или представлены в виде стенограммы аудиозаписей личных интервью.

прозвище) из реальной коммуникации в виртуальное пространство, не производя в нем никаких изменений: *Ich habe nur meine Vor- und Nachnamen verwendet* (Я просто использовал свои имя и фамилию).

3. Продумывание и целенаправленное создание самономинации – 76%. Данный сценарий объединяет случаи самономинации, когда пользователями намеренно создавались никнеймы, продумывалось их содержание, оформление, воздействие на партнеров по коммуникации и т.п. Также к этому сценарию причислены никнеймы, созданные из пользовательских реальных автоименов, которые вынужденно или умышленно были подвергнуты преобразованиям: *Ich war wirklich auf der Suche nach etwas Passendem und Originellem* (Я действительно искал что-то подходящее и оригинальное); *Einen Benutzer mit meinem Namen gab es im Netz schon. so mußte ich was erfinden* (В Сети уже был пользователь с моим именем, поэтому я должен был что-то придумать). Среди факторов, которые подталкивали пользователей к этому сценарию самономинации, выделяются: индивидуальные коммуникативные цели-установки пользователей, специфика конкретной коммуникативной среды и ее нетикет, ситуативный или событийный контекст.

Вопрос *Почему ты назвал себя таким никнеймом?* во многом способствовал раскрытию истинных мотивов самономинации, которые могут быть типологизированы (табл. 3) и соотнесены с преобладающими семантическими типами никнеймов. Также отметим, что в 32% случаев в основе акта самономинации находились два и более мотивов. Затруднились ответить на данный вопрос 2% респондентов.

Таблица 3

Мотивы интернет-самономинаций немецкоязычных мальчиков-подростков

Мотив	Частотность, %	Свойственный тип никнейма	Примеры фрагментов ответов респондентов
Индивидуализация / самовыражение	29	Автоименный, гибридный	<i>Nathan the Chillinging – das passt mir am besten</i> (это мне подходит больше всего)
Улучшение реального образа, имиджа	21	Гибридный, псевдонимный	<i>geilerkeks – wollte imba hier sein</i> (я хочу быть здесь самым превосходным)
Удовлетворенность / гордость собственным реальным автоименом	17	Автоименный	<i>Henning 🐸 Hier – Mein echter Name find ich top</i> (я нахожу клевым мое настоящее имя)
Преодоление технических ограничений сервиса	17	Автоименный, гибридный	<i>¶flori@n14¶ – mein name war schon belegt, so habe ich mein alter hinzugefügt. und noch was</i> (мое имя было уже занято, поэтому я добавил возраст. и еще кое-что)
Деанонимизация	16	Автоименный	<i>albert.weinhart – Ich heiße ich. So ist es für Freunde am einfachsten, mich hier zu finden</i> (Я это я. Так проще всего друзьям здесь меня отыскать)

Мотив	Частотность, %	Свойственный тип никнейма	Примеры фрагментов ответов респондентов
Проявление оригинальности / привлечение внимания	14	Псевдонимный	†CHRIST† i.a.n – Das ist auffallend. abnormal (Это бросается в глаза. Необычно)
Анонимизация	14	Псевдонимный	S.AMURA.I – Samurai hinterlässt keine Spuren. Samurai ist immer inkognito ☺)) (Самурай не оставляет следов. Самурай всегда инкогнито)
Идентификация с определенной группой лиц, деятельностью	13	Псевдонимный	_waffenschmied07 – Ich habe mich an meinen Beruf in Minecraft erinnert (Я вспомнил мою профессию в Майнкрафте)
Агрессия/ устрашение / оскорбление	10	Псевдонимный	ikillyaall – Scheiß auf Noobs! Ich fresse sie alle (Да пошли нубы! Я сожру их всех)
Сопричастность значимому событию, явлению, тренду	8	Гибридный, автонимный	DON OMIKRON – Ich habe meinen alten Benutzernamen geändert, weil alle um mich herum krank waren und nur über Covid sprachen (Я сменил свой старый никнейм, так как все вокруг болели и говорили только о ковиде)
Юмор / самоирония	7	Псевдонимный	ha.ha.habenichts – Das ist LOL! (Это смешно!)

Ответы на вопросы *Как ты оцениваешь сам свой никнейм? Какой он?* демонстрируют преимущественно позитивную оценку самономинаций своими авторами – 52%. Приведем зафиксированные в материале примеры, особенность которых заключается в коллоквиальной и эмоциональной окраске используемых в ответах лексем, в том числе заимствованных из английского языка: *cool* (клевый), *geil* (классный), *top* (лучший), *super* (супер), *fetzig* (прикольный). Также среди положительных оценок выделяются оригинальность и неординарность никнейма: *originell* (оригинальный), *genial* (гениальный), *eigenartig* (своеобразный). Нейтрально воспринимают свою самономинацию 39% опрошенных, подчеркивая ее нормальность или типичность: *normal* (нормальный), *okay* (в порядке), *neutral* (нейтральный), *typisch* (типичный), в иных случаях – безэмоционально констатируя определенную характеристику никнейма: *kurz* (короткий/ краткий), *klar* (понятный), *kompliziert* (сложный). Отрицательная оценка отмечается у 7% респондентов и выражается в негативных характеристиках, часто посредством разговорных и даже грубых слов: *blöd* (тупой), *doof* (дурацкий), *idiotisch* (идиотский). Нейтральные лексемы используются для констатации недовольства какими-либо свойствами никнейма: *zu lang* (слишком длинный), *nicht originell genug* (недостаточно оригинальный). В 2% случаев пользователи затруднились с ответом.

Рефлексия информантов в ответах на вопрос *Как ты думаешь, что могут понять о тебе другие пользователи по твоему никнейму, не зная тебя*

лично? позволяет определить содержательную сторону коммуникативно-прагматических интенций самономинаций, среди которых отчетливо обнаруживаются следующие: сообщение информации (60%) и ее сокрытие (17%), а также воздействие (9%) и общение (3%). Сообщение информации как ведущая интенция подростковой самономинации позволяет, по мнению информантов, узнать о них следующее: персональные данные (имя, пол, возраст, место проживания, национальность); увлечения, хобби; качества личности, черты характера, интеллектуальные способности; особенности внешности; настроение, эмоциональное состояние, темперамент; кумиры, предпочтения; жизненные обстоятельства. Проиллюстрируем высказываниями информантов: *96hannover96 – ehmm...dass ich FC Hannover 96 Fan bin (эмм... что я фанат футбольного клуба Ганновер96); _fOtto_ – alles klar – ich heiße Otto und ich mag Foto XD (все очевидно – меня зовут Отто, и я люблю фото ха-ха)*. Интенция сокрытия информации практически во всех случаях сопряжена со стремлением к анонимизации: *burgerbuerger – Hoffentlich versteht man nix. Wenigstens ist damit nicht verständlich, ob ich ein Junge und 13 bin (надеюсь, никто ничего не понимает. По меньшей мере не ясно, являюсь ли я 13-летним мальчиком)*. Интенция воздействия, как правило, реализуется в никнеймах, являющимися окказиональными лексико-грамматическими структурами в виде слов-сдвигов и предложений, часто с негативным и даже агрессивным, оттенком: *S_h_u_t_u_p; fingerwegvonhier*. Интенция общения выступает сигналом готовности автора никнейма к взаимодействию: *chatmonster – man kapert dadurch, ich will chatten (благодаря ему (никнейму. – В.К.) понимают, что я хочу чатиться)*.

Результаты обработки ответов на вопрос *Как долго у тебя этот никнейм?* демонстрируют, что подавляющее большинство информантов (89%) создали никнейм, находясь уже в подростковом возрасте. Средняя продолжительность существования интернет-самономинаций опрошенных мальчиков-подростков составила 3,6 года, а средний возраст создания никнейма – 12,7 года.

Заключительный вопрос *Ты задумывался о смене никнейма? Если да – то, на какой?* у 11% респондентов вызвал затруднение и остался без ответа. Столько же опрошенных высказали желание изменить свой актуальный никнейм, при этом никто из них не сформулировал альтернативную самономинацию: *vielleicht würde ich was cooleres jetzt gewählt (возможно, я бы выбрал сейчас что-то покруче)*. Лишь 6 информантов указали, что хотели бы переименовать себя никнеймом, более подходящим их нынешнему образу и самосознанию: *Ja, es ist die Zeit. Ich bin aus dem alten Nick herausgewachsen. Jetzt klingt er dumm (Да, время пришло. Я вырос из старого ника. Теперь он звучит глупо)*. Абсолютное большинство подростков (78%) ответили на данный вопрос отрицательно.

В рамках изучения никнеймов мальчиков-подростков также была оценена степень устойчивости интернет-самономинаций. С этой целью на протяжении всего исследования осуществлялось динамическое наблюдение за 40 случайно отобранными из исследовательского материала аккаунтами. Ежемесячная перепроверка данной фокус-группы продемонстрировала, что

36 самономинаций устойчивы и остаются неизменными, в то время как 4 никнейма (10% фокус-группы) подвергаются варьированию со стороны их авторов. Изменения никнеймов касались преимущественно замены автономных самономинаций: они либо полностью заменялись на псевдонимные (*tobias.bartsch.13* → *carrmba13*; *Lars Grt* → *RABAUKE*; *diekmann_004* → *freewind_004*), либо подвергались разнообразным трансформациям своей исходной формы: *der.florian* → *flo.w.rian.*; *Adrian Hmmm* → *Mr. Dri*).

Обсуждение и выводы

Результаты опроса немецкоязычных мальчиков-подростков указывают на то, что предпочтительной функциональной средой никнеймов являются интернет-сервисы коммуникативной направленности. С одной стороны, это можно связать с психовозрастными новообразованиями подросткового периода – возрастающей потребностью в социализации и поиске референтной группы [23. С. 23–24]. С другой стороны, виртуальные площадки с высоким коммуникативным тоном предлагают многообразные самопрезентационные возможности – от самономинации до портретирования с помощью указания метаданных, что позволяет конструировать полноценную виртуальную личность и реализовывать любые сценарии самовыражения.

Важность никнейма как элемента коммуникации и самопрезентации подростков в интернет-пространстве подтверждается и ранним возрастным дебютом самономинативной деятельности в Сети, а также высокой степенью мотивированности создаваемых никнеймов, их устойчивостью, неизменяемостью во временной перспективе. Целенаправленность и продуманность самономинативного процесса у подростков подчеркивают не только значимость создаваемых интернет-антропонимов, но и готовность их авторов к определенным языковым усилиям для достижения своих номинативных интенций: *Eine ganze Ewigkeit hab ich den Nick ausgedacht* (Я придумывал ник целую вечность); *Es war ein Haufen von Varianten, die ich schafte und wählte und verarbeite* (=) (Была куча вариантов, которые я создавал, и выбирал, перерабатывал). Выявленная удовлетворенность никнеймом, порой граничащая с гордостью, отсутствие желания и потребности в его смене свидетельствуют о неслучайном характере самономинаций: *total zufrieden damit. nichts zu ändern* (полностью доволен. нечего менять); *Defenitiv ist dieser NN auf Dauer, er passt und gefällt* (Определенно этот никнейм надолго, он подходит и нравится). Пользователям 11–17 лет важнее создать скорее долговременный, узнаваемый партнерами по коммуникации виртуальный образ, нежели играть с постоянным переименованием и «мистификациями». Этот фактор также отчасти обуславливает наметившуюся тенденцию к деанонимизированному характеру подростковых самономинаций в виртуальном пространстве.

Сопоставление полученных результатов с половозрастными маркерами мальчиков-подростков позволяет установить наличие связи между интернет-самономинациями и экстралингвистическими свойствами личности

рассматриваемой стадии онтогенетического развития лиц мужского пола. На конструирование никнейма оказывает очевидное влияние базовая черта подросткового возраста – становление Я-концепции, интегрирующей в себе когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты. Активное использование автонимов в никнеймах объясняется возникающим в подростковом возрасте чувством взрослости, стремлением к самостоятельности, отрицанием своей принадлежности к детям, а кроме этого – бурным развитием рефлексии и самосознания, частью которого является имя [23. С. 24]. Проиллюстрируем сказанное комментариями респондентов: *So wirkt es cooler (так круче)*; *ich bin groß genug, um keine spiele zu spielen (я достаточно взрослый, чтобы играть в игры)*. Использование реальных имен в Интернете – своеобразный манифест взросления, сигнал готовности нести ответственность за свои слова, поступки, осознание и признание себя конкретной реальной личностью даже в виртуальном пространстве: *mein name = ich (мое имя = я)*; *ich bin ich (я есть я)*.

Становление Я-концепции характеризуется у подростков не только построением интегрального представления о себе, но желанием индивидуализировать свою личность. Вследствие этого самовыражение как способ демонстрации индивидуальности оказывается самым распространенным мотивом самономинаций мальчиков-подростков. Его актуализация в исследуемом материале обнаруживается, с одной стороны, в виде гибридных и псевдонимных никнеймов, многообразных по своим лексико-семантическим и структурно-грамматическим характеристикам. По данным опросов информантов, полное или частичное сокрытие реального имени продиктовано скорее желанием придать никнейму оригинальность, заключить в нем дополнительную, характеризующую информацию, некое «послание» о себе другим коммуникантам. Анонимизация личности в данном случае вторична и, по мнению большинства опрошенных, оказывается не таким важным основанием. Например, подросток *Andreas Förster* с никнеймом *andy_vanilla_gorilla* именует себя в социальных сетях сочетанием личного имени с прозвищем «Vanilla Gorilla», которое принадлежит кумиру мальчика – выдающемуся американско-канадскому рестлеру Brock Lesnar. Таким образом, по убеждению мальчика, он обозначает не только реальное имя, сферу своих увлечений и идола в мире спорта, но и создает забавный никнейм, смысл которого будет ясен не всем и не сразу. С другой стороны, индивидуализация присутствует и в никнеймах-автонимах. Пользователям подросткового возраста удастся наделить дополнительными смыслами даже такой тип самономинаций. Так, подросток с реальным именем *Carsten* полагает, что никнейм *Car_STEN* должен помочь коммуникантам понять не только его настоящий антропоним, но и увлечение автомобилями (*car* – англ. *автомобиль*) и оружием (*STEN* – британский пистолет-пулемет).

Оценочный компонент образа «Я» запечатлевается в единицах с коннотативно окрашенной семантикой. Количество никнеймов положительной семантики, транслирующих позитивное самовосприятие, значительно пре-

вышает число как нейтральных, так и негативных, самокритичных самономинаций. Результат согласуется с переживаемой в подростковом возрасте критической фазой в формировании самооценки [24, Р. 128]. Один из ведущих мотивов самономинаций – улучшение реального образа, имиджа – проявляется в обращении подростков к мелиоративной лексике, языковым единицам, маркирующим человеческие достоинства. Вербализация в никнеймах самоуверенности, самостоятельности, собственной идеальности, безупречности, порой граничащей с нарциссизмом, отражает подростковую переоценку возросших возможностей [25, 26]. Конструирование «идеального Я» в Сети снимает массу психологических барьеров и ограничений реальной жизни: *Maxi ist geil/alle sollen das begreifen* (Макси клевый/все должны это понять); *im netz kann man alles sein* (в сети можно быть всем). Никнеймы, обозначающие отрицательные качества личности, немногочисленны и, как правило, описывают интеллектуальные способности и внешние черты: *Dumpfbacke Pepe*; *stippig_7*. Согласно утверждениям респондентов такие никнеймы – это проявление самоиронии и юмора: *Ich wollte nur herumalbern* (Я просто хотел подурочиться); *Was soll ich tun, wenn ich fett bin XD!!!* (Что поделать, если я жирный ха-ха!!!). Вместе с тем это может быть и очередной психовозрастной манифестацией самокритичности и болезненного самолюбия [24, Р. 129]. Подобные самономинации в большей массе принадлежат мальчикам 11–13 лет, в том время как никнеймы, транслирующие положительные и часто завышенные характеристики, свойственны подросткам 15–17 лет.

Поведенческий компонент формирующейся Я-концепции представлен в никнеймах проявлением агрессивности. Практически каждый десятый информант в качестве одного из мотивов самономинации отмечал негативное отношение, агрессию, проявляющуюся в угрозах, оскорблении, ненависти или гнев по отношению к другим людям, а иногда даже к себе самому. Об этом свидетельствует выбор как лексики, так и структурной организации никнейма: *be_well_in_heeeeell*; *DIE DEAR – NO FEAR*; *f!ck d!ch*. Проявление агрессивности у подростков традиционно связывают с недостаточным количеством знаний об отношениях между людьми, с отсутствием опыта понимания и принятия неоднозначности человеческих поступков и действий, ребенок затрудняется выражать собственное мнение и отстаивать его. Агрессивное вербальное поведение становится неким ответом подростка на давление окружающей среды, способом дать ей отпор и даже «наказать» обидчика [26], что эксплицитно проявляется и на уровне самономинаций в Интернете. Кроме того, у 17% опрошенных респондентов в ответах содержалось указание на наличие определенных проблем и конфликтов в школе, дома и виртуальном пространстве. Пользователь *Maik* (15 лет) довольно оскорбительно обращается с помощью никнейма *▲Hallo Scheißleute▲* к своим одноклассникам, с которыми у него отсутствует взаимопонимание: *ich vertrage mich mit meinen klassenkameraden total nicht. die nerven mich in der Schule. ich nerve sie im netz* (я вообще не выношу своих одноклассников. они бесят меня в школе. я бешу их в сети). Другой подросток (*Gabriel*, 16

лет) с никнеймом *ich_hasse_euch* объясняет негативный характер самономиниции конфликтами с родителями, которые контролируют деятельность мальчика в социальных сетях: *Ich mag meinen Nick sehr. Er ist wichtig für mich, denn er ist mein Manifest, meine Message an die Eltern, die alles kontrollieren möchten: was ich poste, mit wem ich chatte, wo ich surfe. Cringe!* (Я очень люблю свой никнейм. Он важен для меня, так как это мой манифест, послание родителям, которые все хотят контролировать: что я пишу, с кем я переписываюсь, какие сайты посещаю. Кринж!).

Анализ самономиниций указывает еще на одну особенность подросткового самосознания, которая проявляется в акцентировании мальчиками их гендерной принадлежности, и в частности маскулинности. Это соотносится с существенными трансформациями половозрастных моделей и зачастую является следствием внутриличностных конфликтов, характерных для данной стадии онтогенетического развития подростков [25. С. 221–222]. Данный тезис подкрепляется доминированием маскулинности как дифференциального признака в самономинициях, в использовании гендерно маркированной лексики, в предпочтении имен маскулинного антропонимикона, в том числе в случаях именной транспозиции, в рамках которой акты трансантропонимизации характеризуются переносом имен денотатов мужского пола. Таким образом, подростковый возраст, являясь сензитивным периодом бурного развития гендерной идентичности личности [17, Р. 65], может обуславливать подчеркнuto маскулинный характер самономиниций: *ein cooler name für 'n coolen guy* (клевое имя для клевого парня); *der* (никнейм. – В.К.) *muß brav, männlich, grell sein* (он (никнейм. – В.К.) должен быть славным, мужественным, броским).

Интенциональность самономиниций также детерминирована подростковой потребностью в индивидуализации. Обилие никнеймов, которые нацелены на сообщение некоей информации, позволяет отметить, что мальчики 11–17 лет именуются единицами, маркирующими или отражающими актуальные события, происходящие в культурной, политической, социальной жизни мирового сообщества. В подростковых самономинициях запечатлелись: выход Великобритании из Евросоюза (*brexitbro*), завершение длительного периода правления Ангелы Меркель (*ciao_merkel_ferkel*) и появление нового канцлера – Олафа Шольца (*Oli Scholzi*), выборы президента в Америке (*in.trump.we.trust*), всплеск общественного движения Black Lives Matter (*Michael_BLM*), отравление российского оппозиционера (*now_it_schok* 😊). Среди прочих событий, довольно сильно повлиявших на создание юношеских никнеймов, оказались: эпидемия ковида и новые штаммы коронавируса (C●®●№4C14u\$), запуск космического корабля «Crew Dragon» компанией Илона Маска (*crew_dragon16*), смерть солиста культовой группы Prodigy – Keith Charles Flint (*Lars(ripkeith)Mo*) и мн. др. Эти и аналогичные самономиниции иллюстрируют не только персональные интересы, но и в целом включенность подростков в контекст общественной жизни, что явля-

ется естественным результатом возрастного усовершенствования когнитивных функций, обуславливающего тенденцию к критическому мышлению, которое направлено как на внешний мир, так и на самого себя [27. Р. 118].

Выводы

Привлеченные к анализу данные опросов немецкоязычных мальчиков-подростков 11–17 лет демонстрируют не только конкретные лингвистические тенденции в конструировании никнеймов, но и способны дать представление об экстралингвистических факторах, оказывающих влияние на процесс самономинирования в интернет-пространстве и его восприятие с субъективно-авторских позиций. Половая принадлежность и стадия онтогенетического развития пользователей обнаруживают взаимосвязь с их вербальным воплощением, в частности, на уровне создаваемых никнеймов. Самономинация становится актом добровольного самовыражения и способом самоидентификации, саморефлексии и самопрезентации в рамках интернет-коммуникации. Так, немецкоязычные мальчики-подростки придают довольно большое значение своему никнейму, затрачивая для его создания довольно много времени и прикладывая существенные языковые усилия на его создание. Подростковая самономинация в виртуальном-пространстве обладает разнообразной мотивацией, но в большинстве случаев нацелена на сообщение и трансляцию некой информации о ее авторе. Довольно ранний возраст пользователей, впервые создающих никнейм, а также преобладание коммуникативных интернет-платформ в качестве функциональной среды самономинаций указывают на важность виртуальных антропонимов как современного средства социализации подростков. Удовлетворенность никнеймом и его устойчивость во временной перспективе – показатели стремления к стабильной виртуальной личности с продуманными атрибутами и самопрезентационной стратегией.

Вместе с тем исследование позволяет составить обобщенный докоммуникативный портрет немецкоговорящих мальчиков-подростков 11–17 лет на основе анализа их интернет-самономинаций и предоставленных ответов. Это виртуальные личности с отчетливо маскулинными проявлениями самопозиционирования, склонные к положительной самооценке с тенденцией к ее завышению, вербальной агрессии, испытывающие потребность во включенности интересующий проблемный, культурный или субкультурный контекст. Пользователи в большей степени склонны к деанонимизации личности в интернет-пространстве, что, однако, не исключает попыток «карнавализации» и маскировки их реального образа. В обоих случаях крайне важным оказывается перенос исходных самономинативных намерений в никнейм, как правило, с целью провозглашения и артикуляции формирующейся «Я»-концепции. Зафиксированные характеристики, транслируемые в изучаемых самономинациях, отображают черты лиц мужского пола, которые характерны для стадии психофизиологического развития лиц 11–17 лет. Ска-

занное позволяет сделать вывод о существовании достоверной связи половозрастных особенностей мальчиков-подростков с их интернет-самооценками.

Список источников

1. Jens R., Schlobinski P., & Siever T. Sprache und Kommunikation im Internet // Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. № 2. P. 97–109.
2. Stommel W. Mein Nick bin ich! Nicknames in a German Forum on Eating Disorders // Journal of Computer Mediated Communication. 2007. № 13 (1). P. 141–162.
3. Kaziaba V. Namensmasken im Internet // Muttersprache. 2013. № 4 (123). P. 327–339.
4. Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen / hrsg. von P. Schlobinski, T. Siever. Berlin : Peter Lang GmbH, 2018. 386 p.
5. Gkoutzourelas G. Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo // Mediensprache. 2015. URL: <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/>
7. Старцев А.А. Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях // Коммуникология. 2018. № 6 (4). С. 76–87. doi: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87
6. Климова М.А. Никнеймы игроков Dota 2 и психические границы языка в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 36–53. doi: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53
8. Koch, S.C., Mueller B., Kruse L. etc. Constructing gender in chat groups // Sex Roles. 2005. № 53. P. 29–41. doi: 10.1007/s11199-005-4276-7
9. Lange B.P., Zaretsky E., Euler H.A. Pseudo names are more than hollow words: Sex differences in the choice of pseudonyms // Journal of Language and Social Psychology. 2016. № 35 (3). P. 287–304. doi: 10.1177/0261927X15587102
10. Buffardi L.E., Campbell W.K. Narcissism and social networking web sites // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. № 34 (10). P. 1303–1314. doi: 10.1177/0146167208320061
11. Lange B.P., von Andrian-Werburg M.T.P., Adler D.C. etc. The Name Is the Game: Nicknames as Predictors of Personality and Mating Strategy in Online Dating // Frontiers in Communication. 2019. Vol. 4. doi: 10.3389/fcomm.2019.00003
12. Thomson R., Murachver T. Predicting gender from electronic discourse. British Journal of Social Psychology. 2001. № 40. P. 193–208. doi: 10.1348/014466601164812
13. Выготский Л.С. Педология подростка. М. : Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1929. 172 с.
14. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды: Проблемы возрастной и педагогической психологии / под ред. Д.И. Фельдштейна. М. : Международная педагогическая академия, 1995. 224 с.
15. Meyers D.G. Meyers Psychologie. Heidelberg : Springer Medizin Verlag, 2005. 1034 p.
16. В мире подростка / под ред. А.А. Бодалева. М. : Медицина, 1982. 296 с.
17. Bohleber W. Grundzüge adoleszenter Entwicklung: Psychoanalytische Perspektiven // Das adoleszente Gehirn / P.J. Uhlhaas, K. Konrad (Hrsg.). Stuttgart : Kohlhammer, 2011. P. 61–66.
18. Штильштейн Е.С. Особенности презентации «Я» в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 69–79.
19. Feierabend S., Rathgeb Th., Kheredmand Th. etc. JIM-Studie 2021: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger. 2021, Stuttgart : MPFS. 74 S. URL: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2021/JIM-Studie_2021_barrierefrei.pdf
20. Feierabend S., Rathgeb Th., Kheredmand Th. etc. JIM-Studie 2020: Jugend, Information, Medien. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger. 2020, Stuttgart :

MPFS. 78 p. URL: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2020/JIM-Studie-2020_Web_final.pdf

21. Величко Н.В. Самономинация и самохарактеристика в письмах А.П. Чехова Ялтинского периода // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. 2004. Т. 20 (59), № 4. С. 420–424.

22. Statista – das Statistik-Portal: Statistiken, Marktdaten & Studie. 2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/suche/?q=Anzahl+der+Internetnutzer+in+Deutschland+&Suche=&qKat=search&newSearch=true&p=1>

23. Остапова А.В. Психологические особенности подросткового возраста // Евразийский научный журнал. 2015. № 7. С. 23–26.

24. Winter R. Sexuelle Gesundheit männlicher Jugendlicher – Indikatoren männlicher sexueller Jugendgesundheit // Sexualität von Männern / Stiftung Männergesundheit (Hrsg). Gießen : Psychosozial-Verlag, 2017. P. 127–142. doi: 10.23668/psycharchives.3447

25. Чижова Е.А. Полоролевая идентичность мальчиков-подростков с нарушениями поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 3. С. 218–228.

26. Якиманская И.С. Гендерные особенности агрессивности и адаптивности подростков // Мир науки: Педагогика и психология. 2021. № 1 (9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN121.pdf>

27. Fend H. Entwicklungspsychologie des Jugendalters (3. durchges. Auflage). Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2003. 524 p.

References

1. Jens, R., Schlobinski, P., & Siever, T. Sprache und Kommunikation im Internet. *Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache*. 2. P. 97–109.

2. Stommel, W. (2007) Mein Nick bin ich! Nicknames in a German Forum on Eating Disorders. *Journal of Computer Mediated Communication*. 13 (1). pp. 141–162.

3. Kaziaba, V. (2013) Namensmasken im Internet. *Muttersprache*. 4 (123). pp. 327–339.

4. Schlobinski, P. & Siever, T. (eds) (2018) *Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen*. Berlin: Peter Lang GmbH, 386 p.

5. Gkoutzourelas, G. (2015) *Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo*. Mediensprache. [Online] Available from: <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/>

7. Startsev, A.A., Grishanin, N.V. & Kirillina, N.V. (2018) Identity and Identity Identification in Social Networks. *Kommunikologiya*. 6 (4). pp. 76–87. (In Russian). doi: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-76-87

6. Klimova, M.A. (2020) Nicknames of Dota 2 Players and Mental Language Boundaries in the Age of Globalization. *Voprosy psikhologicheskoy*. 1 (43). pp. 36–53. (In Russian). doi: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-36-53

8. Koch, S.C. et al. (2005) Constructing gender in chat groups. *Sex Roles*. 53. pp. 29–41. doi: 10.1007/s11199-005-4276-7

9. Lange, B.P., Zaretsky, E. & Euler, H.A. (2016) Pseudo names are more than hollow words: Sex differences in the choice of pseudonyms. *Journal of Language and Social Psychology*. 35 (3). pp. 287–304. doi: 10.1177/0261927X15587102

10. Buffardi, L.E. & Campbell, W.K. (2008) Narcissism and social networking web sites. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 34 (10). pp. 1303–1314. doi: 10.1177/0146167208320061

11. Lange, B.P. et al. (2019) The Name Is the Game: Nicknames as Predictors of Personality and Mating Strategy in Online Dating. *Frontiers in Communication*. 4. doi: 10.3389/fcomm.2019.00003

12. Thomson, R. & Murachver, T. (2001) Predicting gender from electronic discourse. *British Journal of Social Psychology*. 40. pp. 193–208. doi: 10.1348/014466601164812
13. Vygotskiy, L.S. (1929) *Pedologiya podrostka* [Pedology of a teenager]. Moscow: Izd-vo BZO pri pedfake 2-go MGU.
14. El'konin, D.B. (1995) *Izbrannye psikhologicheskie trudy: Problemy vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii* [Selected psychological works: Problems of age and educational psychology]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya.
15. Meyers, D.G. (2005) *Meyers Psychologie*. Heidelberg: Springer Medizin Verlag.
16. Bodalev, A.A. (ed.) (1982) *V mire podrostka* [In the World of a Teenager]. Moscow: Meditsina.
17. Böhleber, W. (2011) Grundzüge adoleszenter Entwicklung: Psychoanalytische Perspektiven. Uhlhaas, P.J. & Konrad, K. (eds.) *Das adoleszente Gehirn*. Stuttgart: Kohlhammer. pp. 61–66.
18. Shtil'shteyn, E.S. (2000) Osobennosti prezentatsii "Ya" v podrostkovom vozraste [Features of the Presentation of the "Self" in Adolescence]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 69–79.
19. Feierabend, S. et al. (2021) *JIM-Studie 2021: Jugend, Information, Medien*. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger. Stuttgart: MPFS. [Online] Available from: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2021/JIM-Studie_2021_barrierefrei.pdf
20. Feierabend, S. et al. (2020) *JIM-Studie 2020: Jugend, Information, Medien*. Basisuntersuchung zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger. Stuttgart: MPFS. [Online] Available from: https://www.mpfs.de/fileadmin/files/Studien/JIM/2020/JIM-Studie-2020_Web_final.pdf
21. Velichko, N.V. (2004) Samonominatsiya i samokarakteristika v pis'makh A.P. Chekhova Yaltinskogo perioda [Self-nomination and self-characterization in A.P. Chekhov's letters of the Yalta period]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya*. 20 (59):4. pp. 420–424.
22. Statista – das Statistik-Portal: Statistiken, Marktdaten & Studie. (2022) [Online] Available from: <https://de.statista.com/statistik/suche/?q=Anzahl+der+Internetnutzer+in+Deutschland+&Suche=&qKat=search&newSearch=true&p=1>
23. Ostapova, A.V. (2015) Psikhologicheskie osobennosti podrostkovogo vozrasta [Psychological characteristics of adolescence age]. *Evrasiyskiy nauchnyy zhurnal*. 7. C. 23–26.
24. Winter, R. (2017) Sexuelle Gesundheit männlicher Jugendlicher – Indikatoren männlicher sexueller Jugendgesundheit. In: Männergesundheit, S. (Hrsg.) *Sexualität von Männern*. Gießen: Psychosozial-Verlag. pp. 127–142. doi: 10.23668/psycharchives.3447
25. Chizhova, E.A. (2011) Polorolevaya identichnost' mal'chikov-podrostkov s narusheniyami povedeniya [Gender-role identity of adolescent boys with behavioral disorders]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 3. pp. 218–228.
26. Yakimanskaya, I.S. (2021) Gendernye osobennosti agressivnosti i adaptivnosti podrostkov [Gender characteristics of aggressiveness and adaptability of adolescents]. *Mir nauki: Pedagogika i psikhologiya*. 1 (9). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN121.pdf>
27. Fend, H. (2003) *Entwicklungspsychologie des Jugendalters* (3. durchges. Auflage). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.

Информация об авторе:

Казяба В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Северодвинск, Россия). E-mail: kazaba@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kaziaba, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Severodvinsk, Russian Federation). E-mail: kazaba@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2023;
одобрена после рецензирования 21.03.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 15.06.2023;
approved after reviewing 21.03.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 81'42:811.111
doi: 10.17223/19986645/91/6

Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики

Елена Николаевна Малюга¹, Гаяне Оганесовна Петросян²

^{1, 2} Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
¹ malyuga-en@rudn.ru
² 11ga1978@mail.ru

Аннотация. Целью исследования стало выявление и систематизация прагматических пресуппозиций в заголовках англоязычных бизнес-медиа, а также определение их влияния на восприятие информации аудиторией. С использованием метода контент-анализа были проанализированы 200 заголовков из ведущих бизнес-изданий. В работе были рассмотрены три типа прагматических пресуппозиций: фактивные (создающие иллюзию объективности фактов), оценочные (воздействующие на эмоциональное восприятие) и аксиологические (апеллирующие к социокультурным ценностям). Результаты подтвердили значимость прагматической пресуппозиции как элемента манипулятивной риторики заголовков.

Ключевые слова: прагматическая пресуппозиция, бизнес-медиа, манипулятивная риторика, прагматический потенциал

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке Проекта РНФ № 23-28-00505 «Манипулятивная риторика современного англоязычного бизнес-медиадискурса: функционально-прагматический анализ».

Для цитирования: Малюга Е.Н., Петросян Г.О. Прагматическая пресуппозиция в заголовках англоязычных бизнес-медиа как элемент манипулятивной риторики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 104–130. doi: 10.17223/19986645/91/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/6

Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric

Elena N. Malyuga¹, Gayane O. Petrosyan²

^{1, 2} Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation
¹ malyuga-en@rudn.ru
² 11ga1978@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of pragmatic presuppositions in the headlines of English-language business media and their role as an element of manipu-

lative rhetoric. The aim of the research is to identify and systematize the types of pragmatic presuppositions used in these headlines, as well as to analyze their impact on audience perception. To reach this aim, the authors conducted a content analysis of 200 headlines from leading business publications. The analysis identified three types of pragmatic presuppositions: factive, evaluative, and axiological. Factive presuppositions (n=85) create an illusion of factual objectivity, evaluative presuppositions (n=73) influence emotional perception through implicit judgments, and axiological presuppositions (n=42) appeal to cultural and social values, guiding the reader toward specific moral and ethical conclusions. Factive presuppositions imply the existence of certain facts or events that are presented as indisputable, although they may actually be subject to interpretation. Evaluative presuppositions elicit emotional responses from the reader by employing lexical means with strong evaluative connotations. Axiological presuppositions appeal to sociocultural norms and values, shaping the reader's moral and ethical judgments. One of the key aspects of the study is the emphasis on the fact that while lexical means can play a significant role in the realization of pragmatic presuppositions, they do not serve as its only source. Pragmatic presuppositions are also formed based on a broader context, which includes the common background knowledge, social norms, and expectations of the participants in communication. This means that presuppositions can be either strengthened or weakened depending on how information is presented in the headline and what cultural and social expectations it engages. The authors also emphasize that pragmatic presuppositions play an important role in shaping the cognitive frameworks through which readers perceive information. These frameworks guide the interpretation of the text, creating conditions where the information is perceived as obvious or inevitable, which in turn reduces the likelihood of critical analysis. The findings of the study demonstrate that English-language business media headlines actively use pragmatic presuppositions to manipulate audience perception. This makes them a powerful tool for influence, capable of shaping biased attitudes and supporting certain social and political narratives. The authors conclude that further study of pragmatic presuppositions in media texts, particularly in the context of their manipulative potential, is essential. The research opens up new perspectives for analyzing how media rhetoric can covertly influence public opinion and shape the perception of information, which calls for more in-depth and systematic exploration in the future.

Keywords: pragmatic presupposition, business media, manipulative rhetoric, pragmatic potential

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00505 "Manipulative rhetoric in modern English business media discourse: the functional pragmatic analysis".

For citation: Malyuga, E.N. & Petrosyan, G.O. (2024) Pragmatic presupposition in the headlines of English-language business media as an element of manipulative rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 104–130. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/6

Введение

Современные медиа играют центральную роль в формировании общественного мнения, и заголовки в этих медиа являются ключевым инструментом передачи информации. Однако, несмотря на их кажущуюся нейтральность, заголовки могут выступать в качестве продуктивного средства манипуляции, влияющего на восприятие читателей. В частности, это касается англоязычных биз-

нес-медиа, где манипулятивные стратегии используются для достижения определенных целей, таких как привлечение внимания или формирование определенной точки зрения.

В условиях информационного общества с высокими темпами роста объемов информационных потоков заголовки становятся важным инструментом влияния на принятие решений и формирование мнений. Одним из ключевых факторов, определяющих это влияние, является прагматический потенциал заголовков. Понятие прагматического потенциала охватывает весь спектр атрибутов устного или письменного текста, которые помогают ему достигать своих целей в конкретной коммуникативной ситуации [1]. Актуальность исследования прагматического потенциала заголовков существенно возрастает на фоне усиления влияния медиа на формирование общественных представлений и возрастающей потребности в критической оценке поступающей информации.

Связь прагматического потенциала с эффективностью убеждения особенно очевидна, когда речь идет о манипулятивной риторике заголовков. На основании заголовка читатель принимает решение, заслуживает ли статья внимания или нет, что делает заголовок важнейшим инструментом привлечения аудитории и воздействия на нее.

Несмотря на внушительное количество работ, посвященных заголовкам в медиа, недостаточно изученной остается роль прагматического потенциала заголовков в манипулятивной риторике. До сих пор в научной литературе прагматический потенциал заголовков чаще всего рассматривался в контексте их коммуникативных функций [2] и способности влиять на восприятие аудитории [3], особенно в рамках медийного дискурса и политических коммуникаций [4]. В исследованиях подчеркивается, как заголовки могут направлять интерпретацию текстов, вызывая определенные эмоциональные реакции или создавая предвзятость в отношении содержания статьи [5]. В то же время анализ прагматического потенциала заголовков распространяется на изучение их роли в экономике когнитивных ресурсов читателя и способах привлечения внимания к ключевым аспектам информации [6].

Однако роль пресуппозиции как важного компонента прагматического потенциала заголовков на данный момент остается малоизученной. Пресуппозиция в данном контексте – это набор предположений, которые не заявлены напрямую, но принимаются как очевидные или общеизвестные [7]. Пресуппозиция занимает важное место в процессах восприятия текста, так как она направляет читателя к восприятию определенных элементов информации как само собой разумеющихся, что может значительно повлиять на последующую интерпретацию содержания [8]. Отдельного внимания заслуживает именно прагматическая пресуппозиция как важный компонент прагматического потенциала заголовков. Прагматическая пресуппозиция формирует основу для восприятия информации, создавая скрытые рамки, в пределах которых читатель интерпретирует содержание текста. Эти рамки не всегда осознаются, но оказывают значительное влияние на то, как информация воспринимается и интерпретируется [9]. Прагматические пресуппозиции, заложенные в заголовках, могут навязывать читателю определенную точку зрения или акцентировать внимание на конкретных аспектах информации, что усиливает манипулятивный эффект заголовка и увеличивает его воздействие на аудиторию [10].

Такое влияние особенно актуально в контексте медиатекстов, где прагматические пресуппозиции могут способствовать продвижению существующих стереотипов или определенной политической повестки. Например, заголовки, содержащие прагматические пресуппозиции, могут навязывать читателю мнение о том, что определенные события или факты являются общеизвестными и не подлежат сомнению, что существенно ограничивает критическое восприятие и анализ информации [11]. Этот аспект манипулятивной риторики особенно значим, поскольку позволяет внедрять определенные идеи в сознание читателей, не провоцируя их на осознанное сопротивление. В этом контексте рассмотрение прагматических пресуппозиций в заголовках становится важным шагом для понимания тонких механизмов влияния медиа на общество и для разработки стратегий критического восприятия информационных потоков.

Лакуны в работах, посвященных анализу прагматических пресуппозиций в заголовках современных англоязычных бизнес-медиа, приводят к существенному пробелу в понимании того, каким образом эти механизмы влияют на формирование мнений и принятие решений. Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела в научном описании манипулятивной риторики, реализуемой в текстах англоязычных бизнес-медиа. Цель статьи – выявить прагматические пресуппозиции, используемые в заголовках англоязычных бизнес-медиа и выступающие в качестве элементов манипулятивной риторики и инструментов воздействия на восприятие и интерпретацию информации читателями. Достижение поставленной цели позволит восполнить пробел в научном описании и систематизации компонентов прагматического потенциала медиазаголовков, а также более детально описать механизмы, посредством которых англоязычные бизнес-медиа формируют восприятие новостей.

Материалы и методы исследования

В целях выявления прагматических пресуппозиций в заголовках англоязычных бизнес-медиа был разработан и применен последовательный подход, включающий несколько ключевых этапов.

1. Отбор материала. На первом этапе были отобраны заголовки из авторитетных англоязычных бизнес-изданий, таких как «The Economist», «CNBC», «СВС», «The Guardian», «Daily Mail», «Forbes» и «Axios». Данные издания были выбраны с учетом их статуса и влияния в сфере бизнес-журналистики. Для обеспечения репрезентативности исследования было собрано 200 заголовков, охватывающих широкий спектр актуальных тем и событий.

2. Применение метода контент-анализа для выявления прагматических пресуппозиций, заложенных в заголовках. Каждый заголовок был проанализирован с целью обнаружения скрытых предположений – подразумеваемых, но не заявленных напрямую. Этот процесс включал идентификацию языковых средств, которые сигнализируют о наличии пресуппозиций, таких как определенные лексические единицы, грамматические конструкции и логические связи.

3. Группировка пресуппозиций по типам в зависимости от их содержания. Типологизация позволила систематизировать материал и определить, какие типы пресуппозиций наиболее часто используются в заголовках англоязычных бизнес-медиа.

4. Анализ манипулятивной роли пресуппозиций. На этом этапе исследования было рассмотрено влияние пресуппозиций на манипулятивную риторику заголовков. Был проведен логический анализ, направленный на оценку того, как пресуппозиции способствуют формированию у читателя определенных установок или мнений, не заявленных прямо в тексте. Этот анализ включал изучение того, как пресуппозиции могут усиливать восприятие информации как объективной и неопровержимой, что способствует снижению критического восприятия у аудитории.

5. Интерпретация результатов. Полученные результаты были интерпретированы в контексте существующих теоретических подходов к изучению пресуппозиций и манипулятивной риторики. Особое внимание было уделено тому, как пресуппозиции взаимодействуют с другими элементами текста, такими как имплицитные значения и коннотации, и как они совместно усиливают манипулятивное воздействие заголовков на читателей.

Обзор литературы

Прагматический потенциал заголовков и пресуппозиции. Проблема влияния заголовков на восприятие информации и их прагматический потенциал давно привлекает внимание исследователей в области лингвистики. Заголовки, будучи важнейшим элементом текста, концентрируют в себе широкий спектр прагматических ресурсов, которые оказывают существенное воздействие на интерпретацию текста аудиторией [12].

Понятие прагматического потенциала относится к способности текста передавать дополнительные значения, которые не ограничиваются его эксплицитным содержанием [13]. Прагматический потенциал включает в себя как имплицитные компоненты, которые остаются на уровне подразумеваемого, так и элементы, которые определяют восприятие и интерпретацию текста в конкретных коммуникативных условиях [14]. Этот потенциал позволяет заголовкам не просто передавать информацию, но и вызывать определенные когнитивные и эмоциональные реакции у аудитории, направляя ее к конкретной интерпретации текста.

В отличие от манипулятивного потенциала, который акцентирует внимание на намеренном воздействии на восприятие с целью достижения определенного эффекта, прагматический потенциал описывает более общий механизм, посредством которого текст может взаимодействовать с читателем на уровне значений, интенций и контекстов, предоставляя основу для различных интерпретаций.

Прагматический потенциал заголовков включает в себя такие компоненты, как имплицитные значения, коннотации, интенции автора, контекстуальные предпосылки и пресуппозиции, каждый из которых выполняет критически важные функции, наделяющие заголовки необходимыми атрибутами. В совокупности данные компоненты позволяют заголовку выполнять не только информативную, но и коммуникативную функцию, способствуя формированию определенного восприятия информации у читателя.

Пресуппозиции, являющиеся компонентом прагматического потенциала текста, представляют собой особый вид контекстуальных предпосылок, которые автор подразумевает, но не выражает явно. Пресуппозиция в лингвистике и прагматике определяется как фоновые предположения или убеждения, которые

говорящий считает истинными или принимаемыми на веру [15]. Эти предположения необходимы для того, чтобы высказывание имело смысл и воспринималось корректно. Одно из классических определений пресуппозиции было дано Питером Ф. Стросоном, указывающим, что пресуппозиции касаются тех условий, которые должны выполняться, чтобы высказывание могло считаться истинным или ложным в определенном контексте [16]. Важный вклад в теорию пресуппозиции внесли также работы Роберта Сталнекера, рассматривавшего пресуппозиции как часть разделяемого участниками коммуникации общего фона знаний [17].

Пресуппозиции в заголовках СМИ представляют собой многогранный объект исследования, поскольку оказывают значительное влияние на восприятие информации. Одним из первых, кто обратил внимание на пресуппозиции в контексте медиа, был Van Dijk [18], который рассматривал пресуппозиции как инструмент манипуляции общественным мнением. В своих работах он показал, что пресуппозиции могут использоваться для создания определенной картины мира у читателя, не давая при этом явных поводов для критического осмысления. Поддерживая это направление, ряд ученых подчеркивают, что пресуппозиции в заголовках могут использоваться для консолидации определенных политических и идеологических позиций [19–21]. В силу своей скрытой природы пресуппозиции обладают высокой степенью манипулятивного потенциала, поскольку они формируют основу для восприятия всей последующей информации, зачастую не подвергаясь критическому осмыслению [22].

Работы в области когнитивной лингвистики, такие как Langacker [23], рассматривают пресуппозиции как элемент, участвующий в формировании когнитивных моделей. Это позволяет заголовкам влиять на ментальные структуры и ожидания читателей, создавая предвзятое восприятие информации. Другими словами, пресуппозиции служат основой для когнитивных процессов, через которые текст воздействует на читателя [24, 25].

Levinson [26] утверждает, что пресуппозиции важны в установлении контекста, необходимого для правильной интерпретации текста, что особенно важно в заголовках, где объем информации ограничен. Заголовки, обладающие высоким прагматическим потенциалом, часто содержат пресуппозиции, которые способствуют установлению связи между текстом и читательским восприятием, усиливая коммуникативную эффективность заголовка. Соорет [27] дополняет эти выводы, акцентируя внимание на том, что пресуппозиции могут функционировать как средство экономии языковых ресурсов, так как они позволяют передавать сложные идеи и предположения, не прибегая к эксплицитным высказываниям. В контексте заголовков это особенно важно, поскольку при их создании авторы стремятся максимально эффективно использовать ограниченное пространство для воздействия на аудиторию.

Кроме того, ученые рассматривают пресуппозиции как механизм усиления текстовой когерентности, участвующей в создании связного и убедительного сообщения. Пресуппозиции способствуют поддержанию когерентности не только внутри текста, но и в его восприятии читателями, что делает их критически важным компонентом прагматического потенциала заголовков [28]. Khramchenko [29] также обратил внимание на то, что пресуппозиции играют

ключевую роль в создании эффекта правдоподобия. Он показал, что через пресуппозиции авторы заголовков могут формировать у читателя определенные ожидания относительно содержания статьи, что усиливает манипулятивное воздействие.

Место прагматической пресуппозиции в типологии пресуппозиций.

В контексте данного исследования необходимо отметить, что в научной литературе выделяются несколько типов пресуппозиций, которые различаются по своим функциям в коммуникации. К наиболее часто упоминаемым типам относятся следующие.

1. Экзистенциальная пресуппозиция – предположение о существовании чего-либо или кого-либо [30]. Обычно сопровождается использованием определенных артиклей, притяжательных местоимений и имен собственных. Например: *Машина Джона красная* (предполагается, что Джон существует и у него есть машина).

2. Лексическая пресуппозиция связана с выбором определенных слов, которые сами по себе содержат скрытые значения, не выраженные напрямую [31]. Часто связана с изменением состояния или повторением. Например: *Он бросил курить* (предполагается, что он курил раньше).

3. Структурная пресуппозиция возникает в результате использования определенных синтаксических структур, таких как вопросы или относительные предложения [32]. Например: *Когда она приехала?* (предполагается, что она действительно приехала).

4. Контрфактическая пресуппозиция связана с предположением, противоречащим реальности, и часто реализуется посредством условных конструкций [33]. Например: *Если бы я знал, я бы позвонил тебе* (предполагается, что я не знал).

5. Темпоральная пресуппозиция предполагает наступление события во времени и обычно связана с использованием временных выражений [34]. Например: *После того как она закончила университет, она переехала в Париж* (предполагается, что она закончила университет).

6. Итеративная пресуппозиция возникает, когда глагол или выражение указывает на повторение или продолжение действия [35]. Например: *Он вернулся в офис* (предполагается, что он уже был в офисе раньше).

Прагматическая пресуппозиция выделяется в качестве отдельного типа пресуппозиции, который представляет собой более контекстно зависимый феномен по сравнению с вышеописанными типами. В отличие от лексических или структурных пресуппозиций, прагматическая пресуппозиция не привязана к конкретным лингвистическим триггерам, таким как определенные слова или синтаксические конструкции. Вместо этого она формируется на основе общих знаний, установленных социальных норм и культурных ожиданий, которые разделяются участниками коммуникации. Хотя лексические и грамматические средства могут участвовать в формировании прагматической пресуппозиции, сами по себе они не являются единственным ее источником, поскольку прагматическая пресуппозиция формируется при наличии общего когнитивного фона и ожиданий участников коммуникации.

Таким образом, прагматическая пресуппозиция – это фоновое предположение, которое возникает из контекста общения, общих знаний, убеждений и ожиданий участников коммуникации. Данный тип пресуппозиции тесно связан с

понятием «общий фон» (*common ground*), предложенным Робертом Сталнекером, который описывает совокупность знаний и предположений, разделяемых участниками разговора. К основным характеристикам прагматической пресуппозиции относятся (1) контекстуальная зависимость (прагматическая пресуппозиция может изменяться или корректироваться по мере развития разговора в зависимости от контекста и текущего состояния знаний участников); (2) социально-культурная обусловленность (прагматическая пресуппозиция может варьироваться в зависимости от культурных, социальных и индивидуальных особенностей участников коммуникации, что особенно актуально в межкультурном общении, где различия в культурных нормах и ценностях могут приводить к различной интерпретации пресуппозиций) и (3) имплицитность (прагматическая пресуппозиция часто не выражена явно, но подразумевается, исходя из установок, опыта и намерений участников диалога).

Таким образом, в прагматической пресуппозиции значение часто выводится не столько из конкретных лексических триггеров, сколько из контекста общения, общего фона знаний и ожиданий участников дискурса. Например, высказывание *Ну, ты же понимаешь, что это важно* подразумевает, что слушатель уже должен был осознать важность обсуждаемого вопроса. Здесь прагматическая пресуппозиция основана на предположении, что оба участника общения разделяют определенные знания или ожидания, даже если это не было явно выражено в разговоре ранее. Эта пресуппозиция формируется за счет не конкретного слова, а социального и коммуникативного контекста, в котором происходит общение. Такой тип пресуппозиции особенно значим в анализе имплицитных значений и манипулятивного потенциала высказываний (в том числе заголовков), где контекстуальные факторы играют ключевую роль в интерпретации сообщения.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных пресуппозиции, до сих пор остается недостаточно изученным вопрос ключевых характеристик именно прагматической пресуппозиции как компонента прагматического потенциала заголовков, а также возможности типологизации прагматических пресуппозиций как элементов манипулятивной риторики в заголовках бизнес-медиа. В частности, отсутствуют изыскания, которые бы систематически рассматривали, как именно прагматические пресуппозиции используются для формирования определенных установок и мнений у аудитории в контексте экономической и деловой информации. Данный пробел требует устранения, поскольку понимание того, как прагматические пресуппозиции используются для манипуляции, позволит идентифицировать потенциальные сопутствующие риски, связанные с восприятием информационных потоков, и разработать эффективные стратегии их нивелирования.

Результаты исследования

В рамках исследования были идентифицированы прагматические пресуппозиции (ПП), заложенные в заголовках англоязычных бизнес-медиа. Выявленные ПП были систематизированы по трем основным типам.

1. *Фактические ПП* (n = 85) реализуются в заголовках, содержащих утверждения, подразумевающие определенные факты или события, которые счита-

ются очевидными или уже произошедшими. Манипулятивная составляющая заключается в том, что эти факты могут быть представлены как неоспоримые, хотя на самом деле они подлежат обсуждению или интерпретации.

2. *Оценочные ПП* (n = 73) встречаются в заголовках, включающих оценочные суждения, которые не заявлены напрямую, но подразумеваются через использование определенных лексических единиц или конструкций. Манипулятивная составляющая заключается в том, что такие суждения навязывают читателю определенную точку зрения, что может существенно влиять на его восприятие информации.

3. *Аксиологические ПП* (n = 42), как правило, подразумевают, что определенные действия или взгляды соответствуют или противоречат общепринятым культурным или социальным ценностям. Эти пресуппозиции направлены на то, чтобы подтолкнуть читателя к определенному моральному или этическому выводу, основываясь на предположении, что все разделяют или должны разделять определенные нормы и стандарты.

Обсуждение результатов исследования

Лексическая и прагматическая пресуппозиция: различия и пересечения.

Перед тем как перейти к обсуждению конкретных типов выявленных пресуппозиций, необходимо рассмотреть различия между лексическими и прагматическими пресуппозициями, так как это важно для корректной интерпретации результатов.

В процессе анализа заголовков англоязычных бизнес-медиа особое внимание следует уделять различию между лексическими и прагматическими пресуппозициями. Лексические пресуппозиции реализуются посредством конкретных слов или выражений, которые сами по себе подразумевают определенные предположения. Например, лексические единицы «опять», «снова», «даже» автоматически вызывают предположения, связанные с повторяемостью или неожиданностью события.

Прагматические пресуппозиции, в свою очередь, не связаны исключительно с лексическими триггерами, а формируются также на основе контекста, фона знаний и ожиданий, существующих у аудитории. Они зависят от того, как информация представлена в заголовке, какие социальные и культурные ожидания она затрагивает и как взаимодействует с общим фоном знаний читателя. Важно отметить, что лексика может участвовать в формировании прагматических пресуппозиций, но сама по себе не является их единственным источником. Если пресуппозиция формируется только благодаря значению конкретного слова, то речь идет о лексической пресуппозиции; если же она зависит от более широкого контекста, то это прагматическая пресуппозиция.

Например, в заголовке *The government decides not to increase taxes* могут содержаться как лексические, так и прагматические пресуппозиции. Лексическая пресуппозиция может заключаться в том, что правительство рассматривало возможность увеличения налогов (триггер «not to increase»). Прагматическая же пресуппозиция может подразумевать, что в обществе было ожидание повышения налогов, которое теперь не оправдалось, и это ожидание могло быть сформировано предыдущими новостями или общественными дискурсами.

Понимание этих различий важно для анализа заголовков, поскольку помогает выявить, какие пресуппозиции действительно являются результатом контекстуальных факторов, а какие – результатом использования конкретных лексических единиц. Это позволит более точно оценивать манипулятивный потенциал заголовков и их воздействие на аудиторию.

Фактивные ПП. Фактивные ПП – это утверждения, подразумеваемые автором, которые предполагают наличие определенных фактов или событий, не подвергаемых сомнению. В заголовках англоязычных бизнес-медиа такие ПП создают у читателя впечатление, что представленные факты являются объективными и неоспоримыми, даже если они могут быть основаны на интерпретации или неполной информации. В исследуемой выборке было выявлено 85 заголовков с фактивными ПП, что составляет 42,5% от общего числа рассмотренных заголовков. Данные ПП действуют через имплицитные предположения, которые, будучи встроенными в текст заголовка, создают иллюзию объективности и достоверности информации. Эти предположения не только направляют интерпретацию содержания статьи, но и влияют на когнитивные процессы, обуславливающие восприятие читателем представленных фактов.

Заголовок *Global markets plunge over recession fears* [36] является ярким примером фактивной ПП, которая предполагает, что падение мировых рынков вызвано страхами рецессии. В данном случае подразумевается, что существует однозначная причинно-следственная связь между двумя событиями и что этот факт не подлежит сомнению. Такая формулировка заставляет читателя воспринимать ситуацию как данность, не вызывающую вопросов. Глагол «plunge» («резко падать») передает интенсивность действия, усиливая восприятие кризиса. С прагматической точки зрения заголовок работает на создание у читателя впечатления, что именно страхи перед рецессией являются движущей силой событий на рынках, тем самым снижая возможность альтернативного анализа или более глубокого понимания сложившейся экономической ситуации.

Заголовок *Digital payments giant Paytm faces regulatory hurdles: Lessons for fintech's future* [37] также представляет собой пример фактивной ПП, где предполагается, что технологическая компания сталкивается с новыми регуляторными трудностями. Подразумеваемое утверждение состоит в том, что данные трудности являются неоспоримым фактом, требующим внимания со стороны читателя. Использование глагола «face» («сталкиваться») усиливает восприятие ситуации как неизбежной и значимой, не оставляя места для сомнений в ее объективности. Рассматриваемый заголовок не только предполагает наличие проблем, но и косвенно указывает на необходимость их разрешения, создавая ощущение срочности и значимости происходящего. Это способствует формированию определенного отношения к событиям, происходящим в финансово-технологической индустрии, и ограничивает пространство для критической рефлексии.

Заголовок *Wirecard CEO Markus Braun resigns as accounting scandal batters shares* [38] содержит ПП о том, что отставка генерального директора произошла на фоне скандала и что это привело к падению акций компании. Здесь используется метод синтаксической интеграции двух событий, который позволяет акцентировать внимание на их взаимосвязи. Заголовок формирует у читателя

представление о том, что эти события находятся в прямой причинно-следственной зависимости, что также поддерживается использованием глагола «batter» («разрушать»), указывающего на серьезность последствий. Такой способ подачи информации направляет внимание читателя на предполагаемую связь между скандалом и финансовыми потерями, снижая возможность критического осмысления других факторов, которые могли повлиять на падение акций.

Фактивные ПП в англоязычных бизнес-заголовках выполняют важную функцию в формировании когнитивных рамок, через которые читатель воспринимает представляемую информацию. Они способствуют созданию иллюзии объективности и правдивости, что снижает вероятность критического анализа информации. Это усиливает прагматический потенциал заголовков, позволяя им эффективно влиять на восприятие событий, предопределяя интерпретацию текста и формируя у аудитории определенные мнения. Рассмотренные примеры демонстрируют, как ПП может использоваться для создания кажущейся неоспоримости фактов, что особенно важно в контексте манипулятивной риторики современных англоязычных бизнес-медиа.

Оценочные ПП. Оценочные ПП представляют собой имплицитные суждения, которые, будучи встроенными в текст заголовков, направляют восприятие читателя в определенное русло. В исследуемой выборке было выявлено 73 заголовка, содержащих оценочные ПП, что составляет 36,5% от общего числа рассмотренных заголовков. Данные ПП реализуются не только посредством прилагательных или наречий с выраженной оценочной коннотацией, но также через выбор глаголов, существительных, синтаксических конструкций и других лингвистических средств, транслирующих скрытые коннотации и оценки. Далее будут рассмотрены примеры оценочных ПП, которые иллюстрируют, как эти имплицитные суждения могут влиять на восприятие информации и усиливать эмоциональное воздействие заголовков.

В заголовке *Tesco shares open another 6p down today as chief executive Dave Lewis refuses to announce strategy to get store out of crisis* [39] глагол «refuses» («отказывается») служит маркером оценочной ПП. Подразумевается, что отказ является негативным поведением, возможно, характеризующим агента действия как упрямого или безответственного. Подобная ПП не только передает негативную оценку действий руководителя, но и влияет на читателя, заставляя его воспринимать ситуацию как проблематичную и требующую немедленного вмешательства.

В заголовке *Innovate or die: How a lack of innovation can cause business failure* [40] используется ряд стратегий, направленных на создание оценочной ПП. В данном случае центральным элементом является жесткая бинарная оппозиция «innovate or die» («создавай инновации или умри»). Заголовок транслирует почти ультимативную оценку, согласно которой отсутствие инноваций неизбежно приведет к краху. ПП формируется через использование таких лексических средств, как «die» («умри») и «failure» («провал»), которые вводят оценочные коннотации, подразумевающие, что неудача в инновациях фатальна для бизнеса. Таким образом, заголовок не просто информирует читателя о возможных последствиях недостатка инноваций, но и навязывает определенное видение инноваций как единственного пути к выживанию в бизнесе, что может привести к

усилению эмоциональной реакции и закреплению стереотипа о фатальных последствиях отсутствия новаторства. Это создает у читателя не просто негативное отношение к отсутствию инноваций, но и ощущение, что альтернативы инновациям не существует, что усиливает прагматический потенциал заголовка и воздействует на восприятие имплицитных значений и коннотаций, формируя предвзятое мнение.

В заголовке *Industrial policy is back – Should we welcome government intervention?* [41] оценочная ПП реализуется посредством словосочетания «government intervention» («вмешательство правительства»). Подобно предыдущему примеру лексическая единица «intervention» несет в себе негативную коннотацию, подразумевая, что действия правительства могут восприниматься как нежелательные или избыточные. Однако в данном заголовке к лексическому триггеру добавляется вопросительная форма «should we welcome» («должны ли мы приветствовать»), которая усиливает оценочную ПП, задавая тон сомнения и предполагая, что вмешательство правительства – это нечто, что требует дополнительного обоснования и одобрения. Такая конструкция способствует созданию предвзятого отношения, побуждая читателя усомниться в целесообразности и позитивности действий правительства. Таким образом, заголовок не просто информирует о возвращении государственной промышленной политики, но и направляет восприятие аудитории в сторону критического или скептического отношения к этому вмешательству. Прагматический потенциал такого заголовка заключается в том, что он стимулирует аудиторию к осмыслению действий правительства в негативном контексте, формируя имплицитные сомнения относительно их пользы или необходимости. Манипулятивная риторика реализуется через сочетание негативной коннотации слова «intervention» и вопросительной формы, которая усиливает предвзятость, заставляя читателя задуматься о том, оправданны ли действия правительства, хотя альтернативные точки зрения или контексты не предлагаются.

Заголовок *Boeing CEO acknowledges mistakes were made following mid-air panel blowout* [42] представляет собой пример использования синтаксической конструкции, которая скрывает субъект действия и тем самым создает оценочную ПП. В данном случае используется пассивный залог «mistakes were made» («были совершены ошибки»), который смещает акцент с конкретных лиц, ответственных за ошибки, на сам факт их существования. Данная конструкция снижает персонализированную ответственность, что может восприниматься читателем как попытка смягчить серьезность ситуации или свести ее к результату общей системной проблемы, а не конкретных управленческих решений. Использование пассивной формы позволяет признать наличие проблем, не указывая при этом на конкретных виновников или обстоятельства, что создает эффект размытости ответственности. Оценочная ПП заключается в том, что само признание ошибки становится центральным элементом заголовка, отвлекая внимание от причин и виновников инцидента. В результате вместо того, чтобы сосредоточиться на анализе того, кто и как допустил ошибки, внимание читателя переключается на факт, что эти ошибки были признаны. Это может привести к восприятию ситуации как менее критичной, поскольку подчеркивается не столько тяжесть последствий, сколько сам факт признания ошибки. С точки зрения прагматического потенциала заголовок направляет восприятие аудитории на смягчение

эмоционального отклика, формируя у читателя впечатление, что компания принимает меры по исправлению ситуации, но не фокусирует внимание на причины происшествия или ответственность конкретных лиц. Манипулятивная риторика в данном случае проявляется в том, что заголовок может успокоить читателя, оставляя нераскрытыми ключевые аспекты проблемы и скрывая индивидуальную ответственность, что снижает критическое восприятие ситуации.

Заголовок *Be afraid: Unless politicians act more boldly, the world economy will keep heading towards a black hole* [43] представляет собой пример оценочной ПП, которая оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. Во-первых, заголовок начинается с императивной фразы «be afraid» («бойтесь»), которая сама по себе является мощным триггером для оценочной ПП. Здесь читателю прямо навязывается чувство страха, что создает эмоционально насыщенное восприятие ситуации. Использование такого императива предполагает, что существует реальная и непосредственная угроза, которой следует бояться, тем самым настраивая читателя на негативное восприятие дальнейшей информации. Далее, в заголовке содержится условное предложение «unless politicians act more boldly» («если политики не будут действовать смелее»), которое подразумевает, что текущее поведение политиков недостаточно эффективно и требует изменения. Эта фраза усиливает оценочную ПП, заключающуюся в том, что действия политиков в настоящее время недостаточны, и, если они не изменятся, последствия будут катастрофическими. Наконец, фраза «the world economy will keep heading towards a black hole» («мировая экономика будет продолжать двигаться к черной дыре») усиливает чувство неизбежной катастрофы посредством метафоры «blackhole», которая ассоциируется с необратимой утратой и разрушением. Данная метафора создает образ крайней опасности, что еще больше усиливает негативное восприятие ситуации.

Оценочная ПП в данном заголовке действует на нескольких уровнях. Во-первых, она направляет читателя к ощущению страха и беспокойства, усиливая эмоциональное воздействие. Во-вторых, она формирует предвзятое восприятие действий политиков как недостаточных и неадекватных в текущей ситуации. В-третьих, она создает образ катастрофы, которая неизбежна, если не будут предприняты срочные меры. В результате заголовок воздействует на восприятие читателя, формируя у него чувство тревоги и недовольства текущим состоянием политических решений. Манипулятивная риторика здесь проявляется в том, что заголовок не оставляет места для альтернативных интерпретаций или более сбалансированного анализа ситуации. Вместо этого он направляет читателя к предопределенным выводам, усиливая эмоциональный отклик и формируя предвзятое мнение о текущем положении мировой экономики и действиях политиков.

Таким образом, прагматический потенциал оценочных ПП заключается в их способности воздействовать на восприятие имплицитных значений и коннотаций. Оценочные ПП формируют у читателя предвзятые мнения, усиливая эмоциональную реакцию на информацию, представленную в заголовке. Такие ПП могут как поддерживать позитивное восприятие субъектов, описываемых в заголовках, так и формировать негативное отношение в зависимости от выбранных лексических и синтаксических средств. Манипулятивная риторика, связанная с оценочными ПП, проявляется в том, как заголовки

могут скрытно направлять читателя к определенным выводам, усиливая позитивные или негативные коннотации. Примеры рассмотренных заголовков показывают, что даже не прибегая к использованию прилагательных или наречий авторы способны создавать оценочные суждения, оказывающие значительное влияние на интерпретацию событий и формирование общественного мнения.

Аксиологические ПП. Аксиологические ПП непосредственно связаны с социальными и культурными ценностями, нормами и стандартами и имеют в своей основе моральные или этические суждения, которые позволяют читателю прийти к определенным выводам. В отличие от фактивных и оценочных ПП, которые в большей степени акцентируют внимание на объективности и субъективности высказываний соответственно, аксиологические ПП апеллируют к глубинным социокультурным установкам.

В исследуемой выборке было выявлено 42 заголовка, содержащих аксиологические ПП, что составляет 21% от общего числа рассмотренных заголовков. Это указывает на то, что аксиологические ПП, хотя и менее частотные по сравнению с фактивными и оценочными ПП, все же играют значительную роль в формировании восприятия аудитории. Рассмотрим более подробно механизмы реализации аксиологических ПП в заголовках англоязычных бизнес-медиа.

Первый важный критерий выявления аксиологических ПП – использование лексики, связанной с ценностями и нормами. В заголовке *Surveillance is a fact of life, so make privacy a human right* [44] аксиологическая ПП формируется через сочетание понятий «право на частную жизнь» и «человеческое право», которые апеллируют к фундаментальным ценностям свободы и права на неприкосновенность личной жизни. Лексические единицы «privacy» (частная жизнь) и «human right» (право человека) формируют положительное восприятие предложенной меры, представленной как морально оправданная и необходимая для поддержания базовых человеческих прав. Выбор такой лексики подчеркивает аксиологическую природу пресуппозиции, где ценностные ориентиры, такие как права человека, задают рамки для интерпретации представленной информации.

Аксиологические ПП часто проявляются через апелляцию к общественным стереотипам и культурным нормам. В заголовке *The growing threat of government overreach in digital spaces* [45] аксиологическая ПП формируется через использование понятия «overreach», что вызывает у читателя ассоциации с избыточным и нежелательным вмешательством государства в частную сферу. Подразумевается, что такие действия правительства представляют угрозу для установленных норм и ценностей, связанных с личной свободой и независимостью в цифровом пространстве. Данная ПП направляет читателя к негативному восприятию действий государства, апеллируя к чувству угрозы для прав и свобод в контексте растущего контроля над цифровыми платформами. Использование культурных норм и стереотипов способствует формированию определенного отношения к обсуждаемым событиям, усиливая аксиологическое воздействие заголовка на восприятие аудитории.

Еще один важный аспект аксиологических ПП – включение социальных идентичностей и ролей, что усиливает воздействие пресуппозиции. Так, в заголовке *A fight against corporate greed: Bernie Sanders rallies with UAW in Detroit* [46] аксиологическая ПП формируется через объединение таких понятий, как «UAW» («Объединенный профсоюз работников автомобильной промышленности») и «corporate greed» («корпоративная жадность»). Вместе эти элементы создают мощный аксиологический эффект, где «UAW» олицетворяет коллективную борьбу и защиту прав трудящихся, а «корпоративная жадность» представляет собой силу, угрожающую этим правам. Такое объединение акцентирует внимание на моральной и социальной ответственности рабочих и их союзников, предполагая, что борьба против корпоративной жадности является не только необходимой, но и справедливой. Упоминание профсоюза и его роли в контексте борьбы с жадностью корпораций подчеркивает идею, что эта борьба имеет общественную значимость и опирается на разделяемые в обществе ценности справедливости и защиты прав трудящихся. Таким образом, заголовок склоняет читателя к восприятию действий профсоюза и политического лидера как морально обоснованных, что усиливает эффект аксиологической ПП и способствует формированию определенных социальных установок.

Наконец, аксиологические ПП могут быть выражены через риторику, направленную на защиту или критику ценностей, особенно в сочетании с упоминанием социальных ролей. В заголовке *Removing UK climate protesters' defence 'could erode right to trial by jury'* [47] аксиологическая ПП проявляется через апелляцию к фундаментальным правам и социальным ролям, связанным с защитой климата. Упоминание «climate protesters» («протестующих за защиту климата») акцентирует фокус на социальной роли активистов, которые представляют собой группу, борющуюся за общественное благо. В то же время фраза «could erode right to trial by jury» («может подорвать право на суд присяжных») апеллирует к базовым правам и свободам, подразумевая, что их нарушение приведет к разрушению одной из ключевых ценностей демократического общества – права на суд присяжных. Центральным объектом манипулятивной риторики выступает понятие защиты прав и справедливости, что подталкивает читателя к восприятию действий против протестующих как угрозы демократическим ценностям. Таким образом, аксиологические ПП могут использоваться для манипуляции восприятием, вызывая беспокойство и чувство необходимости защищать основополагающие права, даже если это касается группы, чьи действия могут считаться спорными в глазах общественности. В данном случае аксиологическая ПП формирует у читателя представление о моральной и правовой важности защиты протестующих и их права на справедливый суд, несмотря на контекст их действий.

Уточненные критерии выявления ПП в заголовках бизнес-медиа. В данном разделе представлена таблица, обобщающая результаты исследования ПП в заголовках англоязычных бизнес-медиа. Для каждого типа ПП указаны количество заголовков, критерии их выявления, примеры использования и подразумеваемое значение. Данная систематизация позволяет продемонстрировать влияние разных типов ПП на восприятие информации аудиторией.

Типы прагматических пресуппозиций в заголовках англоязычных бизнес-медиа

Тип ПП	Количество заголовков	Критерии выявления	Пример	Подразумеваемое значение
Фактивные ПП	85 (42,5%)	Утверждения, подразумевающие очевидные или произошедшие события, представленные как неоспоримые	<i>XYZ Corporation caught in another scandal</i>	Скандал уже имеет место и компания неоднократно была вовлечена в подобные ситуации, что создает негативное восприятие
Оценочные ПП	73 (36,5%)	Оценочные суждения, выраженные через определенные лексические единицы или конструкции, навязывающие точку зрения	<i>Failing leadership at ABC leads to market decline</i>	Именно недостаточная компетентность руководства является причиной падения на рынке, что формирует негативное отношение к компании
Аксиологические ПП	42 (21%)	Апелляция к культурным и социальным ценностям, а также к стереотипам и нормам, закрепленным в обществе, у аудитории для формирования определенного восприятия и суждений	<i>Protect our values: Support national policy</i>	Национальная политика автоматически соотносится с защитой определенных ценностей, которые важны для читателя. Поддержка этой политики является морально правильным действием, и что все, кто разделяет эти ценности, должны ее поддерживать

Для фактивных пресуппозиций можно выделить следующие уточненные критерии выявления.

1. Наличие конструкций, предполагающих причинно-следственные связи. Например, оперирование глаголами *cause*, *lead to*, *result in* позволяет представить событие или факт как следствие конкретного действия, что ведет к восприятию такого действия как неоспоримого. Например, заголовок *How a small policy change led to a big garbage strike* [48] подразумевает, что изменение политики выступило непосредственным катализатором забастовки, тем самым упрощая восприятие сложной ситуации как однозначного следствия одного фактора и исключая другие возможные причины или контексты.

2. Отсутствие модальных глаголов, таких как *may*, *might*, *could*, усиливает восприятие факта как объективного и безальтернативного. Например, заголовок *Hollywood writers strike ends: Deal finalized after 148 days of work stoppage* [49] подразумевает, что событие произошло, без возможности альтернативных сценариев.

3. Наличие глаголов с фактивной семантикой, передающих значение свершившегося действия, таких как *recognize, know, realize, admit*. Например, заголовок *In a police interview, DePape admitted everything and showed no remorse* [50] подразумевает, что признание вины является фактом, не подлежащим сомнению, исключая возможность вариативной интерпретации событий.

4. Упоминание завершившихся событий через временные маркеры, такие как *already, since, recently*, усиливает восприятие факта как свершившегося. Например, заголовок *The new normal is already here. Get used to it* [51] предполагает, что изменения уже произошли и являются свершившимся фактом, что исключает возможность их оспаривания или возврата к прежнему состоянию. Это создает у читателя впечатление неизбежности и завершенности ситуации, требуя принятия новых условий.

5. Наличие синтаксиса, который устанавливает однозначную связь между субъектом и действием. Например, заголовок *Covid vaccines saved nearly 20 MILLION lives during first year of world's roll-out* [52] напрямую связывает действие с результатом, предполагая однозначную причинную связь.

Для оценочных пресуппозиций могут быть выделены следующие уточненные критерии выявления.

1. Наличие прилагательных сравнительной или превосходной степени, указывающих на субъективное суждение, скрытое за кажущейся нейтральностью. Например, заголовок *The world's most valuable resource is no longer oil, but data* [53] подчеркивает превосходство данных над нефтью, представляя это как объективный факт, хотя в основе лежит оценочное суждение.

2. Лексические единицы с яркой эмоциональной коннотацией, такие как *disaster, amazing, terrifying*, способны оказать значительное влияние на восприятие события и эмоциональную реакцию у читателя. Например, заголовок *Global report: Disaster looms for millions of children as WHO warns of second peak* [54] провоцирует негативное восприятие ситуации посредством включения эмоционально окрашенной лексической единицы *disaster*.

3. Наличие глаголов, вводящих оценочные суждения о действии субъекта, таких как *fail, succeed, struggle* или *thrive*. Например, заголовок *The London Stock Exchange is thriving despite Brexit* [55] стимулирует положительное восприятие происходящего за счет оперирования глаголом *thrive*, который подразумевает успешное развитие.

4. Наличие модальных глаголов *should, must, ought to* передает оценочное суждение через утверждение обязательности исполнения действия. Данные глаголы предполагают, что определенные действия не только желательны, но и необходимы, создавая ожидание их обязательного выполнения. Например, заголовок *Congress must act now to prevent an even worse economic crisis* [56] призывает к незамедлительному вмешательству, подразумевая, что отсутствие таких действий должно оцениваться негативно. Модальный глагол *must* стимулирует восприятие кризиса как неизбежного в случае отсутствия вмешательства.

5. Риторические вопросы в заголовках также могут служить маркером оценочных ПП. Например, заголовок *Has private credit's golden age already ended?* [57] предполагает не столько поиск ответа, сколько имплицитную оценку ситуации, намекая на возможное завершение «золотого века» частного кредитования.

Такой вопрос создает у читателя ожидание негативного развития событий и формирует восприятие текущей ситуации как проблемной или неблагоприятной.

6. Маркерами оценочных ПП могут выступать прогнозы, которые предполагают положительный или отрицательный исход (*is set to*, *is expected to* и т.п.). Например, заголовок *A record audience is expected to watch tonight's presidential debate* [58] предполагает положительный исход в виде рекордного числа зрителей. Такая формулировка не только предсказывает событие, но и создает определенное ожидание (событие уже почти свершилось), что способствует восприятию его как значимого и успешного.

Для аксиологических пресуппозиций можно выделить следующие уточненные критерии выявления.

1. Наличие лексических единиц, значение которых связано с моральными или этическими ценностями (*justice*, *rights*, *freedom*, *corruption* и т. п.). Например, заголовок *Crime without punishment: Fighting for justice* [59] апеллирует к общественной потребности в справедливости (*justice*), акцентируя внимание на моральной ценности наказания за преступление, что усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

2. Аксиологические ПП могут формироваться через отсылку к общепризнанным общественным нормам посредством лексических единиц, таких как *tradition*, *heritage*, *values* и т.п. Например, заголовок *Muslims in Egypt are trying to preserve its Jewish heritage* [60] акцентирует внимание на важности сохранения культурного наследия, что стимулирует положительное восприятие действий, направленных на защиту традиций. Такие заголовки манипулируют сознанием читателя, опираясь на общественно признанные ценности и идею их защиты как нравственно правильного поступка.

3. Заголовки, создающие контраст между действиями, воспринимаемыми как правильные или неправильные, особенно через использование противопоставлений, усиливают прагматический потенциал аксиологических ПП. Например, заголовок *Power vs perception: Leaders at NATO* [61] противопоставляет власть и восприятие, намекая на различие между действиями, которые общество считает правильными, и теми, что реализуются на практике. Такое противопоставление вызывает у читателя ощущение морального конфликта.

4. Аксиологические ПП также могут формироваться через отсылку к ролям и ожиданиям, связанным с этими ролями. Заголовки, в которых упоминаются лидеры, политики, ученые или активисты, содержат аксиологические ПП, которые предполагают наличие моральных обязательств у людей, занимающих общественно важные позиции. Например, заголовок *Why all politicians must put the people first* [62] апеллирует к ожиданиям от политиков, создавая давление для соблюдения моральных и этических норм.

5. Наличие обобщений вроде *we*, *everyone*, *all of us*, *human* может выступать как маркер аксиологических ПП, указывая на то, что обсуждаемые ценности разделяются всеми. Например, заголовок *To err is human; so is the failure to admit it* [63] отсылает к универсальному человеческому опыту, связывая действия с общечеловеческими качествами. Это способствует формированию восприятия обсуждаемых вопросов как морально значимых для всех, формируя общее согласие с выводами текста.

Выделенные типы ПП могут не только функционировать независимо, но и комбинироваться, образуя синкретические формы. Например, выражение *corporate greed* может одновременно нести в себе как аксиологическую, так и оценочную ПП, апеллируя к общественно значимым ценностям (аксиологический компонент) и передавая негативное суждение о предмете высказывания (оценочный компонент). Подобные случаи синкретического включения ПП могут интенсифицировать манипулятивный потенциал заголовков, обеспечивая возможность «многослойной» интерпретации информации. Исследование такого взаимодействия между различными типами ПП представляет перспективное направление для дальнейших исследований и требует более глубокого анализа.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии специфики материала на использование различных типов прагматических пресуппозиций. Очевидно, что направленность и специализация издания могут определять выбор конкретных видов ПП. Например, в бизнес-изданиях аксиологические и фактивные ПП играют ключевую роль в продвижении ценностей, связанных с экономической стабильностью, ответственностью и успехом, что отвечает потребностям их аудитории. В политических или общественно значимых тематиках могут превалировать оценочные и аксиологические ПП, обращенные к социальным нормам и политическим установкам.

Отдельно следует отметить, что не каждое использование ПП носит манипулятивный характер. Пресуппозиции являются неотъемлемой частью коммуникативных процессов и в ряде случаев выполняют вспомогательные функции в медиа-заголовках, такие как экономия языковых средств или упрощение передачи информации. Однако роль ПП как инструментов манипулятивной риторики может считаться одной из наиболее значимых, особенно в условиях современного информационного общества, где борьба за внимание аудитории становится все более интенсивной. ПП играют ключевую роль в формировании восприятия и направлении интерпретации, оказывая значительное влияние на общественное мнение и восприятие событий. Примеры их использования требуют особого внимания для выявления имплицитных механизмов воздействия на читателя через заголовки.

Выводы

Основной целью статьи было выявление и систематизация прагматических пресуппозиций в заголовках англоязычных бизнес-медиа, а также изучение их влияния на восприятие и интерпретацию информации читателями. В ходе исследования были рассмотрены три типа прагматических пресуппозиций: фактивные (создающие иллюзию объективности представленных фактов), оценочные (влияющие на эмоциональное восприятие через имплицитные суждения) и аксиологические (апеллирующие к культурным и социальным ценностям и направляющие читателя к определенным моральным и этическим выводам). Полученные результаты демонстрируют, что заголовки англоязычных бизнес-медиа активно используют прагматические пресуппозиции для манипуляции восприятием аудитории.

В работе были впервые систематизированы три типа прагматических пресуппозиций в контексте бизнес-медиа, при этом особого внимания заслуживают

аксиологические пресуппозиции, которые до сих пор не получали должного внимания. Полученные результаты расширяют понимание роли пресуппозиций в медийных текстах и их манипулятивного потенциала.

Одним из ограничений исследования является лимитированный объем выборки, что может повлиять на обобщаемость результатов. Кроме того, фокус работы был направлен исключительно на заголовки бизнес-медиа, что может не учитывать особенности других видов медиа. В дальнейших исследованиях целесообразно рассмотреть более широкий спектр медиа, включая социальные сети и информационные порталы, а также увеличить объем выборки. Углубленное изучение взаимодействия прагматической пресуппозиции с другими элементами прагматического потенциала заголовков, такими как имплицитные значения и коннотации, также представляется перспективным направлением.

Список источников

1. Малюга Е.Н., Маккарти М. «No» и «нет» как ответные единицы в английском и русском деловом дискурсе: в поисках функциональной эквивалентности // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 25 (2). С. 391–416. doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416
2. Ifantidou E. Newspaper headlines and relevance: ad hoc concepts in ad hoc contexts // *Journal of Pragmatics*. 2009. № 41 (4). P. 699–720. doi: 10.1016/J.PRAGMA.2008.10.016
3. Scott K. You won't believe what's in this paper! Clickbait, relevance and the curiosity gap // *Journal of Pragmatics*. 2021. № 175. P. 53–66. doi: 10.1016/j.pragma.2020.12.023
4. Apresjan V., Orlov A. Pragmatic mechanisms of manipulation in Russian online media: how clickbait works (or does not) // *Journal of Pragmatics*. 2022. № 195 (2). P. 91–108. doi: 10.1016/j.pragma.2022.02.003
5. Dykstra A. Critical reading of online news commentary headlines: stylistic and pragmatic aspects // *Topics in Linguistics*. 2019. № 20 (2). P. 90–105. doi: 10.2478/topling-2019-0011
6. Dor D. On newspaper headlines as relevance optimizers // *Journal of Pragmatics*. 2003. № 35 (5). P. 695–721. doi: 10.1016/S0378-2166(02)00134-0
7. Mazzarella D., Reinecke R., Noveck I., Mercier H. Saying, presupposing and implicating: how pragmatics modulates commitment // *Journal of Pragmatics*. 2018. № 133. P. 15–27. doi: 10.1016/j.pragma.2018.05.009
8. Engelkamp S., Glaab K. Writing norms: constructivist norm research and the politics of ambiguity // *Alternatives*. 2015. № 40 (3–4). P. 201–218. doi: 10.1177/0304375415612270
9. Beaver D.I., Geurts B., Denlinger K. Presupposition // *Semantics: an international handbook of natural language meaning*. Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. P. 2432–2460. doi: 10.1515/9783110253382.2432
10. Tonhauser J., Beaver D., Roberts C., Simons M. Toward a taxonomy of projective content // *Language*. 2013. № 89 (1). P. 66–109. doi: 10.2307/23357722
11. Song Y., Wang S. The application of pragmatic presupposition in developing critical thinking of writing // *Chinese Journal of Applied Linguistics*. 2022. № 45 (4). P. 583–595. doi: 10.1515/CJAL-2022-0406
12. Дементьев В.В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 63. С. 5–27. doi: 10.17223/19986645/63/1
13. Малюга Е.Н. Корпусный подход к исследованию корпоративной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. № 27 (1). С. 152–172. doi: 10.22363/2687-0088-33561
14. Борисов Е.В. Референциальное употребление определенных дескрипций: семантический и прагматический подходы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 4 (28). С. 18–25.

15. *Malyuga E.N.* Manipulative potential of humor in business media discourse: drawing up a “starter pack” for LSP teaching // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 2024. № 12 (1). P. 133–143. doi: 10.23947/2334-8496-2024-12-1-133-1432024
16. *Strawson P.F.* On referring // *Mind*. 1950. № 59 (235). P. 320–344. doi: 10.1093/mind/lix.235.320
17. *Stalnaker R.* Common ground // *Linguistics and Philosophy*. 2002. № 25 (5/6). P. 701–721. doi: 10.1023/A:1020867916902
18. *Van Dijk T.A.* News analysis: case studies of international and national news in the press. New York : Routledge, 1987. doi: 10.4324/9780203357828
19. *Fairclough N.* Media discourse. London : Edward Arnold, 1995.
20. *Wodak R.* Politics as usual: investigating political discourse in action // *The Routledge handbook of discourse analysis*. London : Routledge, 2012. P. 525–540. doi: 10.4324/9780203809068
21. *Аконова А.С.* Английский для специальных целей: адаптация курса английского языка для студентов-историков // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (3). С. 31–40. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40
22. *Матвеева А.А., Гаязова А.А.* Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 148–165. doi: 10.17223/19986645/76/6
23. *Langacker R.W.* Settings, participants, and grammatical relations // *Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization*. London : Routledge, 2014. P. 213–238. doi: 10.4324/9781315857398
24. *Chemla E., Bott L.* Processing presuppositions: dynamic semantics vs pragmatic enrichment // *Language and Cognitive Processes*. 2013. № 28 (3). P. 241–260. doi: 10.1080/01690965.2011.615221
25. *Grishechko E.G.* The linguistic landscape of “controversial”: sentiment and theme distribution insights // *Gema Online Journal of Language Studies*. 2024. № 24 (1). P. 79–97. doi: 10.17576/gema-2024-2401-05
26. *Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. doi: 10.1017/CBO9780511813313
27. *Cooper D.E.* Presupposition. Berlin: Walter de Gruyter, 2018. doi: 10.1515/9783110876291
28. *Аль Фахри М.С., Октавианти И.Н.* Позиционирование в научных статьях по прикладной лингвистике: контрастивное корпусное исследование // *Training, Language and Culture*. 2024. № 8 (1). С. 54–65. doi: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-54-65
29. *Храмченко Д.С.* Заголовок как единица коммуникации: функционально-прагматический анализ малоформатных текстов в англоязычных средствах массовой информации // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (2). С. 30–38. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
30. *Frege G.* On sense and reference. New York : Good Press, 2021.
31. *Polyzou A.* Presupposition in discourse: theoretical and methodological issues. *Critical Discourse Studies*. 2015. № 12 (2). P. 123–138. doi: 10.1080/17405904.2014.991796
32. *Chomsky N., Lasnik H.* Filters and control // *Linguistic Inquiry*. 1977. № 8 (3). P. 425–504.
33. *Гришечко Е.Г.* Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском языке: разноуровневые средства реализации. М. : Российский университет дружбы народов, 2021. 187 с.
34. *Jouravlev O., Stearns L., Bergen L., Eddy M., Gibson E., Fedorenko E.* Processing temporal presuppositions: an event-related potential study // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2016. № 31 (10). P. 1245–1256. doi: 10.1080/23273798.2016.1209531

35. *Capone A.* Presuppositions as conversational phenomena // *Lingua*. 2017. № 198. P. 22–37. doi: 10.1016/j.lingua.2017.06.014
36. *Axios*. Global markets plunge over recession fears // *Axios*. August 5, 2024. URL: <https://www.axios.com/2024/08/05/global-markets-plunge-recession-fears> (Accessed: 10.08.2024).
37. *Sheth N.* Digital payments giant Paytm faces regulatory hurdles: lessons for fintech's future // *Forbes*. February 27, 2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/nandansheth/2024/02/27/digital-payments-giant-paytm-faces-regulatory-hurdles-lessons-for-fintechs-future> (Accessed: 20.07.2024).
38. *Browne R.* Wirecard CEO Markus Braun resigns as accounting scandal batters shares // *CNBC*. June 19, 2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/06/19/wirecard-ceo-markus-braun-resigns-as-company-share-price-collapses.html> (Accessed: 12.07.2024).
39. *Robinson M.* Tesco shares open another 6p down today as Chief Executive Dave Lewis refuses to announce strategy to get store out of crisis // *Daily Mail*. October 24, 2014. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2806151/Tesco-shares-open-6p-today-Chief-Executive-Dave-Lewis-refuses-announce-strategy-store-crisis.html> (Accessed: 29.06.2024).
40. *Miller Cole B.* Innovate or die: how a lack of innovation can cause business failure // *Forbes*. January 10, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/biancamil-lercole/2019/01/10/innovate-or-die-how-a-lack-of-innovation-can-cause-business-failure> (Accessed: 29.06.2024).
41. *Eichengreen B.* Industrial policy is back – should we welcome government intervention? // *The Guardian*. October 9, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/oct/09/industrial-policy-government-intervention-joe-biden-inflation-reduction-act-subsidies> (Accessed: 20.07.2024).
42. *CBC*. Boeing CEO acknowledges mistakes were made following mid-air panel blowout // *CBC*. January 9, 2024. URL: <https://www.cbc.ca/news/world/ntsb-boe-ing-incident-oregon-1.7078180> (Accessed: 13.07.2024).
43. *The Economist*. Be afraid: unless politicians act more boldly, the world economy will keep heading towards a black hole // *The Economist*. October 1, 2024. URL: <https://www.economist.com/leaders/2011/10/01/be-afraid> (Accessed: 12.07.2024).
44. *K.N.C.* Surveillance is a fact of life, so make privacy a human right // *The Economist*. December 13, 2019. URL: <https://www.economist.com/open-future/2019/12/13/surveillance-is-a-fact-of-life-so-make-privacy-a-human-right?ysclid=m012ivqroe442933637> (Accessed: 19.08.2024).
45. *Holmes F.* The growing threat of government overreach in digital spaces // *Forbes*. August 19, 2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2024/08/19/the-growing-threat-of-government-overreach-in-digital-spaces> (Accessed: 19.08.2024).
46. *Sainato M.* 'A fight against corporate greed': Bernie Sanders rallies with UAW in Detroit // *The Guardian*. September 15, 2023. URL: <https://www.theguardian.com/business/2023/sep/15/bernie-sanders-uaw-auto-workers-strike-detroit-rally> (Accessed: 18.08.2024).
47. *Laville S.* Removing UK climate protesters' defence 'could erode right to trial by jury' // *The Guardian*. February 21, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2024/feb/21/removing-uk-climate-protesters-defence-could-erode-right-to-trial-by-jury> (Accessed: 12.08.2024).
48. *Gold A.R.* How a small policy change led to a big garbage strike // *The New York Times*. December 12, 2023. URL: <https://www.ny-times.com/1990/12/12/nyregion/how-a-small-policy-change-led-to-a-big-garbage-strike.html?ysclid=m1bisigis2528065808> (Accessed: 1.09.2024).
49. *Faguy A., Ray S.* Hollywood writers strike ends: Deal finalized after 148 days of work stoppage // *Forbes*. September 27, 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/anafaguy/2023/09/27/hollywood-writers-strike-ends-deal-finalized-after-148-day-work-stoppage> (Accessed: 1.09.2024).

50. *Astor M.* In a police interview, DePape admitted everything and showed no remorse // The New York Times. January 27, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/live/2023/01/27/us/pelosi-attack-body-cam-video?searchResultPosition=29#in-a-police-interview-depape-admitted-everything-and-showed-no-remorse> (Accessed: 4.09.2024).
51. *D'Urbino L.* The new normal is already here. Get used to it // The Economist. December 18, 2021. URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/12/18/the-new-normal-is-already-here-get-used-to-it> (Accessed: 18.08.2024).
52. *Ely J.* Covid vaccines saved nearly 20 MILLION lives during first year of world's roll-out // The Daily Mail. June 23, 2022. URL: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-10944873/Covid-vaccines-saved-nearly-20MILLION-lives-year-worlds-roll-out.html> (Accessed: 10.08.2024).
53. *Parkins D.* The world's most valuable resource is no longer oil, but data // The Economist. May 6, 2017. URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (Accessed: 10.08.2024).
54. *Reed B.* Global report: Disaster looms for millions of children as WHO warns of second peak // The Guardian. May 26, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/26/global-report-disaster-looms-for-millions-of-children-as-who-warns-of-second-peak> (Accessed: 9.08.2024).
55. *Beasley P.* The London Stock Exchange is thriving despite Brexit // The Economist. March 9, 2019. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2019/03/09/the-london-stock-exchange-is-thriving-despite-brexite> (Accessed: 18.08.2024).
56. *Chatterley J.* Congress must act now to prevent an even worse economic crisis // CNN. March 24, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/perspectives/government-action-coronavirus/index.html> (Accessed: 3.09.2024).
57. *Buttonwood.* Has private credit's golden age already ended? // The Economist. June 13, 2024. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/06/13/has-private-credit-its-golden-age-already-ended> (Accessed: 4.09.2024).
58. *The Data Team.* A record audience is expected to watch tonight's presidential debate // The Economist. September 26, 2016. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/09/26/a-record-audience-is-expected-to-watch-tonights-presidential-debate?ysclid=m1bm47qx1n87077432> (Accessed: 9.08.2024).
59. *Axelrod J.* Crime without punishment: Fighting for justice // CBS News. July 1, 2022. URL: <https://www.cbsnews.com/video/crime-without-punishment-fighting-for-justice-cbs-reports> (Accessed: 7.08.2024).
60. *Out of the shadows.* Muslims in Egypt are trying to preserve its Jewish heritage // The Economist. September 9, 2017. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/09/09/muslims-in-egypt-are-trying-to-preserve-its-jewish-heritage> (Accessed: 3.09.2024).
61. *Roshan Lall R.* Power vs perception: Leaders at NATO // The Medium. July 10, 2024. URL: <https://rashmee.medium.com/power-vs-perception-leaders-at-nato-9a1cae41a3f9> (Accessed: 3.09.2024).
62. *Yanez S.* Why all politicians must put the people first // The Medium. July 1, 2024. URL: <https://medium.com/@theminddetective/why-all-politicians-must-put-the-people-first-009c82e22515> (Accessed: 3.09.2024).
63. *Free exchange.* To err is human; so is the failure to admit it // The Economist. June 10, 2017. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2017/06/10/to-err-is-human-so-is-the-failure-to-admit-it?ysclid=m1bj2y6pcp777725148> (Accessed: 3.09.2024).

References

1. Malyuga, E.N. & McCarthy, M. (2021) "No" and "net" as response tokens in English and Russian business discourse: in search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (2). pp. 391–416. (In Russian). doi: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416

2. Ifantidou, E. (2009) Newspaper headlines and relevance: ad hoc concepts in ad hoc contexts. *Journal of Pragmatics*. 41 (4). pp. 699–720. (In Russian). doi: 10.1016/J.PRAGMA.2008.10.016
3. Scott, K. (2021) You won't believe what's in this paper! Clickbait, relevance and the curiosity gap. *Journal of Pragmatics*. 175. pp. 53–66. doi: 10.1016/j.pragma.2020.12.023
4. Apresjan, V. & Orlov, A. (2022) Pragmatic mechanisms of manipulation in Russian online media: how clickbait works (or does not). *Journal of Pragmatics*. 195 (2). pp. 91–108. doi: 10.1016/j.pragma.2022.02.003
5. Dykstra, A. (2019) Critical reading of online news commentary headlines: stylistic and pragmatic aspects. *Topics in Linguistics*. 20 (2). pp. 90–105. doi: 10.2478/topling-2019-0011
6. Dor, D. (2003) On newspaper headlines as relevance optimizers. *Journal of Pragmatics*. 35 (5). pp. 695–721. doi: 10.1016/S0378-2166(02)00134-0
7. Mazzarella, D., Reinecke, R., Noveck, I. & Mercier, H. (2018) Saying, presupposing and implicating: how pragmatics modulates commitment. *Journal of Pragmatics*. 133. pp. 15–27. doi: 10.1016/j.pragma.2018.05.009
8. Engelkamp, S. & Glaab, K. (2015) Writing norms: constructivist norm research and the politics of ambiguity. *Alternatives*. 40 (3–4). pp. 201–218. doi: 10.1177/0304375415612270
9. Beaver, D.I., Geurts, B. & Denlinger, K. (2013) Presupposition. In: Maienborn, C., Von Stechow, P. & Portner, P. (eds.) *Semantics: an international handbook of natural language meaning*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 2432–2460. doi: 10.1515/9783110253382.2432
10. Tonhauser, J., Beaver, D., Roberts, C. & Simons, M. (2013) Toward a taxonomy of projective content. *Language*. 89 (1). pp. 66–109. doi: 10.2307/23357722
11. Song, Y. & Wang, S. (2022) The application of pragmatic presupposition in developing critical thinking of writing. *Chinese Journal of Applied Linguistics*. 45 (4). pp. 583–595. doi: 10.1515/CJAL-2022-0406
12. Dementyev, V.V. (2020) Headlines with figures in the media: A structural and functional analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 63. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/63/1
13. Malyuga, E.N. (2023) A corpus-based approach to corporate communication research. *Russian Journal of Linguistics*. 27 (1). pp. 152–172. doi: 10.22363/2687-0088-33561
14. Borisov, E.V. (2014) Referential use of definite descriptions: semantic and pragmatic approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (28). pp. 18–25. (In Russian).
15. Malyuga, E.N. (2024) Manipulative potential of humor in business media discourse: drawing up a “starter pack” for LSP teaching. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)*. 12 (1). pp. 133–143. doi: 10.23947/2334-8496-2024-12-1-133-143
16. Strawson, P.F. (1950) On referring. *Mind*. 59 (235). pp. 320–344. doi: 10.1093/mind/lix.235.320
17. Stalnaker, R. (2002) Common ground. *Linguistics and Philosophy*. 25 (5/6). pp. 701–721. doi: 10.1023/A:1020867916902
18. Van Dijk, T.A. (1987) *News analysis: case studies of international and national news in the press*. New York: Routledge. doi: 10.4324/9780203357828
19. Fairclough, N. (1995) *Media discourse*. London: Edward Arnold.
20. Wodak, R. (2012) Politics as usual: investigating political discourse in action. In: Handford, M. & Gee, J.P. (eds.) *The Routledge handbook of discourse analysis*. London: Routledge. pp. 525–540. doi: 10.4324/9780203809068
21. Akopova, A.S. (2023) English for specific purposes: Tailoring English language instruction for history majors. *Training, Language and Culture*. 7 (3). pp. 31–40. (In Russian). doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-31-40

22. Matveyeva, A.A., Gayazova, A.A. (2022) The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 148–165. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/6
23. Langacker, R.W. (2014) Settings, participants, and grammatical relations. In: Tsohatzidis, S.L. (ed.) *Meanings and prototypes: studies in linguistic categorization*. London: Routledge. pp. 213–238. doi: 10.4324/9781315857398
24. Chemla, E. & Bott, L. (2013) Processing presuppositions: dynamic semantics vs pragmatic enrichment. *Language and Cognitive Processes*. 28 (3). pp. 241–260. doi: 10.1080/01690965.2011.615221
25. Grischevko, E.G. (2024) The linguistic landscape of “controversial”: sentiment and theme distribution insights. *Gema Online Journal of Language Studies*. 24 (1). pp. 79–97. doi: 10.17576/gema-2024-2401-05
26. Levinson, S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511813313
27. Cooper, D.E. (2018) *Presupposition*. Berlin: Walter de Gruyter. doi: 10.1515/9783110876291
28. Al Fajri, M.S. & Oktavianti, I.N. (2024) Stance expressions in applied linguistics research articles: a corpus-based contrastive study. *Training, Language and Culture*. 8 (1). pp. 54–65. (In Russian). doi: 10.22363/2521-442X-2024-8-1-54-65
29. Khranchenko, D.S. (2023) How headlines communicate: a functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media. *Training, Language and Culture*. 7 (2). (In Russian). pp. 30–38. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38
30. Frege, G. (2021) *On sense and reference*. New York: Good Press.
31. Polyzou, A. (2015) Presupposition in discourse: theoretical and methodological issues. *Critical Discourse Studies*. 12 (2). pp. 123–138. doi: 10.1080/17405904.2014.991796
32. Chomsky, N. & Lasnik, H. (1977) Filters and control. *Linguistic Inquiry*. 8 (3). pp. 425–504.
33. Grischevko, E.G. (2021) *Kommunikativnaya strategiya veshlivosti v sovremennom angliyskom yazyke: raznouronnye sredstva realizatsii* [Communicative strategy of politeness in modern English: multi-level means of implementation]. Moscow: RUDN University.
34. Jouravlev, O., Stearns, L., Bergen, L., Eddy, M., Gibson, E. & Fedorenko, E. (2016) Processing temporal presuppositions: an event-related potential study. *Language, Cognition and Neuroscience*. 31 (10). pp. 1245–1256. doi: 10.1080/23273798.2016.1209531
35. Capone, A. (2017) Presuppositions as conversational phenomena. *Lingua*. 198. pp. 22–37. doi: 10.1016/j.lingua.2017.06.014
36. Axios. (2024) *Global markets plunge over recession fears*. August 5. [Online] Available from: <https://www.axios.com/2024/08/05/global-markets-plunge-recession-fears> (Accessed: 10.08.2024).
37. Sheth, N. (2024) *Digital payments giant Paytm faces regulatory hurdles: lessons for fintech's future*. Forbes. February 27. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/nandansheth/2024/02/27/digital-payments-giant-paytm-faces-regulatory-hurdles-lessons-for-fintechs-future> (Accessed: 20.07.2024).
38. Browne, R. (2020) *Wirecard CEO Markus Braun resigns as accounting scandal batters shares*. CNBC. June 19. [Online] Available from: <https://www.cnbc.com/2020/06/19/wirecard-ceo-markus-braun-resigns-as-company-share-price-collapses.html> (Accessed: 12.07.2024).
39. Robinson, M. (2014) *Tesco shares open another 6p down today as Chief Executive Dave Lewis refuses to announce strategy to get store out of crisis*. Daily Mail. October 24. [Online] Available from: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2806151/Tesco-shares-open-6p-today-Chief-Executive-Dave-Lewis-refuses-announce-strategy-store-crisis.html> (Accessed: 29.06.2024).
40. Miller Cole, B. (2019) *Innovate or die: how a lack of innovation can cause business failure*. Forbes. January 10. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/biancamillercole/2019/01/10/innovate-or-die-how-a-lack-of-innovation-can-cause-business-failure> (Accessed: 29.06.2024).

41. Eichengreen, B. (2023) Industrial policy is back – should we welcome government intervention? *The Guardian*. October 9. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/business/2023/oct/09/industrial-policy-government-intervention-joe-biden-inflation-reduction-act-subsidies> (Accessed: 20.07.2024).

42. CBC. (2024) *Boeing CEO acknowledges mistakes were made following mid-air panel blowout*. CBC. January 9. [Online] Available from: <https://www.cbc.ca/news/world/ntsb-boeing-incident-oregon-1.7078180> (Accessed: 13.07.2024).

43. *The Economist*. (2011) Be afraid: unless politicians act more boldly, the world economy will keep heading towards a black hole. October 1. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/2011/10/01/be-afraid> (Accessed: 12.07.2024).

44. K.N.C. (2019) Surveillance is a fact of life, so make privacy a human right. *The Economist*. December 13. [Online] Available from: <https://www.economist.com/open-future/2019/12/13/surveillance-is-a-fact-of-life-so-make-privacy-a-human-right?ysclid=m012ivqroe442933637> (Accessed: 19.08.2024).

45. Holmes, F. (2024) *The growing threat of government overreach in digital spaces*. Forbes. August 19. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2024/08/19/the-growing-threat-of-government-overreach-in-digital-spaces> (Accessed: 19.08.2024).

46. Sainato, M. (2023) ‘A fight against corporate greed’: Bernie Sanders rallies with UAW in Detroit. *The Guardian*. September 15. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/business/2023/sep/15/bernie-sanders-uaw-auto-workers-strike-detroit-rally> (Accessed: 18.08.2024).

47. Laville, S. (2024) Removing UK climate protesters’ defence ‘could erode right to trial by jury’. *The Guardian*. February 21. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/environment/2024/feb/21/removing-uk-climate-protesters-defence-could-erode-right-to-trial-by-jury> (Accessed: 12.08.2024).

48. Gold, A. R. (2023) How a small policy change led to a big garbage strike. *The New York Times*. December 12. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/1990/12/12/nyregion/how-a-small-policy-change-led-to-a-big-garbage-strike.html?ysclid=m1bisigis2528065808> (Accessed: 1.09.2024).

49. Faguy, A., Ray, S. (2023) *Hollywood writers strike ends: Deal finalized after 148 days of work stoppage*. Forbes. September 27. [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/anafaguy/2023/09/27/hollywood-writers-strike-ends-deal-finalized-after-148-day-work-stoppage> (Accessed: 1.09.2024).

50. Astor, M. (2023) In a police interview, DePape admitted everything and showed no remorse. *The New York Times*. January 27. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/live/2023/01/27/us/pelosi-attack-body-cam-video?searchResultPosition=29#in-a-police-interview-depape-admitted-everything-and-showed-no-remorse> (Accessed: 4.09.2024).

51. D’Urbino, L. (2021) The new normal is already here. Get used to it. *The Economist*. December 18. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/2021/12/18/the-new-normal-is-already-here-get-used-to-it> (Accessed: 18.08.2024).

52. Ely, J. (2022) Covid vaccines saved nearly 20 MILLION lives during first year of world’s roll-out. *The Daily Mail*. June 23. [Online] Available from: <https://www.dailymail.co.uk/health/article-10944873/Covid-vaccines-saved-nearly-20MILLION-lives-year-worlds-roll-out.html> (Accessed: 10.08.2024).

53. Parkins, D. (2017) The world’s most valuable resource is no longer oil, but data. *The Economist*. May 6. [Online] Available from: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (Accessed: 10.08.2024).

54. Reed, B. (2020) Global report: Disaster looms for millions of children as WHO warns of second peak. *The Guardian*. May 26. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/26/global-report-disaster-looms-for-millions-of-children-as-who-warns-of-second-peak> (Accessed: 9.08.2024).

55. Beasley, P. (2019) The London Stock Exchange is thriving despite Brexit. *The Economist*. March 9. [Online] Available from: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2019/03/09/the-london-stock-exchange-is-thriving-despite-brex-it> (Accessed: 18.08.2024).
56. Chatterley, J. (2020) *Congress must act now to prevent an even worse economic crisis*. CNN. March 24. [Online] Available from: <https://edition.cnn.com/2020/03/24/perspectives/government-action-coronavirus/index.html> (Accessed: 3.09.2024).
57. Buttonwood. (2024) Has private credit's golden age already ended? *The Economist*. June 13. [Online] Available from: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/06/13/has-private-credits-golden-age-already-ended> (Accessed: 4.09.2024).
58. The Data Team. (2016) A record audience is expected to watch tonight's presidential debate. *The Economist*. September 26. [Online] Available from: <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/09/26/a-record-audience-is-expected-to-watch-tonights-presidential-debate?ysclid=m1bm47qx1n87077432> (Accessed: 9.08.2024).
59. Axelrod, J. (2022) *Crime without punishment: Fighting for justice*. CBS News. July 1. [Online] Available from: <https://www.cbsnews.com/video/crime-without-punishment-fighting-for-justice-cbs-reports> (Accessed: 7.08.2024).
60. Out of the Shadows. (2017) Muslims in Egypt are trying to preserve its Jewish heritage. *The Economist*. September 9. [Online] Available from: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2017/09/09/muslims-in-egypt-are-trying-to-preserve-its-jewish-heritage> (Accessed: 3.09.2024).
61. Roshan Lall, R. (2024) *Power vs perception: Leaders at NATO*. The Medium. July 10. [Online] Available from: <https://rashmee.medium.com/power-vs-perception-leaders-at-nato-9a1eae41a3f9> (Accessed: 3.09.2024).
62. Yanez, S. (2024) *Why all politicians must put the people first*. The Medium. July 1. [Online] Available from: <https://medium.com/@theminddetective/why-all-politicians-must-put-the-people-first-009c82e22515> (Accessed: 3.09.2024).
63. Free Exchange. (2017) To err is human; so is the failure to admit it. *The Economist*. June 10. [Online] Available from: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2017/06/10/to-err-is-human-so-is-the-failure-to-admit-it?ysclid=m1bj2y6pcp777725148> (Accessed: 3.09.2024).

Информация об авторах:

Малюга Е.Н. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: malyuga-en@rudn.ru

Петросян Г.О. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: 11ga1978@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Malyuga, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation). E-mail: malyuga-en@rudn.ru

G.O. Petrosyan, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation). E-mail: 11ga1978@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

*The article was submitted 26.08.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 81'22:81'42
doi: 10.17223/19986645/91/7

Театральный текст и театральный дискурс

Ольга Александровна Чуреева¹

¹ *Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия, au-room-ua@mail.ru*

Аннотация. Исследование посвящено проблеме соотношения текста и дискурса как форм существования языка. Доказывается, что театральный текст как проект идеального спектакля, в котором учитываются все факторы, включая прогнозируемые зрительские реакции и конечный перлокутивный эффект, актуализируется в разнообразных дискурсах. Инвариантный театральный текст может быть пересоздан или отредактирован его авторами в соответствии с ситуацией высказывания. Подчёркивается особое значение фактора зрительской реакции как триггера процессов семиотизации и / или десемиотизации.

Ключевые слова: театральный текст, театральный дискурс, семиотизация, десемиотизация, интерпретация, референциальная интерференция

Для цитирования: Чуреева О.А. Театральный текст и театральный дискурс // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 131–144. doi: 10.17223/19986645/91/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/7

Theatrical text and theatrical discourse

Olga A. Chureyeva¹

¹ *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
au-room-ua@mail.ru*

Abstract. The article surveys some examples, in which text theory has been leveraged in the mode appealing both to itself and to discourse theory. This discussion underpins the present research and forms the basis for a distinction between theatrical text and theatrical discourse. The article aims to outline some features of a theatrical discourse, based on a functional analysis of the performance *The Seagull* as an intersemiotic translation of the eponymous Chekhov's play. The study was carried out by employing methods such as definitional, descriptive, semiotic, and functional analysis. Since the theatrical text is considered in comparison with the dramatic and the theatrical discourse is compared with the theatrical text, methods of comparative analysis and interpretation were also used. This research focuses on several crucial aspects of text and discourse theories, viewed in pragmatic respect. A theatrical text can be defined as a concrete implementation of the stage language (theatrical discourse). Nevertheless,

these concepts cannot be considered completely identical due to some significant differences. One theatrical text can be actualized in several theatrical discourses. Therefore, it is characterized by volatility, mobility, repeatability, renewability, interactivity (explicit or implicit). Theatrical discourse as a communicative practice is not characterized by repeatability, since the configuration of signs will always depend on the situation: time, space, participants, spontaneous words, and other factors. It is proved that the text of the intersemiotic translation into the language of the stage as a blueprint of a perfect performance manifests itself in discourses. Analysis of the theatrical text of a production presented in a certain place at a certain time with certain actors can be referred to as an analysis of theatrical discourse. The authors recreate the original theatrical text in accordance with the situation of the utterance. The functional analysis of the experience of *The Seagull* play performance, directed by Pavel Kartashev, has led to the inference that the spontaneous intrusion of reality into the polycode text of a stage work being constructed “here” and “now” can trigger the process of desemiotization or a more complex semiotic process of referential interference which means an overlap of one reality (ordinary) and another (mimetic). A dialectical connection is formed between the processes of semiotization and desemiotization, which results in a more intense impact on the cognitive sphere of the recipient and the perception of the image of the performance that drives recipients to draw certain inferences. Thus, a particular discourse is the result of the action (interaction or counteraction) of two forces, two mechanisms of semiosis.

Keywords: theatrical text, theatrical discourse, semiotization, desemiotization, interpretation, referential interference

For citation: Chureyeva, O.A. (2024) Theatrical text and theatrical discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 131–144. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/7

Введение

Теоретическому осмыслению процесса перевода с естественного языка художественного произведения на поликодовый язык сценического представления посвящено значительное количество трудов исследователей пражской, женевской и французской семиотических школ. Внимание учёных, разрабатывавших проблему в русле структуралистского направления, фокусируется главным образом на соотношении инструментов текста, оформленного графически, и произведения другого вида искусства, создаваемого на его основе. Патрис Пави и Юлия Кристева в своих работах рассматривали произведения сценического искусства сквозь призму прагматики текста, часто используя термины «театральный текст» и «театральный дискурс» как синонимы, что находит отражение в описании свойств сценического произведения вообще, без указания на дифференциальные свойства театрального текста и театрального дискурса. Исходя из вышеизложенного, мы разделяем позицию учёных, рассматривающих сценическое произведение с учётом его поликодовой природы как особое явление и отдельный предмет исследования (Анн Юберсфельд, Освальд Дюкро, Фридрих Дюрренматт, Доминик Менгено, Эрика Фишер-Лихте). В научной литературе последних десятилетий понятие театрального дискурса зачастую используется авторами для обозначения текстов театральных рецензий, анонсов,

афиш или произведений других жанров, имеющих отношение к описанию театральных событий (М.М. Груздева, В.А. Доманский и др.). Попытка разграничить понятия театрального текста и театрального дискурса была предпринята А.С. Шевченко в рамках диссертационного исследования, в котором театральный текст рассматривается как составляющая театрального представления: «...театральное представление содержит театральный текст» [1. С. 5]. Под театральным дискурсом автор понимает коммуникативную деятельность, выстраиваемую вокруг театрального события, рассматривая театральный дискурс как компонент системы массовой коммуникации. Однако само театральное представление как особым образом организованная коммуникация, реализация театрального текста на уровне высказывания, не включается учёным в объём понятия театрального дискурса, что является основанием для переноса фокуса с периферии исследовательского поля театрального дискурса на его ядро – конкретное театральное событие, разворачиваемое перед зрителями «здесь и сейчас».

Таким образом, несмотря на разнообразие подходов к исследованию сценических произведений, единство в понимании терминов, используемых для анализа исследуемой проблемы, не достигнуто в силу того, что грань между понятиями театрального текста и театрального дискурса остаётся довольно размытой до сих пор. Вопрос о соотношении этих понятий требует детального исследования и научного описания.

Научная новизна статьи заключается в рассмотрении двух смежных понятий (театрального текста и театрального дискурса) сквозь призму прагматики на основе научной обработки теоретического материала и на примере функционального анализа конкретного сценического произведения (интерсемиотического перевода пьесы А.П. Чехова «Чайка» на язык сцены).

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы обосновать выдвинутую нами гипотезу о том, что театральный дискурс не вполне идентичен театральному тексту. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: перечислить некоторые ключевые особенности театрального дискурса, продемонстрировать механизм семиотизации и десемиотизации в процессе актуализации театрального текста (конструирования театрального дискурса) и проиллюстрировать основные тезисы на конкретных примерах.

Исследование выполнено с применением методов дефиниционного анализа (при уточнении понятий, составляющих терминологический аппарат исследования), семиотического и функционального анализа (при изучении механизмов смыслогенеза и функционирования знаков), дискурсивного анализа, учитывающего экстралингвистические и социолингвистические параметры коммуникации (при рассмотрении сценического представления с прагматической точки зрения: как коммуникации коллективного адресанта с коллективным адресатом). Поскольку в работе театральный текст сопоставляется с драматическим, а театральный дискурс сравнивается с театральным текстом, для выявления сходства и различия рассматриваемых объектов нами использовались также методы сопоставительного анализа и интерпретации.

Постановка проблемы, обсуждение и результаты исследования

Разные театральные тексты выступают по отношению к художественному произведению (письменному тексту-источнику) как разные варианты его интерпретации. Один драматический текст (пьеса) включает в себе возможность множества адекватных сценических интерпретаций. *Любой театральный текст потенциально является системой коммуникации и становится дискурсом в момент сценического высказывания. Таким образом, театральный дискурс как конкретная реализация сценического языка включает в себя и текст и контекст.* Театральный текст образуется в ходе соотношения текста драматического произведения и возможностей его сценической реализации. Рассматривая процесс перевода художественного произведения в театральный текст в свете теории лингвистической прагматики и используя терминологию Освальда Дюкро, можно заключить, что такое превращение происходит благодаря тому, что предложение текста как некая абстракция, принадлежащая к области теории языка, становится конкретным высказыванием, что отсылает нас к теории дискурса. Высказывание и текст суть две стороны одного целого [2. С. 282], но это две различно акцентированные стороны: «...высказывание коммуникативно актуально, текст коммуникативно потенциален» [3. С. 79].

Последователи школы Ф. де Соссюра под дискурсом понимали использование и актуализацию языка, «речевую цепь» [4. С. 101]. Исследуя дискурс в русле функционального подхода, бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс предложил дефиницию, согласно которой дискурс представляет собой функциональную единицу устной речи [5. Р. 130]. Учёный указывал на вариативность как имманентное свойство дискурса и подчёркивал важность учёта вариаций, возникающих в процессе функционирования языка. Признавая факт того, что понятия «текст» и «дискурс» сближаются на основании общих свойств, таких как системность и связность, следует заметить, что они не могут рассматриваться в качестве абсолютных синонимов в силу того, что дискурс, будучи объектом прагматики, подразумевает учёт экстралингвистических факторов. На это различие между текстом и дискурсом, в частности, указывает Н.Д. Арутюнова [6]. Зеллиг Харрис определяет дискурс как «предложения, последовательно произнесенные или написанные одним лицом или более в одной ситуации» [7. Р. 17]. Произнесённая фраза, звуковая вариация предложения, попадает в сплетение огромного количества экстралингвистических факторов (эмоциональное состояние актёра, температура воздуха, настроение зрительного зала, время представления, особенности пространства и пр.), становясь единицей дискурса.

Рассматривая вопрос о языке театра, который Антонен Арто называл звуковой вариацией языка [8. С. 92], можно признать тот факт, что звуковой вариацией языка художественного произведения, по существу, является дискурс. Представитель французской школы конверсационного анализа Луи Гюспен под дискурсом подразумевает высказывание, рассмотренное с

точки зрения дискурсивного механизма, который его обуславливает [9]. Исходя из этой предпосылки, сценический дискурс, или театральный дискурс, должен трактоваться как способ организации выразительных средств театра в соответствии с ритмом и связями, свойственными конкретной постановке, реализованной в определённом контексте.

Мы разделяем точку зрения В.И. Карасика о том, что отношение текста к дискурсу опосредовано моментом высказывания [10. С. 5]. Причём в сочетании «момент высказывания» ключевым, на наш взгляд, является слово «момент», под которым можно понимать отрезок времени между ещё не сказанным и уже сказанным.

Применительно к театральному дискурсу как высказыванию уместно оперировать понятиями пресуппозиции и имплицатуры, так как «театральный дискурс – это проявление означающего на уровне его риторики, его пресуппозиций и его высказывания» [11. С. 112]. Подчёркивая особую герменевтическую роль пресуппозиций и указывая на их перлокутивный эффект, Освальд Дюкро отмечает, что пресуппозиции являются драйверами драматической ситуации и важнейшим инструментом воздействия на зрительское сознание, орудием, умелое владение которым помогает внушить публике определённые идеи и эстетические представления, убедить зрителей в определённом положении вещей [12]. Тезис О. Дюкро является существенным для понимания когнитивных процессов, запускаемых в театральной дискурсивной практике. Знание о содержании, не эксплицированном явно, может быть выведено, в том числе за счёт проекции аналогий по сходству, из того, что высказано и является очевидным. Так, наличие на сцене предмета вызывает в представлении зрителя определённый образ или образы, а также вопрос о том, с какой целью тот или иной предмет был вынесен на сцену. Включение в систему театральных знаков конкретного текста определённых предметов, звуков, аксессуаров костюма должно быть уместным и оправданным. На важность этого условия для адекватной интерпретации произведения обращал внимание А.П. Чехов в письме Александру Лазареву (Грузинскому) 1 ноября 1889 г., выражая мнение о неуместности монолога героини: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружьё, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать» [13. С. 707]. Иными словами, если на стене висит ружьё, то оно должно выстрелить (утверждение, ставшее аксиоматичным). Однако далеко не всегда то, что было предусмотрено в театральном тексте, может быть реализовано в театральном дискурсе. Условно говоря, может не быть ружья, стены или звукового эффекта выстрела. Кроме того, каждый момент высказывания характеризуется определённой степенью непредсказуемости даже при чётком следовании заданному плану и сценарию. В театральной коммуникации важную роль играет зритель как участник смыслогенеза. Его реакции могут быть учтены и даже запрограммированы в театральном тексте, но это не гарантирует чёткого воспроизведения заданного сценария в конкретной ситуации сценического высказывания, в театральном дискурсе. На уровне театрального текста

управление пресуппозициями осуществляет его автор (режиссёр-постановщик); театральный дискурс в силу своей зависимости от ситуации и зрительской реакции предоставляет право управления пресуппозициями соавторам театрального текста (актёрам и зрителям).

Театральный текст (сценический текст, текст сценического произведения) создаётся как проект идеального спектакля, в котором учитываются все факторы, включая прогнозируемые зрительские реакции и конечный перлокутивный эффект – внушённое зрителю идейное или эстетическое суждение или убеждение. Как отмечалось выше, реализация такой идеальной постановки будет зависеть от конкретной ситуации высказывания. В момент высказывания театральный текст требует внесения определённых коррективов: просодических (интонация, тон, регистр и т.д.), проксемических (расстояние между актантами и между элементами декорации), актантных (замена актёров, сокращение числа лиц, задействованных в постановке), лингвокультурологических (купирование или расширение основного текста, внесение комментирующего вербального или невербального паратекста).

Интерпретация театрального текста зависит от его восприятия в момент высказывания, которое регулируется ситуацией высказывания (социокультурным или этнокультурным контекстом, пространственно-временными, гендерными, физическими, психосоматическими и прочими факторами). Ситуация определяет организацию дискурса и обеспечивает возможность варьирования высказывания. Представитель Женевской функциональной школы Альбер Сеше подчёркивал, что именно ситуация высказывания обеспечивает вариативность языкового выражения [14. Р. 354]. Эта же мысль находит подтверждение и в рассуждениях Анн Юберсфельд, которая отмечала, что вопрос театрального дискурса по своей природе – это вопрос статуса слова: кто с кем говорит? в каких условиях? [15]. Ответ на этот вопрос во многом облегчает путь поиска адекватной интерпретации сообщения. В театральном дискурсе в коммуникации участвуют две стороны, условно разделённые рампой: сцена говорит со зрительным залом, авторы спектакля – со зрителями.

Таким образом, театральный дискурс есть освоение сценических систем, индивидуальное использование их сценического потенциала. Один и тот же театральный текст может быть реализован в большом количестве дискурсов, отличных друг от друга. На эту особенность указывал Роман Ингарден, рассматривая текстовую семантику как нелинейную: «...сопоставление множества различных обликов, которые приобретает одно и то же произведение при многократном его чтении тем же самым читателем, а особенно обнаружение того факта, что представители разных эпох (и даже одной эпохи) по-разному формируют видовой слой одного и того же произведения, приводит нас к мысли, что причина этого кроется не только в разнообразии способностей и вкусов читателей и условий, при которых совершается чтение, но, кроме того, и в определенной специфике самого произведения» [16. С. 77]. «Устранение мест неполной определенности» осуществляется в процессе «исполнения» произведения читателем, актуализации тех

смысловых версий произведения, которые «в нем самом пребывают лишь в потенциальном состоянии», и только читатель «актуализирует» их в процессе «эффективного переживания» [16. С. 77]. В этом отношении предложенная Ингарденом концепция чтения направлена на смещение фокуса с фигуры автора на фигуру читателя, которому отводится роль не пассивного наблюдателя за развёртыванием смысла, имманентного тексту, но активного участника смыслогенеза в процессе чтения.

Театральный текст как некий идеальный вариант сценической актуализации драматического текста, как его сценическая партитура учитывает все решения создания того же эффекта воздействия, что и текст-источник (световые, звуковые, сценографические, бутафорские, актерские и пр.). Используя те или иные инструменты создания театрального текста, его авторы рассчитывают на определённый перлокутивный эффект. В том случае, если этот эффект достигается (например, смех в зале как интерпретанта того, что реплика персонажа была смешной), можно говорить о корректном воплощении партитуры. Десемиотизация (вторжение обыденной реальности в миметическую), как правило, влечёт за собой искажение партитуры: разрушается референциальная иллюзия, трансформируется образ спектакля, результатом чего может быть воздействие на сознание реципиента, не тождественное воздействию драматического текста и не соответствующее ожиданиям авторов театрального текста. Вследствие десемиотизации происходит редактирование сценического текста: контролируемое, если актёры своими вербальными и невербальными действиями устраняют сбой в работе механизма означивания, и неконтролируемое, если «сдвиги в сценической ситуации запускают механизм автономного управления действием и влияют на конечный перлокутивный эффект» [17. С. 481].

Непроизвольное вторжение реальности в конструируемый здесь и сейчас текст сценического произведения может запустить также комплексный семиотический процесс референциальной интерференции, под которой мы понимаем наложение одной реальности (обыденной) на другую (миметическую). Между когерентными процессами семиотизации и десемиотизации формируется диалектическая связь, результатом чего является более интенсивное воздействие на когнитивную сферу реципиента и восприятие образа спектакля. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент театрального дискурса постановки «Чайка. Первая авторская редакция» (реж. П. Карташёв), представленной в Ялте в 2011 г.

Театральный текст рассматриваемого произведения создавался таким образом, чтобы его можно было моделировать и перестраивать в зависимости от ситуации высказывания (пространства, в котором он должен развёртываться, зрительской аудитории и т.д.). Перед крымскими гастролями спектакль демонстрировался в Москве и Санкт-Петербурге и был благожелательно встречен критиками и публикой. В отличие от столицы и крупных агломераций, зрительскую аудиторию приморских городов и туристических центров в курортный сезон составляют преимущественно отдыхающие, поэтому прокатчики, как правило, делают выбор между серьёзным и лёгким

жанром в пользу последнего, предпочитая сложным театральным текстам схематичные антрепризные инсценировки с незамысловатой житейской фабулой, перипетиями и мотивами. Курортная публика ждёт развлекательного комедийного зрелища, не требующего подключения фоновых знаний и запуска механизма осмысления онтологических процессов, декодирования смыслов, распутывания интертекстуальных связей, осознанного включения в сценическое действие и анализа театрального текста. Крымский показ спектакля «Чайка. Первая авторская редакция» состоялся в разгар бархатного сезона, что потребовало серьёзной дополнительной работы, связанной не только и не столько с подготовкой события, сколько с подготовкой зрителя к восприятию события. В эту работу были вовлечены и авторы театрального текста, и организаторы мероприятия, от которых зависели условия реализации театрального текста в конкретном пространстве. В качестве сценической площадки не случайно был выбран Ялтинский театр им. А.П. Чехова. Эта связь произведения и места была обыграна в промороликах: актёр, исполнявший главную роль, лично приглашал зрителей в театр имени Чехова «поговорить» о «Чайке» Чехова. Таким образом, зритель настраивался на серьёзный неслучайный разговор в знаковом и неслучайном месте. Информация на рекламных буклетах содержала референсы, отсылающие к произведениям мировой культуры, в духе которых был создан спектакль. Таким образом, зритель мог оценить заранее, насколько ему знакома, близка, интересна такая художественная манера, и принять соответствующее решение. В самом названии спектакля сообщалось, что его авторы не планируют разыгрывать текст пьесы по ролям, а намерены представить реконструкцию создания произведения и событий, в нём описанных. Это спектакль-исследование, совместное исследование со зрителями, в ходе которого в сознании должно созреть понимание текста и подтекста Чехова. Для каждого города, для каждого зрителя спектакль настраивался особым образом, исходя из атмосферы места, культурных традиций, степени погружённости в материал и т. д. При этом театральный текст не переписывался, а трансформировался с учётом ситуации.

Включаясь в коммуникацию со зрителем, театральный текст превращается в театральный дискурс, который говорит и с коллективным адресатом (зрительным залом как единым целым), и с каждым отдельным зрителем как индивидуальным адресатом. Создавая театральный текст, его авторы могут рассчитывать на определённую реакцию зрителей, но эту реакцию невозможно гарантировать. Так, спектакль, показанный в Ялте, был встречен иначе, чем в Москве и в Санкт-Петербурге в силу того, что часть публики всё же не была подготовлена к восприятию представления. Зрители, пришедшие посмотреть комедию, посмеяться и отдохнуть, ощутили эффект обманутого ожидания: вместо лёгкой комедии по известному произведению русской классики, вместо «шутки», зрителям было предложено философское и литературоведческое сценическое прочтение «Чайки», полное образов и символов, представлен детальный разбор одного из самых загадочных

произведений мировой литературы. Разговоры о новых формах рассматривались не в виде линейного текста пьесы, а в парадигматическом культурном срезе, сквозь призму других классических художественных произведений. Экспрессивные монологи Треплева о неприятии театра, в котором актёры «изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки», и «пьесу сочинения Константина Гавриловича» ялтинская публика не поняла и не приняла, так же как не приняла манифест молодого драматурга и постановщика Кости Треплева курортная публика дачного театра; зрители стали отправлять артистам вербальные и невербальные сигналы протеста (выкрики «Не понимаем!», «Что это?», хлопанье сиденьями кресел). Из пассивного наблюдателя с навязанной ролью зритель превратился в активного участника театрального события, влияющего на его ход. В этой связи необходимо отметить важность фактора точки зрения и захвата внимания, аттенсионального фокуса [18].

Сценическое представление, разворачивающееся здесь и сейчас, представляя собой коммуникацию сцены со зрительным залом, обладает соответствующими инструментами воздействия на адресата, среди которых одним из важнейших является захват внимания. Как правило, за каждым зрителем закреплено определённое место, с которого действие просматривается под определённым и неизменным углом, при этом артисты, рассказывающие историю со сцены, обращаются к зрительному залу косвенно, адресуя реплики друг другу или же зрительному залу как аморфному коллективному адресату. В рассматриваемом нами примере коммуникации сцены и зрительного зала следует особо подчеркнуть роль фактора аттенсионального фокуса в процессе моделирования театрального дискурса, его влияния на процесс смыслогенеза. В ответ на реакцию зрителей каждый из актёров применил ту аттенсиональную технику, которая соответствовала его роли, а также драматической, сценической и реальной ситуации. Так, артист, исполнявший роль Треплева, мгновенно резко отреагировал соответствующей чеховской репликой: «Довольно! Занавес! Занавес! Занавес!», – нервно замахав руками и топнув ногой. Важно и примечательно, что эта реплика Треплева прозвучала именно в тот момент, когда она должна была прозвучать, если чётко следовать тексту Чехова, и была запрограммирована режиссёром в партитуре как ответ на реакцию действующих лиц пьесы, зрителей спектакля Треплева. Сравним: в тексте Треплев произносит: «Довольно! Занавес! Подавай занавес! (Топнув ногой.) Занавес!» [19. С. 110]. Восклицательные знаки указывают на высокую степень эмоциональности. Препозитивная ремарка (топнув ногой) усиливает коннотацию эмоционального возбуждения, гнева, раздражения. Троекратный выкрик однословной команды «Занавес!» подчёркивает решительность в отношении намерения не продолжать представление. В контексте сценической актуализации драматического текста ответ Треплева-персонажа становится одновременно ответом Треплева-актёра на реакцию зрительного зала, требует обратной реакции от зрителя и получает её. Зрители спектакля, осознав, что к ним обращаются, их тоже видят, оказываются вовлечёнными в действие, которое становится

иммерсивным, происходит уже не только на сцене, но охватывает всё пространство; зрители участвуют в конструировании театрального дискурса и влияют на него. Публика из райка, полагая, что спектакль провалился и продолжения не будет, покидает зал; другие зрители, ощущая неловкость и чувствуя себя виновниками произошедшего, робко просят прощения и садятся на прежние места; зрители, знакомые с текстом-источником, понимают, что продолжения спектакля по пьесе К.Г. Треплева не будет, но спектакль по пьесе А.П. Чехова продолжается согласно авторскому тексту, и произошедшее – ключ к пониманию художественного произведения «Чайка».

Важно упомянуть ещё об одном обстоятельстве, имеющем отношение к описываемому примеру. Во время интерактивного взаимодействия Треплева со зрителями артист, исполнявший роль Тригорина, внимательно наблюдал за происходящим на сцене и в зале, и когда (в точке наивысшего напряжения) он, глядя в глаза каждому зрителю, произнёс реплику «*Каждый пишет так, как он хочет и как может*» [19. С. 111], которая соответствовала тексту пьесы и партитуре театрального текста, в сценическом дискурсе и в сознании зрителей произошла ключевая трансформация, было достигнуто понимание того, что произошло на спектакле Треплева, с чем столкнулся начинающий драматург, получив обратную связь из зала. Таким образом, зрители спектакля Карташёва стали зрителями спектакля Треплева в пьесе Чехова, и комментарий Тригорина был обращён непосредственно к ним. Каждый, кто пришёл на спектакль, из пассивного наблюдателя превратился в свидетеля, даже более того, в соучастника. В этой точке пароксизма (от гр. *paroxismos* – ‘раздражать’, ‘обострять’) был найден общий код, понятный зрителю и авторам спектакля, посредством которого стала возможна расшифровка кода текста-источника. Произошло наложение трёх когерентных измерений действительности (драматической, сценической и обыденной). По замыслу авторов театрального текста, зрители должны были испытать эмоцию недоумения, неприятия представляемого зрелища, для того чтобы возник эффект эмпатии и зрители почувствовали то же, что испытывали зрители в пьесе Чехова. Но в театральном тексте не предполагалось, что этот запрограммированный эффект воздействия выйдет за рамки внутренней реакции и найдёт выражение в реальном физическом действии. Тем не менее то, что должно было ознаменовать провал, обеспечило успех и способствовало достижению адекватного понимания чеховского текста. Этот эффект когнитивной интерференции был достигнут единожды (во время ялтинского представления), и воспроизвести его на других подмостках не удавалось (даже в иммерсивном пространстве площадки Екатеринбурга, которое предполагало присутствие зрителей на одной сцене с актёрами). Как видим, динамичность театрального дискурса обусловлена его тесной связью с изменениями в драматической ситуации и может зависеть как от конфликтов, так и от спонтанного слова, которое в силе поменять исходный вектор действия [20]. Реакция зрителей обеспечивает «интерактивность как обязательную и неотъемлемую характеристику театрального дискурса: постановка достраивается на глазах у аудитории, точнее, возникает в результате взаимодействия актёров и аудитории» [21. С. 26].

Михаил Бахтин справедливо отмечал, что «воспроизведение текста субъектом <...> есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения» [2. С. 284]. То же применимо и к театральному дискурсу. Изучение и сравнительный анализ разных вариантов актуализации одного и того же театрального текста позволили бы выработать алгоритм герменевтических операций, способствующих достижению понимания смысла художественного высказывания в процессе театральной коммуникации, учитывая тот факт, что, по справедливому замечанию Эрики Фишер-Лихте, каждый участник этой коммуникации одновременно влияет на смыслогенез и подвергается его влиянию, «не будучи в состоянии полностью контролировать развитие этого процесса» [22. С. 280].

Заключение

Проведённое исследование позволило подтвердить выдвинутую нами гипотезу о том, что понятие театрального текста не вполне идентично понятию театрального дискурса: театральный текст и театральный дискурс соотносятся как проект идеального спектакля и конкретная сценическая реализация этого проекта. Театральный текст представляет собой открытую динамичную многомерную знаковую систему и является потенциально коммуникативным, т.е. театральный текст становится дискурсом только в момент сценического высказывания (представления), включаясь в коммуникацию со зрителем и превращаясь в коммуникативное событие, участниками которого выступают коллективный адресант (авторы театрального текста) и коллективный и / или индивидуальный адресат (зрительный зал как единое целое и каждый отдельный зритель).

Один театральный текст как партитура спектакля актуализируется в разных театральных дискурсах, число которых равно числу представлений, и является каркасом каждого дискурса. Поэтому применительно к театральному дискурсу правомерно использовать также термины с компонентом «текст» («театральный текст», «сценический текст», «текст сценического представления», «текст спектакля» и т.д.), однако, анализируя текст конкретной сценической постановки, мы, строго говоря, анализируем её дискурс. Анализ собственно театрального текста как проекта идеального спектакля, учитывающего все факторы, включая прогнозируемые зрительские реакции и конечный перлокутивный эффект, возможен в результате анализа совокупности дискурсов (ряда сценических актуализаций одного театрального текста).

Кроме того, важно принимать во внимание не только то, как объекты исследования соотносятся друг с другом, но и характер их соотношения с текстом драматического художественного произведения, интерсемиотическим переводом которого является спектакль. В связи с этим следует подчеркнуть, что театральный текст, зафиксированный в режиссёрской партитуре, рассматривается только в контексте его отношения к тексту-источнику (художественному произведению), в то время как конкретный театральный

дискурс находится в фокусе сопоставления не только с текстом-источником, но и с другими реализациями исходного театрального текста на уровне сценического высказывания в момент представления. Таким образом, театральный дискурс заключает в себе и текст и контекст.

Итак, поскольку один театральный текст может быть актуализирован в нескольких театральных дискурсах, он характеризуется нестабильностью, подвижностью, интерактивностью (эксплицитной или имплицитной). Являясь каркасом постановки, театральный текст обладает также такими свойствами, как повторяемость (может иметь большое количество реплик, показов спектакля) и возобновляемость (может быть восстановлен и воспроизведён в разных временных отрезках и в разных пространствах). Однако следует сделать акцент на том, что повторяемость и возобновляемость театрального текста являются условными и формальными качествами, так как ни одна его реплика не может быть идентична другой, а восстановленный текст не будет полностью идентичен инвариантному в силу необходимости учёта фактора сценической ситуации, условий сценической реализации.

Театральный дискурс как коммуникативная практика повторяемостью не характеризуется, так как конфигурация знаков всегда зависит от ситуации: времени, пространства, участников, зрительской реакции, спонтанного слова и прочих факторов. Авторы могут пересоздать исходный театральный текст в соответствии с ситуацией высказывания (скорректировать мизансцены, освещение и т. д., исходя из возможностей зала, отредактировать вербальные и невербальные действия актеров, исходя из их возможностей, купировать некоторые фрагменты и т. д.). Каждое новое театральное представление воспроизводит театральный текст с учётом этих факторов и не может быть идентичным предыдущему или последующему. Кроме того, важно отметить, что в процессе смыслогенеза на уровне дискурса существенную роль играет не только семиотизация, но и возможная десемиотизация. Таким образом, конкретный дискурс является результатом действия (взаимодействия или противодействия) двух сил, двух механизмов семиозиса.

Список источников

1. Шевченко А.С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере, русского, английского, бурятского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 20 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 445 с.
3. Силантьев И.В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 2010. Т. 9, вып. 6. С. 78–83.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.
5. Buyssens E. Les languages et le discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles : Office de publicité. 99 p.
6. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
7. Harris Z. Discourse analysis // The language. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30.

8. Арто А.А. Театр и его двойник. М. : Мартис, 1993. 191 с.
9. Guespin L. Problématique des travaux sur le discours politique [Problematic of works on political discourse] // *Langage*. 1971. P. 3–24.
10. Карасик И.В. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.
11. Павис П. Словарь театра. М. : ГИТИС, 2003. 516 с.
12. Ducrot O. De Saussure a la philosophie du langage: introduction a la traduction française de Speech Acts de J.R.Searle. Paris, 1972. P. 5–23.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 3. М. : Наука, 1976. 573 с.
14. Sechehaye A. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage. Paris : Honore Champion, 1908. 267 p.
15. Юберсфельд А. Читать театр // Как всегда об авангарде: Антология французского театрального авангарда / сост., пер. с фр., коммент. С. Исаева. М. : Союзтеатр, 1992. С. 191–201.
16. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. 570 с.
17. Чуреева О.А. Театральный текст как результат трансмутации: соотношение первичной и вторичной моделирующих систем // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 469–483.
18. Sanford A.J., Molle J., Emmott C. Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse // *Discourse Processes*. 2006. № 2 (42). P. 109–130.
19. Чехов А.П. Избранное. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. 736 с.
20. Dürrenmatt F. Theater-Schriften und Reden. Zürich : Die Arche, 1972. 287 p.
21. Борботько Л.А., Вишневская Е.М. Пьеса как составляющая театрального дискурса: между семантикой и прагматикой // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 22–30.
22. Фишер-Лухте Э. Эстетика перформативности. М. : Канон-плюс, 2015. 375 с.

References

1. Shevchenko, A.S. (2012) *Teatral'nyy diskurs: struktura, zhanry, osobennosti lingvisticheskoy reprezentatsii (na primere russkogo, angliyskogo, buryatskogo yazykov)*. [Theatrical discourse: structure, genres, peculiarities of linguistic representation (on example of Russian, English, Buryat languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss.: St. Petersburg.
2. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo.
3. Silantyev, I.V. (2010) Diskurs i zhanr [The discourse and genre]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 9 (6). pp. 78–83 (In Russian).
4. Saussure, F. (1977) *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. In: Saussure, F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress.
5. Buysens, E. (1943) *Les languages et le discours. Essai de linguistique fictionnelle dans le cadre de la sémiologie*. Bruxelles: Office de publicité.
6. Arutunova, N.D. (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow. pp. 136–137.
7. Harris, Z. (1952) Discourse analysis. *The language*. 28 (1). pp. 1–30.
8. Artaud, A. (1993) *Teatr i ego dvoynik* [The theater and its Double]. Moscow. Martis.
9. Guespin, L. (1971) Problématique des travaux sur le discours politique. *Langage*. 23. pp. 3–24.
10. Karasik, I.V. (2000) O tipakh diskursa [About types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'niy i personal'niy discours* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd. pp. 5–20 (In Russian).

11. Pavis, P. (2003) *Slovar' teatra* [Dictionary of the Theatre]. Moscow: Gitis.
12. Ducrot, O. (1972) *De Saussure a la philosophie du langage: introduction a la traduction française de Speech Acts de J.R.Searle*. Paris: Hermann. pp. 5–23.
13. Chekhov, A.P. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [The complete Works and Letters: in 30 Vols. Letters: in 12 Vols.]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
14. Sechehaye, A. (1908) *Programme et méthodes de la linguistique théoretique. Psychologie du langage*. Paris: Honore Champion.
15. Ubersfeld, A. (1992) *Chitat' teatr* [To read the theatre]. Translated from French by S. Isaev. In: *Kak vsegda ob avangarde: Antologiya francuzskogo teatral'nogo avangarda* [As always about vanguard: ontology of French theatrical avanguard]. Moscow: TPF Soyuzteatr. pp. 191–201.
16. Ingarden, R. (1962) *Issledovaniya po estetike* [Research in Aesthetics]. Translated from Polish. Moscow: Izd-vo inostr. lit.
17. Chureyeva, O.A. (2023) *Teatra'niy tekst kak rezul'tat transmutatsii: sootnoshenie pervichnoy i vtorichnoy modeliruyuschikh sistem* [Theatrical Text as a Result of Transmutation: Correlation between Primary Modeling System and Secondary Modeling System]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 469–483.
18. Sanford, A.J., Molle, J. & Emmott C. (2006) Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse. *Discourse Processes*. 2 (42). pp. 109–130.
19. Chekhov, A.P. (1998) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Eksmo-press.
20. Dürrenmatt, F. (1972) *Theater-Schriften und Reden*. Zürich: Die Arche.
21. Borbot'ko, L.A. & Vishnevskaya, E.M. (2020) *P'esa kak sostavlyayushchaya teatral'nogo diskursa: mezhdru semantikoy i pragmatikoy* [Play as a constituent part of theatrical discourse: on the verge between semantics and pragmatics]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 23–30.
22. Fischer-Lichte, E (2015) *Estetika performativnosti* [Aesthetics of Performativity]. Moscow: Kanon-plus.

Информация об авторе:

Чуреева О.А. – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (Симферополь, Россия). E-mail: au-room-ua@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Chureyeva, senior lecturer, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: au-room-ua@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023;
одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 30.09.2024.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 808.1

doi: 10.17223/19986645/91/8

Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в.

Ирина Александровна Айзикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Систематизация сибирских культурных ландшафтов необходима не только для упорядочения множества природно-культурных комплексов региона, но и в связи с проблемами выявления их индивидуальности и сохранения уникальных природно-культурных местностей. В статье рассматривается, как культурные ландшафты Сибири, понимаемые как территориальная система, состоящая из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, представлены в сибирской литературе XIX в. В качестве основного приёма систематизации применяется типология.

Ключевые слова: культурный ландшафт, литература, Сибирь, уникальность, тип, типология, природный, антропогенный

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/91/8

Types of the socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of the 19th-century travel prose

Irina A. Ayzikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru*

Abstract. The article aims to study regional (Siberian) landscapes in the socio-cultural aspect as products of the relationship between physical reality, social practices and reflections as mirrored in the travel prose of the 19th century. By socio-cultural landscape I mean a territorial system consisting of natural and anthropogenic components and complexes developing in interconnection. The main objective of the article is

to adapt the concept of *landscape* that arose in geography to the tasks of its humanitarian research as an element of the physical world involved in the system of spiritual culture, as well as the systematization of cultural and linguistic landscapes of Siberia by typologization. This is necessary to streamline the many natural and cultural complexes of the region and in connection with the problems of identifying their individuality and preserving unique natural and cultural areas. The methodological basis for describing the types and types of socio-cultural landscapes of Siberia is Lohn Lippel's model, which assumes four levels of analysis: "physical substrate", "regulatory systems", "interactions and actions", "symbolic coding and perception". In addition, the focus is on two more characteristics of the cross-border Siberian landscape – multi-layering (a combination of vertical and horizontal communications, the coexistence of state ties between the region and the metropolis, and naturally formed interethnic contacts of the population) and discreteness (the focal placement of the population, the presence of areas with different types of interaction, and the degree of identity preservation). Due to the large volume of the material, the problem posed is solved only based on texts related to travel secular prose, which largely determines the development of Siberian literature and literature of central Russia in the 19th century and is the most indicative of the topic of interest to me. The analysis showed that, as a rule, images of Siberian socio-cultural landscapes (naturally formed, purposefully formed, and associative) were created in the literature by describing natural objects or the natural environment as a whole, history, socio-cultural practices of the population, regulation of intercultural interaction, as well as the author's "symbolic coding" of the narrative. Most often, they are complex combinations of several types of kinds of landscape, the totality of which determines their individuality. Each type and kind I identified, taking into account the transborder nature of the socio-cultural landscape of Siberia as a whole, forms its own grids of markers, so that landscapes are identified from different positions and appear, on the one hand, distinctive, isolated, and, on the other, as a territorial system consisting of different interconnected types and kinds of landscape, and ensuring the stability and viability of the Siberian region. In addition, the considered material makes it possible to build a typology of Siberian socio-cultural landscapes on other grounds; therefore, it is possible to build other typologies, identify other types of landscape and markers that I have not named.

Keywords: cultural landscape, literature, Siberia, uniqueness, type, typology, natural, anthropogenic

Acknowledgements: The results of the study were obtained under the state assignment of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ayzikova, I.A. (2024) Types of the socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of the 19th-century travel prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 145–175. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/8

Введение

Выдающийся российский историк А.В. Ремнёв одним из первых поставил вопрос о соотношении географических, административных и ментальных границ Сибири, посвятив этому целый ряд глубоких исследований (см., напр.: [1–3]). Обновление теоретического фундамента данной проблематики ученый связывал с отходом от концепции жестких административно-

государственных границ и с обращением к теме регионального ландшафта, который предлагал рассматривать в социоисторическом аспекте (подробнее об этом см. [4]). В отличие от своих зарубежных предшественников в качестве основного материала А.В. Ремнёв использовал не только документальные, но и публицистические, художественные тексты как источники «личного происхождения», устанавливая «диалогичность властного и общественного дискурсов о Сибири» [5. С. 29].

Целью данной статьи является системный анализ культурно-языковых ландшафтов Сибири, отраженных в путевой прозе XIX в., с помощью приема типологии¹. Сверхзадачей статьи является адаптация возникшего в географии понятия *ландшафт* к задачам его гуманитарного исследования как элемента физического мира, вовлеченного в систему духовной культуры, «дематериализовывающегося» в образы. Это необходимо не только для упорядочения множества природно-культурных комплексов региона, но и для выявления их индивидуальности и сохранения уникальных природно-культурных местностей.

Методы и материал исследования

Методологической основой исследования, выполняемого в рамках коллективного междисциплинарного проекта «Социокоммуникативное пространство трансграничья: факторы формирования культурного и языкового ландшафта Сибири», является выдвинутое экономистом Д. Лэппле понятие «социальное пространство», в его трактовке, создающееся и осмысляющееся человеком в ходе специфических социокультурных процессов. Лэппле была предложена и модель анализа основных компонентов социальных пространств, которая позднее была адаптирована швейцарским историком Ф.Б. Шенком к социоисторическим исследованиям. Эта модель предполагает четыре уровня описания типов и видов социокультурных ландшафтов: «физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие», что позволяет нам проследить логику складывания социокультурного ландшафта сибирского трансграничья (об этом см.: [27]). Кроме того, фокус внимания сосредоточен на двух ранее выявленных характеристиках трансграничного сибирского ландшафта – многослойности (сочетание вертикальных и горизонтальных коммуникаций, сосуществование государственных связей региона

¹ Под социокультурным ландшафтом мы понимаем территориальную систему, состоящую из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, это продукт взаимоотношений физической реальности, социальных практик и рефлексий, отраженных в текстах. Проблемы культурного ландшафта рассматриваются в науке уже не одно десятилетие целым рядом ученых. Обзор их работ может стать самостоятельным предметом изучения. Наиболее важные для нашего исследования см. в списке источников к данной статье [6–22]. В последнее время интерес ученых обрратился и в сторону сибирских социокультурных ландшафтов, чаще всего городских (см., например: [23–26] и др.).

с Центральной Россией и естественным образом сложившиеся межэтнические и межконфессиональные контакты населения, в том числе, с соседними регионами) и дискретности (очаговым размещении населения и, соответственно, наличие ареалов с разными типами взаимодействия и степенью сохранения идентичности) (см. об этом: [28. С. 17]).

Обращаясь к нашей проблеме, оговоримся, что в силу большого объема материала она будет решаться только на текстах, относящихся к путевой прозе (светской)¹, во многом определяющей развитие сибирской литературы и литературы Центральной России XIX в. и наиболее показательной в отношении интересующей нас проблематики, точно обозначенной Ю.М. Лотманом, который писал, что именно при взаимодействии человека с географическим пространством «обнажается важный принцип культурного мышления человека: реальное пространство становится иконическим образом семиосферы – языком, на котором выражаются разнообразные внепространственные значения, а семиосфера, в свою очередь, преобразует реальный пространственный мир, окружающий человека, по своему образу и подобию» [31. С. 320].

Отбор материала осуществлялся по аннотированному указателю «Русский травелог XVIII – начала XX веков» [32], который представляет собой обширную базу данных о русских травелогах этого периода. Травелог в данном издании понимается «как вид литературы, объединяющий различные жанры (служебный отчет, статейные списки дипломатов, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, эпистолярный, мемуары, очерк и пр.)» [32. С. 4], что близко нашему пониманию путевой прозы.

В построении типологии социокультурных ландшафтов Сибири мы опираемся на типологию, принятую в «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» [33. Гл. II. А, п. 47], в котором выделяются три основных типа культурных ландшафтов: естественно сформировавшиеся, целенаправленно сформированные и ассоциативные. Однако применительно к сибирскому социокультурному пространству трансграничья такая классификация нуждается в существенной конкретизации.

Обсуждение результатов. Естественно сформированные ландшафты, изображенные в литературе, наиболее точно характеризуются на уровне физического субстрата, хотя актуальны и остальные три выше названных уровня. На основе привлеченного к анализу материала в рамках естественно сформированных сибирских ландшафтов можно выделить степной, таежный, горный, тундровый и водный. П.Н. Краснов в путевых очерках «По Азии» (1903) так, например, описывает первые три из них: «Степи, березовые перелески, и так три дня и две ночи, начиная от Урала. <...> Поселков не

¹ Путевая проза сибирского православного духовенства, как и религиозные ландшафты Сибири, рукотворные и ассоциативные, представленные в ней, остаются за рамками нашей статьи. Эта проза подробно и глубоко рассмотрена в докторской диссертации С.В. Мельниковой «Путевая проза сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. как явление региональной словесности» [29], а также в ее монографии [30] и корпусе научных статей.

видно, расстояния громадны. <...> Пустыня. Не придумаешь иного наименования для бесконечного простора широкой степи. Летом здесь... все прячется по домам, надевает сетки на лица и на руки, бросает работу» из-за «знаменитого сибирского гнуса. <...> Зимой... Зимой, когда вдруг закурит и задымит на всем две тысячи-верстном пространстве Бараба, когда все заблестит и завертится от мериад снежинок и сольется в общую серую мглу, когда в безграничном просторе гуляет ветер, приобретая страшный размах, небывалую удаль, когда ревет и мечет вся степь, словно океан, как назвать тогда эту землю, в которую робко дерзает входить человек, то кочующий, как корабль в океан, то осевший маленькими островами, на хуторах и станицах, по заимкам и поселкам, какое слово более подойдет к этому ледящему шумному размаху нескованной, невоспитанной природы? Стихия?!! Двенадцать часов езды за Омск такую же стихийною желтою степью и начинается тайга» [34. С. 17].

Тайга описывается через те же концепты, что и степь: *стихия, безграничность, пустынность*, с той лишь разницей, что место образов березовых перелесков, сухой травы в описании таежного ландшафта занимают непроходимые *лес, болото, высокая трава*. Тайга представлена также пространством, почти не тронутым человеком, «громадным, девственным», красивым и таинственным. Вместе с тем в его описание настойчиво вводится мотив уничтожения тайги человеком; наиболее частотными образами оказываются пожар, возникающий по вине людей, «громадные обгорелые стволы берез и сосен», «обзоленная земля», «черные пни погибших великанов» [34. С. 18]¹.

Сибирь – «горная страна» описана Красновым в рамках той же семантики: красота, таинственность («над ними что-то блестит и переливается серебристым блеском перламутра», сами горы – «синие», «снежные»), к чему добавляется неожиданная характеристика: сибирские горы – «не русские», «азиатские», они, «как кулисы, выступают слева и справа», отделяя сибирское, «азиатское», пространство от европейского [34. С. 19].

Ландшафт сибирской тундры, представленный К.Д. Носиловым в его дневнике путешествия по полуострову Ямал, отчасти напоминает степной пейзаж Краснова: «...карандаш топографа (под которым имеется в виду сама природа. – И.А.), видимо, свободно гулял по этим местам, то означая *бесконечное болото*, то *неизвестную* ему *глушь*, рисует воображению одну *безотрадную северную пустыню*, известную под именем тундры. Положим, воображение не откажется оживить эту часть карты картиной бродячих стад оленей с их разноплеменными обладателями: самоедами, тунгусами, чукчами, которых усидчивый географ, к досаде своей, ещё не может усадить на место, но всё же карта кажется *пустой* и поражает своей *безжизненностью и величиной*» (курсив наш. – И.А.) ([35. С. 244]².

¹ См. также «Сибирские негативы» А.В. Адрианова, «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» П.И. Небольсина и др.

² Тундровый ландшафт находим в сочинениях В.Г. Богораз-Тана с характерным заглавием «В пустыне: (Из моих скитаний)» (1909), И.М. Воропая, Н.П. Григоровского, Ю.И. Кушелевского и др.

Одним из самых востребованных в литературе является водный ландшафт, который можно назвать вмещенным во все выше названные, ландшафтообразующим для них. Так, М.Н. Галкин-Враской в своей «Поездке в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: (Из путевого дневника)» описывает Обь как «реку-море», организующую жизнь всего и всех, обитающих на ее берегах и близ них, не допускающую никаких «преград своему разливу» [36. С. 3]. В «Очерках Туруханского края» Н.А. Кострова [37] ландшафт строится вокруг образа Енисея, опасного и зимой и летом, вызывающего своим безмолвием и грозностью уныние даже у местных жителей. Портреты ачинского и минусинского ландшафтов, созданные И. Скороговорным, как и у Кострова, формируются образом реки – Чулыма, с его россыпями наносного золота, «медными берегами», «разными окаменелостями, костями допотопных животных и оружием древних первобытных народов» [38. С. 4]. Ангара и Байкал, «по-здешнему море и даже святое, из уважения к его огромности и вспыльчивому характеру» [39. С. 66], представлены стержнем иркутского ландшафта Н.С. Щукиным в его «Очерках Сибири»¹. Описывая возникавшие на пути от Иркутска до Виллюйска ландшафты, иркутский врач Крузе также выделяет как их центральные образы рек: Лены и впадающих в нее Илги, Витима и Олёкмы [41]. Н.А. Бакшевич подробно описывает реку Иркут, пронзающую насквозь хребет Большой Саян [42]. Примеры можно продолжать.

Маркерами в описании естественно сформированных ландшафтов являются рельеф местности, климат, животный и растительный мир. При этом интенция большинства авторов, дающих описание природных ландшафтов Сибири всех видов, проявляется в выборе характеристик по названным маркерам: «громadne расстояния», «бесконечный простор», «безграничный простор», «страшный размах» ветра, «шумный размах нескованной, невоспитанной природы», мороз, стихия, грозность, безмолвие, таинственность, неизвестность, красота, святость. Кроме того, в семантике продвижения повествователей по сибирскому пространству всегда задействовано понятие *границы*. Общий посыл сводится к тому, что горы и реки, леса, степные и тундровые «пустыни» описываются в рассматриваемой путевой прозе как естественные границы природных ландшафтов, взаимодействующие друг с другом и свободно нарушающие границы, устанавливаемые и неоднократно переносимые государством для удобства управления огромной территорией. Саморегулируемые, они соединяют и разъединяют не административно выделенные территории, а разные, семантически насыщенные миры: тайги, гор, степи, тундры. Кроме того, естественные границы этих миров, сменяя друг друга, образуют зоны плавного перехода степи в тайгу, тайги в горную местность, горной местности снова в тайгу, тайги в тундру (близкую по описанию к степной пустыне).

¹ Байкалу как сердцу природного иркутского ландшафта посвящает свою статью Н.В. Ушаров: На Байкале: (Из путевых записок по Восточной Сибири) [40].

Приведем для примера фрагмент из «Путевых заметок по Алтаю» М.А. Басова, где он описывает свое продвижение от Барнаула в Бийск вверх по реке Каменке (это, как указывает автор, 174 версты). Одной из первых на пути встает деревня Красный яр, где путники «в первый раз увидали на горизонте очертания Алтайских гор. Вся эта местность покрыта толстым слоем наноса; она почти ровная, гладкая, обнажения нигде не встречаются, и только у д. Сетовки... (22 версты от д. Красный яр) видны у самой реки Каменки, на правом берегу выходы гранита-сиенита, который и продолжается далее в виде отдельных пологих холмов. Не доезжая д. Нижней Каменки (в 20 верстах от д. Сетовка) эти гранитовые толщи мало-помалу скрываются» и вновь появляются уже покрытыми «сначала крупно-зернистым песком, происшедшим от разрушения гранита, а затем толстым слоем чернозема. Приближаясь к селу Алтайскому (в 29 верстах от д. Сетовка), долина реки Каменка делается красивее и разнообразнее. Растительность здесь роскошная, цветов множество. Горы у села имеют значительную высоту и покрыты пихтовым лесом. <...> По мере приближения к реке Сарассе, правому притоку реки Каменки... горы сходятся всё более и более. <...> По мере приближения к деревне Черге, в 50 верстах от деревни Алтайское» тайга отходит перед «наступающими горами» [43. С. 8–9].

Таким образом, воображаемая в литературе география отражает естественно сформированное трансграничье природного сибирского ландшафта, сложно организованного, многослойного и дискретного. Важнейший акцент в изображении естественно сформировавшихся ландшафтов практически у всех авторов связан с проблемой «человек и природа». Неслучайно природные объекты, в их обобщенном смысле и конкретные, становятся метафорами, культурными кодами таких важнейших для человека понятий, как беспредельность и бескрайность, целостность и вместе с тем иерархичность устройства бытия, движение, жизнь. С другой стороны, сами природные объекты описываются тоже метафорически: тайга «не воспитанна» и «девственна», Алтай – «колыбель человеческого рода», Енисей грозен и безмолвен, Лена с ее многочисленными притоками напоминает кроветворную систему организма, у Байкала «вспыльчивый характер», он пугает человека своей глубиной и т.д.

Интерпретация сибирского пространства, в целом и отдельных территорий региона, в путевой прозе XIX в., как правило, амбивалентна. Оно представляется и естественно сформированным, и антропогенным, рукотворным, эволюционирующим под влиянием человека или целенаправленно им сформированным, т.е. социокультурным. Во все виды естественно сформированных ландшафтов, выделенных выше, вмещены рукотворные. При этом на уровне интеракций и действий, системы регулирования взаимодействий, конечно, выделяются *менее* и *более* культурно освоенные, преобразованные ландшафты, несущие свою семантику. К первым относятся периферийные, окраинные: степи и тундра. Ядро сибирского социокультурного ландшафта составляют таежные и горные ландшафты с вмещенными в них водными. Последние образуют «горизонтальную целостность» сибирского региона,

при всей его дискретности и многослойности, горы – вертикальную, онтологическую, что обеспечивает его устойчивость и жизнеспособность.

Рукотворные сибирские ландшафты в литературе можно поделить на изначально *вмещенные* высшим Топографом (так называет некую надличную созидательную силу в своем путевом дневнике К.Д. Носилов) и вмещаемые государственными институтами в естественно сформированные. Как изначально вмещенные авторами рассматриваются инородческие социокультурные ландшафты, вмещаемыми изображаются ландшафты, которые условно можно назвать российскими.

Важнейшим маркером ландшафтов первого вида выступает наименьшее преобразование естественно сформированного пространства при наибольшей их жизнеспособности. На этих территориях веками сохраняются и природный ландшафт, и традиционные социокультурные практики жителей, их уклад жизни, язык, духовная культура, верования, способы самоорганизации сообщества людей, система его заселения. Инородческие ландшафты одновременно рассматриваются в литературе как наиболее уязвимые: авторы акцентируют такие угрозы, как неизлечимые болезни, высокая смертность, малочисленность и неграмотность населения.

По сравнению с инородческими, российские ландшафты в этом отношении менее уязвимы и более жизнеспособны. Маркером является нацеленность их населения на улучшение условий своей жизни на сибирской земле, готовность ее преобразовывать, адаптировать под свои потребности, в отличие от инородцев, которые сами адаптируются под окружающую среду. Вместе с тем амбивалентность авторской позиции и здесь дает о себе знать: российские ландшафты вмещаются в чужое, мало или совсем неизвестное пространство, транслируемое в общественное сознание, в том числе и литературой, метафорами с широкой семантической амплитудой: «земля обетованная» – «ад». Причем ими оперирует сознание и тех, кто внедряет массы российских граждан в Сибирь путем переселения, и тех, кого туда «вмещают». Переселенческое движение, как известно, оборачивалось и для государства и для переселенцев большими потерями экономического, социального, нравственного, духовного характера (нам приходилось об этом писать, см.: [44]).

По деятельности населения, а также на уровне физического субстрата рукотворные ландшафты традиционно делятся на несколько видов, являющих собой определенную знаковую систему. Литература представляет такие характерные для Сибири виды, как сельские, городские, промысловые и промышленные социокультурные ландшафты, образы которых весьма специфичны по сравнению с общероссийскими. Кроме того, в литературе о Сибири выделяются практически отсутствующие в Центральной России переселенческий и ссыльно-каторжный ландшафты.

Обращаясь к изображению сельских ландшафтов, остановимся прежде всего на инородческих ландшафтах. По видам деятельности: земледелие и скотоводство – их следует отнести к сельским. Однако остальные маркеры,

которыми, как правило, отмечаются сельские ландшафты: уклад жизни, жилища, еда, обычаи, обряды, праздники, песни и танцы, не позволяют отнести их к сельским.

Селения инородцев описываются и сибиряками, и авторами из Центральной России в общей эстетике оппозиции «свое» – «чужое». Стойбища кочующих по степи или по тундре инородцев описаны как временные поселения, а их урасы, юрты, айлы – как временные жилища. Приведем описание урасы из «Поездки к тунгусам» И. Абрамова и Эд. Пекарского: они строятся из «лиственничных жердей и покрываются берестой, а иногда холстом или ровдугой, т.е. выделанной оленьей кожей. Вид они имеют конусообразный. Внутри от дверей к стене протянуты над очагом шесты, на которых висят котлы и чайники. Очаг отгорожен от остальной части юрты бревешками <...>. Дым выходит через отверстие сверху... Ружья, сумочки и прочее... прикрепляется к жердочкам» [45. С. 130]. Авторы подчеркивают непрочность жилища и размытость его границ между внешним и внутренним миром: вместо печи в ней открытый огонь, она конусообразная, открыта в пространство неба, в урасе отсутствуют привычные для русских углы дома, в том числе и «красный угол», в ней нет мебели («сидят на всяком хламе») и т.д. Как правило, такая селитба, не похожие на русскую одежда («женщины ходят в длинных рубахах из ситца... поверх рубахи одевают „хомусол“, нечто вроде камзола. Обувь состоит из ровдужных или камысных (камыс – шкурка с ноги оленя) торбасов»), еда («в урасах нас угощали полусырыми лепешками из крупчатой муки, кирпичным чаем с сахаром и оленьим молоком» [45. С. 130]), обычаи, обряды, песни, танцы¹ и т.д. транслируются русскими авторами как отсутствие культуры, а не ее уникальность. Якуты, буряты, тувинцы и другие инородцы представляются чуть ли не дикарями, не знающими культуры и цивилизации.

На такой же оппозиции описываются П.С. Алексеевым степные селения Барабы: «По окраинам... Барабинской степи селения не растянуты в длину, как обыкновенно на тракту; строения в них стоят кучками, иногда даже не улицей, а как попало, вразброс. Утлые лачуги обвалены навозом. Огромные стога сена стоят около жилищ и высятся над ними. Часто видны дерновые крыши на жильях и деревянные трубы» [46. С. 605]. М.Н. Галкин-Враской в «Поездке в Сибирь...» представляет жилища остяков, живущих по берегам

¹ Приведем описание Абрамовым и Пекарским национальной пляски тунгусов: «Подходя к месту своей остановки, мы услышали издали какие-то отрывистые восклицания „Хо-хо! Хо-хо!“». Оказалось что тунгусы, большею частью молодежь, устроили свою национальную пляску вокруг костра. Мужчины и женщины вперемежку, взявшись за руки, составили замкнутое кольцо и мерно двигались в одном направлении, ритмически поднимая и опуская руки и сопровождая эту своеобразную пляску громкими и однообразными восклицаниями. Уставшие выходят из круга, присаживаются отдохнуть, потом снова стремительно начинают кружиться с бешеной энергией. Заслышав издали веселые крики пляски, тунгусы бросают всё и в свою очередь бегут принять в ней участие. До глубокой ночи продолжался безыскусственный тунгусский танец... Потрескивавший костер бросал трепетный свет на двигавшиеся и кривлявшиеся фигуры» [45. С. 130].

Оби: летом они живут в шалашах, сооруженных из бересты, которая снимается с толстых берез, проваривается и сшивается. Добываемая рыба сушится на тут же развешанных веревках, которые «подобно паутине, оплетают» [36. С. 8] занятое место. На зиму остяки перебираются вглубь тайги и живут вдоль рек – притоков Оби в землянках.

Разбросанные далеко друг от друга таежные сёла жителей-старожилов, потомков первых завоевателей Сибири, не хуже инородцев приспособившихся к окружающей их среде – глухой тайге, представлены сибирским этнографом, последователем областнической идеологии А.В. Адриановым не менее специфическими. В них живут традиционными для сельского ландшафта земледелием и скотоводством, а также добычей орехов, лесного меда, пушнины и рыбы. Время здесь как будто остановилось: оторванные от большого мира, они продолжают вести натуральное хозяйство, не знают грамоты, живут без книг и газет, им не интересны новости о происходящем в мире, в их семьях царит архаический уклад. По мнению повествователя, подобные картины вряд ли можно назвать идиллическими, поскольку «простая, бесхитростная» жизнь, «ограниченная узкой рамкой хозяйственных, домашних интересов» [47. № 17–18. С. 59], только кажется «крепкой», спокойной и счастливой. В нее неумолимо входит другая жизнь, требующая от крестьян умения ориентироваться в том, что происходит «за пределами их околицы». Это – товарно-денежные отношения, подати, коммуникация с соседними селами, к чему жители таёжных сил абсолютно не готовы. Бедой таких сел и их жителей, по мнению Адрианова, являлась поголовная безграмотность. Оторванные от всего «белого света», они не знали, «какой этот свет, на трех или четырех китах он стоит» [47. № 17–18. С. 60], даже зажиточные крестьяне, по описанию автора, жили убогой материальной и духовной жизнью.

Еще более уязвимой читателям представлялась селитьба сибирских крестьян на заимках, в однодворных поселениях, поставленных на земле, занятой по «праву» первого владения, т.е. незаконно. Такое было возможно только в таежной глуши. На заимках жили земледелием, охотой, рыболовством и все тем же натуральным хозяйством, в полной оторванности от современной жизни и развития.

В процитированной выше статье «“Сибирские негативы“ (Из дорожных впечатлений)» А.В. Адрианов дает целую галерею портретов еще одного вида сельских ландшафтов – сибирских сел, близлежащих к городу, встречавшихся ему во время поездки по реке Томи из Томска в Кузнецкий уезд в 1908 г. В представлении автора это «не деревни, но и не отдаленная окраина города» [47. № 17–18. С. 54], это столкновение двух разных миров, городского и сельского. В результате размывания (переосмысления) их границ меняются ориентиры, внутренние ценности и того и другого. В частности, жители таких сел становятся «поставщиками» городов, исконно сельские виды деятельности, как «наименее доходные, отходят на второй план», а вместе с этим деревня теряет свой «уют», привычный, гармоничный, це-

лостный облик, что отражается в замеченных автором «беспорядочности хозяйства и построек, в невыдержанности деревенского костюма, в бойкой, с оттенком наглости, речи, в излишней переоценке труда, в неуголимой жажде наживы, не останавливающейся перед обманом». В сёлах бурно развивается торговля, проводятся постоянные ярмарки. Села застраиваются «большими крестовыми домами, с разными вычурами снаружи и мещанской обстановкой внутри <...> днем и ночью толпятся по улице люди, раздаются звуки гармонии, ругань <...>. Скоро, пожалуй, мужику здесь некогда будет возиться с пашней» [47. № 19–20. С. 64]¹. Сёла горного Кузнецкого уезда также оказываются на пересечении двух границ: в сельский уклад жизни прочно входят необычные для него «подсобные промыслы»: добыча извести, каменного угля, которая из кустарного производства превращается в промышленное. В кузнецкие деревни в связи с этим прибывают «массы горнорабочих, стянутых с Камы и Волги», «жизнь тихого угла» нарушается, в деревни приходят «воровство, грабежи, сугубое пьянство и разгул» [47. № 17–18. С. 60].

Любопытно описание села Покровское на Якутском тракте, представленное П.С. Алексеевым в путевом журнале «По сибирским рекам». В этом ландшафте стерты границы между миром русских и иноверцев: кроме «двух-трех домиков, построенных на русский лад», в ней стояло 10–15 юрт, которые тоже «на российский лад» были «обмазаны глиной и коровьим навозом», крыши юрт при этом были земляные. «Окна в юртах еле заметны, двери обиты скотскою шкурою; вместо дверей и окон часто просто дыры в стенах. В некоторые окна вставлена слюда, она вшита в бересту. На зиму в эти окна вставляют льдины» [48].

Большинство сибирских городов возводилось по берегам рек и линиям сухопутных связей – трактов. Кроме местоположения, маркерами городских ландшафтов в литературе являются история создания и развития, градостроительная культура, типы застройки, взаимодействие городского ландшафта с природным, степень урбанизации, уклад жизни, виды деятельности горожан².

Целый ряд сибирских городов, больших и малых, представляет читателям П.С. Алексеев в «Воспоминаниях о проезде зимою из Москвы в Читу», позиция автора-повествователя – пассажир, наблюдающий картину из вагонного окна. Описания города, как правило, предваряются в «Воспоминаниях о проезде...» изображением природного ландшафта: «Природа крайне

¹ О не свойственных сельскому ландшафту больших, украшенных вычурною резьбою домах, двухэтажных надворных постройках, собственных кузницах и мельницах в селах Усть-Кут, Марковское, Рудых на Якутском тракте, о проводимых в них постоянных ярмарках пишет П.С. Алексеев в путевом журнале «По сибирским рекам» [48].

² Нам приходилось ранее писать о сибирских городских ландшафтах, представленных в публикациях Н.А. Кострова [49]. В данной статье обращаемся к более широкому материалу и вводим городской социокультурный ландшафт в типологию сибирских ландшафтов.

бедна между Тагилем и Тюменью; плоская равнина, местами поросшая убогим кустарником <...> из окна вагона виднеются все тот же снег, всё те же берёзки и ёлки, всё в том же числе и в той же форме» [46. С. 602–603]. Тюмень, в общественном сознании «ворот Сибиря», в воспоминаниях Алексеева подобна природному ландшафту, она производит на повествователя впечатление «жалкого города», в котором заканчивается железнодорожный путь и начинается водный, что символически прочитывается как остановка развития, движения вперед. Это подчеркивается и такой деталью: прислушавшись к шуму колес, повествователь на подъезде к Тюмени не слышит «движения поезда», в этой пустынной местности ему чудится, что поезд стоит на месте.

Иную картину дает офицер В.А. Сурувикин, останавливавшийся в Тюмени на некоторое время. Повествователь его «Путевых впечатлений» представляет ее развивающимся городом, отмечая наличие в нем множества банков, «страховых и торговых агентств и контор» [50. С. 18]. Таким образом подчеркивается занятость горожан в торговле, сфере услуг. Повествователь считает необходимым указать на наличие в городе реального училища, женской гимназии, городского сада. Показательным оказывается и описание градостроительной культуры, строящееся не только на столкновении «старого» и «нового», но и на идее недостаточности собственно культуры: архитектуру города определяют *каменные и деревянные* дома, возведенные «*в разных и даже смешанных стилях*» и к тому же *вычурно украшенные*. Главные улицы города вымощены *камнем* и снабжены *деревянными* тротуарами.

Часть малых городов Тобольской губернии, близлежащих к Тюмени, повествователь «Воспоминаний о проезде...» запомнил потому, что не увидел в них городов. Так, проехав Ялуторовск «среди белого дня», путники «только по выезде из него, в степи, от ямщика узнали, что были в городе; таков уж городок Ялуторовск, что в нем самом его не заметишь» [46. С. 609–610]. Построенные еще в XVII–XVIII вв. как форпосты, «крошечные городки» Каинск, Ачинск и Мариинск так и не стали, в восприятии повествователя, городами, они практически остановились в развитии и запомнились отнюдь не признаками городского социокультурного ландшафта, а как места, «под которыми шалют»: грабят проезжих и торговые обозы, а Каинск, кроме этого, и тем, что в нем впервые путники увидели тянувшуюся по улице партию арестантов.

Единственной достопримечательностью Томска в «Воспоминаниях о проезде...» называется университет, в остальном его урбанизация и степень культурного освоения территории берутся повествователем под большое сомнение: гостиница «Европейская» не может обеспечить гостей ни едой, ни услугами, ни постельным бельем; в городе нет ни «памятников древности, ни современных, чем-либо замечательных учреждений», город построен «без плана; он рос и растет как попало», «строения неровны», «центра города нет», «университет стоит вдали, как бы на окраине, рядом с госпиталем и тюремным замком» [46. С. 609–610].

Образ Канска, с численностью населения, выросшей в течение XIX в. от тысячи до семи с половиной тысяч человек¹, передан повествователем «Воспоминаний о проезде...» маркером, также далеким от характеристик городского ландшафта, – мотивом «жестокого мороза», от которого невозможно было спастись даже в помещениях: при окнах, днем и ночью закрытых наглухо ставнями, при раскаленной печи, потрескивавшей от сильной топки, в домах было не более десяти градусов тепла, в помещениях на окнах нарастали иней и лед прямо на глазах у присутствующих, лопались бревна, из которых были построены городские жилища.

На этом фоне Иркутск представлен Алексеевым именно городом, причем не похожим ни на один сибирский, он назван повествователем европейским по целому ряду признаков. Красота Иркутска продуманно подчеркнута красотой его местоположения: он расположен на высоком яру, с трех сторон окружен красавицей Ангарой, его вид издалека прекрасен из любой точки. Под покровом снега город представляется повествователю чистым, на его улицах нет тесноты, шума и «толкотни», в нем много учебных заведений, целый ряд домов, принадлежащих главным образом золотопромышленникам, приближается по постройке и убранству к столичным строениям. Однако они теряются среди «обывательских домов заурядной, шаблонной архитектуры», в городе нет «аристократического квартала», книжной лавки и ежедневной газеты, увядает «широко проектированная грандиозная гостиница „Московское подворье“», торгующие повсюду китайцы придают городу, скорее, не городской, а «китайский колорит» [48. С. 237].

Повествовательница «Записок и замечаний о Сибири» Е.А. Авдеева также подчеркивает и «прелестное» местоположение Иркутска, и европейские черты города и его населения. Воспринимая ландшафт Иркутска женским взглядом, она замечает, что мужчины почти все «бреют бороды и стригут волосы, не носят русских кафтанов», молодые женщины «одеваются точно так же, как в столице» [51. С. 9, 10]; что человек с достатком может купить в Иркутске то, что продают в Москве и Петербурге: абрикосы и апельсины, варенье, обсахаренные плоды, вина, «даже шампанское и ром в Иркутске не редкость», в Иркутске «два гостиных двора, наполненных разными товарами» [51. С. 17, 19]. Город выступает в «Записках...» Авдеевой крупнейшим торговым центром Сибири, через который идут все товары. Повествовательница подчеркивает и то, как быстро развивается город, сохраняя при этом местные ремесла, культурные традиции, семейные обычаи и т.д. Социальный состав города описан ею многоликим и по статусу, и по достатку, видам деятельности, национальности и т.д.

Второй столицей Сибири представлен в путевой прозе XIX в. Тобольск. Как и Иркутск, его видно издалека: «...на горе виднеется большое здание присутственных мест, правее собор, а еще дальше сад Ермака с белеющим

¹ Численность населения, выступающая маркером города в Центральной России, в малонаселенной Сибири таковым не является.

памятником ему» [50. С. 22]. Автор процитированного текста, В.А. Суровикин, выделяет, как видим, три важнейших маркера, культурных кода Тобольска: присутственное место, собор и сад Ермака. Принятые во внимание вместе, они дают «успокоительные надежды» душе повествователя и рождают мысли о том, что, «быть может <...> в силу исторически сложившихся условий и влияния природы и климата», здесь «люди лучше и чище, чем там, далеко за Уралом» [50. С. 23].

Амбивалентность описания тобольского ландшафта, отражающая его пограничное положение – между городским и сельским, подчеркивается Суровикиным еще больше, чем Алексеевым и Авдеевой в их описаниях Иркутска. Повествователь «Путевых впечатлений» сразу поделил тобольский ландшафт на две семантически противостоящие друг другу части, «из коих одна расположена по низменной болотистой долине реки Иртыша <...> а другая на возвышенной равнине, гордо поднявшейся над этой низменной частью» [50. С. 24–25]. При «подъеме на гору... над обрывом высятся здание Архиерейского двора и Никольской церкви... сад Ермака и здание Тобольского музея... площадь, застроенная разными казенными зданиями», в том числе здание присутственных мест, бывший дворец наместника Чичерина и «венеч всех зданий, величественный пятиглавый кафедральный собор». По обеим сторонам улиц нижней, болотистой части города расположены канавы, наполненные стоячей водой, в них плавают гуси и утки, в грязи «мирно почивают свиньи» [50. С. 25, 27]. Большинство построек здесь деревянные, как и мостовые, которые постоянно гниют. Здесь же, в нижней части, расположены костел, кирха и синагога.

Символика деталей, общей композиции рассказа о городе прозрачна и не нуждается в комментариях. Остается отметить еще несколько, аргументирующих амбивалентность тобольского ландшафта: общественная жизнь проявляется в Тобольске, по замечанию повествователя, «вяло, сонно и незаметно», в церквях, как и в театре, расположенном в здании Общества народной трезвости, малоллюдно. Кроме того, по замечанию повествователя, на жизнь города сильное влияние оказывают люди, прибывающие туда из Центральной России. С одной стороны, это ссыльные «разных сортов» (в верхней части города расположены «2-я каторжная тюрьма, Тюремный замок и сиропитательный дом»), с другой – молодые представители столичной интеллигенции и чиновничества, которые вносят в жизнь тобольского населения «новые понятия», разрушающие представление о городе как про странстве беззакония и произвола.

Наконец, обратим внимание на описание в литературе инородческих городов. Так, П.С. Алексеев в «Воспоминаниях о проезде...» представляет образ Верхнеудинска. Азиатский тип местности и природы (резкие контуры горизонта, остроконечные горы, солончаковые озера) соответствует «правильному», по мнению повествователя, расположению Верхнеудинска. Его кирпичные здания «правильно» перемежаются деревянными и оживляют общий вид города. Но главная примета Верхнеудинска – это его «разнопле-

менное» население: по улицам разъезжают на двуколках, запряженных волами, буряты в цветных и долгополых шубах и меховых шапках, подвязанных под подбородком, расхаживают китайцы, у которых не такая желтая окраска кожи, в их косы вплетены чужие волосы и шелк, в отличие от бурят, которые этого не делают, ламы и вовсе бреют голову и кос не носят. Здесь же можно встретить и «семейских» (раскольников), их женщины величавы и кажутся русскими боярынями. На этих же принципах Е.А. Авдеева описывает Кяхту, наиболее подробно останавливаясь на портретах китайских купцов [51. С. 82–91].

Специального внимания требует к себе рассмотрение сибирских промысловых и промышленных ландшафтов. И тот и другой вынесены за черту и сельского и городского ландшафта и представлены мотивами добычи природных ресурсов с целью получения дохода¹. Маркерами их изображения в литературе являются описания ресурсного потенциала ландшафта, организации промысла или процесса добычи, их инструментов, реализации добытого, ее доходности, взаимодействия с социоприродной средой.

Например, А.В. Адрианов описывает сбор орехов в глухой тайге. Кедровые леса, основа данного промыслового ландшафта, представлены исконным Божьим даром и одновременно большим и неисчерпаемым источником «поддержки хозяйства» и «доходности» [47. № 17–18. С. 56]. В кедраче работают крестьяне из сел, расположенных по реке Томи, они берегут его, не позволяют рубить. «Время промысла строго определяется по постановлению сельского общества», по истечении трех дней промысла «всем предоставляется» время для «вольной добычи ореха [47. № 17–18. С. 58]. Читателям сообщается, что промысловики работают артелями по четыре человека, у каждой своя часть кедровника, из расчета один пай на душу, определяемый количеством собранных артелью орехов. В состав артели входит «лазун», две женщины-сборщицы и один подвозчик с конем и телегой. Из «инструментов» добычи, кроме коня и телеги, используется еще кустарно изготовленный деревянный молот. Главным в артели является лазун, который с риском для жизни «лазит на кедр и сбивает шишки» молотом; женщины собирают падающие от удара молота по дереву шишки и «сносят в кучу около кедра, а подвозчик складывает их в телегу и свозит в одно определен-

¹Мелким ручным производством предметов быта, одежды, украшений и т.д. из меха, кожи, дерева, кости, бересты и проч. занимались и сельские жители, и горожане (кузнецы, жестянщики, сапожники, плотники и т.п.). В городах такое производство позволяло открывать небольшие фабрики: кожевенные, салотопенные, мыловаренные, кирпичедельные, свечные, пивоваренные и т.п. В литературе всё это предстает не в описаниях промышленных ландшафтов, встроенных в городские; как правило, в текстах просто перечисляются имеющиеся в городе фабрики. Так же и промысловые ландшафты, внедренные в городские и сельские, представлены перечнем распространенных в городе или селе промыслов и ремесел, а также описанием изготовленных ремесленниками предметов. Отдельным промыслом был извоз, изображаемый в литературе вне городского и сельского ландшафта, с использованием мотива дороги.

ное место» [47. № 17–18. С. 57]. Столь же примитивным оказывается и процесс обмолачивания шишек – это происходит тоже ручным способом, с использованием вальков или усовершенствованным, по сравнению с ними, самими крестьянами инструментом: «машинкой», изготовленной из дерева и железного прута.

Немудреным представляется и процесс реализации орехов: «...крестьяне, как только виды на урожай ореха выяснятся, стараются запродать будущий сбор местному торгашу», который «пользуется случаем и скупает орех с большой уценкой» [47. № 17–18. С. 56], рассчитываясь с промысловиками отчасти деньгами, отчасти водкой. Отношение крестьян к добытому тяжелым трудом ореху: «не хлеб», его «Бог дал», «урожай с неба свалился» – приводит к тому, что все вырученные деньги, с учетом «уценки» торгаша, мгновенно пропиваются в казенных лавках.

Если промысловые ландшафты изображаются органично вмещенными в естественно сформированные даже при наличии тематики дохода, социально-экономического регулирования взаимодействий, то промышленные, связанные с добычей полезных ископаемых, представляются агрессивно вмещаемыми в природные. Так, Адрианов описывает, как добыча крестьянами, близ деревни Кемеровой, для сельских кузниц вышедшего на поверхность каменного угля (самыми примитивными способами) превратилась в промышленное производство с разведкой месторождений, с переводом в Кемеровую управления и рабочих с Кольчугинских копий, с новыми путями транспортировки угля. Конец кустарной добычи угля в деревне, его промышленное производство, сопровождаемое еще и разработкой неподалеку золотодобычи, тоже в промышленных масштабах, представляется повествователем началом не только разрушения привычного уклада жизни Кемеровой, но «разложения» деревни, «совершенно не подготовленной к отпору» [47. № 17–18. С. 60].

Описание сибирских промышленных заводских ландшафтов часто строится на теме каторги и тюрьмы. Так, М.Н. Галкин-Враской представляет казенный Усольский солеваренный завод, построенный на Ангаре и находившийся во время путешествия автора в аренде иркутского купца И.И. Базанова. Усольские варницы были сданы ему с торгов «с обязательством употребления каторжных на работы по добыванию соли». На заводе работали каторжные «разряда исправляющихся», доставлявшиеся туда из Александровской каторжной тюрьмы, перестроенной, кстати, из казенного винокуренного завода. При тюрьме на момент ее описания имелся еще один завод – кирпичный, на котором тоже работали арестанты. Арестанты, называемые рабочими, трудились и на солеваренном заводе, вместе с каторжными и вольными рабочими. Для надзора за всеми работающими на завод были командированы пять казаков. Арестанты и вольные рабочие жили в одном селе, находившемся рядом с варницами, в съёмных или своих домах, вместе со своими семьями. Все они носили одинаковую рабочую одежду, выполняли одинаковую тяжелую физическую работу: перевозили соль, заготавливали дрова, сплавляли их. Как видим, в промышленном ландшафте, как и в рас-

смотренных выше, тоже размыты границы – на сей раз между заводом и тюрьмой, вольными рабочими, арестантами и каторжными. Такими же маркерами и семантикой образов отличаются описания ландшафтов Петровского, Александровского, Шилкинского и других заводов, которые находим в сочинениях А.А. Мордвинова, Р.К. Маака, С.П. Алисова, декабристов М.А. Бестужева, Н.В. Басаргина, жены декабриста И.А. Анненкова – П.Е. Анненковой и др.

Отдельным видом сибирского промышленного ландшафта в литературе являются заброшенные заводы, несущие семантику трудности освоения края, его индустриализации и ответственности тех, кто пытается приручить тайгу, реки и горы. Показательна публикация «По Сибири: (От Братска до Иркутска Ангараю)» в «Сибирском сборнике» за 1901 г., в которой дается ландшафт остановившегося Николаевского чугунолитейного и железодельного завода С. Мамонтова: «Завод служил рынком для сбыта хлеба, дров, рыбы, мяса и т. п. продуктов, а также давал им побочный заработок в виде доставки руды, угля, песку...», бездействие завода, «благодаря банкротству Мамонтова», лишило крестьян этого заработка», и чтобы платить подати и мирские повинности, им «приходится продавать последнюю скотину» [52. С. 119]. «Заводом жили» целые волости, Братская и Мамырская, заводская работа «отбила многих от земледелия, заставила почти забросить его. И теперь пришла пора платить за грехи Мамонтова... Это лишний раз показывает, что спекулятивное насаждение промышленности в таежной глуши дает результаты, совершенно не предусмотренные теориями, и часто равносильно простой мене кукушки на ястреба» [52. С. 120].

Отдельным видом сибирского промышленного ландшафта в литературе предстают приисковые ландшафты. Рассмотрим описание ландшафта Вознесенского прииска частных золотых промыслов Олекминского округа Якутской области в статье «Олекминская Калифорния: (Из путешествия на Олекминские прииски)», подписанной Г-в Н. и опубликованной в «Литературном сборнике» Н.М. Ядринцева в 1885 г. Как и другие рукотворные ландшафты, он тоже вписан в естественно сформированный природный ландшафт – горно-таежный с вмещенным в него водным.

Выйдя с парохода, на палубе которого повествователь любовался прекрасными пейзажами, он узнает от сопровождающего, что дальнейший путь к прииску может быть совершен только через подъем на гору верхом на лошади «по... тропе, проложенной, где пришлось, где представлялась малейшая возможность движению лошади, с постоянными переправами через горные речонки... сильно бушевавшие». Между тем повествователь поражен красотой окружающего соснового бора, чистым воздухом, величием «бесконечной вершины» Яблонового хребта: «Вид грандиозный... сердце бьется сильно, сильно; стоишь как будто на самой высшей точке, как будто царишь над всем окружающим» [53. С. 284, 285].

Однако спуск с горы, у подножия которой и расположен прииск, отмечен другими деталями: опасность, духота, жажда («вокруг ни капли воды, одни лишь каменистые горы»), гнус, мучающий и людей и лошадей, незаметная смена горной тропы «обветшалой гатью, брошенной по болоту». Здесь

легко прочитывается как бы перевернутый путь Данте, спускающегося, как известно, сначала к адскому дну, а потом поднимающегося по горе к Чистилищу и райским высотам. Повествователь «Олекминской Калифорнии» сначала поднимается в гору, в прекрасную высоту, чтобы спуститься в адское дно, где первыми, кого он увидел, были беглые с прииска, не выдержавшие тягот приисковой жизни (бежали они, впрочем, на другой, точно такой же, как покинутый, прииск, так как больше бежать было некуда, и потому беглых даже никто не ловил). Первыми объектами материального мира, встреченными путешественником под горой, были заброшенные «промытые» прииски «с чернеющими остатками полуразвалившихся построек».

Мотивы замкнутого пространства дна, из которого нет дороги назад, разрушения становятся основными маркерами в описании приискового ландшафта, который строится на контрасте с природным, предваряющим описание прииска. На приеме контраста строится все дальнейшее повествование: территория прииска очень богата золотом, в том числе и рассыпным, новые раскопки открывают все новое и новое золото. Дело его владельцев братьев Трапезниковых известно по всей России как «обставленное в материальном отношении» лучше всех других приисков. Вознесенский дал рабочие места в таёжно-горной сибирской глуши большому по тем временам количеству людей. Только в разрезе, где разрабатывают пески, до семисот рабочих разных национальностей, от русских и тунгусов до черкесов и белорусов. Но их трудовой процесс изображается как вечное наказание сменой шума и тишины. В разрезе слышатся «крики рабочих, громко отдаваемые приказания служащих, шум воды, грохот быстро вертящегося барабана, стук колес и копыт о помост машины» [53. С. 291] – все эти звуки, издаваемые человеком, машинами, животными, водой, описываются как «общий гул», многоголосый и несмолкаемый. Съемка золота, производимая в присутствии станкового пристава в тишине, останавливает и рабочих, и барабаны, и лошадиное ржание. Далее следует еще некоторое время тишины – наступает процесс «насыщения тощих, голодных желудков», после которого – резкий удар колокола, заводящий механизмы машин, таратаек, рабочих, которые сами называют свой труд «вольной каторгой».

Приисковый и ссыльно-каторжный ландшафты пересекаются в описании не только условий труда (многие каторжные работали именно на приисках), но и жилища, еды, одежды, досуга и отдыха. Жилые помещения на приисках и каторге отличаются своим временным характером, не обладая «необходимыми качествами каждого дома: теплом и сухостью», чем, кстати, они отличаются от временных урас, юрт и т.д. беднейшего населения Сибири – инородцев. Казармы рабочих напоминают повествователю грязные и старые конюшни, их еда называется им «незатейливой бурдой», и это в богатейшем на свете месте, где ежедневно намывается «около пуда» золота. Так в приисковый ландшафт входит еще один маркер – социальноэкономические взаимоотношения рабочих и хозяев прииска, живущих в городах «магнатами».

Кроме того, заброшенный в самую глушь, закрытый по типу пространства приисковый ландшафт маркируется повествователем страстями, целями и интересами пребывающих в нем: и ежедневный, монотонный, тяжелый физический труд, и внутренняя жизнь этих людей подчинены добыче золота. Но к вырученным за него деньгам, считаемым «чуть ли не рычагом, способным перевернуть весь мир», приисковые относятся крайне «легко», по собственной воле отдавая им власть над собой, а те подчиняют себе и рабочих, и их хозяев, погружая их в промежутках, не занятых изнурительной работой, в «пьянство, карты и разврат» [53. С. 296]¹.

Как видим, приисковый ландшафт тоже маркируется образом границы, в отношении к нему речь идет о границе между жизнью и смертью, во многом связанной с границей свободы и несвободы человека, что наряду с выше уже отмеченными маркерами сближает данный ландшафт с ссыльно-каторжным и переселенческим ландшафтами. Поскольку о последних нам уже приходилось писать подробно (см.: [55, 44]), обобщим их типологические характеристики.

Неся на себе общие черты многослойности и дискретности сибирского трансграничья, общие акценты в изображении их физического субстрата, интеракций и действий, системы регулирования, применяемой в них государственными институтами, они, с одной стороны, противопоставляются авторами по типу пространства (закрытое и открытое), а с другой – сближаются по вектору движения в них человека. Оно осуществляется, как в аду, по кругу и вольными, и «невольными переселенцами» (так называли ссыльных и каторжан). Как уже было отмечено выше, адское дно напоминает собой и приисковый ландшафт. В этом смысле границы между названными тремя видами ландшафта размыты. Пространство в них, вмещенных в безграничный, беспредельный естественно сформированный ландшафт Сибири, сужается. В огромной Сибири вольные переселенцы, как и приисковые рабочие, не могут найти себе места для счастливой жизни, за которой они отправлялись в Сибирь, невольные закованы в кандалы. Обитатели данных ландшафтов живут в тесных казармах, бараках, находятся под надзором. Здесь теряется счет времени.

Однако и в данных ландшафтах возможны восхождения к горным истинам, к самосовершенствованию, душевному и духовному просветлению. Так, каторжный ландшафт превращается в духовный, а вся Сибирь в сакральный для сосланных декабристов и их жен (см., например, «Записки декабриста А.Е. Розена, «Записки» Николая Васильевича Басаргина, «Записки» Михаила Александровича Бестужева, «Дневник» В.К. Кюхельбекера). Пребывание на каторге, в ссылке воспринимается ими как инициация, посвящение в великие таинства, которые постигаются на грани жизни и смерти. Но это, скорее, исключение из общего правила, которое можно сформулировать Дантовой формулой: «Оставь надежду, сюда входящий». Большинству оказавшихся в адском дне за завесой тяжелого труда, безверия, безграмотности, бескультурья, при отсутствии семейных опор, не удается

¹ См. также «Рассказы о сибирских золотых приисках» П.И. Небольсина [54].

увидеть онтологической целостности пространства, что и объясняет неустойчивость и нежизнеспособность рассматриваемых видов ландшафта.

Обратимся к третьему типу сибирских социокультурных ландшафтов – ассоциативных¹, отличающихся как раз высокой степенью устойчивости и жизнеспособности, несмотря на то, что расцвет их связан с прошлым, иногда очень далеким. Всеми авторами, описывающими подобные ландшафты, используется в качестве основного маркер памяти – об истоках жизни человека на данной территории, о материальных объектах древней культуры, древних торговых путях, важнейших событиях и личностях, архаических нравах².

Ассоциативные ландшафты чаще всего являются вмещенными в инородческие. Например, целую главу посвящает их описанию А. Адрианов в «Путешествии на Алтай и за Саяны». Такие ландшафты представлены повествователем как органичные сочетания нескольких видов естественно сформированных и рукотворных ландшафтов: скотоводческих пастбищ кочевых народов Алтая, речных долин, скатов гор и могильных насыпей, изваяний (баб), изображений и надписей на скалах и камнях. Маркерами этого ландшафта у Адрианова выступают разнообразие и обилие материальных объектов, являющихся знаком того, что территории были обитаемы людьми с древних времен, их сохранность на протяжении длительного времени (столетий) и отношение к ним людей, изначально населявших территорию и прибывавших туда с разными целями (главным образом это были переселенцы из Центральной России, но были и ученые, путешественники, занимавшиеся изучением этих ландшафтов).

Описывая могильные насыпи, особенно их скопления, повествователь живо представляет себе «стычки и междоусобицы, вызванные передвижением народов», «кровопролитные войны», происходившие на этой территории, «туземное население этих областей в древнее время и надвигавшуюся» на них «массу народности, истребившей или поглотившей первую» [56. С. 386]. Другие картины рисуют в воображении повествователя встреченные им на территории проживания сойотов отдельно стоящие среди степи изваяния из гранита, привезенные сюда издалека. Подробнейшим образом описан обнаруженный Адриановым в степи у подошвы горы Бичикту-Кая каменный Чингис-Хан («кожѣ-таш»). В восприятии повествователя «это настоящая статуя, сделанная рельефом как спереди, так и сзади и врытая в землю по пояс. Она изображает коренастого мужчину с строгим почти свирепым выражением лица, что художник изобразил в отделке глаз и рта с опущенными вниз усами... Плоское, широкое, шарообразное лицо с выдавшимися скулами напоминает монгольский тип <...>. Голова покрыта надвинутой на лоб

¹ Отметим, что в литературе XIX в. нам не встретилось ни одного описания рукотворного рекреационного или заповедного ландшафта – его функции выполняет природный естественно сформированный ландшафт, где повествователи и герои многих сочинений находят полное душевное и физическое отдохновение, испытывая ощущение покоя и гармонии.

² При этом в литературе нам не встретились описания рукотворных мемориальных ландшафтов, также как усадебных и дворцово-парковых: для одних еще не пришло время создания, для создания других в Сибири не было социальных оснований.

шапкой, из-под которой позади торчит конец толстой и короткой, заплетенной косы. Руки... кожѡ-таш держат спереди сосуд с широким круглым брюшком, вытянутым внизу и вверх в виде цилиндров <...>. На широком поясе сделаны поперечные глубокие борозды как спереди, так и сзади. <...>. Материал, из которого было сделано изваяние, – серый гранит» [56. С. 395].

Адрианов описывает множество других изваяний, баб, рунических наскальных рисунков и надписей. Рассматривая самые недоступные из них, повествователь пытается и не может представить себе и описать читателям, как «усердный летописец» забрался на такую высоту, почему пренебрег другими, более удобными для надписей нижними частями скалы, но в его воображении встает образ «летописца», заглядывающего в будущее, желающего сохранить «свои повествования» и опасющегося за сохранность своей работы. Для расшифровки рисунков и надписей повествователь обратился к местному старейшему сойоту, который, однако, не смог передать их содержание, объясняя это тем, что не понимает «картины», «слишком давно видел и теперь позабыл» [56. С. 407].

Особое внимание обращается на памятники, разрушающиеся от времени или разрушаемые золотопромышленниками, «сметающими» их «с лица земли как помеху при разработке приисков» [56. С. 382], переселенцами, русскими купцами, производящими варварские раскопки, с целью найти золотые и серебряные изделия в могильных насыпях, в развалинах древних сибирских городов. Акцент повествователем делается на том, что никакой системы изучения и сохранения этих памятников древнейших культур не существует, и что их сохранность обеспечивается исключительно сойотами, носителями культурной традиции, для которых они представляются святыней, «предметом поклонения»¹. Местные жители не любят о них рассказывать и тем более показывать дорогу к ним, поскольку для них это «живая память». Все памятники, в разной степени, ими одухотворяются, в их силу твердо верят на протяжении столетий. Формы «почитания народом» этих памятников разнообразны и семиотически очень содержательны: они обкладываются «балаганом из хвороста» (обо), внутри устанавливаются треножки с плитой, где происходит жертвоприношение, внутри обо развешиваются ленточки, перед входом в него на палке с 13 деревянными шпильями насаживаются деревянные фигурки животных, статуи выбелены, усы, брови, глаза изваяний вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом, на их головы надеваются шапочки, на туловище рубахи и т.д.

По преданию, бытующему среди местных жителей, эти места считаются «колыбелью народа». Всякий сойот расскажет, например, о Чингис-Хане как великом человеке, создавшем их народ, научившем их ремеслам, земледелию. «В таком отношении инородцев к историческим памятникам, – считает повествователь, – заключается прочная гарантия за их целость» [56. С. 382]. Его собственная позиция сводится к тому, что в этих памятниках сокрыта «богатая жатва» для науки, это – завещание предков, а главное – «разгадка о давно минувшем времени» [56. С. 383]. Подобные модели описания ассоциативных

¹ Такие ландшафты можно определить и как сакральные и реликтовые.

ландшафтов Сибири как пространства уникального взаимодействия природы, человека, культуры и истории, в которых характер освоения территории имеет вторичное значение, а первичное – связь с историческими событиями, личностями, ментальность и идентичность, находим в публикациях И.П. Шангина конца 1810-х гг. в «Сибирском вестнике» [57, 58], В.В. Радлова [59] и др.

Выводы

Таким образом, попытка систематизации отраженных в литературе XIX в. социокультурных ландшафтов Сибири путем создания типологии показывает, что, как правило, образы сибирских социокультурных ландшафтов формировались описанием природных объектов или природной среды в целом, истории, социокультурных (включая этнокультурные, духовные и языковые) практик населения, систем регулирования межкультурного взаимодействия, а также авторским «символическим кодированием» нарратива. Чаще всего они представляют собой сложные сочетания нескольких видов или типов ландшафта, совокупность которых определяет их индивидуальность. Каждый тип и вид, выделенный нами с учетом трансграничности социокультурного ландшафта Сибири в целом, образует свои сетки маркеров, благодаря чему ландшафты идентифицируются с разных позиций и предстают, с одной стороны, неповторимыми, своеобразными, единичными, а с другой – территориальной системой, состоящей из разных взаимосвязанных типов и видов ландшафта и обеспечивающей устойчивость и жизнеспособность сибирского региона.

Кроме того, рассмотренный материал позволяет, как нам представляется, выстраивать типологию сибирских социокультурных ландшафтов и на иных основаниях, соответственно, возможно построение иных типологий. выявление иных видов ландшафта и не названных нами маркеров. Так, например, показательно выделение ландшафтов по их географическому положению¹, отражающее в том числе центрированность (собственно, дискретность) сибирского культурного ландшафта². В частности, российскими

¹ При этом отметим, что из рассмотренных нами текстов около четверти описывают длительные путешествия по Сибири, воспринимаемой как *целостный* социокультурный ландшафт, специфика которого транслируется сравнением с Центральной Россией и во многом определяется идеей активной коррекции государственными институтами таких его характеристик, как многослойность и дискретность, «русским фактором»: российскими законами, государственным административно-территориальным делением, последовательной христианизацией сибирских инородцев, переселенческим движением из Центральной России в Сибирь, вместе с которым в регион внедрялись русские традиции, нравы и обычаи, русская культура. Идея целостности отражена уже в названиях публикаций, принадлежащих перу российских авторов и не отличающихся особым разнообразием: «Путешествие по Сибири», «Записки и замечания о Сибири», «Письма из Сибири», «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири», «Заметки из Сибири» и т.д.

² В отличие от российского пространства, воспринимавшегося преимущественно как москвоцентричное, сибирский ландшафт представлялся в литературе XIX в. полицентричным и отнюдь не всегда градоцентричным. Заметим также, что в публикациях сибиряков практически отсутствуют термины «центр», «ближний», «дальний» по отношению

авторами (в том числе сибирскими), независимо от административного районирования, которое в Сибири на протяжении всего XIX в. находилось в стадии преобразований (менялись границы и статус той или иной территории, количество губерний, областей, их состав и т.д.), выделяются такие социокультурные ландшафты, которые условно можно назвать алтайским, енисейским, забайкальским, иркутским, якутским, тобольским, томским. Каждый из них привлекал к себе внимание авторов как самостоятельный, целостный, самобытный, что и транслировалось ими в их сочинениях¹.

Типология социокультурных ландшафтов возможна на основании авторской позиции, передаваемой в их отношении. В этом плане показательны уже многие заглавия публикаций: «Живописное путешествие», «В тайге и тундрах», «Страна изгнания», «По тюрьмам и этапам», «Ссылка и каторга в России», «Записки несчастного», «Заметки жителя того света», «В дальних краях», «На сибирском просторе», «Край будущего», «По пути к счастью», «В страну золота и печали», «В немшоновой стране». В этих заглавиях отражены практически все составляющие представления о Сибири, из которых в России XIX в. уже сложился миф о Сибири как стране ссылки и каторги,

к описываемой местности. Оппозиции *центр – периферия*, *ближнее – дальнее* были актуальны для путевой прозы авторов Центральной России. Отметим также, что систематизация внутренних сибирских социокультурных ландшафтов по критерию их площади не актуализировалась ни теми ни другими: все они, как и Сибирь в целом, воспринимались огромными, безграничными.

¹ В качестве примера приведем краткие характеристики некоторых из них, отметив, что это – большая тема для отдельного исследования. Так, Алтай представлен в публикации прежде всего «колыбелью человеческого рода, страной древнейших монархий и великого передвижения народов» [56. С. 149]. Большой интерес у писателей вызывал енисейский социокультурный ландшафт, в котором выделяются внутренние ландшафты: туруханский, красноярский, канский, ачинский, минусинский и др. Туруханский край представляется читателям как пространство с самыми суровыми условиями жизни, как место наказания государственных преступников и вместе с тем как земля сибирских «перволюдей», точнее, «первоплемён», как важнейший центр торговых отношений Сибири, источник золота для империи, что позволяет повествователю увидеть широкие перспективы развития территории (см., например, упомянутые выше путевые записки о Туруханском крае Н.А. Кострова, А.А. Мордвинова, С.Я. Елпатьевского и др.). Д.А. Клеменц в «Дневнике путешественника» создает минусинский ландшафт зарисовками своего общения с местными татарами, главным образом, по поводу их верований, роли шаманов и домашних идолов в противостоянии шайтанам, а также описанием природных памятников, в частности известных Красноярских пещер. Образ иркутского ландшафта создан в литературе XIX в. весьма многогранным, многослойным и вместе с тем, несмотря на постоянные административные трансформации Иркутской губернии, целостным. Давая панораму Восточной Сибири в своих «Очерках Сибири», Н.С. Щукин подчеркивает именно целостность иркутского ландшафта, по сути, отождествляя его с восточносибирским [39. С. 59]. Кроме того, иркутский природно-культурный ландшафт, как и тобольский и томский, представлен градоцентричным. Так, публикаций с описанием Иркутска в указателе «Русский травелог...» насчитывается более сотни, с описанием Тобольска – около 70, Томска – более 80, что позволяет выделить эту тему в отдельный предмет исследования.

изгнания, страданий, несчастья, смерти, а с другой стороны – кладовой природных богатств, земли обетованной, terra incognita для Центральной России¹.

Список источников

1. Региональные параметры имперской «географии власти»: (Сибирь и Дальний Восток) // Сибирская заимка. 19.05.2001. URL: <https://zaimka.ru/remnev-regional/>

2. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. Иркутск : ИГУ, 2003. С. 22–43.

¹ Например, в одном из ранних образцов путевой прозы о Сибири XIX в., «Отрывках из записок путешественника по Камчатке и Сибири» П.В. Добеля, последовательно даны «портреты» Камчатки, Якутской области, Иркутской, Тобольской и Томской губерний. Все эти местности представлены чуть ли не земным раем: повсюду «тучная зелень, луга, лесочки и множество озер», «пастбища столь богаты и обширны», якуты «добры и усердны», «гостеприимны, приветливы и веселы», их юрты просторны, «коровы, довольно рослые и красивые, дают много молока, которое якуты готовят различным образом» [60. № 3]. Землей обетованной представлен Иркутск с его окрестностями: «прекрасные леса», «вечнозеленые деревья», люди «самого низкого сословия... учтивы и гостеприимны», «прекрасные деревни, усадьбы, пожатые поля, копны сена, стоги хлеба, стада и проч.! <...> В сей прекрасной долине трудолюбие, мир и изобилие утвердили свое жилище» [60. № 5]. В заключении делается вывод о том, что, «самый холодный наблюдатель не может... не чувствовать важной пользы в раскрытии и удобрении естественного богатства сей земли, лежащего без употребления» [60. № 15]. В этом ряду – подобные «Отрывкам...» Добеля сочинения А.Е. Мартынова, П.А. Словцова, Е.А. Авдеевой, Л.А. Загоскина, В.П. Паршина, А. Павлова и др., в которых поднимаются вопросы почти риторического для авторов характера о роли Сибири в истории формирования Российской империи, политический, социально-экономический факторы снимаются идеей общего благоденствия в лоне богатейшей своими дарами природы. Вторую группу текстов о сибирском социокультурном ландшафте составляют сочинения, в описании которых, напротив, ключевую роль играют историко-политические, социально-экономические концепции (публикации П.И. Небольсина, воспоминания декабристов, очерки П.И. и В. Белоконских, А.А. Дриля, Н.В. Шелгунова, И. Мевеса, М.М. Сперанского, Н.Г. Гарина-Михайловского, П.А. Кропоткина, С.И. Турбина, К.М. Станюковича и др.). Здесь ставятся острейшие проблемы ссылки и каторги, переселенческого движения, управления огромной территорией, отставания Сибири, всех ее регионов, в экономическом и социальном развитии. Отдельный интерес в аспекте отражения авторской позиции представляют сочинения областников. Так, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев ряд своих публикаций посвятили Алтаю. Анализируя путевую прозу об Алтае Потанина, Г.Г. Кравченко справедливо отмечает: «...и природа... Алтай, и населявшие край люди, которые сохранили во многом патриархальный уклад жизни, очаровали Потанина» [61. С. 44]. В отношении сочинений Ядринцева об Алтае Т.П. Шастина указывает, что «Горный Алтай воображается в очерках Н.М. Ядринцева... и лиминальным пространством, и пространством мифогенным – сказочно богатой и сказочно прекрасной страной, в пределах которой возможны самые неожиданные встречи и культурные смещения» [62. С. 81]. Кроме того, эти и другие ученые справедливо подчеркивают контекст областнической идеологии, в котором создавался образ Алтая как социокультурного ландшафта Потаниным и Ядринцевым. С этим связан акцент в их публикациях на политико-географической, социально-экономической, историко-политической тематике, рассматриваемой сквозь призму сепаратизма и регионализма. Данная типология также может стать предметом отдельного исследования.

3. *Сибирь* в имперской географии власти XIX – начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов // Сибирская заимка. 17.04.2013 (<https://zaimka.ru/remnev-siberia/>).
4. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
5. Родигина Н.Н., Худяков В.Н. «Воображая Сибирь»: А.В. Ремнёв о ментальном картографировании Сибири XIX в. // Вестник Омского университета. 2012. № 2 (64). С. 27–32.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
8. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство, 2002. 768 с.
9. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. 479 с.
10. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Языки славянской культуры, 2006. 488 с.
11. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с.
12. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. 512 с.
13. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М. : Институт Наследия, 2008. 759 с.
14. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М. ; СПб. : Дмитрий буланин, 1997. 224 с.
15. Абашиев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
16. Культурный ландшафт как объект наследия / отв. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М. ; СПб. : : Дмитрий буланин, 2004. 620 с.
17. Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т.М. Красовской. М. : Геофак МГУ, 2009. 270 с.
18. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М. : Институт Наследия, 2010. 330 с.
19. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М. : Росийский НИИ природного и культурного наследия, 1998. 210 с.
20. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М. : Архитектура-С, 2008. 320 с.
21. Кулешова М.Е. Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований // В фокусе наследия : сб. ст. М., 2017. С. 163–192.
22. Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия : сб. ст. М., 2017. С. 313–329.
23. Воробьева Е.А. Культурный ландшафт как фактор бытийности культуры (на примере этнической картины мира Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 22 с.
24. Скуднева М.В. Культурный ландшафт исторического города Сибири : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. 26 с.
25. Культурные ландшафты городов Сибири: (Аксиология, история, практики). Материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России». Москва ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. 444 с.
26. Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации : сб. науч. тр. / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. Москва ; Омск : Институт Наследия, 2021. 170 с.

27. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.

28. *Пространства* и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, В.С. Воробьева, И.Ф. Гнусова, Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак, О.В. Зайцева, К.А. Конев, Д.Н. Шевелев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. 280 с.

29. Мельникова С.В. Путевая проза сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. как явление региональной словесности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 43 с.

30. Мельникова С.В. Мемуары сибирского православного духовенства XIX – начала XX века: судьбы, тексты, стили. Иркутск : Иркут. обл. гос. универс. б-ка, 2023. 239 с.

31. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

32. *Русский* травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской ; сост. А.А. Богодерева, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов Н.В. Константинова, В.В. Мароши, Т.И. Печерская, А.А. Пономарева, О.С. Рощина О.А. Фарафонова. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 832 с.

33. *Руководство* по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия / пер. с англ. М. : Институт Наследия, 2023. 444 с. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/05/rukovodstvo-po-vypolneniyu-konvenczii-ob-ohrane-vsemirnogo-naslediya.pdf>

34. Краснов П.Н. По Азии: (Путевые очерки: Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии). СПб. : Изд. при пособии Воен. м-ва, 1903. 616 с.

35. Носилов К.Д. Два дня в полярной тундре: (Из дневника путешествия по полуострову Ямалу) // Носилов К.Д. На Новой Земле: Очерки и наброски. СПб., 1903. С. 244–274.

36. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: (Из путевого дневника). СПб., 1901. 50 с.

37. Костров Н.А. Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1857. № 4. С. 61–111, 115–175.

38. Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (из дорожных записок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1865. Кн. 8, отд. 2. С. 1–76.

39. Щукин Н.С. Очерки Сибири // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1847. Т. 69, № 273. С. 56–79.

40. Ушаров Н.В. На Байкале: (Из путевых записок по Восточной Сибири) // Морской сборник. 1865. Т. 78, № 6. С. 249–280.

41. Крузе. Путевые записки от Иркутска до Вилюйска в 1832 г. [пер. с нем. из «Dorpatser Jahrbucher», 1833] // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 11, № 1. С. 45–74.

42. Бакшевич Н.А. Описание реки Иркуты от Тунки до впадения в Ангару // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. СПб., 1856. Отд. 1. С. 1–52.

43. Басов М.А. Путевые заметки по Алтаю // Томские губернские ведомости. 1869. № 4. 24 янв.

44. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-т, 2009. 263 с.

45. Абрамов Ив., Пекарский Эд. На краю Сибири: (Поездка к тунгусам) // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 119–135.

46. Алексеев П.С. Как, бывало, езжали: (Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу) // Русский вестник. 1899. Т. 263, № 10. С. 593–617.

47. Адрианов А.В. Сибирские негативы: (Из дорожных впечатлений) // Сибирские вопросы. СПб., 1908.
48. Алексеев П.С. По сибирским рекам: (Выдержки из путевого журнала) I. Плавание по Лене // Русский вестник. 1890. Т. 265, № 1. С. 225–248.
49. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174–188.
50. Суровикин В.А. От Острогосжа до Тобольска: (Путевые впечатления: Из писем к Л.М. Савельеву). М., 1905. 32 с.
51. Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири // Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 1–91.
52. По Сибири: (От Братска до Иркутска Ангараю) // Сибирский сборник. 1901. № 1. С. 117–141. [Прил. газ. «Вост. Обзорение»].
53. Олекминская Калифорния: (Из путешествия на Олекминские прииски) // Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 281–304.
54. Небольсин П.И. Рассказы о сибирских золотых приисках // Отечественные записки. 1847. Т. 52. № 6. С. 151–162; Т. 53. № 7. С. 14–32, № 8. С. 117–138; Т. 54. № 9. С. 21–41, № 10. С. 114–134; Т. 55. № 11. С. 1–21, № 21. С. 97–123; 1848. Т. 56. № 1. С. 1–36, № 2. С. 129–170.
55. Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160.
56. Адрианов А. Путешествие на Алтай и за Саяны. СПб., 1886. 423 с.
57. Шангин И.П. Развалины Татагая. [Спасский Г.И. О древних развалинах в Сибири] // Сибирский вестник. 1818. Ч. 3. С. 85–94
58. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9, кн. 1. С. 1–40; Кн. 3. С. 71–88; Ч. 11, кн. 7. С. 89–112.
59. Радлов В.В. Сибирские древности: (Из путевых записок по Сибири). [пер. с нем. и предисл. гр. А.А. Бобринского]. СПб., 1896. 70 с.
60. Добель П.В. Отрывки из записок путешественника по Камчатке и Сибири // Сын отечества. 1816. URL: <https://www.yakutskhistory.net/>
61. Кравченко Г.Г. Г.Н. Потанин и Алтай: хроника и итоги пребывания // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 44–48.
62. Шастина Т.П. Горный Алтай в публицистике Н.М. Ядринцева // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 74–82.

References

1. Sibirskaya zaimka. (2001) *Regional'nye parametry imperskoy "geografii vlasti": (Sibir' i Dal'niy Vostok)* [Regional Parameters of the Imperial "Geography of Power": (Siberia and the Far East)]. 19.05.2001. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/remnev-regional/>
2. Anon. (2003) *Geograficheskie, administrativnye i mental'nye granitsy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Geographical, Administrative, and Mental Borders of Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. *Administrativnoe i gosudarstvenno-pravovoe razvitie Sibiri XVII–XXI vv.* [Administrative and State-Legal Development of Siberia in the 17th–21st Centuries]. Seminar Proceedings. Irkutsk: ISU. pp. 22–43. (In Russian).
3. Sibirskaya zaimka. (2013) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.: v poiskakh novykh teoreticheskikh podkhodov* [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries: In Search of New Theoretical Approaches]. 17.04.2013. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/remnev-siberia/>
4. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoricheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historical Practice]. Moscow: Krug".

5. Rodigina, N.N. & Khudyakov, V.N. (2012) "Voobrazhaya Sibir": A.V. Remnev o mental'nom kartografirovanii Sibiri XIX v. ["Imagining Siberia": A.V. Remnev on the mental mapping of Siberia in the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2 (64). pp. 27–32.
6. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Esthetics]. Moscow: Khudozh. lit.
7. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
8. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Iskusstvo.
9. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra.
10. Zamyatin, D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling Geographical Images]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Zamyatin, D.N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Zamyatin, D.N. (2004) *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: Space of Images and Images of Space]. Moscow: Agraf.
13. Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu. & Mitin, I.I. (2008) *Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoy territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podkhody* [Modeling Images of a Historical and Cultural Territory: Methodological and Theoretical Approaches]. Moscow: Heritage Institute.
14. Vedenin, Yu.A. (1997) *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the Geography of Art]. Moscow; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
15. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst: Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text: Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm: Perm State University.
16. Vedenin, Yu.A. & Kuleshova, M.E. (eds) (2004) *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Site]. Moscow; St. Petersburg: Dmitriy bulanin.
17. Krasovskaya, T.M. (ed.) (2009) *Kul'turnye landshafty Rossii i ustoychivoe razvitiye: Chetvertyy vypusk trudov seminara "Kul'turnyy landshaft"* [Cultural Landscapes of Russia and Sustainable Development: The Fourth Issue of the Seminar "Cultural Landscape"]. Moscow: Faculty of Geography, Moscow State University.
18. Lavrenova, O.A. (2010) *Prostranstva i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. Moscow: Heritage Institute.
19. Turovskiy, R.F. (1998) *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow: Russian Research Institute of Natural and Cultural Heritage.
20. Kalutskov, V.N. (2008) *Landschaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Arkhitektura-S.
21. Kuleshova, M.E. (2017) Pamyati dvukh desyatiletiy kul'turno-landshaftnykh issledovaniy [In Memory of Two Decades of Cultural and Landscape Research]. In: *V fokuse naslediya: sb. st.* [In Focus of Heritage: Collection of Articles]. Moscow. pp. 163–192.
22. Kuleshova, M.E. & Streletskiy, V.N. (2017) Formirovanie i evolyutsiya predstavleniy o kul'turnom landshafte [Formation and Evolution of Ideas about the Cultural Landscape]. In: *V fokuse naslediya: sb. st.* [In Focus of Heritage: Collection of Articles]. Moscow. pp. 313–329.
23. Vorob'eva, E.A. (2007) *Kul'turnyy landschaft kak faktor bytiynosti kul'tury (na primere etnicheskoy kartiny mira Vostochnogo Zabaykal'ya)* [Cultural landscape as a factor of cultural existence (on the example of the ethnic picture of the world of Eastern Zabaykalye)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
24. Skudneva, M.V. (2005) *Kul'turnyy landschaft istoricheskogo goroda Sibiri* [Cultural landscape of a Siberian historical city]. Abstract of Architecture Cand. Diss. Novosibirsk.

25. Siberian Branch of the Heritage Institute. (2020) *Kul'turnye landshafty gorodov Sibiri: (Aksiologiya, istoriya, praktiki). Materialy X Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma "Problemy kul'tury gorodov Rossii"* [Cultural landscapes of Siberian cities: (Axiology, history, practices). Proceedings of the X All-Russian scientific symposium "Problems of Culture of Russian Cities"]. Moscow; Omsk: Siberian Branch of the Heritage Institute.
26. Alisov, D.A. & Selezneva, I.A. (eds) (2021) *Kul'turnye landshafty postsovetskogo goroda: osobennosti formirovaniya i transformatsii: sb. nauch. tr.* [Cultural landscapes of a post-Soviet city: features of formation and transformation: collection of scientific papers]. Moscow; Omsk: Heritage Institute.
27. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
28. Ayzikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstva i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Spaces and texts: a model for studying the sociocultural landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Mel'nikova, S.V. (2024) *Putevaya proza sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva XIX – nachala XX v. kak yavlenie regional'noy slovesnosti* [Travel Prose of the Siberian Orthodox Clergy of the 19th – Early 20th Centuries as a Phenomenon of Regional Literature]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
30. Mel'nikova, S.V. (2023) *Memuary sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva XIX – nachala XX veka: sud'by, teksty, stili* [Memoirs of the Siberian Orthodox Clergy of the 19th – Early 20th Centuries: Fates, Texts, Styles]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. univers. b-ka.
31. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg.
32. Pecherskayay, T.I. (ed.) (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* [Russian Travelogue of the 18th – Early 20th Centuries: Annotated Index]. Novosibirsk: Nemo Press.
33. Heritage Institute. (2023) *Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vsemirnogo naslediya* [Guidelines for the implementation of the World Heritage Convention]. Translated from English. Moscow: Heritage Institute. [Online] Available from: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/05/rukovodstvo-po-vypolneniyu-konvenczii-ob-okhrane-vsemirnogo-naslediya.pdf>
34. Krasnov, P.N. (1903) *Po Azii: (Putevye ocherki: Man'chzhurii, Dal'nego Vostoka, Kitaya, Yaponii i Indii)* [Across Asia: (Travel essays: Manchuria, the Far East, China, Japan and India)]. St. Petersburg: Izd. pri posobii Voen. m-va.
35. Nosilov, K.D. (1903) *Dva dnya v polyarnoy tundre: (Iz dnevnika puteshestviya po poluostrovu Yamalu)* [Two days in the polar tundra: (From a travel diary on the Yamal Peninsula)]. In: Nosilov, K.D. *Na Novoy Zemle: Ocherki i nabroski* [On Novaya Zemlya: Essays and sketches]. St. Petersburg. pp. 244–274.
36. Galkin-Vraskoy, M.N. (1901) *Poezdka v Sibir' i na ostrov Sakhalin v 1881–1882 gg.: (Iz putevogo dnevnika)* [Trip to Siberia and Sakhalin Island in 1881–1882: (From a travel diary)]. St. Petersburg.
37. Kostrov, N.A. (1857) *Ocherki Turukhanskogo kraja* [Essays on the Turukhansk region]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4. pp. 61–111, 115–175.
38. Skorogovorov, I. (1865) *Opisanie Eniseyskoy gubernii (iz dorozhnykh zapisok o Vostochnoy Sibiri)* [Description of the Yenisei province (from travel notes about Eastern Siberia)]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8 (2). pp. 1–76.
39. Shchukin, N.S. (1847) *Ocherki Sibiri* [Essays on Siberia]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedeniy*. 69 (273). pp. 56–79.

40. Usharov, N.V. (1865) Na Baykale: (Iz putevykh zapisok po Vostochnoy Sibiri) [On Baikal: (From travel notes on Eastern Siberia)]. *Morskoy sbornik*. 78 (6). pp. 249–280.
41. Kruse. (1834) Putevye zapiski ot Irkutsk do Vilyuyska v 1832 g. [Travel notes from Irkutsk to Vilyuisk in 1832]. Translated from German. Source: “Dorpat Jahrbucher”, 1833. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 11 (1). pp. 45–74.
42. Bakshevich, N.A. (1856) Opisanie reki Irkuta ot Tunki do vpadeniya v Angaru [Description of the Irkut River from the Tunka to its Confluence with the Angara]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1. pp. 1–52.
43. Basov, M.A. (1869) Putevye zametki po Altayu [Travel Notes on Altai]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 4. 24 Jan.
44. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The Theme of Migration to Siberia in the Literature of the Center and Siberian Region of Russia in the 1860s–1890s: The Problem of Dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
45. Abramov, I. & Pekarskiy, Ed. (1908) Na krayu Sibiri: (Poezdka k tungusam) [On the Edge of Siberia: (A Trip to the Tungus)]. *Sibirskie voprosy*. 49–52. pp. 119–135.
46. Alekseev, P.S. (1899) Kak, byvalo, ezzhali: (Vospominaniya o proезде zimoyu iz Moskvy v Chitu) [How They Used to Travel: (Memories of a Winter Journey from Moscow to Chita)]. *Russkiy vestnik*. 263 (10). pp. 593–617.
47. Adrianov, A.V. (1908) Sibirskie negativy: (Iz dorozhnykh vpechatleniy) [Siberian Negatives: (From Travel Impressions)]. *Sibirskie voprosy*. St. Petersburg.
48. Alekseev, P.S. (1890) Po sibirskim rekam: (Vyderzhki iz putevogo zhurnala) I. Plavanie po Lene [Along Siberian Rivers: (Excerpts from a Travel Journal) I. Sailing along the Lena]. *Russkiy vestnik*. 265 (1). pp. 225–248.
49. Ayzikova, I.A. (2020) The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov's Essays. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 174–188. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/9
50. Surovikin, V.A. (1905) *Ot Ostrogozhsk do Tobol'ska: (Putevye vpechatleniya: Iz pisem k L.M. Savel'evu)* [From Ostrogozhsk to Tobolsk: (Travel Impressions: From Letters to L.M. Savelyev)]. Moscow.
51. Avdeeva, E.A. (1837) Zapiski i zamechaniya o Sibiri [Notes and Remarks on Siberia]. In: Avdeeva, E.A. *Zapiski i zamechaniya o Sibiri* [Notes and Remarks on Siberia]. Moscow. pp. 1–91.
52. *Sibirskiy sbornik*. (1901) Po Sibiri: (Ot Bratska do Irkutsk Angaroyu) [Across Siberia: (From Bratsk to Irkutsk along the Angara)]. 1. pp. 117–141. [Supplement to the Vostochnoe Obozrenie newspaper].
53. N. G-v. Olekminskaya Kaliforniya: (Iz puteshestviya na Olekminskie priiski) [Olekminsk California: (From a trip to the Olekminsky gold mines)]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnyy sbornik. Sobranie nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i aziatskom Vostoke* [Literary collection. Collection of scientific and literary articles about Siberia and the Asian East]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova. pp. 281–304.
54. Nebol'sin, P.I. (1847–1848) Rasskazy o sibirskikh zolotykh priiskakh [Stories about Siberian gold mines]. *Otechestvennyye zapiski*. 1847: Vol. 52 (6). pp. 151–162; Vol. 53 (7). pp. 14–32, (8). pp. 117–138; Vol. 54 (9). pp. 21–41, (10). pp. 114–134; Vol. 55 (11). pp. 1–21, (21). pp. 97–123; 1848: Vol. 56 (1). pp. 1–36, (2). pp. 129–170.
55. Ayzikova, I.A. (2023) Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 133–160. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/7
56. Adrianov, A. (1886) *Puteshestvie na Altay i za Sayany* [Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains]. St. Petersburg.

57. Shangin, I.P. (1818) Razvaliny Tatagaya. [Spasskiy, G.I. O drevnikh razvalinakh v Sibiri] [Ruins of Tatagay. [Spassky G.I. On ancient ruins in Siberia]]. *Sibirskiy vestnik*. 3. pp. 85–94.

58. *Sibirskiy vestnik*. (1820) Izvlechenie iz opisaniya ekspeditsii, byvshey v Kirgizskuyu step' v 1816 g. [Extract from the description of the expeditions that took place in the Kirghiz steppe in 1816.]. 9 (1). pp. 1–40; (3). pp. 71–88; 11 (7). pp. 89–112.

59. Radlov, V.V. (1896) *Sibirskie drevnosti: (Iz putevykh zapisok po Sibiri)* [Siberian antiquities: (From travel notes on Siberia)]. Translated from German by Count A.A. Bobrinsky. St. Petersburg.

60. Dobel', P.V. (1816) Otryvki iz zapisok puteshestvennika po Kamchatke i Sibiri [Excerpts from the notes of a traveler in Kamchatka and Siberia]. *Syn otechestva*. [Online] Available from: <https://www.yakutskhistory.net/>

61. Kravchenko, G.G. (2011) G.N. Potanin and Altai: Chronicle and Results of the Stay. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 44–48.

62. Shastina, T.P. (2013) Gornyy Altay v publitsistike N.M. Yadrintseva [Gorny Altai in the journalism of N.M. Yadrintsev]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 74–82.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/91/9

Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 2. Поиск выхода из гносеологического кризиса: экология, этология, эсхатология

Екатерина Дмитриевна Буханова^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия*
^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Аннотация. Статья является второй в серии из двух публикаций, посвящённых поэтике повести-путешествия А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971–1975). Дифференциация способов авторского присутствия в повести (герой-профан, рефлексирующий нарратор, всезнающий писатель-творец) рассматривается как приём изображения эволюции сознания героя-странника. Анализируются представленные Битовым сценарии преодоления гносеологического кризиса современного человека: экологический, этологический, эсхатологический.

Ключевые слова: А.Г. Битов, «Птицы, или Оглашение человека», гносеологический кризис, экология, этология, эсхатология

Для цитирования: Буханова Е.Д. Сюжет путешествия в повести А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Статья 2. Поиск выхода из гносеологического кризиса: экология, этология, эсхатология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 176–197. doi: 10.17223/19986645/91/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/91/9

The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article Two. Finding a way out of the epistemological crisis: Ecology, ethology, eschatology

Ekaterina D. Buhanova^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

^{1,2} *Ekaterinabuhh@mail.ru*

Abstract. This article is the last of two publications devoted to the poetics of Andrei Bitov's travel story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975) – the first part of the tetralogy novel *The Catechumens* (1970–2018). The aim of the article is to

analyze ecological, ethological, and eschatological scenarios for overcoming the epistemological crisis a modern person experiences that are presented in the story. The main research methods employed were semiotic, narratological, intertextual, and cultural. The differentiation of the ways of the author's presence (the profane hero, the reflective narrator, and the omniscient writer-creator) is considered as a method of depicting the evolution of lyrical consciousness. In the methods chosen by Bitov to determine the position of a person in being, the perception of Nikolay Zabolotsky's ideas is found. It turns out that the condition for the subject's ontological orientation is his involvement in a large Dialogue with the world. The Dialogue indicates the expansion of the epistemological horizon, the advent of the era of communicative rationality. The resulting chord of the journey is interpreted as an experience of connecting the cyclic ethological (the awakening of a primitive, animal thirst for life in a post-industrial man) and linear Christian (the final kenotic self-belittling of the hero as a "servant of God", praying to Him for mercy) pictures of the world to represent the consciousness of the modern person – liberating, learning to trust the being. It is concluded that, according to Bitov, the main achievement of the hero-wanderer is the comprehension, acceptance of the sovereign nature of the Other, and the ability of people to learn from the being is determined by the living Logos, which is present in the ontology and orients them in the world. It is shown that ecology inscribes man into the landscape, ethology into the continuity of the living organic world, and eschatology into the paradigm of symmetrical existence, which has a beginning and an end. In the post-anthropocentric context of the story, the true difference between a person and an animal is the ability to elevate an empirical fact to an existential metaphor, to experience an event of external reality as co-existence. As a result, a compromise is achievable between the anthropic principle, according to which the cosmogonic program of the Universe from the very beginning assumed the appearance of a human contemplator in the world, and a post-anthropocentric view of man as part of a system – biological, existential, ontological.

Keywords: Andrei Bitov, *Birds, or The Catechesis of Man*, epistemological crisis, ecology, ethology, eschatology

For citation: Buhanova, E.D. (2024) The plot of the journey in Andrei Bitov's story *Birds, or The Catechesis of Man* (1971, 1975). Article Two. Finding a way out of the epistemological crisis: Ecology, ethology, eschatology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 176–197. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/9

Статья является второй в серии из двух публикаций, посвящённых поэтике повести-путешествия А.Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975) – первой части «романа-странствия» «Оглашенные» (1970–2018). Предмет исследования – сюжет эпистемологических поисков автобиографического героя-рассказчика, писателя и путешественника, приезжающего на орнитологическую станцию на Куршской косе к своему другому учёному доктору Д.

В основе сюжета повести – повторяющееся бегство. С одной стороны, рассказчик-путешественник ищет спасения от социополитического кризиса. По мнению С.С. Ильина, в 1970-е гг. в русской культуре началось «“странствие духа”, разрыв с действительностью», события «1968 г. <...> во многом определили эскапизм в действительности и <...> как тему художественного творчества» [1. С. 63]. С другой стороны, цель поездки – преодоление

экзистенциальной тревоги, поиск выхода из ментального тупика. Странничество битовского героя связано со стремлением найти духовное убежище – такое место, где посильным стало бы остро переживаемое им бытийное одиночество.

Герой-путешественник берёт на себя бремя «вечных вопросов»: ищет гармонию в отношениях как с самим собой (стремится примирить заложенные в природе человека антиномии плоти и духа, физики и метафизики, бытового и бытийного), так и с миром (пытается оправдать жизнь человека, чья склонность к разрушению собственного природного дома порождает вопрос об уместности его присутствия во Вселенной). Поездка к *птицам* становится для автобиографического рассказчика натурфилософской инициацией, пробуждает чистую и свободную интеллектуальную интуицию, интегрирует его сознание в безраздельность физического и метафизического миров – и помогает в преодолении гносеологического кризиса, вызванного драматическим осознанием недостижимости истины, конечности мира.

В повести Битова проблематика духовного ученичества связана с семантикой *оглашения* (катехизации), вынесенной в заглавие (и повести и романа в целом). Раннехристианские памятники свидетельствуют о том, что желающий принять христианство неофит должен был пройти под руководством наставника подготовку, предполагавшую восприятие «учения о двух путях <...> о пути жизни (спасения) и о пути, ведущем к духовной смерти» [2. Т. LII. С. 380]. Во время богослужений оглашенные должны были покидать собрание по завершении «литургии оглашенных», перед началом «литургии верных» [3. С. 242]. Самоидентификация героя как «оглашенного» является гранью выбранной им роли «ученика», «профана», болезненно переживающего собственное духовное несовершенство и стремящегося к абсолюту истины.

Взаимосвязь интра- и экстрадигетического уровней авторского присутствия [4. С. 123] определяет фабульную и сюжетную выстроенность эпизодов и сцен. Воплощающая сюжетную линию гносеологической эволюции нарративная дифференциация образа героя реализуется на метауровне повествования, выражающем авторскую позицию.

Во-первых, «внутри» события путешествия изображаются прогулки и беседы персонажа с доктором Д., общение с другими орнитологами и с птицами. Это эмпирика повседневности, в которой герой предстаёт в роли «профана»-новичка, обывателя, «студента», для которого странствие открывает перспективу творческого и мировоззренческого роста. Сюжеты встреч и разговоров с другими персонажами – экспликация разветвления сознания героя, пытающегося преодолеть ментальный разлад. Как показывает Битов, внутреннее противоречие героя-путешественника вызвано общечеловеческими переживаниями, связанными с необходимостью сопрягать антиномию, существовать на границе жизни и смерти, духа и материи и непрестанно делать выбор.

Во-вторых, линейное повествование о «перипатетических» прогулках с доктором перемежается анахроническими пассажами натурфилософских

(экологических, этологических и эсхатологических) отступлений нарратора, сформулированных им уже в момент создания повести и раскрывающих его творческий, созидательный потенциал. Кроме того, в фабульных ситуациях медитаций героя наедине с природой Косы обнаруживается его способность к деятельному созерцанию, напряжённой интеллектуальной рефлексии.

В-третьих, целью поездки героя-писателя на биостанцию является не только путешествие-побег, но и создание текста о нем. С одной стороны, в фабульном пространстве сюжет письма организован коллизиями поиска вдохновения. С другой стороны, «событие рассказывания» [4. С. 128] организует рамочную историю создания повести: близкий автору «всеведущий» повествователь пишет текст о путешествии на Куршскую косу, уже находясь в Крыму [5. С. 55] и Москве.

Многослойность повествования и многомерность образа героя позволяют поставить вопрос о подвижности его мировосприятия и о связи сюжета странствия в «Птицах» с проблемой познания (ограниченности любых устоявшихся взглядов на мир и человеческого знания вообще). Представленная в повести 1970-х гг. версия интерпретации реальности сопоставляет геополитику и философию, экологию и этологию, космологию и метафизику, сакральное и профанное, антропоцентризм и постантропоцентризм. Сегодня это также важно для выявления лейтмотивов эклектического сознания современного человека – обитателя сетевого мира, призванного сопрягать трансцендентальный, обыденный и рациональный модусы бытия.

В связи с этим теоретической базой исследования является, с одной стороны, философия Ю.М. Лотмана, который описал изменение самоощущения субъекта в синергетическом пространстве («одиночество в толпе», создающее «видимость коллективного чувства, на самом деле – при очень большой отъединённости» [6. С. 278]) и предсказал возникновение в постиндустриальном обществе герменевтического разрыва, когда непосредственность социального контакта и доступность знания в действительности препятствуют пониманию людьми друг друга и окружающего мира. С другой стороны, в анализе повести мы опираемся на бахтинскую концепцию мира как всеобъемлющего «диалога» [7. С. 51]. Коллизии «сократических» диалогов героя-писателя с доктором Д. воплощают столкновение мировоззрений разных познающих субъектов – учёного и художника. Если в первой статье о повести «Птицы...» в центре нашего внимания был сюжет диалогов, которые рассказчик ведёт с доктором, то в настоящей статье внимание сфокусировано на навеянной этими беседами самостоятельной рефлексии героя.

Предметом рефлексии становятся следующие гносеологические вопросы:

1. Вдохновляясь общением с доктором Д., нарратор размышляет о подвижности эпистемологических парадигм в истории. Первое такое размышление героя – о спонтанных выходах отдельных «оригиналов» (любителей приключений), второе – о негромких подвигах настоящих «экологов» (любителей природы).

2. Герой транслирует выработавшийся у него благодаря жизни на биостанции объёмный взгляд на людей науки – орнитологов, экологов, *этологов*, биологов. Он осознает, что учёные способны на реальную здоровую деятельность на благо природы, но одновременно их скрупулёзная работа в отдельных случаях может казаться «игрой в бисер», а выводы – не имеющими той широты, которой обладает художественное мышление.

3. Воплощением антигуманистических мыслей рассказчика становится его *эсхатологическое* ночное видение, которое может быть интерпретировано и как дарованное ему свыше откровение, и как результат работы его собственного подсознания, но в любом случае даёт импульс к изменению ошибочного образа мыслей, к принятию права человека на жизнь.

Гносеологические поиски рассказчика включают *экологический*, *этологический* и *эсхатологический* дискурсы. В современной философии под *экологической этикой* понимается такая мораль, при которой «в качестве <...> проблем человека» рассматриваются «не только благополучие и социальные связи людей, но и ответственность за благо будущих людей, домашних животных и других форм жизни» [8. Т. 4. С. 422]. *Этология*, в определении К. Лоренца, – наука, которая смотрит на людей как на выходцев из природного мира и исходя из этого объясняет их поведение и психологию [9. Р. 7]. По мнению этологов, человек является носителем животных инстинктов, трансформированных, редуцированных эволюцией, но не отменённых окончательно. *Эсхатология* – религиозное учение «о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в “вечности”» [8. Т. 4. С. 467]. Если экология вписывает человека в пейзаж, то этология – в преемственность живого органического мира, а эсхатология – в парадигму симметрического бытия, имеющего начало и конец.

Роль «студента», «ученика», «профана», принимаемая рассказчиком и предполагающая демонстративную «странность», близкую к юродству, семантически восходит к античной философской традиции (Сократ, Диоген) и к обычаям древнерусской книжности (так, летописцы-монахи использовали риторические фигуры самоуменьшения, называли себя «недостойными рабами» и т.п.). Близкую этим идеям мораль утверждали и библейские источники – Ветхий и Новый Заветы: «...всякая мудрость отравлена горечью, и обширные знания лишь умножают скорбь» (Еккл. 1:18), «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3).

По мнению биографа Битова М. Гуреева, в творчестве писателя «“блаженство духовной нищеты” – синоним смирения, видения своего истинного внутреннего состояния, полной отстранённости от самого себя» [10. С. 124]. Свойственный повестям-путешествиям Битова приём дифференциации пансофического авторского сознания «из будущего» и сознания ведомого, наивного героя-рассказчика «из прошлого» интегрирует мотив творчества в область метафизического, сопрягает жизнь и текст, представляет сюжет как вариант понимания жизни: «Неведение же суть удел простодушных и блаженных <...> печаль (скорбь) и есть первопричина писательского всеведения и одиночества, без которых, по мысли Битова, невозможно вхождение в текст <...> извлечение из него иррациональных смыслов» [10. С. 135].

Универсальный образ открывающегося перед человеком духовного пути заявлен и в предваряющей повесть «Птицы...» эпиграфе из Евангелия от Луки «Два человека вошли в храм...». Библейский нарратив выявляет разницу мыслей людей, приходящих в храм с одной целью – помолиться. Мытарь лишь смиренно просит Бога о милости к нему, грешному, тогда как фарисей в своей молитве превозносит себя перед другими людьми, не имеющими возможности столь же ортодоксально исполнять религиозные ритуалы. Мораль притчи: «...всякий, возносящий себя, смирен будет, а смиряющий себя вознесён будет» (Лк. 18:14). Если в повести «Человек в пейзаже» эпиграф – мораль из притчи о краеугольном камне (Фм. 70), то эпиграф к повести «Птицы...» иллюстрирует евангельскую мысль о том, что «последние станут первыми, а первые последними» (Мк. 10:31) и, следовательно, христианину следует не стремиться к социальному и материальному росту, но умалиться и заботиться о спасении своей души. Битов, который сам крестится в 1982 г. в Грузии, прочитывает библейские стихи не как обесценивающие движение вперёд, но, напротив, как идею, превращающую путешествие из простого физического перемещения в пространстве – в духовное путешествие.

Одним из символов смирения перед бытием в повести Битова является образ *птицы*. В начале своего странствия герой цитирует стихи о птицах из Евангелия от Матфея: «...они не сеют, не жнут <...> Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мф. 6:26); «...ни одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего; У вас же и волосы на голове все сочтены; Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф. 10:29–31). Библейский канон даёт понимание образа *птицы* как воплощающего беззаветное упование на защиту Божью.

По Битову, способность человека к труду, к волевому преодолению соблазнов и ответственному следованию заветам Создателя возвышает его над птицами, которые выступают носителями христианских добродетелей неосознанно, безотчётно, «запрограммированы» на них. Однако в начале своего пути битовский герой не способен уподобиться кроткой птице и довериться словам Писания, смирить номадическую тревогу верой: «Легко сказать, не бойтесь...», – скептически замечает он [5. С. 15]. Созидательное влияние животворящего природного космоса и способность к личному духовному усилию приводят писателя-путешественника к возможности «додумать», развить приходящие к нему во время странствия мысли «постфактум» в событии письма, и совершить самостоятельные геопозитические открытия. Таким образом, трансгрессию сознания героя можно трактовать как ещё один вариант путешествия.

Исповедальная семантика в сюжете метафизического странствия сопрягает уровни героя-«профана» и автора-демиурга. Хронотоп текста как логоса – храма мысли, молитвы оглашённого – подчёркивает не только морально-этическое и религиозное содержание повести, но и гносеологическую проблематику. В сюжете путешествия-письма экстенсивная стадия движения – открытие новых форм внешней реальности – должна стать ступенью к

обновлению сознания повествующего субъекта, его способности к интерпретации бытия – чувственной и вербальной. Это соответствует не только трансцендентной модели странствия, но и воспринятому Битовым от английского писателя XVIII в. Л. Стерна «сентиментальному» варианту путешествия.

При первой публикации (1976) повесть Битова открывалась обращением автора к читателю, в котором он признавался, что хотел бы избавить повествование от присутствия авторского стиля, так как его наличие противоречит смыслу сказанного. В более поздних изданиях большая часть этого вступления была замещена точками, при сохранении смысла. Эта семиотическая игра отсылает к пародийным приёмам Стерна, разбивавшего границу между текстом и жизнью путём вовлечения читателя в творческий процесс, в том числе с помощью графических приёмов. Автор «Птиц...» выражает установку творить, не привнося личные субъективные смыслы в чистый абсолют изначального замысла – тот эйдос мысли, которому по природе своей причастно любое произведение искусства, в том числе и художественный текст. Цель автобиографического героя путешествия – освобождение сознания от всего наносного, случайного, возвращение к органическим истокам, к общей для всего сущего истине. Ещё один смысл авторской графической игры по замене текста точками – стилизация под запись стилосом на вощённой табличке, подготавливающая трансляцию философских идей. Таким образом, рецепция античных текстологических форм указывает, что в повесть будет включён философский дискурс, и воплощает ориентацию писателя на абсолюты гармонии и нормы Античности как глубоко укоренённые в его творческом методе.

Центральная коллизия «Птиц» связана с тем, что, будучи носителем гармонических идеалов, коррелирующих с античным мифом об утраченном золотом веке, автобиографический герой болезненно переживает разлад между мечтой об утопическом абсолютe и запутанной реальностью настоящего, в которой стихийно переплетаются земное и космическое, материальное и ментальное, эмпирическое и сверхчувственное. Путешествие вызывает отказ от утопического сознания, переход к зрелому и трезвому пониманию повседневности. Попытки героя структурировать образ мира ведут к изменению восприятия топографии Косы. Так, в начале повести приехавшему на Косу герою кажется, что пейзаж соответствует абсолюту нормы, «как в учебнике» [5. С. 17]. Однако знакомство с куршской природой даёт более объёмный, неоднозначный взгляд на неё.

По мере приближения к орнитологической станции на смену образцовой картинке приходит знаменитый «танцующий лес», символизирующий непознаваемость, хаотичность бытия, обречённость попыток человека логически выстроить всеобъемлющее понимание реальных законов мироустройства: «...иксы и игреки во всех направлениях – уравнение было не разрешено» [5. С. 18]. По предположениям учёных, на формирование «танцующего леса» оказали влияние столь же нестандартные факторы, что и на образование самой Косы: «...быстро изменяющие направление потоки воздуха, значительные

температурные перепады и др. Наиболее распространённая версия – нашествие насекомых» [11]. Феномен изогнутых деревьев эксплицирует парадоксальным образом таящуюся в мире возможность проявления автоагрессии, нарушения природой собственной целостности, искажения нормы и в то же время – способность натурфакта приспособиться к любым условиям и жить вопреки им.

Герой сравнивает облака над Косой одновременно с дымом от пушечного выстрела и с «набором младенческих щёчек, соскользнувших порезвиться с колен мадонн» [5. С. 17]. Такое сравнение воплощает смятенное состояние самого нарратора. С одной стороны, он беспокоится переживает геополитический кризис и предчувствует опасность, которую несут имперские амбиции человека по отношению к природе. С другой стороны, он уже приобщается к разлитой в пейзаже Косы божественной безмятежности, способной примирить человека с самим собой.

На орнитологической станции, под влиянием общения с биологами, пишущий путешественник начинает ориентировать собственные размышления на органическую точность естественно-научных, прежде всего этологических, фактов. Так, в своём первом лирическом отступлении он отмечает морфологическую схожесть гносеологических поисков всего человечества и отдельного человека: «Как это странно, что человечество не понимало что-то вместе со мною, с маленьким школяром!» [5. С. 20]. Принципиальной здесь представляется аллюзия на биогенетический закон Геккеля–Мюллера («Онтогенез есть краткое повторение филогенеза»), история которого (закон внёс вклад в становление классического естествознания, однако был подвергнут критике и «отменён» на современном его этапе) убеждает в неконечности научной картины мира. Нарратор понимает, что ограниченность сциентистской парадигмы, выражающей лишь одну из возможных версий реальности, доступную в конкретный исторический момент, провоцирует эволюцию мысли как бесконечный духовный путь человечества.

По мнению героя Битова, подвижность мировоззренческих систем в истории выступает одним из факторов самоопределения обывателя в науке. Нарратор рассуждает о том, как экология на протяжении своего существования получала разную общественную оценку, становясь объектом экзотизации, демонизации, равнодушия, моды. Социополитический, историко-культурный и натурфилософский контексты человеческого бытия переплетались, выражая взаимосвязь цивилизации и природы. Так, по воспоминаниям рассказчика, голодное военное время несло в себе опасность более близкую и понятную, чем потенциальная конечность природных ресурсов (в соответствии с этологическими законами выживания). Послевоенное десятилетие дало возможность человеку удовлетворить свои органические потребности (еда, чувство безопасности), природе – восстановить ослабленные ресурсы. Только тогда для человека открылась свобода расширить границы «ареала обитания» и пользоваться дарами природы: «С какого же года на дачу стали выезжать все, все ходить за грибами <...> ловить рыбу? <...> 55-й? 56-й?» [5. С. 21].

С этологической точки зрения отмеченное героем движение масс из рационализированного пространства города на дачи – в якобы свободное пространство природы – является примером подчинения людей инстинкту «стадного поведения». Использование для поездок на дачу общественного транспорта – «электричек» [5. С. 21] – указывает на компромиссность поведения горожан, их неготовность в действительности оторваться от цивилизации.

В русской литературе XX в. локус дачи воплощал широкий спектр значений: от «потребительского отношения к природе» [12. С. 16] до «рая на земле», «идиллического пространства» [12. С. 21]. В повести Битова «дачная местность» наделяется в первую очередь этологическим потенциалом. Упоминание «стадного» поведения масс оттеняет уникальное осознание героем обитания человека в природе как в «воздушном океане» [5. С. 14]. По Битову, коллективному сознанию доступно то же откровение свободы, что и индивидуальному поэтическому, – но не на уровне интуитивного мифотворческого прозрения (модернистская оптика), а в аспекте пробуждения «естественного человека» (сентименталистский взгляд). Таким образом, в определённые исторические периоды масса людей приобретает способность действовать инстинктивно как один человек, а в мироощущении индивида, напротив, могут быть воплощены вехи антропогенеза. С позиции натурфилософии такие моменты – «это и есть Время» [5. С. 22].

Герой рассуждает также о том, что, по аналогии с действием мутационной теории в естествознании, тенденция тяготения человека к «почве» как поиск архаической «свободы» выражалась и в гротесковых версиях экстравагантного поведения. Например, он вспоминает о волне частных эпатажных «путешествий» 1960–1970-х гг., гиперболизирующих идею близости к природе, вплоть до эскапизма и реализации концепции смерти как «пути в иной мир»: «прокатывается волна самоубийств <...> какие-то люди стали хронометрировать <...> процессы каменного века <...> Мы тут тyani <...> а он пешком вокруг света пошёл» [5. С. 22].

По мнению рассказчика, такие массовые чудаческие выходы – атавизмы первобытного чувства свободы, эксплицирующие тоску по утраченной гармонии. Соответственно, потеря изначальной «животной» чистоты инстинктивного поведения – не приобретение эволюции, а её упущение. Однако человеку сложно признаться себе в собственном несовершенстве, и поэтому он убеждает себя в преимуществе своих изобретений, на самом деле являющихся альтернативой атрибутов быта ещё каменного века. Герой перечисляет подмены современной цивилизации: «Ни тёплой шерсти, ни грозных зубов, ни волчьей морали – брюки, пуля, религия...» [5. С. 23].

Вынужденная ментальная «миграция» человека на пути формирования личностной картины мира не целенаправленна (модель странничества, паломничества, отшельничества), а непоследовательна и путанна (модель блуждания, бродяжничества, скитальчества [13]). Герой осознаёт, что даже учёные, посвятившие свою жизнь уточнению и расширению знаний о мире, соединению разъятых граней реальности, приходят к одному лишь осознанию пределов своего знания, к пополнению «каталога» неизвестного: «Вид

настоящего учёного должен быть (по моим наивным представлениям) испуганным, потрясённым <...> Он один имеет представление о том, насколько мы ничего не знаем» [5. С. 24].

В первом натурфилософском пассаже рассказчик противопоставляет искажающим естественный человеческий инстинкт свободы рискованным выходкам отдельных авантюристов – экстремалов и отшельников – контрастный образ биолога-эколога – *любителя*, открывающего новые горизонты гармонического сосуществования человека с миром: «Это кто же там маячит на горизонте <...> всё забыл из того, что все мы наизусть с пелёнок знаем?... *Любитель* <...> машет нам белым флагом неведения: идите сюда, *здесь!*» [5. С. 30]. В отличие от людей первого типа, считающих себя центром вселенной и отчаянно привлекающих к себе внимание, натуралисты-энтузиасты второго типа проявляют искреннюю любовь к живому, естественную – и потому продуктивную. Их жизнеутверждающий пионерский поход – свободное бескорыстное движение к истине, не претендующее на её присвоение, тривиализацию.

Сравнивая, герой понимает, что и полученный рациональным путём научный факт, и интуитивно прозреваемая идея в равной степени дают человеку возможность приближения к истине, но не открывают её полностью [5. С. 52]. По Битову, никакие варианты жизненного пути не гарантируют приобщения познающего человека к абсолюту истины, однако путешествие на Куршскую косу позволяет герою повести ощутить приближение к этому идеалу. Сюжет его странствия обнаруживает потенциал экзистенциальной метафоры: «Окончательно равны мы лишь в самом низу (прах) и на самом верху; остальное – пути. Притомившись, странники смотрят в море и в небо – горизонт отступает, и небо всё так же высоко» [5. С. 52].

По Битову, в сфере созерцания как духовного созидания возможным для человека оказывается если не достижение абсолютной цельности, то преодоление трагического одиночества. В сюжете повести кризисным моментам размышлений героя, герменевтическим «тупикам» соответствуют ситуации его тяжёлых подъёмов на крутые песчаные горы Косы. Так, восхождение на очередную дюну, «на которой не было следа человеческого» [5. С. 37], связывается в сознании героя не с представлением об экологии как о передовой науке, идеологии будущего, но с мыслью о неизбежности разрушения человеком своего природного дома: «Мы безжалостно разрушали безукоризненную эту поверхность» [5. С. 37].

Фантазийность, онейроидность Косы открывает для путешественника возможность совершить ментальный вариант странствия как «представления жизни без себя» [14. С. 13]. Герой предпринимает мысленное путешествие в те времена, когда люди ещё не занялись обустройством Косы, интродукцией на неё животных и растений. Открывшаяся внутреннему взгляду антиутопия «бесчеловечной» [5. С. 53] природы убеждает его в значимости присутствия созерцателя, одухотворяющего и животворящего пейзаж. Битов показывает: виртуальный сценарий *отсутствия* помогает человеку понять новое о реальной жизни – осознать антропологический смысл

его собственного *присутствия* в бытии. Этим можно объяснить то, что в итоговой редакции повести «Птицы...» писатель редуцировал семантику *пустоты* как след концепции дзен-буддизма, присутствовавшей в первых вариантах повести в качестве альтернативы христианству (первую редакцию повести завершала коанообразная притча об учителе, учениках и птице, которая была изъята писателем из итоговой версии текста).

Антиутопические мотивы воплощают понимание Косы как ирреального пространства. Опираясь на эссеистические свидетельства самого Битова, антиутопические мотивы его произведений можно интерпретировать как знак рецепции художественных открытий А.П. Платонова. Битов осмыслил творчество Платонова как пример экологического и эсхатологического цивилизационного мышления, опередивший своё время. По мнению писателя, автор романа «Чевенгур» (1929 г.) нашёл способ указать человеку на его «жадность, и хищность, и жестокость» – «в виде любви к нему и сочувствия к нему» [15. С. 98]. Герои-орнитологи в повести «Птицы...» – доктор Д., сотрудница Н. – проявляют близость одновременно к платоновскому типу учёного-философа и к безымянным героям романа Е.И. Замятина «Мы» (1920) – представителям сциентистской постцивилизации. Топос биостанции («станции жизни») прочитывается как философская метафора не социального существования, а экзистенциального присутствия человека в мире.

Позиция героя как «ученика у бытия» проявляет себя в ряде ситуаций взаимодействия с различными субъектами пространства, одним из которых становится птица – живущая на биостанции ручная ворона Клара. Общение с представительницей мира животных даёт рассказчику возможность переосмыслить человеческие чувства – любовь, ревность, восхищение. Уточняя свои открытия в диалоге с доктором, он получает подтверждение простых и вечных истин: «любовь есть познание» [5. С. 26], «хищника надо ласкать по оружию», «только доверие вызывает любовь» [5. С. 28].

Герой-писатель воспринимает птиц как «учителей» для человека, стремится создать текст, который бы «в каком-то смысле обобщал» [5. С. 5] всё, что человек знает о них, и чередует религиозно-исповедальный, светский, философский, культурологический нарративы, фокусируется на образе птицы в мировом искусстве – «от Аристофана до Хичкока» [5. С. 16]. Переключение повествовательного регистра позволяет ему зафиксировать эпистемологическую доминанту образа птиц в восприятии человека – суперпозиционное мерцание прямо на границе между ограниченными представлениями человека о мире – и сферой непознанного.

По Битову, современный человек – заложник «границы», представитель суетной постиндустриальной цивилизации – может приобщиться к блаженному состоянию не знающих противоречия птиц только во сне и в «сфере духа» – в изменённом состоянии сознания как «доступной однородной среде» [5. С. 52]. Понимание человека как пограничного существа приближает авторскую концепцию к модернистской. В этом контексте заглавный образ «птиц» интерпретируется не только как мечта об утраченной гармонии, но и как ориентир стремления вверх, напоминающий человеку о его

способности к свободе. Для человека свободу трансгрессивного возвышения, чаемого метафизического полёта открывает духовное творчество – писательство, вера, наука (так, нарратор отмечает сходство с птицей увлечённого учёного доктора Д.).

Таким образом, в «Птицах...» Битов превосхищает обозначившиеся в контексте новейшей философской мысли кибернетические представления о животных как о самостоятельных, самосознающих субъектах информационной среды, обладателях свободной воли. Так, медиатеоретик А. Пшера в книге «Интернет животных» (2014) высказывал убеждение в том, что «природное должно вернуться в повседневную жизнь человека <...> чему помогут цифровые технологии», что «животные своей чувствительностью <...> обогатят <...> мир <людей>» [16. С. 128]. Акторно-сетевая теория современного французского социолога-антрополога Б. Латура, фиксирующая индивидуальные характеры животных, предполагает взгляд на них как на «программистов», которые сами работают над своей средой – над природой – как над системой [16. С. 130].

Второе лирико-эссеистское отступление рассказчика даёт разносторонний взгляд на мир куршских орнитологов как энтузиастов науки. В пространстве Косы своеобразной «визой» в тайник природного мира для учёного выступает готовность не только к интеллектуальному (прогрессивно-цивилизационному), но и к физическому, ручному (примитивному) труду: сваи для птицеловных сетей выстроены по необходимости естественным образом, вручную («<...> какая-то есть справедливость в этой по-прежнему первобытной охоте» [5. С. 45]. Критическое уточнение вносит включение точки зрения местных жителей – рыбаков, скептически-снисходительно относящихся к занятиям учёных: «<...> так нелепо занятие праздных учёных, получающих <...> бесплатные деньги, пока те вкалывают на сейнерах <...>» [5. С. 45]. Герой не одобряет такой образ мышления, интерпретируя его как свидетельство непросвещённости и прагматичности, но ловит и себя на прагматичной мысли о том, что хитроумный прибор для изучения ориентации перелётных птиц «марковник» мог бы послужить решению какой-нибудь более глобальной проблемы. Название этого орнитологического приспособления (по имени сотрудника станции Марка, который его соорудил) можно соотнести с семантикой *оглашения*: в христианстве Марк – евангелист, чья книга была специально предназначена для крестившихся бывших язычников.

Жизнь орнитологической станции осмысляется Битовым в изображении её предметно-вещного мира. В описании чердака станции акцентирован концепт хаоса – изображение «хлама» [5. С. 46], «сора», из которого «растут, не ведая стыда» как научные, так и художественные открытия: герой вспоминает, что в прошлый приезд «<...> очень много наработал на этом чердаке: полромана» [5. С. 47]. Путешественник верит, что и сейчас погружение во внутреннюю «кухню» быта учёных развеет его творческий ступор, однако когда излюбленный им чердак занимает для проведения опыта сотруд-

ница станции Н., видит в этом не уникальную возможность вдохновиться ходом эксперимента, а препятствие для творчества. Каждый день он «желчно наблюдает» [5. С. 47] за переносом сотрудницей тяжёлых клеток с птицами, вместо того чтобы либо помочь ей, либо заняться своим ремеслом.

Перебирая различные амплуа («грубого невежды», «ленивого писателя», «праздного созерцателя»), герой-художник доводит до пародийного модуса идею «трансгрессиентности» автора [17. С. 319], не вмешивающегося в диегезис своей повести, не пишущего и вообще не совершающего каких-либо поступков внутри её художественного пространства, но усердно накапливающего детали извлекаемого бытийственного опыта, чтобы воспроизвести их на экстра-уровне – возвысить до сферы *метафизических* измерений творчества.

По Битову, «писательская леность» героя-писателя свидетельствует о его причастности национальной традиции. В эссе 2013 г. этот феномен будет осмыслен Битовым как особенность русской литературы: «Не хочу писать, не могу молчать... Никакого производства! Демонстративный, даже воинствующий непрофессионализм. Вот, чем мне так дорога русская литература, особенно её Золотой век» [18. С. 5]. Мыслительная работа русского писателя, нацеленная не на результат, а на углубление понимания, близка абсолюту изначального идеального замысла, а потому более плодотворна, чем азартная состязательность.

Повесть даёт видение людей науки как «путешественников» во времени и пространстве, находящихся в непрестанном диалоге с прошедшими эпохами и иными цивилизациями, связанных невидимыми нитями с далёкими землями – и оставляющих свой след на просторах мировой культуры – вклад в движение общечеловеческого прогресса. Пространство «будки» уехавшего в отпуск сотрудника, в которую рассказчика селят на станции, открывает ему мироощущение учёного как «умельца» [5. С. 48], *мастера*, одухотворяющего домашний быт, – не только искусно организующего пространство собственного существования (каждая вещь в будке удобна, предельно функциональна и по-своему эстетична), но и вписывающего свою жизнь в онтологический контекст: «<...> стены были оклеены географическими, историческими <...> и морскими картами, на которых я нет-нет и <...> обнаруживал <...> будочку, в которой жил» [5. С. 48].

Связь скрупулёзной работы учёного «здесь и сейчас» со всемирным космосом культуры метафорически раскрывается и в эпизоде кольцевания птиц сотрудницей Н.: строгим, но артистичным жестом исследовательница отмечает пленниц – и выпускает их на свободу, в беспредельность пространства и бесконечность времени. Пафос академического ритуала редуцируется неуместным присутствием героя-рассказчика, так как он не находит слов для поддержания разговора, компрометирует себя, обнаруживая полное невежество в области орнитонимии.

В этой ситуации рассказчик отстраняется, чтобы осмыслить проявившуюся в разговоре с учёной проблему ограниченности знания в иных контекстах. Во-первых, он вспоминает, что когда-то давно, общаясь с дочерью

в позиции учителя, обнаружил, что он знает не больше и не меньше названий птиц, рыб, насекомых, чем ребёнок. Во-вторых, рассуждая о связи между феноменом и его именем, герой привлекает известный ему литературный нарратив – вспоминает о концепции Н.А. Заболоцкого: «Вот птица вспорхнула <...> какая птица? “У животных нет названия. Кто им зваться повелел?” Как я ценю этого поэта, нашедшего мне оправдание» [5. С. 50]. Цитируемое им стихотворение «Прогулка» (1929) – эстетический манифест поэта-космиста, отошедшего от акмеистического видения художника как «нового Адама», призванного дать имена феноменам бытия, – к натурфилософскому остранению, онемению, знаменующему трагедию самонадеянного разума, бессильного перед тайной живого.

Исследователи писали о Заболоцком как о поэте, который «первым <...> взглянул на природу не только как на единственно окружающий нас мир, прекрасно-гармоничный <...> или хаотический <...> а как на <...> определённый способ <...> существования, основанный на взаимном пожирании, вытеснении и борьбе» [19]. Битов воспринял образ птицы у Заболоцкого как экзистенциальный символ, зафиксировавший эволюцию поэта. В разные периоды образ птицы у Заболоцкого олицетворял и хрупкость, лёгкость, непрочность живого в бесконечной пустоте пространства («Прогулка»), и его холодную кровожадность во имя бессмысленного механистического самовоспроизведения (стихотворение «Птицы», 1933), и подвижную феноменологию реальности, превращаемой творческим сознанием в живой поэтический образ («Метаморфозы», 1937), и голос бытия, «зов заботы» [20. С. 324], космический логос, прерывающий тишину, говорящий с человеком – и остаивающийся энтропию, «содрогание атомов», преодолевающий смерть («В этой роще берёзовой...», 1946).

В ранней постобэриутской поэме Заболоцкого «Птицы» (1933) представлена целая парадигма философских решений, рецепируемых Битовым. Одна из ключевых сцен препарирования учителем и учеником голубя может быть интерпретирована как обречённость попыток завистливого разума подвергнуть рациональному анализу сферу метафизического, но этому мешает сюжетный пуант: на эксперимент слетаются *птицы* и помогают человеку анатомировать сородича, а затем сопровождают его на вечерней прогулке, отвечают взаимностью на его отеческую ласку и, тепло с ним попрощавшись, улетают, растворяются в безмятежности вечера. Пернатые спокойно принимают смерть своего брата, реализуя естественный «природный способ существования» как «вытеснение последующим предыдущего <...> для кратковременного торжества нового и последующего его вытеснения» [19]. Представляется значимым, что в наиболее поздней авторской редакции поэмы был редуцирован изначальный прямолинейный антропоцентрический пафос её финала, воспевавшего человека как хозяина природы, который своей деятельностью приводит её к наиболее благоприятному состоянию [21. С. 16], и заострено онейрическое переживание онтологической тишины, в которой человек отсутствует – или присутствует только в роли созерцателя-сновидца (постантропоцентрическая парадигма).

Битов реципировал сюрреалистический сюжет поэмы Заболоцкого как предвосхищающий постнеклассическое состояние культуры, реализующий эпистему антропного принципа, согласно которому натура не преклоняется перед человеком, но и не исторгает его, покровительствует ему как медиатору симметрического бытия: «Происходит не возврат к антропоцентризму <...> а <...> осознание антропоморфизма мира <...> активности бытия, самоценности природы» [22. С. 161]. Так, в итоговом названии битовской повести «человек» уступает акцентную позицию «птицам», но одновременно приравнивается к ним в «оглашении» своём.

Как и птицы Заболоцкого, птицы Битова – от ручной вороны и окольцованного зяблика до неуловимых насельниц «воздушного океана» – ориентируют человека в мире и помогают смириться с неизбежностью перехода в *silentium* небытия, что подтверждает верность прочтения повести Битова как наследующей линии космизма – утопизма – натурфилософии Фёдорова – Платонова – Заболоцкого.

Посредничество поэмы Заболоцкого открывает оригинальный источник эпистемологического дискурса в повести Битова – античный дидактический эпос (поэмы Гесиода), обозначая мифологический контекст сюжета познания – открытия бытия – как метафоры миромоделирования, в котором фигура «плохого ученика», не способного назвать вещь её именем, символизирует космогоническую инверсию, симптом распада мира, понимание «века науки» как продолжения «железного века», когда «не знать <...> так же естественно, как дышать» [5. С. 51]. Диалог героя с дочерью, столь же несведущей в зоонимии, как и он сам, – свидетельство растерянности современного человека в эпоху «информационной перегрузки», гносеологического кризиса.

Обновлённая форма концовки второго философского размышления рассказчика (текст которой набран уже не мелким «дневниковым», а стандартным шрифтом) указывает на расширение нарративной оптики героя. Появление в повествовании диалогов не только с доктором Д. (образ которого материализует драматическое ментальное раздвоение героя), но и с женщинами (сотрудницей станции и дочерью) воплощает сдвиг сознания героя на новую ступень когнитивной эволюции: он открывает способность к сопряжению эмпирического и когнитивного пространства.

Финальная эсхатологическая интуиция – это духовное приобретение героя, один из мотивов путешествия на Косу. Ещё до апокалипсического финала повести в семантическом поле топоса Косы превалирует апокалипсическая перспектива, которая мотивирует религиозно-художественные размышления нарратора о смерти и ожидающем после неё душу (согласно христианским представлениям) перекрёстке рая – ада. С точки зрения героя, представления о преисподней как предельная реализация эстетической категории *ужасного* сформированы у человека лучше, чем представления об Эдеме, так как по-настоящему уродливыми оказываются те самые вещи, которые мирно сосуществуют в повседневном быту обывателей, – при *отстранённом* взгляде на них.

Мысль рассказчика близка идеям экзистенциализма, в котором *«от-чего ужаса есть мир как таковой»* [20. С. 216]. Рассуждение героя о демонических потенциях искусства, способного сфокусировать фрагмент реальности как *инобытия* и этим открыть её скрытую хоррорную сущность, опирается на имя гения Северного Возрождения И. Босха. На своём известном полотне «Сад земных наслаждений» (нач. XVI в.) художник изобразил гибрид Рая и Ада в попытке осмыслить эти топосы как порождение единого Высшего замысла. Страшным открытием Босха стала неизбежность преобладания при таком союзе доминирующего inferнального «гена» – над апатичным элизийским. Герой Битова, чьё духовное странствие олицетворяет жизненный путь человека как процесс примирения онтологических антиномий, видит в творчестве Босха предупреждение о том, в какую чудовищную химеру может выродиться попытка буквального сопряжения полярных граней бытия.

Во время последнего, третьего диалога героя с доктором на дюнах, ставшего для обоих гносеологическим откровением, собеседники осознают, что ни произвольное фантазёрство, ни тяжеловесная назидательность не помогут им найти выход из увлёкшего их когнитивного лабиринта, и их мыслительные тактики обновляются – сближаются, становятся более компромиссными. Однако после разговора, засыпая в своей «будке» на биостанции, герой-писатель насмешливо выискивает в русской языковой картине мира следы закреплённого в ней эгоизма, свидетельствующие об убеждённости людей в привилегированности своего положения во Вселенной. В этот момент, сам того не осознавая, путешественник отягощает общечеловеческий эгоизм индивидуальным: он мысленно отделяет себя от языкового коллектива, на самом деле являясь носителем того же самого национального сознания.

Ночью вселенский Логос посылает искушаемому негуманными мыслями рассказчику апокалипсическое видение об охватившем всю землю наводнении. Сущность божественного наказания соответствует данному Битовым определению снов как «репетиции ада» [10. С. 5]: перед лицом смерти повествователя охватывает не столько нежелание расставаться с жизнью, сколько страх божий – осознание своей греховности, неготовности предстать перед Творцом.

Эпизод визионерства героя-нарратора был интерпретирован исследователями прежде всего в социально-историческом ключе: «видение атомного апокалипсиса как предел цензурно допустимого драматизма», «экологический пафос, заменивший гражданский протест» [23. С. 5]. В сюжете ментального странствия, который исследуется в данной статье, эта сцена прочитывается как результирующий аккорд путешествия – опыт сопряжения циклической этологической (пробуждение в представителе постиндустриальной цивилизации первобытной, животной жажды жизни) и линейной христианской (финальное кенотическое самоумаление героя как «раба Божьего», молящего Господа о милости к нему, грешному) картин мира для изображения сознания современного человека – освобождающегося, раскрепощающегося, учащегося доверять бытию.

Оглядываясь назад, на пережитый период душевной смуты, нарратор представляет себе переживания тех дней как эпистемологическую *воронку*, подобную установленным на станции ловушкам для птиц: из них легче выбраться, чем погружаться всё ниже, но они тем не менее засасывают пленника (неосторожную птицу или потерявшего онтологические ориентиры человека) всё глубже и глубже. Сцена наблюдения путешественника за судьбой попавшей в один из таких орнитологических приборов пернатой узницы – аллюзия на библейскую метафору: «<...> как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время <...>» (Еккл. 9:12). Вместе с тем в этом эпизоде заключена идея, близкая концепции Б. Латура о том, что «человек связан с животным страданием» [16. С. 129].

Финальная сцена повести иллюстрирует и дезинтегрирующую функцию смеха, о которой писал этолог Лоренц: «<...> искренний совместный смех <...> создаёт мгновенную связь <...>. Но если ты не можешь смеяться вместе с другими, то чувствуешь себя посторонним, даже если смех <...> не направлен против тебя»¹ [9. Р. 284]. Битов изображает гомерический хохот вороны Клары, следящей со стороны за попавшей в ловушку родственницей. Эта сцена опровергает устоявшееся в философии представление о том, что в природном мире чувство юмора – прерогатива одного лишь человека [8. С. 344]. Герой воспринимает попавшую в беду птицу как своего двойника из мира природы и не может разделить глумления вороны, не умеющей *сопереживать*. Истинное отличие человека от животного – способность возводить эмпирический факт к экзистенциальной метафоре, переживать *событие* реальности как *со-бытие*.

Таким образом, заключительный эпизод акцентирует не сходство человека и животного (этология), а разницу в их мировосприятии (гносеология). В некоторой степени такая концовка перечёркивает предпринятую писателем-путешественником попытку постичь и описать мир птиц: он остаётся для него хтоническим инобытием, *оглашающим* пришельца inferнальным хохотом. Итоговое понимание Битовым природы человека представляется близким философской лирике Ф.И. Тютчева, утверждавшей, что не дар речи, а дар *сочувствия* ориентирует человека в космическом хаосе, спасает от погружения в бездну безумья [24. С. 197]. В то же время нарратор не повторяет ошибку прошлого и не обвиняет веселящуюся Клару в жестокости, что свидетельствует о преодолении антропоцентрического мышления, об усвоении идей Лоренца, отмечавшего, что «смех <...> никогда не рискует <...> смениться порывом <...> агрессии. <...> Это один из немногих <...> инстинктивных двигательных паттернов <...> полностью одобряемых моралью сознания» [9. Р. 285–286]. Главное достижение героя-странника – осознание инаковости этической и эстетической природы птицы, являющееся ступенью к пониманию и принятию суверенной природы Другого вообще.

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – Е.Б.

Автор завершает итоговую редакцию текста повести удлинённым многоточием. Это продолжение начатой во вступлении графической игры, апеллирующей к сфере «неизреченного», закольцовывающей художественное произведение как подобие биологического цикла, «круга жизни»¹. Стремясь к достижению совершенного, незеркального сходства текста с реальной жизнью, писатель расширяет его миромоделирующий потенциал за счёт обращения к альтернативным источникам смысла. Таковым становится включённый чужой текст – написанный школьницей рассказ о языковых различиях между представителями разных народов, между людьми и животными:

Моя знакомая первоклассница Юлия <...> значительно короче изложила весь ход моих неведомых ей выкладок. Этот рассказ она сочинила от мужского лица <...>.

Вот, дословно:

«Вчера к нам на студию приходил иностранец. Он много рассказывал забавных историй, но мы его не понимали. К счастью, с ним был переводчик. Он объяснил нам, что иностранец рассказывал о воронах и сороках. Оказывается, эти птицы, такие похожие, очень мало понимают друг друга.

Когда я утром пришёл домой, то подумал: “Как странно! Мы так плохо понимали его, а он нам рассказывал как раз об этом...”» [5. С. 86].

Введение в повествование притчевой истории с усложнённой системой нарраторов, включающей в себя фигуры людей – ребёнка, иностранца и переводчика – и птиц – ворон и сорок, – имагологический эксперимент автора, созвучный поискам современной гуманитарной мысли: в то время как антропология формулирует «идею о самопознании человека через обозначение собственных границ», новейшая философия интересуется «не человеком, а границей между человеком и животным, которая его создаёт» [26. С. 81].

Таким образом, семантическая структура повести «Птицы...» соответствует сюжету преодоления гносеологического кризиса: за постижением героем-путешественником эмпирической реальности – физическим соприкосновением с миром – логически следует развитие и закрепление полученных выводов в диалоге с учёным, который, в свою очередь, закономерно переходит в самостоятельные, оригинальные рассуждения нарратора, прочитываемые как имплицитные, «дневниковые». Несмотря на наличие реалистической основы, на первый план выходит метафорический сюжет пути к духовному перерождению. Поездка героя на Куршскую косу продиктована поиском Новизны, интенцией к мифологизации реальности, но есть и обратный процесс: путешествие в ландшафте переходит в путешествие в духовном измерении (поиск истины о себе и о человеке вообще), итогом которого становятся провидческий сон, визионерский транс, апокалипсическая интуиция, приоткрывающая дверь к катарсису.

¹ В эссе о Дольнике из сборника Битова «БАГАЖЪ: книга о друзьях» была помещена картинка с травинкой, очерчивающей круг на песке, с подписью: «Курская коса. Круг жизни» [25. С. 157].

Коллизии проверки научной картины мира и открытия внерациональных форм мышления в повести «Птицы» предвосхищают вызовы современной социокультурной ситуации, в которой возникает «необходимость иных, отличных от научных <...> критериев разумного <...> не <...> отказ от научной рациональности, а <...> стремление найти новые метафизические основания научности» [22. С. 14]. В ситуации эпистемологического кризиса спасением оказывается приобщение к новой, диалогической рациональности, понятой как феноменологическое откровение, синтез научного и художественного мышления. Повесть Битова открывает как ориентир экологический, философский и эстетический типы познания. Картины мира эколога, христианина и художника – равнозначные фрагменты широкого поэтического спектра битовского текста как модели объёмного, многослойного бытия. Способность людей учиться у мира, давать его феноменам имя, инициировать диалог культур определяется присутствием в онтологии живого Логоса, оглашающего человека, ориентирующего его в мире, разными способами и на разных языках транслирующего универсальные истины.

Если в новеллах романа «Преподаватель симметрии» (1971–2013), создававшегося Битовым параллельно с тетралогией «Оглашенные», в центре внимания – переход от классической картины мира к неклассической, к современному сознанию на рубеже XIX–XX вв., то повесть «Птицы...» – это фиксация установившейся во второй половине XX в. постнеклассической картины мира, основывающейся на синергетике как на теории самоорганизации сложных саморазвивающихся систем. Человек осознаёт себя неспособным познавать мир чисто логически, так как находится внутри него. На смену вере в науку приходит коммуникативная рациональность – убеждённость в возможности равноправного понимания мира субъектами бытия как участниками большого непрерывного диалога. Достижимым оказывается компромисс между антропным принципом, согласно которому космогоническая программа Вселенной с самого начала предполагала появление в мире человека-созерцателя, и постантропоцентрическим взглядом на человека как на часть системы – биологической, экзистенциальной, онтологической.

Список источников

1. Ильин С.С. Странничество в позднесоветской художественной культуре: поэтика и репрезентация : дис. ... канд. культурологии. М., 2013. 232 с.
2. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. Т. 52: Ной – Онуфрий. 751 с.
3. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 41: Ливан – Львовский в честь Преображения Господня женский монастырь. 751 с.
4. Рыбальченко Т.Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа : [учебно-методическое пособие]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 128 с.
5. Битов А.Г. Оглашенные: роман в четырёх частях. М. : Вече, 2018. 448 с.
6. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 621 с.

7. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. М. : Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4 / науч.-ред. совет.: В.С. Стёпин (пред.) и др. М. : Мысль, 2010. 743 с.
9. Lorenz K. On aggression / transl. by Marjorie Kerr Wilson. London ; New York : Routledge, 2002. 306 p.
10. Гуреев М. Андрей Битов: Мираж сюжета. М. : Молодая гвардия, 2023. 350 с.
11. Танцующий лес // Iskatel.com. URL: <https://iskatel.com/places/tantsuyuschiy-les> (дата обращения: 13.07.2023).
12. Богданова О.А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29.
13. Рыбальченко Т.Л. Сюжет бродяжничества и новая картина мира в современной русской литературе // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 6 (26). С. 87–100.
14. Битов А. Смерть как текст. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/bitov-smert-kak-tekst.htm> (дата обращения: 26.07.2023).
15. Битов А.Г. Полвека без Платонова // А.Г. Битов. Пятое измерение: На границе времени и пространства: [эссе]. М., 2014. С. 91–99.
16. Марков А.В. Теории современного искусства. М. : РИПОЛ классик, 2021. 238 с.
17. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
18. Битов А.Г. От имени собственного // А.Г. Битов. Всё наизусть. Эссе. М., 2013. С. 5–10.
19. Семёнова С. Человек, природа, бессмертие в поэзии Николая Заболоцкого. URL: <http://www.newreferat.com/ref-15645-1.html> (дата обращения: 27.07.2023).
20. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
21. Заболоцкий Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1983. 655 с.
22. Черникова И.В. Философия и история науки : [учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 030101 «Философия»]. Томск : Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.
23. Шеметова Т.Г. Поэтика прозы А.Г. Битова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 152 с.
24. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. Т. 2: Стихотворения, 1850–1873. М. : Классика, 2003. 640 с.
25. Битов Андрей. БАГАЖЪ: книга о друзьях. М. : ArsisBooks, 2012. 176 с.
26. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии. М. : Проспект, 2023. 176 с.

References

1. Il'in, S.S. (2013) *Strannichestvo v pozdnesovetskoy khudozhestvennoy kul'ture: poetika i reprezentatsiya* [Wandering in late Soviet artistic culture: poetics and representation]. Philology Cand. Diss. Moscow.
2. Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus' (ed.) (2018) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. LII. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
3. Kirill, Patriarch of Moscow and All Rus' (ed.) (2018) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XLI. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya".
4. Rybal'chenko, T.L. (2013) *Obraznyy mir khudozhestvennogo proizvedeniya i aspekty ego analiza: [uchebno-metodicheskoe posobie]* [The figurative world of a work of art and aspects of its analysis: [educational manual]]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Bitov, A.G. (2018) *Oglashennyye: roman v chetyryokh chastyakh* [The Catechumens: a novel in four pts]. Moscow: Veche.
6. Lotman, Yu.M. (2005) *Vospitanie dushi* [Education of the soul]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.
7. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols]. Vol. 6. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Styopin, V.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
9. Lorenz, K. (2002) *On aggression*. Translated from German by Marjorie Kerr Wilson. London; New York: Routledge.
10. Gureev, M. (2023) *Andrey Bitov: Mirazh syuzheta* [Andrei Bitov: Mirage of the plot]. Moscow: Young Guard.
11. Iskatel.com. (n.d.) *Tantsuyushchiy les* [Dancing forest]. [Online] Available from: <https://iskatel.com/places/tantsuyushchiy-les>
12. Bogdanova, O.A. (2022) *Formirovanie issledovatel'skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoy literature XIX–XXI vv.* [Formation of a research thesaurus in the study of the dacha phenomenon in Russian literature of the 19th–21st centuries]. *Studia Litterarum*. 7 (3). pp. 10–29.
13. Rybal'chenko, T.L. (2013) *Syuzhet brodyazhnichestva i novaya kartina mira v sovremennoy russkoy literature* [The plot of vagrancy and a new picture of the world in modern Russian literature]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 87–100.
14. Bitov, A. (n.d.) *Smert' kak tekst* [Death as a text]. [Online] Available from: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/bitov-smert-kak-tekst.htm>
15. Bitov, A.G. (2014) *Polveka bez Platonova* [Half a century without Platonov]. In: Bitov, A.G. *Pyatoe izmerenie: Na granitse vremeni i prostranstva: [esse]* [The Fifth Dimension: On the Border of Time and Space: [essays]]. Moscow: Astrel'. pp. 91–99.
16. Markov, A.V. (2021) *Teorii sovremennogo iskusstva* [Theories of contemporary art]. Moscow: RIPOL classic.
17. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: On the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Alphabet.
18. Bitov, A.G. (2013) *Ot imeni sobstvennogo* [On behalf of one's own name]. In: Bitov, A.G. *Vsyo naizust'. Esse* [Everything by heart. Essays]. Moscow: ArsisBooks. pp. 5–10.
19. Semyonova, S. (n.d.) *Chelovek, priroda, bessmertie v poezii Nikolaya Zabolotskogo* [Man, nature, immortality in the poetry of Nikolai Zabolotsky]. [Online] Available from: <http://www.newreferat.com/ref-15645-1.html>
20. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Kharkiv: Folio.
21. Zabolotsky, N. (1983) *Sobranie sochineniy v tryokh tomakh* [Collected works in three volumes]. Vol. 1. Moscow: Fiction.
22. Chernikova, I.V. (2011) *Filosofiya i istoriya nauki: [uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030101 "Filosofiya"]* [Philosophy and history of science: [textbook for students studying in the specialty 030101 "Philosophy"]]. Tomsk: NTL.
23. Shemetova, T.G. (2001) *Poetika prozy A.G. Bitova* [Poetics of A. G. Bitov's prose]. Ulan-Ude: Buryat State Un-ty.
24. Tyutchev, F.I. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma: V 6 t.* [Complete works and letters: In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Classic.
25. Bitov, A. (2012) *BAGAZH"": kniga o druz'yakh* [Luggage: A book about friends]. Moscow: ArsisBooks.

26. Rostova, N.N. (2023) *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторе:

Буханова Е.Д. – аспирант кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ст. преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.D. Buhanova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterinabuhh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2023;
одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 21.10.2023;
approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/91/10

Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 2. «Ист-Линн» миссис Генри Вуд и его отражение в «Анне Карениной»

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. Статья продолжает исследование роли сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Доказывается, что в романе «Анна Каренина» Толстой использует открытие английской писательницы миссис Генри Вуд: сенсационный сюжет об адюльтере в ее романе «Ист-Линн» «подрывает» традиционные представления о семье, которая больше не является оплотом благополучия и счастья героев. Показано, как вслед за Вуд Толстой выстраивает сложную систему семейных ролей, каждую из которых с разной степенью успешности пытаются играть три его героини.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, миссис Генри Вуд, сенсационный роман, женские образы, семейные роли

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Традиции английского сенсационного романа в творчестве Л.Н. Толстого. Статья 2. «Ист-Линн» миссис Генри Вуд и его отражение в «Анне Карениной» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 198–222. doi: 10.17223/19986645/91/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/91/10

Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. Article Two: Mrs. Henry Wood's *East Lynne* and its reflection in *Anna Karenina*

Irina F. Gnyusova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, irbor2004@mail.ru*

Abstract. The article continues the study of the role of the English sensation novel in Leo Tolstoy's works. The question is raised as to why Tolstoy included the name of Mrs. Henry Wood in the famous list of "works that made an impression", labelled "great". The aim of the article is to prove that Wood's works, and in particular her famous novel *East Lynne* (1861), played a significant role in the development of the plot of *Anna Karenina*. It is suggested that Tolstoy used the model of the novel invented by the English writer, in which the sensational plot of adultery and the heroine's escape from her family is only the "upper layer" of the narrative, inside which lies a tense plot

about the problems of the modern family. The article shows how Tolstoy, following Wood, “subverted” traditional notions of the family, which is no longer a bastion of well-being and personal happiness. Like Wood, Tolstoy constructed in his novel a complex system of family roles, each of which his three female characters – Dolly, Anna, and Lydia Ivanovna – attempt to play with varying degrees of success. Their futile attempts to find their place in life, while following their true feelings, are analysed. In the end, both Anna and Dolly, like Isabel in *East Lynn*, are ousted from the place they are fighting for: Dolly effectively ceases to be Stiva’s wife and becomes only the “good mother”; Anna abandons her roles as wife, mother, and even housewife, she attempts to become Vronsky’s “comrade”, but in the finale admits that she cannot be anything but his mistress. An assumption is made that Anna dies precisely because of her inability to play any real role – in the monde, in the family, in the world. The article also analyses the comic variant of choosing a new role, which is presented in the character of Lidia Ivanovna. The heroine tries to take Anna’s place and be Karenin’s lover, housewife, and mentor of his son. The author of the article points out that her place in the novel is similar to the role of Barbara Hare: both heroines consider their main goal to compose the happiness of the man they love and distract him from the memories of an unworthy wife. However, while being successful in this role, they simultaneously contribute to the female protagonists’ death. It is concluded that the sensation novel with its artistic imperfection could attract Tolstoy’s attention also due to the fact that it was centred on family issues. Mrs. Henry Wood’s *East Lynn* demonstrates the process of “destabilization” of Victorian family foundations through a kind of “play” with family roles. This “role-playing” narrative principle, among other things, helped Tolstoy to solve the main problem of his *Anna Karenina*, related to the self-determination of man in the world. Drawing on the discoveries of Mrs. Henry Wood, Tolstoy shows that family alone does not give meaning to life, and each of the characters must go through a long journey of hardship and inner growth before they find at least relative balance.

Keywords: Leo Tolstoy, Mrs. Henry Wood, sensation novel, female characters, family roles

For citation: Gnyusova, I.F. (2024) Traditions of the English sensation novel in Leo Tolstoy’s works. Paper Two: Mrs. Henry Wood’s *East Lynne* and its reflection in *Anna Karenina*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 198–222. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/10

Имя английской писательницы миссис Генри Вуд, которая консервативно подписывала свои романы именем мужа, малоизвестно в России – несмотря на то, что в последние десятилетия ее романы довольно активно выпускаются в массовых сериях детективов или сентиментального «чтива»¹.

¹ Так, роман «Ист-Линн» по сей день можно найти в продаже в трех вариантах: [1] (издание выпущено в серии «Библиотека сентиментального романа», но вызывающе эротическое изображение на обложке указывает скорее на любовную литературу самого низкого качества); [2] (серия «Золотой детектив»); [3] (серия «Золотой век детектива»). Примечательно, что роман выпущен в трех разных переводах, что является редкостью: современные российские издатели предпочитают в целях экономии использовать отредактированный перевод XIX в. Также во всех случаях по-разному решен вопрос с написанием имени автора: Генри Вуд, Эллен Вуд, и только в последнем издании имя соответствует тому, которое указывала сама писательница, – миссис Генри Вуд.

Вряд ли читатели этих дешевых изданий догадываются, что перед ними произведение одного из самых знаменитых авторов XIX в.: главный роман миссис Генри Вуд «Ист-Линн» к началу XX столетия был продан тиражом более миллиона экземпляров и переведен почти на все европейские языки [4. Р. 257]. И это показатель успеха не только у массового читателя: так, Лев Толстой упоминает имя миссис Генри Вуд в известном перечне «сочинений, произведших впечатление» [5. Т. 66. С. 68] на него в разные годы жизни, – с пометкой «большое» и выше имен Джордж Элиот и Энтони Тrolлопа. Цель статьи – проанализировать причины столь сильного впечатления и его отражение в романе Толстого «Анна Каренина».

Отправной точкой для данного исследования стал доклад на научной конференции в музее-усадьбе писателя «Ясная Поляна», который в 2007 г. сделала Эдвина Крузе, американская исследовательница русской литературы. Она обратилась к одному из самых интригующих символических эпизодов «Анны Карениной», когда героиня читает в поезде некий английский роман¹. Заметим, что попытки идентифицировать этот роман предпринимаются постоянно, но основаны они, как правило, на предположениях: так, Н.В. Сарана утверждает, что Анна могла читать один из номеров журнала «Отечественные записки», где в 1872–1873 гг. публиковался роман Джордж Элиот «Мидлмарч» [6. С. 85], а В.Г. Андреева указывает, что «по описанию сюжета... он более всего похож на романы Тrolлопа»² [7. С. 66].

Однако самый обстоятельный анализ этого вопроса предприняла именно Эдвина Крузе: материалы ее доклада стали основой для обширной статьи, которая была опубликована в 2010 г. в юбилейном сборнике статей о Толстом [11]. В ней исследователь проводит целое «детективное расследование», аргументированно выделяя и сопоставляя возможных кандидатов на роль «автора» «романа Анны» (среди них она называет Элиот, Тrolлопа, Брэддон и Вуд), и приходит к двум важным выводам. Во-первых, роман в

¹ «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой. Но делать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкий ножичек, усиливалась читать. Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имени, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого» [5. Т. 18. С. 106–107].

² Вообще Тrolлоп – наиболее частая версия «авторства» таинственного романа (вероятно, из-за упоминания «члена парламента»: Тrolлоп известен своим «парламентским» циклом): такое предположение высказывали Джон Сазерленд [8], Карен Хьюитт [9], а издательство «Иностранка» даже разместило на обложке издания романа Тrolлопа «Вот так мы теперь живем» цитату из материала тульской газеты «Молодой коммунар»: «Именно роман Тrolлопа читает Анна Каренина в поезде на роковом пути из Москвы в Санкт-Петербург» [10].

руках Анны – это, конечно, не конкретный роман, а «тщательно продуманная фантазия Толстого, составленная из типично английских сцен и образов, широко представленных в английских романах, которые были популярны в России к 1860-м годам» [11. Р. 160]. А во-вторых, доминируют в этой «фантазии» образы только двух авторов: в определенной степени – Тrolлопа, но главным образом – миссис Генри Вуд.

Аргументация Эдвины Крузе представляется очень убедительной: она основывает свое заключение не на сходстве сюжетных линий каких-либо викторианских романов с деталями «романа Анны» или всей «Анны Карениной», как это делает большинство исследователей. Эпизод с книгой в руках героини она рассматривает в контексте художественной системы толстовского романа, указывая, что «Анна выбирает для чтения современные английские романы, в которых сюжетная линия, пусть смелая и даже сенсационная, пропагандирует ценности семейной жизни» [11. Р. 176]. Эдвины Крузе убеждена, что Анна вообще читает не ради удовольствия (и это видно по тому, что ей не очень хочется читать); английский роман для нее просто еще один необходимый атрибут благочестия замужней дамы из высшего общества, и одновременно он своего рода учебник, который служит «разъяснению добродетели». Именно этим обоснован выбор двух названных авторов: их произведения «посылают неявные (Троллоп) или открытые (Вуд) наставнические послания, подкрепляющие надлежащее поведение и подбодряющие для образцовой английской семьи ценности»¹ [11. Р. 177].

При этом в своей статье Эдвины Крузе ссылается на известную монографию американской исследовательницы Эми Манделкер (1993), которая рассматривает «Анну Каренину» в контексте идей феминизма и также указывает на принципиальную роль английского романа в руках героини: он является своего рода «пролепсисом, определяющим траекторию ее дальнейшей жизни» [12. Р. 60]. Однако Толстой при этом почему-то «обращается к викторианским сюжетам о приобретении (жены и имущества), а не к континентальным сюжетам о прелюбодеянии» [12. Р. 60] – например, очевидной «Мадам Бовари». Эми Манделкер полагает, что писатель намеренно начинает «падение Анны с чтения викторианского романа... и таким образом обнаруживает причину искушения в викторианском домашнем укладе, а не в запретной страсти континентального романа» [12. Р. 60]. И далее исследователь также указывает на романы миссис Генри Вуд как один из характерных примеров такого викторианского нарратива.

¹ На этом же основании Э. Крузе «отбрасывает» две другие кандидатуры на роль «автора», иронично указывая: «Мы можем сразу исключить Брэддон. Анне не подобало читать Брэддоновские сенсации, и уж тем более на публике. Слащаво-набожная лицемерка Лидия Ивановна, публичный знаменосец заповедей своей веры, но не щедрого духа христианства, наверняка бы этого не одобрила. Анна также не читает Элиот. “Ромола” и “Миддлмарч” были для нее слишком интеллектуальными. Если бы Анна читала Элиот, возможно, у нее был бы более рациональный, менее мелодраматичный взгляд на себя» [11. Р. 176].

Казалось бы, два эти утверждения о «романе Анны» – как учебнике благочестия и источнике искушения – полностью противоречат друг другу. Однако именно этой способностью «угождать морализирующим цензорам, пропагандируя традиционные устои и давая горькие моральные уроки, и одновременно удовлетворять стремление рядового читателя к интригам, скандалам и сверхъестественным явлениям» [13. Р. 245] и отличалась Эллиен Вуд (1814–1887). Яркий контраст между обыденной семейной жизнью средних англичан и убийствами, изменами, тайнами и перевоплощениями, соединенными в одном сюжете, был фактическим изобретением писательницы, что и позволило критикам в 1864 г. назвать миссис Генри Вуд «родоначальницей и главой сенсационной школы»¹.

Впрочем, в XX в. ее слава угасла: невысокий художественный уровень произведений Вуд постепенно затемняет вклад писательницы в развитие сенсационного романа, на «пьедестале» которого чаще оказываются только У. Коллинз и М.Э. Брэддон. Уинифред Хьюз, автор первой монографии о жанре «сенсации» (1980), при сопоставлении творчества Вуд и Брэддон откровенно отдает предпочтение последней. «Наиболее развитый талант [Вуд], – пишет исследовательница, – “выжимание” эмоций, расчетливая и неустанная атака на слезные протоки среднего читателя. Ее книги – это чистая мыльная опера, наполненная пафосом, катастрофами, муками вины и раскаяния, бесконечными беседами на смертном одре» [16. Р. 111]. Британский исследователь Денис Губерт, в том же 1980 г. опубликовавший первое развернутое исследование о Толстом и миссис Генри Вуд, называет ее роман «Ист-Линн» «одним из самых читаемых плохих романов XIX века» [17. Р. 39]. Более того, свой анализ проблемы он начинает с вопроса, не ошибся ли Толстой, включая Вуд в тот самый перечень повлиявших на него писателей: возможно, он имел в виду другую английскую писательницу с похожим именем – миссис Хамфри Уорд (Wood – Ward)?

Однако в последние десятилетия творчество миссис Генри Вуд снова привлекло внимание исследователей. Причины этого – в более широком прочтении викторианского романа. Об этом упоминает в своей книге и Эми Манделкер: «В последнее время в критике стало принято рассматривать викторианский роман как “палимпсестный” текст, в котором обнаруживаются различные пласты, подрывающие те самые институты, которые текст открыто поддерживает» [12. Р. 65]. Романы миссис Генри Вуд теперь признаются одним из самых ярких примеров такого «палимпсеста». Как указывает Лин Пикетт, британский специалист по сенсационному роману, во многих произведениях писательницы объединение «условностей популярной

¹ Цит. по: [14. Р. 151]. В 1874 г. еще один рецензент описал новаторство Вуд с помощью оригинальной «обеженной» метафоры: писательница, по его словам, «не прибегает ни к каким гарнирам для своих простых английских блюд, а подает убийства и баранину, суициды и рисовый пудинг, украденные чеки и толстый ломоть хлеба с маслом» (цит. по: [15. Р. 169]).

мелодрамы и сентиментальной бытовой драмы» оказывается «дестабилизирующим процессом», в ходе которого сенсационный сюжет «подрывает основы и принципы сентиментального романа» [18. Р. 67]. Об этом же пишет английский исследователь Эндрю Мэнгем: «Книги Вуд, казалось бы, служат прославлению умеренности, настойчивости и самосовершенствования, но в то же время они показывают, как образ жизни среднего класса порождает те самые опасности и противоречия, которые он так стремился преодолеть», – и за счет этого творчество писательницы становится «серией сложных высказываний об идеалах, лежащих в основе ее культуры» [13. Р. 255].

Самый знаменитый роман Вуд «Ист-Линн» (1861) как нельзя лучше демонстрирует этот процесс «дестабилизации» викторианских семейных устоев. Его главная героиня леди Изабель Вейн – дочь разорившегося аристократа, которая после смерти отца остается без средств и вынуждена принять предложение молодого адвоката Карлайла из небольшого городка. После замужества Изабель оказывается в совершенно другой среде: домом Карлайла управляет его мужеподобная старшая сестра Корнелия, которая откровенно презирует и третирует «избалованную девчонку» за неумение вести хозяйство, в то время как муж постоянно проводит время в конторе. Поворотный момент сюжета случается через несколько лет после этого: героиня встречает беспутного молодого аристократа Фрэнсиса Ливайсона¹, успевшего вскружить ей голову еще до замужества, но довольно долго борется с вернувшейся к ней «горячей привязанностью» [1]. Всё решает ревность к молодой особе по имени Барбара Хейр, которая много лет влюблена в Карлайла: по вечерам она регулярно встречается с адвокатом по некоему семейному делу. Именно ревность, как не слишком убедительно показывает Вуд, в конце концов побуждает Изабель оставить дом, детей и бежать с Ливайсоном во Францию.

Однако прославился роман благодаря третьей части: в ней Изабель, менее чем через год брошенная своим беспринципным возлюбленным и потерявшая новорожденного сына в железнодорожной катастрофе, возвращается в родной дом в качестве гувернантки собственных детей. Обезображенное лицо она дополняет вуалью и голубыми очками. Карлайл, считающий Изабель погибшей, к тому времени уже женат на Барбаре. Вуд подробно описывает мучения главной героини, наблюдающей семейное счастье бывшего мужа и переживающей смерть одного из своих детей. В финале Изабель умирает от чахотки, на смертном одре успев получить прощение Карлайла, но так и не открывшись собственным детям. Поучительный пафос романа очевиден (писательница подкрепляет его и авторскими отступлениями), однако, как справедливо замечает американская исследовательница Марлен Тромп, «симпатия, которую читатели испытывали (и продолжают испытывать) к падшей Изабель, как будто сводит на нет суровое осуждение ее преступления» [4. Р. 259]. А главное – Вуд в «Ист-Линне» показывает

¹ Имена героев даны по изданию: [1].

брак как «неудовлетворительное и обманчивое состояние» [16. Р. 108] и ясно дает понять, что Изабель покидает дом «не столько из-за влечения к другому мужчине, сколько от раздражения и утомления от мужчины, который есть у нее в тот момент» [19. Р. 745].

Толстой познакомился с романом «Ист-Линн» задолго до того, как «ему представился» похожий тип «женщины замужней, из высшего общества, но потерявшей себя», и замысел «сделать эту женщину только жалкой и не виноватой» [20. Ч. 1. С. 32] (из записей С.А. Толстой). В библиотеке писателя сохранилось издание романа на английском языке 1861 г.¹ Денис Губерт, впрочем, указывает, что на деле книга могла быть выпущена позже, поскольку в издательстве Таухница было принято ставить на все переиздания одного романа «либо дату оригинальной английской публикации, либо дату континентального выпуска (обычно на следующий год)» [17. Р. 39]. Косвенным свидетельством неточности выходных данных в книге Толстого исследователь считает и упомянутый перечень «сочинений, произведших впечатление», составленный Толстым в 1891 г.: в нем творчество Вуд отнесено к периоду «с 35-ти до 50-ти лет» [5. Т. 66. С. 68], т.е. с 1863 г. Можно предположить, что интерес к романам миссис Генри Вуд появился у Толстого в 1863–1864 гг. на фоне увлечения творчеством другого «сенсационного» автора – М.Э. Брэддон². В дальнейшем этот интерес стал постоянным: в библиотеке писателя хранятся еще три романа Вуд 1865, 1868 и 1876 гг. издания³, а в 1872 г. он упоминает в письме брату Сергею Николаевичу: «Читаю Вуд чудесный роман» [5. Т. 61. С. 276].

Эдвина Крузе в своем исследовании высказывает мнение, что «в большей степени Толстой обязан Вуд из-за романов, которые она написала после “Ист-Линна”», однако тут же замечает, что в вопросе о влиянии писательницы на «Анну Каренину» такая точность не принципиальна: Вуд «так часто повторяет свои любимые идеи, образы, мотивы и типы персонажей, что порой трудно отличить один роман от другого» [11. Р. 173]. Тем не менее нам представляется, что «Ист-Линн» является удачным материалом для сопоставительного анализа: это наиболее известный и яркий образец того синтеза острой семейной проблематики со скандальным сюжетом, которым прославилась миссис Генри Вуд и который фактически воспроизводит Толстой в «Анне Карениной».

¹ Поскольку Толстой читал роман в подлиннике, вопрос о переводческой рецепции романа в статье не затрагивается. При цитировании мы будем пользоваться как оригинальным текстом, так и русским переводом по изданию [1] в случаях, когда в цитируемых фрагментах адекватно передан смысл подлинника.

² 7 декабря 1864 г. Толстой пишет жене из Москвы: «Вчера утром читал английской роман автора Авроры Флойд. Я купил 10 частей этих английских не читанных еще мною романов и мечтаю о том, чтобы читать их с тобою» [5. Т. 83. С. 85]. Роман М.Э. Брэддон «Аврора Флойд» Толстой, судя по всему, читал осенью 1863 г.

³ В каталоге личной библиотеки Л.Н. Толстого, составленной его секретарем В.Ф. Булгаковым в 1912–1916 гг., указаны еще два романа миссис Генри Вуд 1865 и 1870 гг. издания.

Для сопоставления двух этих романов есть, конечно, более очевидные основания, а именно сходство сюжетов *Анны* и *Изабель*. Его подробно разбирает в своей статье Денис Губерт. Он отмечает схожую предысторию замужества героинь: каждая осталась на попечении тетки, которая постаралась устроить ее брак, каждая вышла замуж без любви. Отмечает исследователь и наличие в черновых вариантах «*Анны Карениной*» старшей сестры Каренина, «старой девушки» [5. Т. 20. С. 22] Мари, которая, как и сестра Карлайла, была против его брака и считала Анну «мелкою» [5. Т. 20. С. 207]. Указывает Денис Губерт и на одинаковое для сюжетов Толстого и Вуд социальное неравенство супругов: только «перспективы служебного продвижения позволили ему [Каренину] задуматься о браке с женщиной из старинного аристократического рода» [17. Р. 28], тогда как возлюбленные героинь равны им по социальному положению, происхождению и манерам. Еще важнее то, что оба супруга «недоумевают по поводу неверности своих жен и никогда всерьез не задумываются о том, что она могла иметь корни в их браке» [17. Р. 29].

Денис Губерт находит и другие схожие художественные детали двух романов. Например, он предполагает, что загадочный эпиграф «*Анны Карениной*» «Мне отмщение, и Аз воздам» (первой части фразы, как указывает исследователь, «нет ни в Ветхом, ни в Новом Завете, ни в русской православной литургии» [17. Р. 38]) Толстой заимствует именно в «*Ист-Линне*». В конце романа Карлайл говорит о Ливайсоне: «Я оставляю его для высшего возмездия – для Того, Кто говорит: “Отмщение мое”»¹ – именно в таком сокращенном виде, как отмечает Денис Губерт, Толстой приводил эпиграф в черновиках «*Анны Карениной*»². Исследователь обращает внимание и на то, что Толстой вслед за Вуд начинает сюжет преступной жены с «дурного предзнаменования» [5. Т. 18. С. 70] – в случае с Анной это смерть сторожа, в романе Вуд – эпизод с золотым крестиком, подаренным *Изабель* покойной матерью: Ливайсон ломает его, случайно наступив на талисман героини. Важную роль играют в обоих романах также сны и предчувствия героев – отметим, что все это характерные для жанра сенсационного романа элементы, которые явно заимствует Толстой.

Денис Губерт, впрочем, ни разу не упоминает в статье о жанровых особенностях «*Ист-Линна*», что неудивительно: его статья была опубликована в 1980 г., когда комплексное изучение сенсационного романа только началось – ранее эти «викторианские триллеры» [22. Р. IX] считались принадлежностью массовой культуры и не рассматривались всерьез. Очевидно, по этой же причине исследователю как будто неловко говорить о связи Толстого с «плохим романом» Вуд, и, проведя весьма точный сравнительный анализ произведений, он не делает практически никакого вывода из своей статьи.

¹ I leave him to a higher retribution – to One who says, ‘Vengeance is mine’ [21].

² «Мщение мое» [5. Т. 20. С. 5]; «Отмщение мое» [5. Т. 20. С. 51, 79].

Исследования творчества миссис Генри Вуд на русском языке единичны и очень локальны¹, однако связи романов «Ист-Линн» и «Анна Каренина» была посвящена недавняя статья Н.И. Павловой (2023). В ней также отмечается общий «событийный ряд» двух историй «о неверной жене, ее измене, страданиях и смерти» в контексте «общей темы распада семьи и женской измены» [25. С. 18]. «Центральная в романе Э. Вуд тема незаконной страсти, запретной сексуальности, нарушения нравственного закона корреспондирует с истоками романного замысла Толстого», – пишет Н.И. Павлова [25. С. 18].

Однако, на наш взгляд, сюжетные переклички демонстрируют лишь «верхний слой» связи романа «Анна Каренина» с художественными принципами миссис Генри Вуд. Близость романов имеет и более сложные основания. Толстой фактически продолжает то, что делает писательница в своих произведениях: используя сенсационный сюжет об адюльтере и двоебрачии, он «подрывает» традиционные представления о семье, которая больше не является оплотом благополучия и стабильности, не становится залогом личного счастья и не защищает от того экзистенциального ужаса, который острее всех испытывает в романе Левин. Толстой достигает этого, выстраивая вслед за Вуд сложную систему семейных ролей, каждую из которых с разной степенью успешности пытаются играть его герои – и, главным образом, героини.

О ролевом принципе построения образов в романах миссис Генри Вуд писали неоднократно: так, британская исследовательница Кэролин Ултон отмечала, что в «Ист-Линне» домашнее пространство сознательно «переделывается» в сцену, на которой конструируются, разыгрываются и оспариваются гендерные роли», что «типично для жанра» [26]. Здесь Кэролин Ултон имеет в виду, конечно, большую роль театральных мотивов и принципов построения сенсационного романа, одним из предшественников которого была сенсационная драма. Американская исследовательница Элизабет Грюнер подчеркивает, что такой «ролевой» подход вообще-то нетипичен для викторианского романа, в котором героини (статья Грюнер посвящена женским образам) «должны не играть роли, а воплощать их» [27. Р. 303]. Как правило, каждая героиня имеет лишь один статус: она чья-то возлюбленная, к концу романа – невеста или жена; она очень редко становится матерью и часто сама не имеет матери. Однако романы Вуд нарушают этот принцип: все ее героини «выступают в нескольких ролях: матери и желанные женщины, жены и дочери», более того, она активно меняют их на протяжении повествования: «отказываясь от одной роли ради другой (дочери ради жены, жены ради матери, матери ради любовницы), героини пытаются играть их все» [27. Р. 305].

¹ О романе «Ист-Линн» писала в небольшом обзорном исследовании В.А. Бячкова (2012): [23]. С.Э. Нуралова в своей книге «Лев Толстой и викторианский роман» (2010) коротко рассказывает о фактах внимания Толстого к творчеству миссис Генри Вуд, отмечая также отдельные переклички между ее романом «В лабиринте» и «Анной Карениной»: [24. С. 58–61].

Отметим, что вообще-то жанр сенсационного романа сам подготовил почву для такого усложнения образной системы, поскольку сюжет в нем всегда посвящен жизни семьи, в которой и обнаруживаются некие «скелеты в шкафу», темные и скандальные тайны. Однако именно миссис Генри Вуд начала уделять так много внимания проблемам материнства и активно включать в семейную жизнь главных героев образы детей, а также других родственников: в «Ист-Линне», например, значительную роль в сюжете играют не только сестра Карлайла, но и брат Барбары, подозреваемый в убийстве. Семейные связи усложняются, а значит, почти каждая героиня действительно играет сразу несколько ролей: так, Изабель в начале романа дочь, затем сирота, потом жена, мать, невестка по отношению к Корнелии Карлайл, любовница, разведенная женщина, наконец, гувернантка собственных детей.

Роман «Анна Каренина», посвященный в первую очередь проблеме семьи, своеобразно соединяет в себе традиции двух жанров английской литературы – семейного и сенсационного романа. В первом из них семья и семейные ценности провозглашались единственно верной позитивной «константой» художественного мира, а если в камерном семейном хронотопе и случались кризисы, то к концу повествования они счастливо преодолевались, и гармония восстанавливалась¹. Толстой буквально воспроизводит эту схему в своем раннем романе «Семейное счастье» (1859), но его острое недовольство только что опубликованным произведением² показывает, что писатель сам видел искусственность и ограниченность этого жанрового канона. В «Анне Карениной» традиции семейного романа ощущаются только в линии Кити и Левина – основные мотивы здесь даже схожи с «Семейным счастьем».

Однако к началу 1870-х гг. Толстой уже был знаком с другой традицией, гораздо более подходящей для создания романа о несчастливых семьях. Возможно, сенсационный роман со всем его художественным несовершенством и массой мелодраматических условностей привлек внимание писателя еще и в силу того, что в центре его находилась семейная проблематика. При этом акцент в жанре «сенсации» был принципиально смещен с сюжета создания семьи, который вообще более частотен в романной традиции, на проблемы семьи уже состоявшейся. И в семье этой не все благополучно – более того, в ней происходят неприятности самого скандального характера.

То, что Толстой активно использует этот жанровый канон в «Анне Карениной», демонстрирует уже начало романа: «Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме» [5. Т. 18. С. 3]. Настойчивое повторение слова «дом» в этих двух предложениях

¹ Подробнее см. об этом: [28. С. 69–111].

² «Моя Анна, как я приехал в деревню и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму, и, кажется, больше никогда писать не буду» [5. Т. 60. С. 295]. В том, что Толстой называет «Семейное счастье» «Анной», нередко видят связь с будущей «Анной Карениной».

(аналогично тавтологии «члены семьи и домочадцы» в следующих фразах) не случайно: писатель намеренно делает акцент на том, что «скелет в шкафу», обнаруженный Долли, ставит вопрос о самом существовании их дома и семьи. Фактически дома уже нет: на это указывает сравнение с постоянным двором¹.

Положение, в котором оказывается Долли, перекликается с сюжетной коллизией романа Вуд: героиня, семейная женщина, жена и мать, находится в ситуации мучительного выбора. Как и Изабель, она намеревается покинуть дом из-за мук ревности, а по сути – из-за открытия, что роль жены ей больше не принадлежит, что ее место занято. Кэролин Ултон указывает, что именно такова истинная причина бегства героини Вуд: ею движет не столько страсть к Ливайсону, сколько осознание «собственной... ненужности»: «Изабель чувствует, что ее вытеснили с принадлежащего ей места» другие женщины, которые «способны исполнить ее роль лучше, чем она сама» [26]. Барбара Хейр, получающая от Карлайла больше внимания, чем его собственная жена, и властная сестра героя Корнелия, управляющая домом, одинаково демонстрируют, что они больше подходят Карлайлу в качестве спутницы жизни. Марлен Тромп даже замечает, сколь двусмысленно в этом плане звучит реплика героя, когда он шутливо говорит измучившейся от ревности Изабель: «У тебя столько же причин ревновать к Корнелии, сколько и к Барбаре Хейр» [21]. «На самом деле, – пишет Марлен Тромп, – у Изабель столько же или даже больше причин ревновать к Корнелии, сколько и к Барбаре» [4. Р. 265].

Долли не вытесняют с места хозяйки дома, но Толстой ясно показывает, что она уже давно не воспринимается Стивой как жена – и более того, он полагает, что сама Долли должна осознавать это: «...она, истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна» [5. Т. 18. С. 5]. Таким образом, Долли давно только «мать семейства», но сама она не подозревает этого. Ужас героини от открытия неверности мужа в чем-то сопоставим еще и с завязкой романа «Ист-Линн», когда Изабель после смерти отца узнает, что осталась совершенно нищей. Усиливает потрясение героини Вуд и то, что в начале романа она, как пишет Кэролин Ултон, «сама того не подозревая, уже играет роль, которая уже не принадлежит ей по праву» [26]: занимается благотворительностью, помогая семье бедного церковного органиста, вызывает зависть всех дам городка своими кружевами и бриллиантами. Так и Долли, прожив много лет с ветреным Стивой, наивно полагает, что она «одна женщина, которую он знал» [5. Т. 18. С. 73], и даже после обнаружения роковой записки не может «отвыкнуть считать его своим мужем и любить его» [5. Т. 18. С. 12].

¹ Схожую трактовку этого стилистического приема дает в своей монографии Р.Ф. Гу-стафсон: «Во втором абзаце “Анны Карениной” слово “дом” и производные от него употребляются восемь раз, но в виду имеется провал попытки стать обитателем дома» [29. С. 57].

Интересно, что и Стива на протяжении их девятилетнего брака тоже никак не может отвыкнуть – только, напротив, от холостой жизни: «Как ни старался Степан Аркадьич быть заботливым отцом и мужем, он никак не мог помнить, что у него есть жена и дети. У него были холостые вкусы, только с ними он соображался» [5. Т. 18. С. 274]. Герой только играет роль мужа и отца, как и Долли после семейного кризиса начинает играть роль его жены: продолжая подозревать неверность, «она позволяла себя обманывать, презирая его и больше всего себя за эту слабость» [5. Т. 18. С. 128].

Хотя Долли не оставляет семью, как Изабель, она тоже фактически уступает свою роль жены другой женщине – в начале романа это бывшая гувернантка ее детей, француженка m-lle Roland. Денис Губерт обратил внимание на то, что в черновом варианте этого эпизода имя гувернантки было другим – «Лидия Ивановна Шер» [5. Т. 20. С. 88]. Исследователь полагает, что это была просто «тайная шутка» [17. Р. 37] Толстого, однако причины перехода этого имени от любовницы Стивы к влиятельной петербургской даме (в первых вариантах этого образа не было – его функции выполняла старшая сестра Каренина Мари) могли быть вполне серьезными, связанными с той же переменной ролей. Приятельница Каренина Лидия Ивановна тоже занимает место Анны после ее ухода из семьи, она тоже соперница Анны – как гувернантка с тем же именем¹ отнимает у Долли ее законную роль жены.

Коллизия с гувернанткой, разрушающей семейное счастье Долли, выглядит, кроме того, любопытной аллюзией на третью часть романа «Ист-Линн», когда Изабель возвращается в свой дом в роли гувернантки. Одним из самых психологически напряженных эпизодов этой части является ее беседа с Барбарой – новой хозяйкой дома и мачехой детей Изабель. Уверенно и самодовольно Барбара излагает новой гувернантке свои взгляды на материнство, осуждая матерей, которые «впадают в крайность», слишком много внимания уделяя своим детям: они «или пропадают в детской, или же берут детей в гостиную. Они их купают, одевают, кормят, превращая себя в рабов» [1]. Портрет такой матери в устах героини очень напоминает удел Долли: «У такой матери нет ни времени, ни сил на самообразование, и с годами она теряет уважение своих детей. Усталая, задерганная мамаша, которая раздражается из-за малейшего шума, производимого детьми...» [1]. А главное, акцентирует Барбара, – это плохо влияет на супружеские отношения: «Дети носятся, сломя голову, муж, которому все это надоело, ищет покоя и уединения в других местах» [1]. Задача разумной женщины, заключает Барбара, – уделять первоочередное внимание мужу, изредка занимаясь нравственным воспитанием детей.

В новой семье Карлайла, таким образом, устанавливается то же разделение ролей, что и в доме Облонских. Изабель больше не жена, но она смогла

¹ Между прочим, Толстой даже оставляет двум героиням-«тезкам» некоторые общие внешние черты: так, Стива вспоминает «черные плутовские глаза» [5. Т. 18. С. 6] гувернантки; Лидию Ивановну также отличают «прекрасные задумчивые черные глаза» [5. Т. 18. С. 114].

занять вакантное место матери собственных детей, поскольку для Барбары важнее роль любящей супруги. Точно так же Долли больше не является полноценной женой Стивы и целиком погружается в материнские заботы, действительно становясь «рабой» собственных детей: «хлопоты и беспокойства эти были для Дарьи Александровны единственно возможным счастьем» [5. Т. 18. С. 276]. А гувернантка (своеобразная инверсия сюжета Вуд) является фактической женой, но не матерью (не случайно она уже «бывшая», т.е. к моменту любовной интриги перестала заботиться о детях Стивы).

Характерно, что Долли как «добрая мать семейства» также не идеализируется Толстым: фактически в прямом соответствии с упреком Барбары она больше занимается текущими заботами о детях, но не их воспитанием, и сама понимает это. В минуту уныния по дороге в имение Вронского она признает, что ее материнское «рабство» не приносит плодов: «И всё это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети» [5. Т. 19. С. 181]. Впрочем, как справедливо замечает Эми Манделкер, в этом виновата не Долли, а «неправильность» их со Стивой семьи, ее угнетенное и безвыходное положение: дети Облонских «растут в доме, построенном на лицемерном, фиктивном браке, и по мере взросления все больше осознают, что их мать находится в пассивном рабстве у патриархального общества» [12. Р. 52].

Эми Манделкер, кроме того, убеждена, что образ Долли создан Толстым как карикатура на викторианский идеал матери семейства, каким он представлен в классических романах Диккенса или Тrollope. В отличие от этих полных и добродушных матрон «Долли поразительно истощена и измождена, как ломовая лошадь среди холеных чистопородных скакунов; ее окружают не пухлые херувимы, а грязные, непослушные сорванцы». Домашний уют английских романов – «кипящий чайник... сытные, но простые угощения из топлёных сливок и домашних булочек – иронично “перефразируется” в отчаянных попытках Долли накормить и одеть своих детей, в их шалостях с молоком и вареньем, и в момент ее унижения, когда заплатанная кофточка... заставляет ее стыдиться перед слугами в имении Вронского» [12. Р. 53]. Исследователь заключает, что Толстой, создавая образ Долли, «разоблачает культ домашнего очага», показывая, «во что он часто превращается в неудачном браке: угнетение женщины и отрицание ее самооценности, увековеченные мифом о славе материнства и домоводства» [12. Р. 53].

Другой вариант добровольного выбора своей роли представлен в сюжете Анны. До определенного момента она имеет статус «жены одного из важнейших лиц в Петербурге и петербургской *grande dame*» [5. Т. 18. С. 71]. Однако Толстой в первых главах романа несколько раз подчеркивает, что это тоже только роль: Долли чувствует «что-то... фальшивое во всем складе... семейного быта» [5. Т. 18. С. 71] Карениных; и сама Анна по возвращении в Петербург «ясно и больно» осознает «давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства в отношениях к мужу» [5. Т. 18. С. 110].

Вспыхнувшее в ней чувство к Вронскому, по сути, аналогично прозрению Долли после обнаружения измены мужа: Анна начинает ясно видеть ответственность и даже некоторую театральность собственной жизни. Она перестает посещать кружок Лидии Ивановны, поскольку понимает, что «и она, и все они притворяются» [5. Т. 18. С. 134], и в день приезда «как будто в первый раз» видит саму Лидию Ивановну «со всеми ее недостатками» [5. Т. 18. С. 115]. Даже в страстной любви к сыну – единственном искреннем чувстве, которое испытывает Анна, обнаруживается налет идеализации: увидев Сережу, она понимает, что «воображала его лучше, чем он был в действительности» [5. Т. 18. С. 114].

Эта способность «ясно видеть» действительность проявится у Анны еще дважды, и каждый раз в момент кризиса: первый раз – когда она, будучи в полубреду родильной горячки, просит прощения у мужа и признает, что поступала дурно («теперь я понимаю, и все понимаю, я все вижу» [5. Т. 18. С. 433]), и второй – когда перед самоубийством «она ясно видела» все вокруг «в том пронзительном свете, который открывал ей теперь смысл жизни и людских отношений» [5. Т. 19. С. 343]. В промежутках между тремя этими эпизодами «ясного видения» Анна или «одевается» «в непроницаемую броню лжи» [5. Т. 18. С. 153], вынужденная лгать мужу, или приобретает привычку щуриться, чтобы не видеть свое положение после ухода из семьи.

Австралийская исследовательница Меган Нэш в своей статье об «оптике чувства» в «Ист-Линне» отмечает схожую «проницательность» Изабель, ее «ярко выраженную способность воспринимать и понимать эмоции окружающих ее людей» [30]. Не случайно, как указывает исследователь, во внешности героини большое значение имеют глаза: именно они позволяют узнать ее, и потому Изабель носит голубые очки, став гувернанткой. Правда, кризисные события влияют на Изабель противоположным образом: она своего рода «слепнет», подозревая мужа в измене: «в своей слепой ярости она ненавидела его»; «она как в омут бросилась в минуту ослепления»; о том же героине с насмешкой говорит позже Ливайсон: «Вы стали жертвой слепой ревности» [21]. Впрочем, Меган Нэш указывает, что в действительности интуиция, столь важная для героев сенсационного романа, не подвела Изабель и тогда: «...именно она позволяет ей понять скрытую привязанность Карлайла к Барбаре, которая все-таки выходит на поверхность, когда он берет ее в... жены» [30]. Карлайла же исследователь называет «эмоционально неграмотным»: на протяжении всего повествования он демонстрирует поразительную неспособность понять чувства окружающих его женщин (и это очень напоминает душевный склад Каренина: «переноситься мыслью и чувством в другое существо было душевное действие, чуждое Алексею Александровичу» [5. Т. 18. С. 152]).

Интуитивность свойственна и Анне: помимо прочего, она остро чувствует и свое несоответствие роли, которую играет на данный момент. После бала в Москве она ощущает «недовольство собою» и признается, что,

приехав примирять¹ и соединять, сделала «дурное» дело в отношении Кити: «Я только думала сватать, и вдруг совсем другое» [5. Т. 18. С. 105]. А после сближения с Вронским, боясь обдумывать свое положение днем, она четко понимает его во сне: «Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расстачали ей свои ласки» [5. Т. 18. С. 159]. Отчасти этот сон, как и другие сны Анны, становится пророческим в тот момент, когда Каренин и Вронский встречаются у ее постели; а до того ощущение Анны вербализует Каренин, говоря Дарье Александровне: «...нельзя жить втроем» [5. Т. 18. С. 415].

Толстой здесь явно задействует любимый авторами сенсационного романа мотив двоебрачия, который станет особенно очевиден в эпизоде посещения Долли Воздвиженского. В их приватной беседе Анна называет Вронского «своим мужем, все равно мужем» [5. Т. 19. С. 214]. Впрочем, фактического двоебрачия в романе нет, и это тоже сближает Толстого именно с романной традицией Вуд, которая «избегает двоеженства» или «дает своим добродетельным героям возможность юридически оправданного двоебрачия» [16. Р. 111]: так, Карлайл женится на Барбаре даже не после официального развода (сложности этой процедуры в романе опущены), но только после известия о ее мнимой смерти.

Изабель, таким образом, формально оказывается свободной женщиной после того, как ее бросает Ливайсон, – хотя Вуд в обычной нравоучительной манере подчеркивает, что только теперь героиня осознает ценность своего замужества. Ей тоже, как и Анне, снится мучительный сон: в нем она снова видит себя женой Карлайла, в окружении их троих детей. Характерно, что сон идеализирует их семейную жизнь: муж гуляет с Изабель под руку (что случалось редко), более того – рассказывает ей о своей работе, в тонкости которой героиню никогда не посвящали. Однако в чем-то и этот сон оказывается пророческим: когда Изабель возвращается в свой дом в роли гувернантки, она узнает о жизни гораздо больше, чем во время замужества. Кэролин Ултон в своей статье подчеркивает, что это и было подлинной «сенсацией» романа Вуд: парадоксальным образом Изабель, стесненная многочисленными ограничениями в доме у отца, жестокой тетки, в браке с Карлайлом, «впервые обретает полную свободу» [26] после своего падения. Она путешествует на поезде, хотя раньше ей было позволено ездить только в закрытой карете; она присутствует при смерти своего сына, хотя к умирающему отцу ее, как леди, не допускали. «Нулевой» статус героини тоже ока-

¹ Эдвина Крузе в своей статье делает интересное наблюдение и об искусственности роли «ангела-хранителя», в которой выступает Анна, приехавшая мирить Долли и Стиву: она указывает на то, что у героини в реальности не было опыта общения с «этими людьми, как Стива», и знания, «как они смотрят на это». Все свои выводы о том, что «эти люди делают неверности, но свой домашний очаг и жена – это для них святыня» [5. Т. 18. С. 75], Анна берет, по мысли исследователя, из тех же английских романов. И они же объясняют «странное несоответствие между наивностью Долли в отношении распутства Стивы и точностью, с которой она представляет себе, что скажет Анна: “Все утешения, увещания, и прощения христианские”» [11. С. 174]: Долли читала те же романы.

зывается своего рода «палимпсестом»: Вуд подчеркивает моральные страдания Изабель, но на деле она наконец свободна выбрать любую роль для себя – вот почему «маскарад» с переодеванием в гувернантку вполне логичен даже при всем неправдоподобии.

Анна, покинув дом Каренина, тоже фактически становится «ничьей женой» [5. Т. 18. С. 415], как того боится Долли. Она живет в промежуточном положении, в ситуации неопределенного статуса, который, однако, не раскрепощает ее, как Изабель, а наоборот, сковывает. Имение Воздвиженское, где поселяются Анна с Вронским, само по себе показано Толстым как искусственное пространство, полное не доведенных до конца проектов. Жизнь в нем также искусственна: это подчеркивается той атмосферой игры, которая показана глазами Дарьи Александровны. Анна, Вронский и все их гости на протяжении целого дня активно занимаются почти детскими забавами: катаются на лодке, кормят лошадей сахаром, играют в теннис. Долли очевидна «ненатуральность» [5. Т. 19. С. 211] такой жизни, и хотя ей нравятся хозяйственные нововведения Вронского, она все время ощущает, что «играет на театре с лучшими, чем она, актерами и что ее плохая игра портит все дело» [5. Т. 19. С. 211]. О сгущенной «театральности» этого эпизода подробно пишет финская исследовательница Барбара Леннkvист: она указывает, что Анна и Вронский только «играют в брак» [31. С. 18], более того, в процессе этой игры они пытаются воплотить в жизнь тот самый «английский роман», который читала в поезде Анна.

Помимо того, что Анна не жена Вронского (перед смертью она признает это: «Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим» [5. Т. 19. С. 343]), она и не хозяйка в его доме, что замечает опытная Дарья Александровна. Барбара Леннkvист полагает, что Анна сама «отказалась от роли жены-женщины в доме» [31. С. 60]. Хотя героиня и «была хозяйкой... по ведению разговора» [5. Т. 19. С. 205] за столом, фактически она является такой же гостьей, как и остальные. Это подчеркивает и ассоциация, которую вызывает у Долли отведенная ей комната: она напомнила ей «лучшие гостиницы за границей» [5. Т. 19. С. 190].

Однако ключевым моментом эпизода в Воздвиженском является признание Анной того, что она сознательно отказалась от роли матери. Сначала героиня, зайдя в детскую, признается, что почти не участвует в уходе за дочерью: «Мне иногда тяжело, что я как лишняя здесь» [5. Т. 19. С. 194]; а затем прямо заявляет, что материнство несовместимо с ее положением: «Ты пойми, я не жена; он любит меня до тех пор, пока любит. И что ж, чем же я поддержу его любовь? Вот этим?» [5. Т. 19. С. 214]. Диалог Долли с Анной о материнстве очень напоминает уже упомянутую беседу Барбары с Изабель-гувернанткой о приоритетах жены и матери: как и у Барбары, цель Анны – жить для мужчины, которого она любит, фактически – служить ему. «Подумай, у меня выбор из двух: или быть беременною, то есть больною, или быть другом, товарищем своего мужа, всё равно мужа» [5. Т. 19. С. 214] – эти слова Анны перекликаются с репликой Барбары: «Если нам с мистером Карлайлом

нужно бывает ехать в гости, ребенок отходит на второй план. Я никогда не променяю мужа на ребенка, как бы сильно ни любила последнего» [21].

Анна обозначает еще и новую роль, которую пытается принять на себя, живя с Вронским, – роль «товарища». Эта роль, очевидно, внесемейная, она принадлежит к другой сфере: словарь В.И. Даля определяет такие его значения, как «дружка, сверстник, ровня в чем-либо; однолесток; односум; помощник, сотрудник; соучастник в чем; клевет, собрат» [32. Т. 4. С. 774–775]. Анна действительно стремится не просто помогать Вронскому в его хозяйственных начинаниях, но стать ему ровней: «...все предметы, которыми занимался Вронский, она изучала по книгам и специальным журналам, так что часто он обращался прямо к ней с агрономическим, архитектурными, даже иногда коннозаводческими и спортсменскими вопросами. Он удивлялся ее знанию, памяти и сначала, сомневаясь, желал подтверждения; и она находила в книгах то, о чем он спрашивал, и показывала ему» [5. Т. 19. С. 219–220].

В романе Вуд статуса «товарища» нет, и вряд ли он был бы приемлем для писательницы, создававшей себе репутацию блюстительницы семейных традиций (на это указывает и выбор ею авторского имени – не Эллен Вуд, а миссис Генри Вуд). Однако в английской литературе такие примеры встречаются, и нередко: самый яркий из них – Доротея Брук из романа Джордж Элиот «Мидлмарч»¹, которая выходит замуж за ученого священника Эдварда Кейсобона с целью помогать ему в создании научного труда «Ключ ко всем мифологиям». Впрочем, «товарищем» Анне удастся быть недолго: их с Вронским общие интересы заканчиваются после отъезда в Москву, где они ждут развода. Отметим, что их неравное положение в это время очень схоже с тягостной жизнью Изабель и Ливайсона в Гренобле: героиня живет на съемной квартире в ожидании судебного решения о разводе, надеясь вступить в новый брак до рождения ребенка, а Ливайсон половину времени проводит в Париже, «где он бывал по своим делам и ради собственного удовольствия» [1].

Анна так же обречена большую часть времени проводить в одиночестве, и здесь она, осознанно или нет, выбирает себе новую роль. Характерно, что для ее прояснения Толстой вновь использует «взгляд со стороны»: ранее Анну оценивала Долли, теперь – Левин. Несмотря на то, что героиня очаровывает его во время знакомства, по дороге к ней у Левина с Облонским происходит разговор, своеобразно расставляющий моральные акценты. Когда Стива жалуется на тяжелое положение Анны, Левин вспоминает: «Да ведь у ней дочь; верно, она ею занята?» [5. Т. 19. С. 272]. Облонский иронично отвечает: «Ты, кажется, представляешь себе всякую женщину только самкой, une couveuse [наседкой]... Занята, то непременно детьми. Нет, она прекрасно воспитывает ее, кажется, но про нее не слышно» [5. Т. 19. С. 272].

¹ В яснополянской библиотеке есть издание романа «Мидлмарч» на английском языке 1872 г. со следами чтения Толстого.

И далее Стива поясняет: Анна пишет детскую книгу и занимается детьми тренера-англичанина.

Из ответа Облонского очевидно, что Анна совсем не занимается дочерью: на это указывает его оговорка «воспитывает ее, *кажется*» и почти прямое признание: «но про нее не слышно»¹. Но хотя Анна и не выполняет роли матери, она становится своего рода псевдоматерью: воспитывает чужих детей, пишет книгу для детей. Отчасти это тоже перекличка с ролью гувернантки, которую играет Изабель: Анна «сама готовит мальчиков по-русски в гимназию, а девочку взяла к себе» [5. Т. 19. С. 273]; во время визита Левина она представляет ее как свою «воспитанницу» [5. Т. 19. С. 274]. Не имея полноценной семьи, Анна как будто создает себе семью новую, не случайно Стива говорит, что «теперь все семейство [англичанина] на ее руках» [5. Т. 19. С. 273]. Однако эта роль Анны так же искусственна, как и предыдущая: Вронский указывает, что ее пристрастие к девочке-англичанке «ненатурально», а сама Анна признается в отвращении к работе воспитательницы в широком смысле: она говорит Левину, что никогда не смогла бы «полюбить целый приют с гаденькими девочками» [5. Т. 19. С. 277].

В последних главах о судьбе Анны Толстой своеобразно «закольцовывает» композицию связанного с ней сюжета, заставляя Долли и Анну поменяться ролями. В начале романа ревность и оскорбление мучает Дарью Александровну («вместо любви, нежности у меня к нему одна злоба, да, злоба» [5. Т. 18. С. 75]), и Анна приезжает утешить ее; в конце седьмой части Анна едет на станцию с тем же чувством ревности, злобы и ненависти ко всему. Она тоже приходит к Долли в смутной надежде на совет: «Да, я скажу Долли всё. Она не любит Вронского. Будет стыдно, больно, но я всё скажу ей. Она любит меня, и я последую ее совету», – но выходит от Облонских с еще большим «чувством оскорбления и отверженности» [5. Т. 19. С. 340]. Эми Манделкер считает, что в этом эпизоде, «когда Анна больше всего нуждается в ней, Долли подводит ее; ей важнее проконсультировать Кити по поводу грудного вскармливания, чем откликнуться на очевидную беду Анны» [12. Р. 52].

В конечном счете Анна погибает именно от невозможности выполнять хоть какую-нибудь настоящую роль – в свете, в семье, в мире. Она признает, что она «не может и не хочет» [5. Т. 19. С. 343] быть никем, кроме любовницы, но если Вронский не любит ее, эта роль также бессмысленна. «Боже мой, куда мне?» [5. Т. 19. С. 348] – эта предпоследняя реплика в жизни Анны указывает на пребывание героини в «нулевом» статусе (как и случайная реплика проходящих горничных – о «настоящих» ее кружевах). Поэтому выход остается один – прекратить это неопределенное положение, «избавиться от всех и от себя» [5. Т. 19. С. 348].

¹ В этом «отсутствии» ребенка видна отсылка к первоначальным планам романа, где дочь Анны и Вронского умирает как раз в период их жизни в Москве, незадолго до гибели Анны. См.: [5. Т. 20. С. 5].

В романе Толстого есть, однако, еще одна героиня, которая, в свою очередь, пытается занять место Анны после ее ухода от мужа. Это, конечно, графиня Лидия Ивановна. Ее карикатурный облик набросан Толстым весьма схематично: до кризиса в семье Карениных она изображена исключительно как влиятельная, «знаменитая» [5. Т. 18. С. 113] дама, через «кружок» которой «Алексей Александрович сделал свою карьеру» [5. Т. 18. С. 134]. Однако высокое положение героини в обществе сразу же нивелируется определением «наш милый самовар» [5. Т. 18. С. 113], которое дает ей Каренин, – в нем уже ощущается та смесь комического и интимного, которой будут отличаться отношения героев во второй половине романа.

Когда у Лидии Ивановны появляется новая роль, Толстой коротко уделяет внимание ее прошлому. Выясняется, что героиня замужем, но только формально: «на второй месяц муж бросил ее» [5. Т. 19. С. 82]. О причинах разрыва читателю предлагается догадаться самостоятельно, но примечательно, что эту короткую биографическую «справку» Толстой набрасывает прямо-таки в сенсационном духе. Безымянный граф, муж Лидии Ивановны, назван «богатым, знатным, добродушнейшим и распутнейшим весельчаком» [5. Т. 19. С. 82] – это очень напоминает описание отца Изабель, графа Маунт-Северна, которым открывается «Ист-Линн». В образе разорившегося аристократа Вуд также делает два акцента: с одной стороны, что его «безрассудство, расточительность, страсть к азартным играм и беспутство превосходили все известные пределы», с другой – что «виною всем его порокам была голова, что более доброе сердце или благородная душа никогда еще не соседствовали в брэнном человеческом теле» [1].

Одновременно Толстой вновь использует мотив «скелета в шкафу», указывая, что разрыв супругов произошел не из-за «распутства» мужа, а как-то связан с «молодою восторженною» [5. Т. 19. С. 82] Лидией. То, что здесь скрыта некая мрачная или постыдная тайна¹, подчеркивается намеренным повторением фразы о необъяснимой «враждебности» добросердечного графа к своей супруге: он говорит с ней теперь с «неизменной ядовитой насмешкой, причину которой нельзя было понять» [5. Т. 19. С. 82].

Таким образом, Лидия Ивановна к моменту «несчастья, постигшего Каренина» [5. Т. 19. С. 83], имеет тот же статус, что и он: будучи замужней женщиной, она живет врозь со своим супругом. Фактически героиня и была не столько женой, сколько возлюбленной: на это указывают и «восторженные... уверения в нежности» [5. Т. 19. С. 82] покинувшему ее супругу, и перечень лиц, в которых она была пылко влюблена после этого. В Каренина Лидия Ивановна тоже влюблена – и жаждет взаимности: «...она искала на его лице признаков того впечатления, которое она производила на него. Она

¹ Интересно, что впоследствии Лидия Ивановна сама стремится придать их с Карениным отношениям ореол тайны: в частности, она по несколько раз в день пишет ему записки, поскольку «этот процесс сообщения с ним» имел «в себе элегантность и таинственность, каких не доставало в ее личных сношениях» [5. Т. 19. С. 85]. Это еще раз подчеркивает черты «сенсационности» в образе героини.

хотела нравиться ему не только речами, но и всею своею особою» [5. Т. 19. С. 83]. Это положение, вкупе с пылким чувством, роднит ее с Барбарой Хейр, которая долгие годы влюблена в Карлайла и даже признается ему в любви, когда он уже женат на Изабель. Барбара, как указывает в этом эпизоде Вуд, относилась к типу «женщин с горячим, импульсивным темпераментом, которые в некоторые моменты сильного возбуждения не могут не переступить границы приличий», и потому, став свидетельницей семейного счастья Карлайла, «она чувствовала, что не в силах сдерживать свое возбуждение» [21]. Точно так же Лидия Ивановна, получив письмо от Анны с просьбой о встрече с сыном, приходит в сильнейшее возбуждение: «У ней от волнения сделался припадок одышки, которой она была подвержена» [5. Т. 19. С. 84].

Обе героини получают шанс соединиться со своим возлюбленным в немолодом возрасте. Лидия Ивановна, очевидно, примерно одних лет с Карениным: на возраст героини намекает фраза о том, что «цель ее туалета была теперь совсем обратная той, которую она преследовала тридцать лет тому назад» [5. Т. 19. С. 87–88]. Барбаре в начале романа девятнадцать лет, однако замуж за Карлайла, судя по всему, она выходит не раньше чем в 27–28 лет. Впрочем, официальное положение героинь разнится: Барбара становится законной женой, а Лидия Ивановна вынуждена только мечтать о том, «что было бы, если б она не была замужем и он был бы свободен» [5. Т. 19. С. 83]. Более того, карикатурность героини Толстого проявляется в том, что в попытке занять место Анны она пытается играть сразу несколько ролей и во всех них проявляет полную беспомощность и даже приносит вред.

Первое, что предлагает Лидия Ивановна Каренину, – помощь по дому: «Я буду ваша экономка» [5. Т. 19. С. 80]. Комизм ситуации, конечно, заключается в том, что героиня тут же признается: «Я не сильна в практических делах» [5. Т. 19. С. 80]. Это, однако, не останавливает энергичную Лидию Ивановну: «Она действительно взяла на себя все заботы по устройству и ведению дома Алексея Александровича», невзирая на то, что «все ее распоряжения... были неисполнимы» [5. Т. 19. С. 81]. Таким образом, Лидия Ивановна становится псевдоэкономкой (в реальности делами начинает заправлять камердинер Каренина Корней). В своем совершенном неумении вести хозяйство героиня очень напоминает замужнюю Изабель, которая в первое утро после приезда в Ист-Линн в роли молодой жены не может сделать заказ мяснику и робко произносит: «Ну... что-нибудь, что можно жарить и варить, пожалуйста» [1]. И затем признается негодующей Корнелии: «Я полная невежда во всем, что касается ведения домашнего хозяйства» [1]. Интересно, что имя подлинной хозяйки Ист-Линна – Корнелия, или мисс Корни, – схоже с именем камердинера Корнея.

Помимо того, что Лидия Ивановна пытается управлять домом Каренина, она еще и начинает участвовать в воспитании его сына. Впрочем, и здесь она не играет полноценной роли ни матери, ни гувернантки Сережи; все ее участие заключается в желании исключить Анну из жизни сына. Реализация этой функции заключена Толстым в одной емкой фразе – комической и тра-

гической одновременно: «Графиня Лидия Ивановна пошла на половину Сережи и там, обливая слезами щеки испуганного мальчика, сказала ему, что отец его святой и что мать его умерла» [5. Т. 19. С. 81].

Формально, впрочем, роль Лидии Ивановны схожа с ролью Барбары, которая после замужества становится мачехой детей Изабель. Анна вынуждена обратиться к Лидии Ивановне с просьбой увидеть сына (тем самым признавая ее власть как «опекунши» мальчика), и Изабель может приблизиться к собственным детям только с позволения Барбары – не подозревающей, впрочем, кого она наняла в качестве гувернантки.

Роли Барбары и Лидии Ивановны схожи и в главном: обе считают своей главной целью составить счастье любимого человека и отвлечь его от горестных воспоминаний о недостойной жене. В этом они оказываются успешны. Элизабет Грюнер отмечает, что Барбара вообще более успешна, чем Изабель, «потому что умеет четко выполнять свою роль: как сестра и дочь, она неустанно трудится для своего брата и матери; как жена – ставит мужа на первое место; как мать она уважаемый и авторитетный учитель нравственности» [27. Р. 316]. Но симпатии автора и читателей оказываются не на ее стороне¹ – и уж тем более не вызывает сочувствия ханжески-чувствительная Лидия Ивановна. Свою основную роль спасительницы она также выполняет хорошо, но этим способствует гибели Анны и духовному омертвлению Каренина.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью говорить, что творчество миссис Генри Вуд сыграло существенную роль при разработке сюжета «Анны Карениной». Толстой задействует изобретенную английской писательницей модель произведения, в котором сенсационный сюжет адюльтера, не новый для мировой литературы, оказывается лишь «верхним слоем» повествования, своего рода привлекательной «упаковкой», внутри которой скрывается не менее напряженный сюжет о проблемах современной семьи. Вслед за Вуд Толстой изображает тщетные попытки героинь найти свое место в жизни – и при этом не играть роль, а следовать своему подлинному чувству. Но, как и Изабель в «Ист-Линне», и Анна и Долли вытесняются с того места, за которое они борются. Долли предана семье и мужу – но Стива меняет ее на другую женщину, поскольку Долли недостаточно молода и красива. Анна пытается посвятить свою жизнь Вронскому – но ему тягостны эти «любовные сети». Одновременно Лидия Ивановна лишает ее возможности соединения со страстно любимым сыном, хотя сама не способна играть ни роль матери, ни роль жены Каренина.

В конечном счете эта «игра» с семейными ролями, пришедшая в «Анну Каренину» из романов Вуд, помогает Толстому решить главную проблему его произведения, связанную с самоопределением человека в мире. Пустота, в которой оказывается Анна, бросив все ради страсти, и тяжелая семейная

¹ Эту неприязнь разделяло и большинство первых критиков романа: так, Маргарет Олифант писала, что Барбара – это персонаж, которого «хотелось бы выпроводить за дверь и избавиться от него любым способом» [33. Р. 567].

жизнь Долли, которой достаются только крупинцы счастья («они незаметны были, как золото в песке» [5. Т. 18. С. 276]) – женские варианты того же кризиса, в котором оказывается в конце романа Левин: получив долгожданную семью, он продолжает мучиться вопросом, «что он такое и для чего он живет» [5. Т. 19. С. 371]. Опираясь на открытия миссис Генри Вуд, Толстой в «Анне Карениной» показывает, что семья сама по себе не придает жизни смысл, и каждый из героев должен пройти долгий путь лишений и внутреннего роста, прежде чем обретет хотя бы относительное равновесие.

Список источников

1. Вуд Г. Замок Ист-Линн. Курск : ГУИПП «Курск», 1996. 704 с. URL: https://royal-lib.com/read/vud_genri/zamok_istlinn.html#0 (дата обращения: 11.05.2024).
2. Вуд Э. Ист-Линн. М. : Столица (GELEOS), 2012. 320 с.
3. Миссис Генри Вуд. Ист-Линн. Харьков : Клуб семейного досуга, 2019. 320 с.
4. Tromp M. Mrs. Henry Wood, *East Lynne* // A Companion to Sensation Fiction. Wiley-Blackwell, 2011. P. 257–268.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
6. Сарана Н. В. «Английский роман» Анны Карениной: К исследованию англомании в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Русская филология. 25 : сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 83–90.
7. Андреева В. Г. Романы Э. Троллопа и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: генетические и типологические сходства // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 62–89.
8. Sutherland J. Who Betrays Elizabeth Bennet? : Further Puzzles in Classic Fiction. Oxford University Press, 1999. P. 21–222.
9. Хьюитт К. Энтони Троллоп: с терпимостью и сочувствием // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 276–299.
10. Троллоп Э. Вот так мы теперь живем. М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
11. Cruise E. Tracking the English novel in *Anna Karenina*: who wrote the English novel that Anna reads? // Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge University Press, 2010. P. 159–182.
12. Mandelker A. Framing *Anna Karenina*: Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel. Ohio State University Press, 1993. 241 p.
13. Mangham A. Ellen (Mrs. Henry) Wood // A Companion to Sensation Fiction. Wiley-Blackwell, 2011. P. 244–256.
14. Liggins E., Maunder A. Introduction: Ellen Wood, Writer // Women's Writing. 2008. Vol. 15. № 2. P. 149–156.
15. Piers M. “Boulogne-sur-Mer, of all places in the world!”: France in the Works of Ellen Wood // Women's Writing. 2008. Vol. 15, № 2. P. 169–186.
16. Hughes W. The Maniac in the Cellar: Sensation Novels of the 1860s. Princeton University Press, 1980. 222 p.
17. Goubert D. Did Tolstoy Read *East Lynne*? // The Slavonic and East European Review. 1980. Vol. 58, № 1. P. 22–39.
18. Pykett L. The Sensation Novel: From *The Woman in White* to *The Moonstone*. Plymouth, 1994. 82 p.
19. Armstrong M. A. Next Week!! – : Desire, Domestic Melodrama, and the Extravagant Proliferations of *East Lynne* // Victorian Literature and Culture. 2015. Vol. 43, № 4 P. 745–764.

20. *Дневники* Софьи Андреевны Толстой : в 2 ч. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928–1929.
21. Mrs. Henry Wood. *East Lynne*. New York, 1883. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3322/pg3322-images.html> (дата обращения: 14.05.2024).
22. Fantina R., Harrison K. Introduction // *Victorian sensations : Essays on a scandalous genre*. The Ohio State University Press, 2006. 302 p.
23. Бячкова В.А. «Ист Линн» миссис Генри Вуд: проблемы семьи и брака в викторианском «сенсационном» романе // *Мировая литература в контексте культуры*. 2012. № 1 (7). С. 43–50.
24. Нуралова С.Э. Лев Толстой и викторианский роман. Ереван : Изд. дом Лусабац, 2010. 87 с.
25. Павлова Н.И. Роман Эллен Вуд «Ист Линн» в «английском коде» «Анны Карениной» // *Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье : материалы Международной научной конференции*, Москва, 14–16 февраля 2023 года. М., 2023. С. 18–32.
26. Oulton C. “He’d Let Me Turn the House into a Theatre”: Rewriting the Domestic in the Sensational World of *East Lynne* // *The Wilkie Collins Journal*. 2015. Vol. 13. P. URL: <https://www.jstor.org/stable/26996098> (дата обращения: 5.05.2024).
27. Gruner E.R. Plotting the Mother: Caroline Norton, Helen Huntingdon, and Isabel Vane // *Tulsa Studies in Women’s Literature*. 1997. Vol. 16, № 2. P. 303–325.
28. Гнюсова И.Ф. Л.Н. Толстой и У.М. Теккерей: проблема жанровых поисков : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 184 с.
29. Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак: Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003. 480 с.
30. Nash M. Isabel’s Blue Spectacles: The Optics of Affect in *East Lynne* // *The Wilkie Collins Journal*. 2018. Vol. 15. URL: <https://www.jstor.org/stable/26996119> (дата обращения: 17.05.2024).
31. Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа: Лев Толстой: Анна Каренина. М. : Языки славянской культуры, 2010. 128 с.
32. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903–1911.
33. Oliphant M. *Sensation Novels* // *Blackwood’s Edinburgh Magazine*. 1862. Vol. 91, № 559 (1 May 1862). P. 564–584.

References

1. Wood, H. (1996) *East Lynne*. Kursk: GUIPP “Kursk”. [Online] Available from: https://royallib.com/read/vud_genri/zamok_istlinn.html#0 (Accessed: 11.05.2024). (In Russian).
2. Wood, H. (2012) *East Lynne*. Moscow: Stolitsa GELEOS. (In Russian).
3. Mrs. Henry Wood. (2019) *East Lynne*. Kharkiv: Klub semeynogo dosuga. (In Russian).
4. Tromp, M. (2011) Mrs. Henry Wood, *East Lynne*. In: *A Companion to Sensation Fiction*. Wiley-Blackwell. pp. 257–268.
5. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Moscow; Leningrad.
6. Sarana, N.V. (2014) “Angliyskiy roman” Anny Kareninoy: K issledovaniyu anglomanii v romane L.N. Tolstogo “Anna Karenina” [“The English Novel” of Anna Karenina: Towards a Study of Anglomania in L.N. Tolstoy’s Novel “Anna Karenina”]. In: *Russkaya filologiya. 25: sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian Philology. 25: a collection of scientific works by young philologists]. Tartu. pp. 83–90.
7. Andreeva, V.G. (2020) Novels by Anthony Trollope and Anna Karenina by Leo Tolstoy: Genetic and Typological Similarities. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 14. pp. 62–89. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/14/3

8. Sutherland, J. (1999) *Who Betrays Elizabeth Bennet?: Further Puzzles in Classic Fiction*. Oxford University Press. pp. 21–222.
9. Hewitt, K. (2015) Anthony Trollope: with tolerance and compassion. *Voprosy literatury*. 6. pp. 276–299. (In Russian).
10. Trollope, A. (2023) *The Way We Live Now*. Moscow: Inostranka, Azbuka-Attikus (In Russian).
11. Cruise, E. (2010) Tracking the English novel in Anna Karenina: who wrote the English novel that Anna reads? In: *Anniversary Essays on Tolstoy*. Cambridge University Press. pp. 159–182.
12. Mandelker, A. (1993) *Framing Anna Karenina: Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel*. Ohio State University Press.
13. Mangham, A. (2011) Ellen (Mrs. Henry) Wood. In: *A Companion to Sensation Fiction*. Wiley-Blackwell. pp. 244–256.
14. Liggins, E. & Maunder, A. (2008) Introduction: Ellen Wood, Writer. *Women's Writing*. 15 (2). pp. 149–156.
15. Piers, M. (2008) “Boulogne-sur-Mer, of all places in the world!”: France in the Works of Ellen Wood. *Women's Writing*. 15 (2). pp. 169–186.
16. Hughes, W. (1980) *The Maniac in the Cellar: Sensation Novels of the 1860s*. Princeton University Press.
17. Goubert, D. (1980) Did Tolstoy Read East Lynne? *The Slavonic and East European Review*. 58 (1). pp. 22–39.
18. Pykett, L. (1994) *The Sensation Novel: From The Woman in White to The Moonstone*. Plymouth.
19. Armstrong, M.A. (2015) Next Week!!—: Desire, Domestic Melodrama, and the Extravagant Proliferations of East Lynne. *Victorian Literature and Culture*. 43 (4). pp. 745–764.
20. Tolstaya, S.A. (1928–1929) *Dnevniki Sof'i Andreevny Tolstoy: v 2 ch.* [The Diaries of Sofya Andreyevna Tolstaya]. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovykh.
21. Mrs. Henry Wood. (1883) *East Lynne*. New York. [Online] Available from: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/3322/pg3322-images.html> (Accessed: 14.05.2024).
22. Fantina, R. & Harrison, K. (2006) Introduction. In: *Victorian sensations: Essays on a scandalous genre*. The Ohio State University Press.
23. Byachkova, V.A. (2012) “Ist Linn” missis Genri Vud: problemy sem'i i braka v viktorianskom “sensatsionnom” romane [“East Lynne” by Mrs. Henry Wood: Problems of Family and Marriage in the Victorian “Sensational” Novel]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury*. 1 (7). pp. 43–50.
24. Nuralova, S.E. (2010) *Lev Tolstoy i viktorianskiy roman* [Leo Tolstoy and the Victorian Novel]. Yerevan: Izd. Dom Lusabats.
25. Pavlova, N.I. (2023) [Ellen Wood's Novel “East Lynne” in the “English Code” of “Anna Karenina”]. *Femininnost' i maskulinnost' v kul'ture moderna: Rossiya i zarubezh'e* [Femininity and Masculinity in the Culture of Modernity: Russia and Abroad]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 14–16 February 2023. Moscow. pp. 18–32. (In Russian).
26. Oulton, C. (2015) “He'd Let Me Turn the House into a Theatre”: Rewriting the Domestic in the Sensational World of East Lynne. *The Wilkie Collins Journal*. 13. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/26996098> (Accessed: 5.05.2024).
27. Gruner, E.R. (1997) Plotting the Mother: Caroline Norton, Helen Huntingdon, and Isabel Vane. *Tulsa Studies in Women's Literature*. 16 (2). pp. 303–325.
28. Gnyusova, I.F. (2008) *L.N. Tolstoy i U.M. Tekkery: problema zhanrovyykh poiskov* [L.N. Tolstoy and W.M. Thackeray: the problem of genre searches]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

29. Gustafson, R.F. (2003) *Obitatel' i Chuzhak: Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo* [Inhabitant and Stranger: Theology and Literary Creativity of Leo Tolstoy]. St. Petersburg.

30. Nash, M. (2018) Isabel's Blue Spectacles: The Optics of Affect in East Lynne. *The Wilkie Collins Journal*. 15. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/26996119> (Accessed: 17.05.2024).

31. Lönnqvist, B. (2010) *Puteshestvie vglub' romana: Lev Tolstoy: Anna Karenina* [Journey into the Depths of the Novel: Leo Tolstoy: Anna Karenina]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

32. Dal', V.I. (1903–1911) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. St. Petersburg; Moscow.

33. Oliphant, M. (1862) Sensation Novels. *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 91 (559) (1 May 1862). pp. 564–584.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.06.2024;
одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 07.06.2024;
approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/91/11

Кьеркегоровский ключ к «таинственным повестям»

И.С. Тургенева: еще раз к вопросу о составе несобранного цикла

Галина Юрьевна Завгородняя¹, Алексей Михайлович Завгородний²

¹ Литературный институт им. А.М. Горького, Москва, Россия, galina-yuz@yandex.ru

² Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
almzav@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен мотив тревоги в «таинственных повестях» И.С. Тургенева. Тревога трактуется в свете теории С. Кьеркегора и его последователей. Делается вывод, что данный мотив способствует сближению произведений с различным обоснованием ирреального, обнаруживаясь как в повестях с бесспорно мистическими сюжетами, так и в произведениях, где мистическое явление далеко не столь очевидно.

Ключевые слова: Тургенев, таинственные повести, цикл, Кьеркегор

Для цитирования Завгородняя Г.Ю., Завгородний А.М. Кьеркегоровский ключ к «таинственным повестям» И.С. Тургенева: еще раз к вопросу о составе несобранного цикла // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 223–234. doi: 10.17223/19986645/91/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/11

Kierkegaard's key to the “mysterious tales” by Ivan Turgenev: Once again on the composition of the unassembled cycle

Galina Ju. Zavgorodnyaya¹, Alexej M. Zavgorodnii²

¹ Maxim Gorky Literature Institute, Moscow, Russian Federation, galina-yuz@yandex.ru

² Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, almzav@yandex.ru

Abstract. The article considers one of the possible variants of the cycle-forming beginning of Turgenev's “mysterious tales”, namely, the motif of the hero's anxiety. The analysis showed that there are grounds to talk about a similar function of the motif in a number of stories: the state of anxiety invariably occurs in the hero on the eve of contact with the unreal, inexplicable. At the same time, in the future, unreal phenomena may remain in the realm of the incomprehensible, otherworldly, infernal (“Ghosts”, “Dream”, “Song of Triumphant Love”, “The Story of Father Alexy”). They may be explained quite realistically (“Knocks”, “The Story of Lieutenant Ergunov”) or may not fully reveal their nature (“Faust”, “Knock... Knock... Knock!..”, “A Strange Story”, “Klara Milich”). We define the state of the hero precisely as “anxiety” in the context of Kierkegaard's philosophy. According to the philosopher, anxiety “fears” and at the

same time enters into secret interaction with the object of its fear, cannot turn away from it, and will never do it. Anxiety, according to Kierkegaard, is associated with the prospect of realizing one's freedom, the opportunities that have emerged – with an unknown, frightening, but also attractive space. This ambivalence is its main distinction from the objective, situational fear. Researcher of the psychology of emotions Caarroll E. Izard, following Kierkegaard, characterizes anxiety as a result of the interaction of “interest with fear”, noting at the same time that anxiety is a combination of several discrete emotions. In addition to the key emotion of fear, sadness, shame, and guilt can be involved in experiencing anxiety. Taking into account all of the above, but first of all as a result of a specific analysis of Turgenev's works, we found out what exactly makes it possible to determine the state of the heroes as anxiety. The recurring motif of anxiety is proposed to be considered as one of the possible cycle-forming factors. We conclude that this motif contributes to the convergence of works with various substantiations of the unreal, found both in tales with undeniably mystical plots, and in works where the mystical is not so obvious. The common semantic “denominator” in this case becomes the idea of a person's potential readiness to meet with the otherworldly, and, perhaps, of an unconscious acceptance of the very possibility of the presence of the unreal.

Keywords: Turgenev, mysterious tales, cycle, Kierkegaard

For citation: Zavgorodnyaya, G.Ju. & Zavgorodnii, A.M. (2024) Kierkegaard's key to the “mysterious tales” by Ivan Turgenev: Once again on the composition of the unassembled cycle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 223–234. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/11

Произведения И.С. Тургенева, имеющие по сложившейся в истории литературы традиции общее именование «таинственные повести», как известно, не являются единым циклом, а вопрос о том, что причислять к «таинственным повестям», а что нет, остается едва ли не одним из самых спорных и до сих пор не решенных в исследовательской литературе о Тургеневе.

Фактически на протяжении всего своего творческого пути писатель так или иначе обращался к теме таинственного, мистического. И хотя А.Б. Муратов «первым опытом Тургенева в этом роде» называет повесть «Призраки», опубликованную в 1864 г., мистические мотивы обнаруживаются и в более ранних вещах, например в «Бежином луге». Последняя же повесть, «Клара Милич» («После смерти»), написана Тургеневым за год до кончины, в 1882 г.

Исследователи предлагали варианты состава несобранного цикла, основываясь на различной интенсивности присутствия в повестях ирреального начала. Л.В. Пумпянский, первый, кто обратился к теме в работе «Группа “таинственных повестей” Тургенева» в 1929 г. (и ввел в оборот само именование – «таинственные повести»), объединяет «прежде всего четыре новеллы, в которых сверхъестественное явление стоит в центре всего развивающегося действия: “Призраки” 1863 г., “Собака” 1866 г., “Сон” 1876 г. и “Рассказ отца Алексея” 1877 г.» [1. С. 447–448]. И далее, по мысли Л.В. Пумпянского, от этого «центра» концентрическими кругами расходятся группы произведений, в которых «таинственное явление входит как более или менее важная часть (или деталь)»,

и, наконец, «которые позволительно присоединить, хотя бы условно» [1. С. 448]. Всего названо тринадцать повестей; помимо центральных четырех, это: «Фауст» 1855 г., «Клара Милич» 1882 г., «Несчастливая» 1868 г., «Песнь торжествующей любви» 1881 г., «Странная история» 1869 г., «Стук... стук... стук!..» 1870 г., «Часы» 1875 г., «Поездка в Полесье» 1857 г., «Довольно» 1864 г. (о последних двух сказано, что они «связаны рядом философских и лирико-эмоциональных нитей» «с таким чисто таинственным рассказом, как “Призраки”» [1. С. 448]. А.Б. Муратов сужает этот круг, включая в «таинственный цикл» только четыре вещи («Призраки», «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич»), мотивируя выбор тем, что тема «таинственного» здесь центральная. Впрочем, далее он оговаривается, отмечая, что «это не означает, что другие произведения не имеют отношения к проблеме “таинственных повестей”, но они играют роль дополнительного материала, давая возможность показать, как вырабатывалась поэтика таинственного и какие возможности эта поэтика в себе таила» [2. С. 65].

На сегодняшний день сложилась весьма обширная научная литература, посвященная поэтике «таинственных повестей», в частности их общности (и, соответственно, вопросу состава несобранного цикла). Так, в ряде работ концепция циклового единства базируется на сквозных мотивах и образах [3–5]. Также исследуется жанровая природа тургеневских произведений – некоторым ученым именно в этом видится ключ к их загадочной природе. Например, Е.Г. Новикова отмечает, что «найденное обозначение жанра должно было нести общую концепцию произведения и тем самым способствовать наиболее верному его восприятию» [6. С. 187]. По мнению исследовательницы, жанровой доминантой в «Призраках» и «Довольно» является субъективное, лирическое начало. Обращается внимание и на авторский подзаголовок «Призраков» – «фантазия», отсылающий к западноевропейской романтической традиции («фантазиям» Вакенродера, Гофмана) [7]. Справедливости ради надо заметить, что подобный анализ не решает проблемы циклообразующего начала, так как общности здесь не наблюдается: например, «Фауст» имеет подзаголовок «Рассказ в девяти письмах», «Довольно» – «Отрывок из записок умершего художника», а «Стук... Стук... Стук!..» – «студия». Впрочем, В.М. Головкин в своей работе все-таки обнаруживает неоднократное обращение Тургенева к определенному жанру, а именно – как раз к жанру «студии» (точнее, «студии типа») в целом ряде произведений («История лейтенанта Ергунова», «Рассказ отца Алексея», «Часы», «Странная история», «Живые мощи» и даже «Клара Милич»). В.М. Головкин отмечает, что «студия» – это понятие, фиксирующее незавершенность, эскизность произведения. Но оно предполагает и другое – «старательное» художественное изучение» [8. С. 67]. Как можно заметить, исследование основывается на произведениях, которые так или иначе причислялись именно к «таинственным повестям». Хотя сам В.М. Головкин цели выявить основы несобранного цикла перед собой не ставил.

В целом ряде работ, преимущественно 60–80-х гг. XX в., возникает вопрос художественного метода Тургенева в «таинственных повестях». При этом

очевидно стремление исследователей «не отпускать» Тургенева из пространства реализма в романтизм, обращение к которому *все же отчасти* признается. Но восприятие этого обращения можно охарактеризовать словами А.И. Батюто – как «отклонения Тургенева от магистрального пути литературного развития» [9. С. 769]. Так, С.Е. Шаталов отмечает, что «техника реалистического письма используется здесь для воплощения романтического замысла» [10. С. 88], однако этот же исследователь в другом труде пишет, что «Тургенев остался реалистом, его поздние повести и рассказы *не означали уступки* ни мистицизму, ни романтизму» [11. С. 294]. По мнению П.Г. Пустовойта, «цель <...> романтической гиперболы – рельефнее передать существо реальной действительности» [12. С. 76]; в статье Л.М. Арининой указано, что Тургенев в «таинственных повестях» «вновь обращается к романтизму, но приходит *обогащенным опытом реализма*» [13. С. 33]. А.Б. Муратов, хотя и с целым рядом оговорок, но все же использует в связи с «таинственными повестями» неоднозначное понятие «романтический реализм» [2. С. 72].

Еще один подход к анализу «таинственных повестей» – с точки зрения воссоздания в них различных проявлений человеческой психики. Подобный ракурс есть и в работе В.М. Головки [8. С. 76], и у Е.Г. Новиковой, отмечающей интерес Тургенева к «таинственным, неизученным сторонам психики» [14. С. 78]. Очевидно, что при таком подходе «таинственность» повестей связывается с тайной *внутреннего мира* человека – его эмоциями, ощущениями, восприятием реальности, а не с тайной *иного мира*, потустороннего, мистического. Казалось бы, Тургенев сам давал основания для такого подхода. В 1870 г. он пишет М.В. Авдееву: «Но могу Вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача, а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен...» [15. С. 132]. Но вопрос в том, *что* именно для Тургенева было «правдивой физиономией жизни», а что «мистицизмом». В этом плане нам близка позиция В.Н. Топорова, который в исследовании «Станный Тургенев» отмечает, что «...мистическое открывало Тургеневу за видимым миром очертания иного мира, таинственного, чаще недоброго, связанного с мучительными, почти физическими страданиями. Поэтому есть основания говорить о “мистическом” зрении Тургенева, о его “двойном” видении» [16. С. 47]. Иными словами, «правдивая физиономия жизни» вполне могла включать для Тургенева присутствие иномирия (это было *его реальностью*), а мистицизм – связываться с надуманным, точнее – целенаправленно выдуманном, несуществующим (и это его действительно не интересовало).

Какое подтверждение этому можно обнаружить в его «таинственных повестях»? Прежде всего, это наличие важнейшего в свете всего вышесказанного мотива, а именно – *получение человеком мистического опыта*. Определяясь с понятиями, обратимся к труду о. С. Булгакова: «Мистикой называется внутренний (мистический) опыт, который дает нам соприкосновение с духовным, Божественным миром, а также и внутреннее (а не внешнее

только) постижение нашего природного мира» [17. С. 308]. И далее о. Сергей дает недвусмысленное разведение «мистического опыта» и «психических явлений»: «...его (мистическое постижение. — Г.З., А.З.) надо отличать просто от настроения, которое ограничивается заведомо субъективной областью, психологизмом. Напротив, мистический опыт имеет объективный характер, он предполагает выходение из себя, духовное касание или встречу» [17. С. 308]. Правда, тургеневская специфика состоит в том, что человек у него соприкасается, как правило (точнее, всегда), с духовностью не божественной природы, а иной. И предвещает, *предвещает* этот мистический опыт контакта с инореальностью состояние беспредметного страха, а точнее — *тревоги*, которую испытывают герои.

Наша гипотеза заключается в том, что, во-первых, этот мотив может быть определен в качестве одного из возможных циклообразующих начал «таинственных повестей», а во-вторых, тревога трактуется нами в свете философии С. Кьеркегора.

Параллели между трудами датского философа и произведениями русской литературы отмечались исследователями неоднократно; первым к этой теме обратился Л. Шестов в связи с творчеством Достоевского [18]. В дальнейшем появились и другие работы [19–21], в том числе посвященные писателям, которые априори не могли читать Кьеркегора. Однако соположенность ряда идей и, соответственно, правомерность и убедительность проводимых аналогий несомненны.

Профессиональная осведомленность Тургенева (выпускника философского факультета) в философии, разумеется, не могла не отразиться в его литературном творчестве, на что не раз обращали внимание исследователи. Так, ряд работ посвящен преломлению в произведениях Тургенева идей А. Шопенгауэра (см., например: [22–24]). О том, что Тургенев был знаком с трудами Кьеркегора, свидетельств обнаружить не удалось, но теоретическая возможность этого вполне допустима. Но даже и в случае отсутствия факта знакомства, само творчество писателя, как будет показано далее, позволяет включить его в ряд русских классиков, пребывавших в заочном диалоге с «копенгагенским отшельником» (В.В. Биbihин).

Кратко обозначим важные для анализа тургеневских повестей моменты философии Кьеркегора (и его последователей). Кьеркегор первым разграничил ситуативно-предметный страх (Frygt) и страх метафизический, иррациональный (Angest). В дальнейшем психологи, исследующие эмоции и базисные свои теории на философии Кьеркегора, этот страх определяли именно как тревогу. Мы также будем оперировать именно понятием «тревога», хотя в русских переводах работ философа использовано слово «страх» (соответственно, далее в цитатах будет оно).

Кьеркегор, как христианский философ, связывает тревогу с первородным грехом и с данной человеку свободой. Иными словами, с одной стороны, человек изначально обусловлен наследственным грехом, а с другой — обладает свободой как бесконечной возможностью. Подобное сочетание, по

Кьеркегору, сколь притягательно, столь чревато умножением греха: «Природу первородного греха часто объясняли, и все же при этом недоставало главной категории – страха (Angest); а между тем он – самое существенное определение. Страх – это желание того, чего страшатся, это симпатическая антипатия; страх – это чуждая сила, которая захватывает индивида, и все же он не может освободиться от нее, – да и не хочет, ибо человек страшится, но страшится он того, что желает» [25. С. 202]. В этой амбивалентности и состоит главное отличие страха-тревоги от страха ситуативного, предметного.

Психологи – последователи Кьеркегорастроили его открытия в свою сферу [26, 27]. Так, исследователь психологии эмоций К.Э. Изард, вслед за Кьеркегором, характеризует тревогу как результат взаимодействия «интереса со страхом» [27. С. 144] (однако здесь, как видим, «опасная притягательность» превращается в более нейтральный «интерес»), а также отмечает, что тревога является комбинацией нескольких дискретных эмоций: «На уровне субъективного переживания, состояние тревоги правильнее всего определить как комбинацию нескольких дискретных эмоций. Ключевой эмоцией в субъективном переживании тревоги является страх, но и другие эмоции, например печаль, стыд и вина, могут быть задействованы в тревожном переживании» [27. С. 325]. Обратимся теперь непосредственно к Тургеневу. В тех произведениях, где факт контакта с ирреальным несомненен, этому контакту предшествует состояние человека, которое характеризуется как раз-таки соединением *нескольких эмоций*, в которых герой не до конца отдает себе отчет. В этом «эмоциональном синтезе», как правило, есть неясное тревожное предчувствие (а не предметный испуг) и – в той или иной степени – либо интерес, либо *безотчетное влечение к неведомому объекту, пространству и т.п.*

Вот несколько описаний эмоций и поведения героя перед тремя посещениями Элис в «Призраках»: «Я долго не мог заснуть и беспрестанно переворачивался с боку на бок» [28. Т. 7. С. 191]; «День прошел кое-как. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мне, *как будто ждало чего-то*» [там же]; «Я провел день в волнении. <...> Кровь тяжело колыхалась во мне. Опять послышался звук... Я вздрогнул, но не оглянулся» [28. Т. 7. С. 192]. А вот – сходное состояние героя в рассказе «Собака»: «Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? <...> Но *любопытство-то еще пуще страха...*» [28. Т. 7. С. 244]. И еще один аналогичный пример – из «Песни торжествующей любви»: «Он чувствовал странное, ему самому *непонятное смущение*. <...> все это внушало Фабию *чувство, похожее на недоверчивость* <...> Все это очень странно! Очень непонятно!» [28. Т. 10. С. 57].

Интересно, что в синтезе и неопределенности разных чувств, составляющих тревогу, у Тургенева может присутствовать даже радостное предчувствие: «...поднималась и росла во мне какая-то радостная, непонятная тревога... Она увлекала, она торопила меня – и так сильны были ее порывы...»

(«Довольно» [28. Т. 10. С. 222]); «Вот раз ночью... уж и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо...» («Живые мощи» [28. Т. 10. С. 329]).

Но важно отметить, что то же смешение эмоций и *пред-*чувствие обнаруживается и в повестях, где ирреальное не организует сюжет, но либо присутствует периферийно, либо может быть трактовано двояко. Такова повесть «Несчастливая», где мистическое по сути дела обнаруживает себя лишь единжды, когда герою, *кажется*, что он видит призрак Сусанны. Двоякость же состоит в том, что в этом эпизоде можно увидеть как контакт с иномирным явлением, так и причуды психики. Но описание состояния героя весьма сходно с состояниями, о которых шла речь выше: «...какое-то странное чувство, смешение ужаса, тоски, сожаления, охватило меня» («Несчастливая» [28. Т. 10. С. 121]). Более того, указание на аналогичные ощущения есть и в повестях, где как такового мистического контакта нет вообще. Вместо контакта с иномирным в таких произведениях описывается в чем-то сходная, но как будто подчеркнуто сниженная ситуация: контакт с криминальным миром. Такова повесть «Стучит» – о благополучно закончившейся встрече героев с разбойниками на большой дороге. Приближение *неведомого* (так как герой сначала *не вполне верит* в приближение «недобрых людей») сопровождается все той же контаминацией ощущений – неопределенность, тревога, смутное предчувствие: «А что, если в самом деле? Неприятное чувство шевельнулось во мне <...>. Все потускнело и смешалось...» («Стучит» [28. Т. 10. С. 347]). С криминальным миром, поначалу не ведая того, сталкивается лейтенант Ергунов: «Тревожное недоумение зашевелилось в душе осторожного лейтенанта» («История лейтенанта Ергунова» [28. Т. 10. С. 16]).

Кьеркегоровская тревога тесно связана с предчувствием свободы, открывающегося пространства возможностей. Психологи – последователи датского философа трактуют их как возможности творчества (см. у Ролло Мэя: «Творчество, умственные способности и тревога» [26. С. 313]. Однако Кьеркегор тут далеко не так оптимистичен – у него свобода понимается и шире, и драматичнее: «...страх – это головокружение свободы...» [25. С. 81]; и далее: «В страхе содержится эгоистическая бесконечность возможного, которая <...> страшит (ængster) своим сладким устрашением (Beængstelse)» [там же]. В этом плане интересно, как кьеркегоровскими смыслами подсвечивается повесть «Фауст». Героиня повести, Вера, усилиями матери закрытая от этого «пространства возможностей», до поры до времени не испытывает тревоги. Это отражено в сцене с пауком, символически связанным с темой судьбы, предопределенности, а также коварства и inferнальности: «Ах, мама, – проговорила девочка, указывая в угол пальцем, – посмотри, какой страшный паук!.. Вера Николаевна взглянула в угол – большой пестрый паук тихо вползал по стене. – Чего же тут бояться? – сказала она, – он не кусается, посмотри» [28. Т. 5. С. 104]. Все меняется после прочтения Верой «Фауста», с которым в повести связано открытие того самого запертого пространства возможностей. Именно после этого героиня познает тревогу, что

показано в другой символической сцене: «Я вам говорил, что будет гроза! – воскликнул Приемков. – А ты, Верочка, чего это так вздрагиваешь? – Она взглянула на него молча. Слабо и далеко сверкнувшая молния таинственно отразилась на ее недвижимом лице. – Все по милости “Фауста”, – продолжал Приемков» [28. Т. 5. С. 108].

Особая сфера, которой Кьеркегор уделяет значительное внимание в своем труде, – чувственность: «...когда через Адамов грех чувственность была подавлена, и, по мере того как грех продолжает входить в мир, она подавляется все больше и больше, начиная обозначать греховность» [25. С. 78]. В чувственной сфере, по мнению философа, наиболее зримо присутствует и греховное помрачение, и, соответственно и несвобода человека, но и свобода выбора, и притягательность – иными словами, то самое опасное, но неизбежное в земной жизни пространство возможностей: «...сама чувственность дана человеку не случайно: это одновременно и ловушка, и тот мостик, которого не миновать ни одному человеческому существу на пути к личному бессмертию» [25. С. 16].

У Тургенева чувственное также воссоздается как «ловушка», и именно с чувственной сферой связывается неблагой, опасный мистический опыт, более того, чувственное смыкается с инфернальным. Акцентируется и притягательность чувственности в силу априорной греховности человека, и открывающееся пространство неведомого, и сопутствующая этому тревога разной степени проявления. Яркие примеры повестей, где данная тема является сюжетопределяющей – «Сон» и «Песнь торжествующей любви». В обоих произведениях присутствует мотив женской супружеской измены с неким инфернальным персонажем. Однако Тургенев полемически снимает тему возможности, выбор оказывается иллюзией, определяющим же становится фатум, вторгающийся в судьбы обеих женщин. Предваряет встречу с потусторонним описанное ранее состояние тревоги, тревожного предчувствия; разница лишь в интенсивности переживания. В «Сне» героиня испытывает весьма сильные эмоции: «Муж долго не возвращался – она отпустила служанку, легла в постель... И вдруг ей стало очень жутко – так что она даже вся похолодела и затряслась. Ей почудился легкий стук за стеною – так собака царапает, – и она начала глядеть на ту стену. <...> Вдруг что-то там шевельнулось, приподнялось, раскрылось...» [28. Т. 9, С. 110]. В «Песни...» же чувства более приглушенные: «Она вспомнила, как и в прежние годы она его <Муция> побаивалась... и теперь нашло на нее недоумение. <...> Валерия не скоро заснула; кровь ее тихо и томно волновалась...» [28. Т. 10. С. 54]. То, что мистический опыт реален, подтверждается рождением у обеих женщин детей.

Но и рассказ, казалось бы, содержащий более чем реалистические объяснения, а именно «История лейтенанта Ергунова» (заметим, что страдательная фигура здесь – мужчина), содержит весьма сходные мотивы. Присутствует и тревожное недоумение (ср. с Валерией), но и влечение, и интерес к чему-то выходящему за рамки обыденного (с инфернальной подоплекой), и чувственная мотивировка, и соединение противоречивых эмоций: «...он с

нетерпением дожидался завтрашнего вечера, хотя втайне чуть не побаивался самой этой “игрушечки” и “фигурки”» [28. Т. 8. С. 26].

Таким образом, анализ показал, что есть основания говорить о сходной функции мотива тревоги (в кьеркегоровском смысле понятия) в целом ряде тургеневских повестей: подобное ощущение неизменно возникает у героя в преддверии контакта с неведомым, ирреальным, необъяснимым. При этом в дальнейшем ирреальные явления могут остаться в сфере непостижимого, иномирного, inferнального («Призраки», «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Рассказ отца Алексея»), могут объясниться вполне реалистически («История лейтенанта Ергунова»), а могут так до конца и не раскрыть свою природу («Фауст», «Стук... стук... стук!...», «Странная история», «Клара Миллич»). Повторяющийся мотив тревоги можно рассматривать как один из возможных циклообразующих факторов. Данный мотив способствует сближению произведений с различным обоснованием ирреального – повести с бесспорно мистическими сюжетами благодаря наличию сходного мотива «подсвечивают» произведения, где мистическое явление далеко не столь очевидно («Стучит» или «История лейтенанта Ергунова»). Общим смысловым «знаменателем» при этом становится идея потенциальной готовности человека к встрече с потусторонним и, возможно, бессознательного принятия самой возможности наличия ирреального.

Список источников

1. Пумпянский Л.В. Группа «таинственных повестей» // Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков. М., 2000. С. 447–464.
2. Муратов А.Б. Тургенев-новеллист (1870–1880-е годы). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 119 с.
3. Науменко Е.О. Система мотивов «таинственных повестей» И.С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 238 с.
4. Дедюхина О.В. Сны и видения в повестях и рассказах И.С. Тургенева: проблемы мировоззрения и поэтики : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 230 с.
5. Лазарева К.В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 231 с.
6. Новикова Е.Г. «Лирические» повести И.С. Тургенева «Призраки» и «Довольно» (к проблеме жанра) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 12. С. 186–206.
7. Полякова К.В., Курылева М.В. Жанровое своеобразие повести И. С. Тургенева «Призраки» // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 1. С. 107–120.
8. Головкин В.М. «Студия» в системе жанров «малой прозы» И.С. Тургенева // Жанр и композиция литературного произведения: Историко-литературные и теоретические исследования: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989. С. 65–76.
9. Батюто А.И. Избранные труды. СПб. : Нестор-История, 2004. 960 с.
10. Шаталов С.Е. «Таинственные» повести Тургенева // Ученые записки Арзамас. пед. ин-та. 1962. Т. 5, вып. 4.
11. Шаталов С.Е. Художественный мир И.С. Тургенева. М. : Наука, 1979.
12. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 376 с.

13. *Аринина Л.М.* Романтические мотивы в «таинственных повестях» И.С. Тургенева // *Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс.* Вологда, 1987. С. 24–35.
14. *Новикова Е.Г.* Повести и рассказы И.С. Тургенева второй половины 60-х – начала 80-х годов в ряду произведений малой прозы писателя (к постановке проблемы жанра) // *Проблемы метода и жанра.* Вып. 6. Томск, 1979. С. 69–81.
15. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 10: Письма 1869–1870. М. : Наука, 1994.
16. *Топоров В.Н.* Станный Тургенев: (Четыре главы). М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20).
17. *Булгаков С.* Православие: Очерки учения православной церкви. 3-е изд. Paris : YMCA-press, 1989. 403 с.
18. *Шестов Л.* Вместо предисловия. Кьеркегард и Достоевский // *Кьеркегард и экзистенциальная философия.* М., 1992. 304 с.
19. *Бибихин В.В.* Кьеркегор и Гоголь // *Мир Кьеркегора.* Русские и датские интерпретации творчества Серена Кьеркегора. М. : Ad Marginem, 1994. С. 82–90.
20. *Тетенков Н.Б., Лашов В.В.* Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексирующего соблазна // *Философия и общество.* 2010. № 4. С. 90–100.
21. *Фришман А.* Достоевский и Кьеркегор: диалог и молчание // *Достоевский в конце XX века* : сб. ст. / сост. К.А. Степанян. М., 1996. С. 575–591.
22. *Беляева И.А.* Тема «старческого» у Тургенева и Шопенгауэра: к вопросу о «Стихотворениях в прозе» // *Спасский вестник: [альманах] / ред.-сост. Е.Н. Левина.* Тула, 2006. Вып. 13. С. 39–45.
23. *Петрова С.А.* И.С. Тургенев и А. Шопенгауэр: философия музыки (на материале повести «Призраки») // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2013. № 2. С. 197–199.
24. *Головкин В.М.* Переосмысление философской категории principium individuationis А. Шопенгауэра в «Senilia» И.С. Тургенева: этика сострадания // *Тезаурусы и проблемы культуры : доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (с международным участием) / отв. ред. Вал.А. Луков.* М., 2019. С. 237–252.
25. *Кьеркегор С.* Понятие страха / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 224 с.
26. *Мэй Р.-Р.* Смысл тревоги / Ролло Мэй ; [пер. с англ. М.И. Завалова, А.И. Сибуриной]. М. : Независимая фирма «Класс», 2001. 384 с.
27. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб. : Питер, 2006. 464 с.
28. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1978.

References

1. Pumpyanskiy, L.V. (2000) Gruppya "tainstvennykh povestey" [The group of "mysterious tales"]. In: Chudakov, A.P. (ed.) *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: collected works on the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 447–464.
2. Muratov, A.B. (1985) *Turgenev-novellist (1870–1880-e gody)* [Turgenev the short story writer (1870s–1880s)]. Leningrad: Leningrad State University.
3. Naumenko, E.O. (2006) *Sistema motivov "tainstvennykh povestey" I.S. Turgeneva* [The system of motives of the "mysterious stories" of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Pskov.
4. Dedyukhina, O.V. (2006) *Sny i videniya v povestiyakh i rasskazakh I.S. Turgeneva: problemy mirovozreniya i poetiki* [Dreams and visions in the stories and short stories of I.S. Turgenev: Problems of Worldview and Poetics]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Lazareva, K.V. (2005) *Mifopoetika "tainstvennykh povestey" I.S. Turgeneva* [Mythopoeics of the "Mysterious Tales" of I.S. Turgenev]. Philology Cand. Diss. Ul'yanovsk.

6. Novikova, E.G. (1986) "Liricheskie" povesti I.S. Turgeneva "Prizraki" i "Dovol'no" (k probleme zhanra) ["Lyrical" Stories of I.S. Turgenev "Ghosts" and "Enough" (to the Problem of Genre)]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 12. Tomsk: Tomsk State University. pp. 186–206.
7. Polyakova, K.V. & Kuryleva, M.V. (2017) Zhanrovoe svoeobrazie povesti I.S. Turgeneva "Prizraki" [Genre originality of the story by I. S. Turgenev "Ghosts"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 159, (1). pp. 107–120.
8. Golovko, V.M. (1989) "Studiya" v sisteme zhanrov "maloy prozy" I.S. Turgeneva ["Studio" in the system of genres of "short prose" by I.S. Turgenev]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya. Istoriko-literaturnye i teoreticheskie issledovaniya. Mezhdvuzovskiy sbornik* [Genre and composition of a literary work. Historical, literary and theoretical studies. Interuniversity collection]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 65–76.
9. Batyuto, A.I. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected works]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Shatalov, S.E. (1962) "Tainstvennye" povesti Turgeneva ["Mysterious" tales of Turgenev]. *Uchenye zapiski Arzamas, ped. In-ta*. 5 (4).
11. Shatalov, S.E. (1979) *Khudozhestvennyy mir I.S. Turgeneva* [The Literary World of I.S. Turgenev]. Moscow: Nauka.
12. Pustovoyt, P.G. (1980) *I.S. Turgenev – khudozhnik slova* [Turgenev – an Artist of Words]. Moscow: Moscow State University.
13. Arinina, L.M. (1987) Romanticheskie motivy v "tainstvennykh povestiyakh" I.S. Turgeneva [Romantic Motifs in the "Mysterious Tales" of I.S. Turgenev]. In: *Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya i literaturnyy protsess* [The Creative Individuality of the Writer and the Literary Process]. Vologda. pp. 24–35.
14. Novikova, E.G. (1979) Povesti i rasskazy I.S. Turgeneva vtoroy poloviny 60-kh – nachala 80-kh godov v ryadu proizvedeniy maloy prozy pisatelya (k postanovke problemy zhanra) [Stories and Short Stories by I.S. Turgenev from the Second Half of the 1960s to the Beginning of the 1980s Among the Writer's Short Prose Works (Towards the Formulation of the Problem of Genre)]. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University. pp. 69–81.
15. Turgenev, I.S. (1994) *Poln. sobr. sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 volumes]. 2nd ed. Vol. 10. Moscow: Nauka.
16. Toporov, V.N. (1998) *Strannyy Turgenev (Chetyre glavy)* [Strange Turgenev (Four Chapters)]. Moscow: RSUH.
17. Bulgakov, S. (1989) *Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoy tserkvi* [Orthodoxy: Essays on the Teachings of the Orthodox Church]. 3rd ed. Paris: YMCA-Press.
18. Shestov, L. (1992) Vmesto predisloviya. Kirkegard i Dostoevskiy [Instead of a Preface. Kierkegaard and Dostoevsky]. In: *Kirkegard i ekzistentsial'naya filosofiya* [Kierkegaard and Existential Philosophy]. Moscow: Progress; Gnozis.
19. Bibikhin, V.V. (1994) K'erkegor i Gogol' [Kierkegaard and Gogol]. In: *Mir K'erkegora. Russkie i datskie interpretatsii tvorchestva Serena K'erkegora* [The World of Kierkegaard. Russian and Danish Interpretations of the Works of Soren Kierkegaard]. Moscow: Ad Marginem. pp. 82–90.
20. Tetenkov, N.B. & Lashov, V.V. (2010) K'erkegor i Lermontov: obraz refleksiruyushchego soblaznitelya [Kierkegaard and Lermontov: the Image of the Reflective Seducer]. *Filosofiya i obshchestvo*. 4. pp. 90–100.
21. Frishman, A. (1996) Dostoevskiy i Kirkegor: dialog i molchanie [Dostoevsky and Kierkegaard: Dialogue and Silence]. In: Stepanyan, K.A. (ed.) *Dostoevskiy v kontse XX veka: sb. st.* [Dostoevsky at the End of the 20th Century: Collection of Articles]. Moscow: Klassika plyus. pp. 575–591.
22. Belyaeva, I.A. (2006) Tema "starcheskogo" u Turgeneva i Shopengauera: k voprosu o "Stikhotvoreniyakh v proze" [The theme of the "senile" in Turgenev and Schopenhauer: on the

issue of "Poems in Prose"]. In: Levina, E.N. (ed.) *Spasskiy vestnik [almanac]*. Vol. 13. Tula: IPP "Grif i K". pp. 39–45.

23. Petrova, S.A. (2013) I.S. Turgenev i A. Shopengauer: filosofiya muzyki (na materiale povesti "Prizraki") [I.S. Turgenev and A. Schopenhauer: philosophy of music (based on the story "Ghosts")]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2. pp. 197–199.

24. Golovko, V.M. (2019) [Rethinking the philosophical category of principium individuationis by A. Schopenhauer in "Senilia" by I.S. Turgenev: the ethics of compassion]. *Tezaurusy i problemy kul'tury* [Thesauri and problems of culture]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 237–252.

25. Kierkegaard, S. (2014) *The Concept of Anxiety*. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russian).

26. May, R. (2001) *The meaning of anxiety*. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass". (In Russian).

27. Izard, C.E. (2006) *The Psychology of Emotions*. St. Petersburg: Piter. (In Russian).

28. Turgenev, I.S. (1978) *Poln. sobr. sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete collected works and letters: in 30 volumes]. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Завгородняя Г.Ю. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького (Москва, Россия). E-mail: galina-yuz@yandex.ru

Завгородний А.М. – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков им. В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: almzav@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.Ju. Zavgorodnyaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Maxim Gorky Literature Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: galina-yuz@yandex.ru

A.M. Zavgorodnii, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: almzav@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.09.2023;
одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 16.09.2023;
approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/91/12

Четыре самоубийства: суицидологический дискурс В.М. Шукшина

Евгения Александровна Московкина¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Аннотация. Проведен анализ суицидологических объективаций в поэтике и проблематике прозы В.М. Шукшина. Исследование имеет целью на основе структурно-семиотического подхода определить специфику формирования и признаки эволюции суицидологического дискурса писателя в аспекте психопоетики и танатопоетики. В результате разбора рассказов разных лет выявлены изменения в нравственно-эстетической позиции Шукшина: от неприятия самоубийства к его этическому оправданию, а затем деконструкции смерти – отрицанию отрицания.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, поэтика, семиотика, мотив, смерть, суицид, смертность, танатология, эволюция творчества

Для цитирования: Московкина Е.А. Четыре самоубийства: суицидологический дискурс В.М. Шукшина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 235–254. doi: 10.17223/19986645/91/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/12

Four suicides: Vasily Shukshin's suicidological discourse

Eugenia A. Moskovkina¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Abstract. Suicidology occupies a separate niche in modern thanatological research. The problematic of death is a programmatic component of Vasily Shukshin's artistic picture of the world. Several reasons underlie the study of Shukshin's thanatological and, in particular, suicidological discourse. Firstly, the study aims to expand the field of literary thanatology through the application of the thanatopoietics apparatus in the methodology of Shukshin studies. Secondly, the historical period of the writer's work and the chronological context of his contemporary heroes is the twentieth century – an era burdened with an inferiority complex, the century of suicides. So Shukshin's semi-otic fixation on the mortal problems proves the legitimacy of turning to his legacy to analyze the phenomenon of suicide from the point of view of the multiplicity of meanings, typology and classification, methods of artistic realization, philosophical and aesthetic significance. Thirdly, the concept of suicide against the background of the poetics of death marks certain stages in the evolution of Shukshin's creativity. The appeal to the topic of death and suicide at the level of metatextual and intertextual manifestations,

motif plan, characterological accents is observed throughout Shukshin's creative career: "Grinka Malyugin" (1962), "I Want to Live" (1966), "Grief" (1966), "Withers, disappears" (1966), "Quirky" (1967), "In Profile and Full-face" (1967), "How the Old man was Dying" (1967), "Countrymen" (1968), "I Believe!" (1970), "The Strong Go on" (1970), "My Son-in-law Stole a Car of Firewood" (1971), "Gena Proydisvet" (1972), "Alyosha Beskonvoynyj" (1972), and "Redhead" (1974). However, the suicidological program itself is most consistently presented in four stories from different years, in which the theme of suicide becomes the main one: "An Accidental Shot" (1966), "The Bastard" (1970), "The Wife saw her Husband of to Paris" (1971), and "Pedestal" (1972). As a result of the analysis of these stories, the changes in the moral and aesthetic position of Shukshin are revealed: from rejection of suicide to its ethical justification, and then deconstruction of death – denial of denial. Thus, Shukshin's suicidological discourse, on the one hand, is woven into the canvas of philosophical reflection on the theme of the art of death and death in art; on the other hand, it demonstrates a certain specificity of the ideological and figurative space of artistic thanatology in the context of the "poetry" of dying, cemetery rhetoric, existential alienation, artistic "gift of death", symbolic rejection of life in finding oneself.

Keywords: Vasily Shukshin, poetics, semiotics, motif, death, suicide, mortality, thanatology, evolution of creativity

For citation: Moskovkina, E.A. (2024) Four suicides: Vasily Shukshin's suicidological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 235–254. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/12

Проблематика смерти (обратная энтелехия «искусства умирания» [1. С. 32]), «кладбищенские» мотивы [2. С. 108–115], экзистенциальный кризис как характерологическая доминанта, хтонические, эсхатологические, спиритуальные компоненты в структуре сюжета – программные составляющие художественной картины мира В.М. Шукшина.

Изучение танатологического и, в частности, суицидологического дискурса Шукшина обусловлено несколькими причинами. Во-первых, оно имеет целью внести вклад в развитие литературоведческой танатологии посредством применения аппарата танатопозтики в методологии шукшиноведения. Во-вторых, исторический период творчества писателя и хронологический контекст современных ему героев – XX в. – «невротическая» эпоха, обремененная комплексом неполноценности, культивирующая «экстремальный опыт» [3. С. 136, 182–184, 376–378] – век самоубийств, и семиотическая фиксация Шукшина на смертной проблематике доказывает правомерность обращения к его наследию для анализа феномена самоубийства с точки зрения множественности смыслов, типологии и классификации, способов художественной реализации, философско-эстетического значения. В-третьих, концептология суицида на фоне поэтики смерти маркирует определенные этапы эволюции творчества Шукшина.

С середины 1960-х гг. в прозе Шукшина разрабатываются мотивы *taedium vitae*, выводящие на проблематику суицида. В произведениях этого

периода сквозь сентиментальные, мелодраматические и даже анекдотические сюжеты постепенно проступает, казалось бы, неадекватное «простова-той» манере, иронической тональности почти клиническое отвращение к жизни, напоминающее философский angst: *...нет-нет – засосет что-то, тоска обуяет...* [4. С. 420] («Два письма») (1967)); *и пошел домой – в мрак и пустоту* [4. С. 428] («Раскас» (1967)); *...ну, теперь все, зачем же жить?* [4. С. 436] («Чудик» (1967)); *По воскресеньям наваливалась особенная тоска. Какая-то нутряная, едкая... Максим физически чувствовал ее, гадину, как если бы неопрятная, не совсем здоровая баба, бессовестная, с тяжелым запахом изо рта, обшаривала его всего руками – ласкала и тянулась целовать* [5. С. 215] («Верую!» (1970)). Нередко в ход идет прямое упоминание о суициде: *Прям хоть петлю накидывай* [4. С. 378] («Горе» (1966)); *...шагнул с балкона, и все, не вернулся* [4. С. 360] («Вянет-пропадает» (1967)); *Есть же самоубийцы...* [4. С. 451] («Земляки» (1968)); *...старший брат Алеши, Иван, вот так-то застрелился <...> полыхнул себе в грудь* [5. С. 484] («Алеша Бесконвойный» (1972)). Страх перед «ничто», сконцентрированным в среде, мучительно тесной для вдумчивого, артистически неврастеничного шукшинского героя, продуцирует обесценивание и отрицание витальности и, как следствие, притягивает его к смертельной черте. Наиболее внятно «проклятые вопросы» гамлетовской дилеммы сформулированы в рассказе «В профиль и в анфас» (1967): *...я-то зачем здесь? ...А я причем здесь?. <...> здесь куда выйдешь? – Отсюда одна дорога – на тот свет <...> А правда ведь не знаю, зачем живу* [4. С. 407–409].

В 1970-е гг. появляется несколько рассказов, в которых отчаянные поступки героев, граничащие с риском для жизни, слабо мотивированы. «На подступах» к самоубийству – лихачество, гусарство, бессмысленная бравада: «Сильные идут дальше» (1970), «Мой зять украл машину дров» (1971), «Гена Пройдисвет» (1972), «Рыжий» (1974). Центральный герой одноименного рассказа, написанного в последний год жизни автора, по мнению шукшиноведов, есть собственно аллегория смерти: «Можно предположить, что рыжий в рассказе является персонификацией Смерти, – считает Т.А. Воробьева. – Именно этим... объясняется его свободное поведение, в частности, способность изменить направление на дороге-жизни. В этом случае роль водителя, доставшаяся герою, также обретает символический смысл» [6. С. 134].

Как видим, моральная тематика пронизывает все творчество Шукшина, и чем старше становится писатель, тем чаще в его произведениях «сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою», однако в сущности суицидологическая программа наиболее последовательно представлена в четырех рассказах разных лет, в которых тема самоубийства становится основной: «Нечаянный выстрел» (1966), «Сураз» (1970), «Жена мужа в Париж провожала» (1971), «Пьедестал» (1972).

«Обеспокоенность смертью» в произведениях Шукшина подпитывается традицией русской классической литературы, и диалог с этим «дальним

контекстом», как полагают специалисты, вполне уместен, поскольку «позволяет определить подлинность эстетических ценностей» писателя, его вклад в корпус «русских вопросов», отклик на национальную мифологию [7. С. 4, 6, 23].

Наиболее авторитетной фигурой среди представителей русской классики для Шукшина, по мнению многих исследователей, стал Ф.М. Достоевский. Так, рассуждая о шукшинских героях в целом, В. Сердюченко отмечает: «Иные из них поражают... силой безрассудного анархического хотения... им знакомо и карамазовское раскаяние, и карамазовская преступность» [8]. В.К. Васильев педалирует причастность Шукшина к «национальной художественно-философской традиции», в которой «тема самоубийства наиболее глубоко была исследована Ф.М. Достоевским» [9. С. 54]. Литературовед также высоко оценивает своеобразие рассказа «Пьедестал», поскольку в нем «Шукшин проявился как гениальный писатель-психолог», «вскрыл и описал такие архетипические модели подсознания, какие, например, по плечу было описывать Достоевскому» [9. С. 53].

В «Дневнике писателя» (1876) Достоевского¹, сделавшего суицид персональной манифестацией целого ряда героев (как в магистральных сюжетах, так и в интертекстах своих произведений), представлена скрытая классификация суицида исходя из психологических предпосылок суицидента. Опираясь на выводы Достоевского, приемлемо распределить бесконечное многообразие самоубийств всего на три условные категории: «кроткое самоубийство», «катарсическое самоубийство» и «логическое самоубийство» [11. Т. 13. 318–321, 391–397].

Такая типизация применима и к суицидологическому дискурсу Шукшина. Согласно Л.А. Кощей «творчество Шукшина – это и антология человека, и его философия, и эсхатология, и танатология» [12. С. 103]. Наследие Достоевского, оказавшего колоссальное влияние на художественное становление автора «Калины красной», бесспорно, способствует разгадке «феномена» Шукшина, «создавшего и гимн человеку, и реквием по человеку» [12. С. 105].

Шукшину не чужда сама манера публицистического философствования Достоевского: «Типологически статьи Шукшина близки публицистике Достоевского, – утверждают шукшиноведы. – При сопоставительном анализе обнаруживаются общность тем, пафоса, структуры... оба писателя тяготеют к созданию синтетических художественных форм. Статьи Шукшина, как и его предшественника, часто включают в себя философские рассуждения, жанровые картинки и почти законченные рассказы» [13. С. 160]. Помимо этого, исследователи указывают на совпадения «поэтической мифологии» писателей в категориях бунт, преступление, покаяние, наказание, которые неразрывно связаны с темами суда и смерти, сфокусированными в суициде.

¹ О влиянии «Дневника писателя» на творчество Шукшина свидетельствует анализ входящего в журнал рассказа «Мужик Марей», приведенный Шукшиным в статье «Средства литературы и средства кино» (1967) [10. С. 426].

Следуя за Достоевским, Шукшин нередко использует сюжетную ситуацию в качестве инструмента моделирования характера: *Сюжет? Это – характер. Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будут два разных рассказа – один про одно, второй совсем-совсем про другое* [14. С. 410]. Конфигурации суицидального сюжета определяются характером суицидента. О.Г. Левашова и А.И. Куляпин подчеркивают значимость для Шукшина неизменно провокативных ситуаций, положенных в основу большинства сюжетов Достоевского: речь идет об акцентированных М.М. Бахтиным ситуациях «порога», «последней черты» и «выбора» [13. С. 160].

Другой вектор сближения Шукшина и Достоевского в суицидологическом дискурсе – художественный метод, определенный Достоевским как «фантастический реализм» и продиктованный интересом к исключительному. По признанию Шукшина, его мало тревожит обыденное (как герой, так и сюжет): *Так называемый простой, средний, нормальный положительный человек меня не устраивает*, – признается писатель. – *Тошно. Скучно* [14. С. 413]. В связи с этим закономерны пристальное внимание обоих писателей к «патологическому» и общность их «гуманистических позиций» по отношению к героям в патологических ситуациях [15. С. 26], крайней формой которых является суицид – его мотивы и предпосылки.

В рассказах о самоубийстве Шукшина в связи с «уходом» героя усиливается принцип изображения последнего в духе Достоевского, который, по мнению М.М. Бахтина, предпочитает «объективному» портрету «слово героя о себе и мире» [13. С. 159]. Разные типы суицидальности – суть проявление индивидуальности героев. «Ни один из современных советских писателей, – пишет В.Н. Быстров, – не стоит в отношении рассматриваемой проблемы столь близко к Достоевскому, как Василий Шукшин. Художественный анализ сугубо индивидуальных, независимых форм проявления человека, стремление к изображению оригинальных, самобытных характеров занимают в творчестве Шукшина огромное место. Шукшина привлекает именно человек, главной чертой которого является последовательное утверждение своей индивидуальности» [15. С. 27].

Кроме того, Шукшина, как и Достоевского, бесконечно волновала проблема волюнтаризма в части проявления субъективной воли: вопросы «сущности, границ, роли субъективной внутренней свободы человека и ее объективной обусловленности» [16. С. 91].

Итак, для обоих писателей релевантен человек, индивидуально «маркированный» [15. С. 29]. Одним из таких трагических маркеров и в творчестве Достоевского, и в творчестве Шукшина становится суицид. Мотивы, способы самоубийства и тип личности суицидента в художественном мире Достоевского выстраиваются в систему, частично описанную и обоснованную в «Дневнике писателя» и, судя по некоторым совпадениям психологического и характерологического порядка в принципах изображения самоубийцы, принятую Шукшиным.

Первый опыт осмысления суицидальности в рассказе «Нечаянный выстрел» довольно рационалистический. Желание свести счеты с жизнью пылкого юноши, обиженного природой, вполне объяснимо. «Логическое» самоубийство, однако спешно и плохо спланированное и потому неудавшееся¹, – бессильный метафизический жест, противопоставленный естественной инициации. Возмужавший молодой человек страдает от осознания собственной неполноценности и бросает вызов Богу как следствие обиды на свое бесправие. В этом рассказе Шукшин только присматривается к теме суицида. Среди причин самоубийства «с рассудка» писатель выбирает наиболее «популярные» в литературе и искусстве мелодраматические мотивации: болезнь и любовная драма. Шукшин как будто и сам квалифицирует этот план изображения самоубийцы как несколько наивный, сентиментальный и неоригинальный.

В рассказе «В воскресенье мать старушка...» (1967) писатель в равной мере пародирует и оправдывает собственную несовременную «слезливую» манеру письма, эмоциональное воздействие на читателя через «ходовой» сюжет «про безноженьку», выводя в качестве «певца» сироток и скитальцев слепца-сказителя. Двойное имя героя этого рассказа: Ганя – Гаврила Романович Козлов – свидетельствует о неоднозначном отношении автора как к фольклорной, так и к литературной (классической²) традиции. Доля самокритики и самоиронии Шукшина присутствует в противоречивых репликах беспечной молодежи, с одной стороны (– *Ты, дядя... шибко уж на слезу жмешь* [4. С. 461]), и деловитых городских фольклористов – с другой (– *А что-нибудь такое... построже... ... что-нибудь – где горе настоящее* [4. С. 463]). В лице бескомпромиссного Гани, резко осаждающего и первых, и вторых, Шукшин отстаивает свою творческую позицию, своего героя, свою драму: *Жиганье, – обиженно говорил Ганя. – Много вы понимаете!* [4. С. 461]; *Да рази ж это не горе – без ног-то?* [4. С. 463].

Еще одна автоцитатная перекличка намечает важную тенденцию в дальнейших суицидологических штудиях Шукшина: почти во всех изображенных или упомянутых Шукшиным самоубийствах замешана женщина. В портрете «супружницы» Гани Матрены Кондаковой (*сухая, на редкость выносливая баба, жадная и крикливая* [4. С. 459]) как бы отражается (дается в развитии) предмет тайной любви Кольки Воронцова *горластая, быстроногая*³, *словоохотливая* Глашка. Так писатель, возможно, показывает отвергнутую в рассказе «Нечаянный выстрел» перспективу семейных уз (у Шукшина почти всегда безрадостную).

¹ Вероятным прототипом юного самоубийцы Шукшина мог стать рано уставший от жизни герой автобиографической повести Горького «Мои университеты» Алеша Пешков, который, целясь себе в сердце из револьвера, лишь прострелил легкое.

² Гаврила Романович – явная отсылка к виднейшему представителю отечественного классицизма Гавриле Романовичу Державину.

³ Акцент на Глашкины «действенные» ноги сделан, по всей вероятности, с целью оттенения зловещей никчемности «мертвой» ноги Кольки.

Чисто психологическая, освобожденная от социального и нравственного подтекста причина самоубийства, лежащая на поверхности сюжета рассказа, не исключает и нескольких неочевидных мотивов философского плана, ведущих от строго мелодраматической к экзистенциальной проблематике. На фоне понятного предсказуемого личностного конфликта проступают более глобальные общечеловеческие проблемы, характеризующие надломы и вывихи XX в., такие как кризис веры (*– Господи, господи!.. Только и знаешь своего господа! Одного ребенка не могла родить как следует... с двумя ногами! Я этому твоему господу шею сейчас сверну*, – восклицает в ответ на причитания жены раздавленный горем Андрей Воронцов¹. *Андрей снял с божницы икону Николая-угодника² и трахнул ее об пол. – Вот ему!.. Гад такой!* [4. С. 298]), противостояние технического прогресса и природы: в вопросе врожденной ущербности искусственная нога не станет панацеей. Механики – отец и сын³ Воронцовы – беспомощные песчинки в сущностной интриге мироздания.

Обратная сторона «богоборчества» Воронцова старшего открывается после отчаянных усилий применить протез накануне попытки самоубийства Воронцову младшему: *– Гадина*, – сказал Колька и лег на кровать. И закрыл глаза, чтобы ничего не видеть. Чья-то сальная, безобразная морда склонилась над ним и улыбнулась поганым ртом. Колька открыл глаза... – *Ах ты гадство*, – тихо повторил он. И снял со стенки ружье... [4. С. 297]⁴.

«Нечаянный выстрел», таким образом, отчасти как следствие распада христианской морали, – попытка «сбалансированного самоубийства», когда человек, взвесив все за и против, приходит к решению, что умереть лучше, чем жить. В начале разработки суицидологической проблематики Шукшин все же сохраняет жизнь своему герою. Однако в «оптимистичный» финал рассказа (на фоне жизнеутверждающего пейзажа за окном больничной палаты герой не только выздоравливает, но и хохочет, что служит безусловным знаком витальности) писатель вводит деталь, апеллирующую к мортальной семиотике. Вернувшийся с того света Колька подолгу *ковыряется в часах* [4. С. 299]. Несостоявшийся самоубийца продолжает полемику «изверившегося человечества» с вероломным Хроносом. Колесико-маятник –

¹ Антитезой этого бессильного протеста служит отповедь огрызнувшегося на женины оскорбления (*черт слепощарый*) Гани: *Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе и ваять про это* [4. С. 462]. Этот строптивый герой, в отличие от бунтующего Воронцова, проявляет редкое смирение, незрячими глазами «вглядываясь» куда-то далеко-далеко [4. С. 463].

² Николай-угодник в контексте рассказа не только самый почитаемый на Руси святой – скоропослушник, чудотворец, но и небесный покровитель (идеальный двойник) главного героя рассказа – Кольки.

³ Характерный для Шукшина прием расстановки акцентов – семиотическое удвоение.

⁴ Для усиления метафизического отрицания Шукшин пользуется однотипными лексемами.

модель Вселенной, против законов которой по-прежнему восстает «философический» суицидент.

«Катарсическое самоубийство» – в меньшей степени связанное с внешними причинами, но обусловленное преимущественно психологическими и, в частности, характерологическими свойствами персонажа, – выводится Шукшиным в рассказе «Сураз». Парадоксальность суицидологии этого класса отрефлексирована в «Дневнике писателя» Достоевского следующим образом: «...но есть, и даже слишком уж многие и, что всего любопытнее, с виду, может быть, и чрезвычайно грубые и порочные натуры, а между тем природа их, может быть, им самим неведомо, давно уже тоскует по высшим целям и значению жизни <...> Этаким застрелится именно с виду не из чего, а между тем непременно от тоски, хотя и бессознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному им нигде» [11. Т. 13. С. 392].

Совпадений с описанным типом самоубийцы в психологическом портрете Спирьки Расторгуева множество. Сураз – в некотором роде обобщенно-модернизированная копия трех «демонических» злодеев-самоубийц – Свидригайлова, Ставрогина и Смердякова.

«Джентльменское» самоубийство Спирьки роднит его с покаянным уходом Свидригайлова. Подобно Свидригайлову, великодушно отпустившему Авдотью Романовну, Спирька щадит находящихся в его власти учителей. «Позорный» побег – Свидригайлов собирается «уехать в Америку», Спирька – *в город Б-ск* [5. С. 61] – преобразуется в возвышающее обоих очистительное самоубийство.

Беспорядочные связи Спирьки с «недостойными» его красоты (Спирька *поразительно красив*, в свои неполные тридцать шесть – *молодой бог!* [5. С. 42]) женщинами (*Знает свое – материнничать да к одиноким бабам по ночам шастать. Шастает ко всем подряд, без разбора. ...Как назло кому: любит постарше и пострашней* [5. С. 43]) – разрыв шаблона, дерзкий вызов (– *Спирька, дурак ты, дурак, хоть рожу свою пожалеи! У кому поперся – к Лизке корявой, к терке!..* [5. С. 43]) – наиболее очевидное проявление ставрогинского своеволия. Однако чистая издевка, циничный эксперимент Ставрогина в отношении Хромоножки (*Безобразнее нельзя было вообразить ничего* [17. Т. 7. С. 652]) трансформируется в рассказе Шукшина едва ли не в акт милосердия. Мнимая «неразборчивость» Спирьки – утверждение его персональной нравственной магистрали: *Славный это народ, одинокие женщины! Почему-то у них всегда уютно, хорошо. ...Все кстати, все умно. Они вздрагивают с непривычки и смотрят ласково, пытливо. Милые. Добрые. Жалко их* [5. С. 58]. В свою очередь, «злодейства» парадоксально «доброе» Спирьки – не в пример Ставрогину менее изощренные, напротив, просто душно бессмысленные – все же демонстративное самоуничтожение как слабое средство «от болезни равнодушия».

Общие черты Спирьки Расторгуева и Николая Ставрогина – портретные: inferнальная (царственная, дионисийская) красота (причем, и Достоевский и Шукшин подчеркивают чрезмерность и «искусственность» этой красоты), физическая сила, не знающая сообразного применения; биографические:

оба героя воспитывались без отца, оба имеют неизменный и легкий успех у женщин; поведенческие: пренебрежение институтом брака (случайные «порочные» связи и посягательство на любовь замужней женщины первого, женитьба на «хромой идиотке» второго), склонность к скандальному образу действий (Ставрогин – кутила, дуэлянт, Спирька – дебошир, оба пьяницы), тяга к странствиям (Ставрогин путешествует, Спирька «шоферит»); психологические – смелость и самоуверенность, «жестокое любопытство» [5. С. 50] в характере, тщетный поиск достойного «собеседника» в онтологическом споре, разрушительный нигилизм и, как следствие, собственно, самоубийство.

И наконец, Смердяков – «окарикатуренный» Ставрогин, ловкий и расчетливый интриган – находит воплощение в трикстерской ипостаси Спирьки, в его «порочном» происхождении *от бесова сына и от праведницы* [18. Т. 9. С. 114]. К образу Смердякова отсылает и прозвище героя, вынесенное в название рассказа, – Сураз.

Важно, что «подходы» к смертельной черте Спирька предпринимает дважды. В первый раз – на кладбище, когда, ужаснувшись пошлости контекста и отчасти усыпив бдительность читателя, он отказывается от рокового порыва под влиянием странного видения: герою «является» маленькая «племянница» (*Вспомнилась маленькая девочка, племянница Спирьки... когда она чувствует, что отцу надоело уже возить ее на горбу, она смешно-простоительно морщит мордочку и говорит: «Посений язык! Но посений язычок!»*) [5. С. 57]) – вероятно, обезоруживающая миниатюра Спирькиной души с просьбой об отсрочке. Этот прием используется Чеховым в «Володе» (1887): перед внутренним взором героя, склонного к аффектации, в моменты острой душевной тоски – следствия характерной для подростковой психологии метафизической интоксикации – дважды возникают девочки-двойняшки – друзья детских игр. Удвоенный образ девочки в воспаленном сознании чеховского самоубийцы служит одновременно и символом легкой, безгрешной души, утраченного рая, и намеком на паталогическое раздвоение личности. Удвоение аналогичного инфантильного рефрена в рассказе Шукшина происходит за счет отражения картавой племянницы в образе *маленькой, голенькой* Ирины Ивановны, олицетворяющей для героя наивную мечту об иной, романтически возвышенной, утонченной и поэтичной (или сладкозвучной: предмет обожания Спирьки – учительница музыки) жизни.

Во второй раз – в более изысканном и гармоничном окружении: на «веселой полянке» – Спирька все же завершает намеченное.

Интертекстуальный фон «Сураза» не ограничивается самоубийцами русских классиков. Индифферентность к провинциальным «эндемикам» и неудержимая тяга к столичным «экзотам», имморализм, аристократическая щедрость и хронический сплин, а также парадоксально благородная внешность байстрюка создают вокруг образа центрального героя романтический ореол. Романтический колорит рассказа поддерживается образом Байрона, на которого Спирька *поразительно* похож [5. С. 43]. Альтер эго блистатель-

ного английского поэта – странствующий Чайльд Гарольд – безусловно, соотносится с кочевой (шоферской) долей деревенского философа. Гнетущее одиночество и неудовлетворенность тщетными интенциями суетного мира как признаки высокого интеллекта также находят отражение в портрете и характере шукшинского героя – его *ясные, умные* глаза пристально всматриваются в равнодушный и безответный жизненный хаос, ища спасения от экзистенциальной скуки, обретения родственной души, себя самого, разменянного на ничтожные протесты. Параллель с творчеством Байрона поддерживается и такими деталями, как возраст героя, совпадающий с возрастом английского поэта (Байрон умер в 36 лет), и, собственно, маркированный противоестественный уход из подчеркнуто «картинной», как будто ненастоящей жизни странного, как будто ненастоящего человека. Нарочито сдержанная «регистрация» печальных событий в финале «Сураза» (*Привезли, схоронили. Народу было много. Многие плакали...* [5. С. 63]) напоминает также лишенное пафоса прощание Байрона со своим детищем – Чайльд Гарольдом:

Но где мой путешественник? Где тот,
По чьим дорогам песнь моя блуждала?
Он что-то запропал и не идет.
Иль сгинул он, и стих мой ждёт финала?
Путь завершён, и путника не стало,
И дум его, а если всё ж он был,
И это сердце билось и страдало,—
Так пусть исчезнет, будто и не жил,
Пускай уйдет в ничто, в забвенье, в мрак могил [19. С. 150].

Еще одна значимая мемория, связанная с темой самоубийства, – «Гамлет» Шекспира¹. В своенравной непримиримости Спирьки с действительностью, холодном скепсисе и возвышенной беспечности накоротке со смертью угадывается царственная отвага принца. Гуманистический кризис, выведенный в бессмертной трагедии, подхватывается Шукшиным как минимум в двух эпизодах-репликах «Сураза»: сцена на кладбище и самоубийство на *веселой полянке*. Первая связана с эпитафией Гамлета над останками Йорика, вторая поразительно напоминает смерть Офелии. Решив свести счеты с жизнью на кладбище, Спирька определенно по-гамлетовски вступает в диалог с «теньями»: – *Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чем тут я-то? Вы лежите, а я малость еще побегаю по земле.*

¹ Шекспир помимо «общеромантических топосов» для Шукшина-актера служит перманентным драматическим фоном, и апелляция к его творчеству в поэтике писателя вполне закономерна. «Эпоха исторического слома от “сталинизма” до “хрущевской оттепели”», – пишет А.И. Куляпин, – особо актуализировала в русской культуре “гамлетовский психотип”. Шукшин не остался в стороне от этого процесса. Еще во время службы во флоте будущий писатель тайком разучивал роль Гамлета. Не раз он будет обращаться к трагедии Шекспира и в публицистике, и в рассказах» [20. С. 237].

Покружусь [5. С. 57]. В заключительном эпизоде рассказа меланхолический Спирька уподобляется покинутой Офелии. В сцене самоубийства Спирьки Шукшин воссоздает флорористический фон смерти шекспировской «нимфы»:

Есть ива над потоком, что склоняет
Седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи, –
У вольных пастухов грубей их кличка,
Для скромных дев они – персты умерших:
Она старалась по ветвям развесить
Свои венки; коварный сук сломался,
И травы и она сама упали
В рыдающий поток. Ее одежды,
Раскинувшись, несли ее, как нимфу [21. Т. 5. С. 141].

Финальная сцена «Сураза»: *Здесь тоже есть цветочки. Вон они: синенькие, беленькие, желтенькие... Вон саранка цветет, вон медуница... А вон пучка белые шапки подняла вверх. Спирька любил запах пучки. Встал, сорвал тугую горсть мелких белых цветочков, собранных в плотный, большой, как блюдо, круг. Сел опять на пенек, растер в ладонях цветки, погрузил лицо в ладони и стал жадно вдыхать прохладный, сыровато-терпкий, болотный запах небогатого, неяркого местного цветка. Закрыв ладонями лицо и так остался сидеть. Долго сидел неподвижно. Может, думал, может, плакал...* [5. С. 62–63].

По мысли Е.А. Худенко, в поэтике Шукшина «связанный с философскими раздумьями» *locus mortis* «становится местом обретения истины, поделиться которой с окружающими уже невозможно» [22. С. 129].

Приятие стороны самоубийцы в произведениях Шукшина, отсутствие и тени осуждения суицидента во многом связано с концепцией умирания (русские не сдаются) в ценностной системе национальной ментальности: нестерпимость поражения (*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...*, [5. С. 44] – поет Спирька, отстреливаясь от милиции из окна бани) – мощный суицидальный мотив в ситуации, когда силы героя и обстоятельств неравны. Лояльность к смерти, предпочтение гибели житейскому плену, клетке души – общее место в шукшинской суицидологии.

Риторический вопрос Спирьки: *А куда это я исчезаю-то?* [5. С. 60], – в суицидологической проекции пунктиром намечает движение к симулякру, созданному в «Пьедестале». Спирька – фигура замещения: точно повторяя черты *проезжего молодца*, он замещает матери покинувшего ее возлюбленного (*Спирька был вылитый отец, даже характером сибибал, хоть в глаза не видал его* [5. С. 43]; *он, бывало, выпивши ласкал мать* [5. С. 53]), одиноким *марухам* – отсутствующего мужа, «маленькой» Ирине Ивановне – отца, покровителя, старикам Прокудиным – сына (*Теперь Мишки не было* [5. С. 53]). Показательно, что, находясь в подчеркнутой автономии от живых,

неразгаданный, странный, уходящий и возвращающийся герой, как правило, занимает место умерших, т.е. выполняет функцию медиума или психопомпа. Призрачность, искусственность, выдуманность Спирьки поддерживаются и неопределенностью возраста, и мифологизацией портрета, и в целом имманентной «цитатностью», подчеркнутой литературностью: мозаичность образа (Байрон (Чайльд Гарольд), Гамлет, Робин Гуд) обуславливает его трагическую амбивалентность, в которой нищепанское бесстрашие и воля к жизни соединены с сартровским безразличием (Спирьке все *до фени*) и фатализмом.

Единодушие в решении умереть тем не менее представлено в мартирологе Шукшина разными способами преодоления жизненного предела. В литературных самоубийствах писателя равно освещены, казалось бы, полярные аспекты восточной героизации и западной эстетизации смерти. Так, «планируя» самоубийство, Спирька Расторгуев не хочет предстать на обозрение публики с развороченной грудью, поэтому находит способ убить себя (*Из-под себя как-то изловчился* [5. С. 63]), прогнозируя визуально выгодную позу – *лицом вниз* [5. С. 62–63]¹. Артистически простроенный, отрежиссированный финал резко противопоставлен драматургии самоубийства в момент отчаяния, отрицательной экзальтации, следствием которой становится спонтанная, а потому неприбранная, некрасивая, натуралистичная смерть, как, например, смерть Эммы Бовари – бесподобной самоубийцы Флобера: *Голова Эммы склонилась к правому плечу. В нижней части лица черной дырой зиял приоткрытый уголок рта. Большие пальцы были прижнуты к ладоням, ресницы точно посыпаны белой пылью, а глаза подернула мутная пленка, похожая на тонкую паутину. <...> изо рта у покойницы хлынула, точно рвота, черная жидкость* [23. С. 363–367].

Герои Шукшина, дошедшие до последней черты, умирают красиво. Литературное оформление сценографии самоубийства наводит на мысль о личной заинтересованности писателя в «подходящих» «моделях» подобного жизненного исхода, которые автор каждый раз «примеряет» на себя.

Рассказ Шукшина «Жена мужа в Париж провожала» дает пример «кроткого самоубийства», жертвы которого, в разьяснениях Достоевского, чисты и безгреховны, виновники же непоправимого – другие люди. С точки зрения юридической здесь имело бы место доведение до самоубийства. Такой тип суицида Достоевский относит к наиболее «простительным».

Шукшин убедительно живописует причины, по которым герою рассказа – Кольке Паратову – попросту «стало нельзя жить»: он *сроду не чаял и не гадал, что судьба изобразит ему такую колоссальную фигу* [5. С. 320], и потому с ужасом вглядывается в *отвратительное «дальше»* [5. С. 323], где маячит только *добровольная каторга* [5. С. 324], тщетно силится отряхнуть что-

¹ «Лицом в землю», ничком – позу, которую выбирает Шукшин для смерти Спирьки Расторгуева, Кольки Паратова, Егора Прокудина, Е.А. Худенко интерпретирует как своеобразную телесную метафору: «герои как будто прислушиваются к чему-то, ищут в токах земли ту правду, которая не далась им при жизни» [22. С. 128].

то нелепое, постыдное, мерзкое... [5. С. 323], стеснившееся вокруг его беззащитной души. Своим «кротким» уходом Колька восстает против вавилонского равнодушия скупой и требовательной Москвы, втоптавшей в грязь очередного деревенского «простофилю», не заметив¹ в нем человека.

Оппозиция 'город / деревня', заявленная в рассказе, вновь обнаруживает автобиографические предпосылки его проблематики. Сам способ самоубийства Кольки олицетворяет причину ухода героя – он задыхается в городских джунглях, становится жертвой цивилизации (газ, которым отравился Колька, – наиболее заметная черта городского благоустройства²). В суицидологической программе Шукшина смерть Кольки Паратова – единственный *обезоруживающий* случай тихого (без выстрела), «кроткого» конца, что выделяет комплекс жертвы и преумножает ответственность палача.

Детали «прощальной» сцены в финале рассказа по пафосу не уступают беспомощным кулачкам юных самоубийц Достоевского – Матрешы («Бесы» (1872)), грозящей Ставрогину, и малолетнего утопленника («Подросток» (1875)), прижавшего руки к груди. Шукшин намеренно инфантилизирует образ героя (помимо неполного имени, – до полного новый москвич положительно *не дорос* [5. С. 321] – в лаконичном описании остывающего тела два уменьшительных суффикса, так же, как и в финале «Кроткой»: *Ботиночки ее стоят у кровати, точно ждут ее...* [11. Т. 13. С. 375]), используя мотив «слезинки замученного ребенка» – безжалостную константу, в выведенной Достоевским формуле чудовищной дисгармонии мира: *У Кольки не успели еще высохнуть слезы... И чубарик его русый был смят и свалился на бочок* [5. С. 325]. За этим эпизодом как будто стоит вздох Макара Долгорукова: *И что может сия малая душка на том свете Господу Богу сказать!* [24. Т. 8. С. 523].

Другой интертекстуальный резерв рассказа, глубоко изученный шукшиноведами [25, 26], – творчество А.Н. Островского. Вслед за мэтром отечественной драматургии Шукшин выносит в заголовок народную сентенцию, однако при этом снимает дидактичность не за счет сведения назидательной пословицы к непринужденной поговорке, но посредством беспринципной частушечной риторики. Искаженный текст песни «Жена мужа в поход провожала»³, вынесенный в заголовок рассказа, – семиотический конденсат, обнаруживающий «мелодраматическую тональность, основные коллизии сюжета» [28. Т. 3. С. 96], как отмечает С.М. Козлова, но помимо этого «предсказывает» моральную развязку. Смысл заглавия проясняется во второй

¹ «Но вы прошли с улыбкой мимо / И не заметили меня», – поет Колька дочке Нине [5. С. 321].

² Е.А. Худенко обращает также внимание на некий контрапункт обстановки и обстоятельств смерти в рассказе: «Самоубийство... происходит на *домашней кухне* – месте семейных и дружеских посиделок. Однако ни семьи в настоящем понимании этого слова, ни друзей у Кольки нет» [22. С. 128].

³ Интересно, что менее чем за год до создания рассказа Шукшин сам ездил в парижский киноцентр на премьеру картины «Странные люди». Возможно, в песне находит отражение и автобиографический мотив. Таким образом Шукшин демонстрирует сопричастность к судьбе своего героя [27. С. 467].

(неявленной) строке песни: *А сама потихоньку шептала: «Унеси тебя черт поскорей!»*.

Образ Кольки Паратова, несомненно, корреспондирует с «Бесприданницей» (1878) Островского: объединяет харизму «лишнего» Паратова (маркером соответствия служит совпадение имен), отчаянную решимость «маленького» Карандышева и жертвенность Ларисы Огудаловой (Колька, «прибранный к рукам» ловкими москвичами, – «ходовой товар», доступность которого, однако, претит вкусу прожорливого мегаполиса).

Злая «Цыганочка» Кольки – это, по сути, танец смерти. Такая семиотическая платформа изображения танца, известная как русской, так и мировой литературе, восходит к средневековому макабру¹. У Шукшина *dance macabre* найдет воплощение в «Калине красной» (1973). Характерно, что танцевальный эпизод, «показанный» в киноповести довольно подробно² как метафора жизненного тупика, безысходности, танец-прощание, окажется дезкранизированным в кинематографическом воплощении произведения (крупные планы станут приемом нейтрализации танца Егора Прокудина): такое репрезентативное «замалчивание» предусматривает параллельное «прочтение» литературной и кинематографической версии киноповести.

Новаторство Шукшина в применении экфрасиса танца состоит в отточенной режиссуре: танец Кольки – пульт управления, запускающий программу на уничтожение. Логика танца прозрачна: *парень выплывает какую-то свою затаенную боль* [5. С. 319]. Скрытая сторона танца, резонирующего с финальной сценой рассказа, предсмертное послание: ср.: *А жена мужа в Париж провожала, Насушила ему сухарей...* [5. С. 318] – в завязке рассказа – и *Доченька, папа уехал в командировку* [5. С. 324] – в развязке. Прием композиционного обрамления суть усиление суицидального «текста поведения»: сериальный опыт ритуального жертвоприношения в танце (*Каждую неделю, в субботу вечером, Колька Паратов дает во дворе концерт* [5. С. 318]) «подготавливает» актуальное «смирненное» самоубийство.

Во всех рассмотренных рассказах смерть воспринимается как «обязательная дань жанру» трагедии в коннотации с такими аксиологемами, как любовь, душа, выбор (свобода). Как верно резюмирует П. Вайль, смерть осеняет

¹ Примеры танатологически окрашенного танца в национальной литературе: гротескно иступленная (до седины) пляска Хомы Бруга в «Вие» (1835) Н.В. Гоголя; «memento mori» пляшущих скелетов в рассказе В.Ф. Одоевского «Бал» (1848); танец-переход артистически чуждого пошлостью свету героя в рассказе Л.Н. Толстого «Альберт» (1858) и др.

² *Две гитары дернули “Барыню”. Пошла Люсьен. Ах! Как она плясала! Она умела. Не размашисто, нет, а четко, легко, с большим тактом. Вроде вколачивала каблучками в гроб свою калеку-жизнь, а сама, как птица, била крыльями – чтоб отлететь. <...> Егор, когда Люсьен подступала к нему, начинал тоже и работал только ногами. Руки заложены за спину, ничего вроде особенного, не прыгал козлом – а тоже хорошо. Хорошо у них выходило. Таилось что-то за этой пляской неизжитое, незабытое* [29. С. 211].

«несбывшиеся жизни персонажей <...> Человека делает интересным и важным даже нечаянное прикосновение к трагизму бытия <...> Любая жизнь значительна, коль скоро она завершается смертью» [30. С. 371–372].

В рассказе «Пьедестал» тема смерти, связанная с образом самоубийцы, отталкивается от «параметров жанра» и разработана с помощью инструментария трагикомедии (местами даже «черной комедии» в духе «Самоубийцы» (1928) Н. Эрдмана). Смерть здесь, говоря словами Н.И. Ищук-Фадеевой, «либо мнимость... либо процесс, подлежащий в большей степени осмыслению, нежели переживанию» [31. С. 356–357]: самоубийство не происходит, но лишь художественно постигается. Портрет самоубийцы в функции сюжетообразующего элемента – экфрастический кенотаф (симулякр: центральная тема произведения – несостоявшийся шедевр) и в то же время виртуозно оформленный реквием на метафизическую смерть художника, раскрывающий смысл творческих амбиций: чтобы оказаться на пьедестале, надо «убить» себя (в фигуральном смысле – забыть себя, раствориться в творческом процессе, стать частью «истории неслучившегося» [32. С. 268]).

Суицидальная поэтика «Пьедестала» вновь подсвечивается смертностью русской классики [33]. Портрет-отражение, разумеется, апеллирует и к «Портрету» Гоголя (1835, 1842), и к «Двойнику» Достоевского (1846). Герой-художник, в «неизменном халате» марширующий по шестиметровой кухне, добровольно запертый в миниатюрной студии, – двойник потенциально нежизнеспособного Обломова. Очень непохожие супруги Смородины тоже своего рода «близнецы»¹. Поворачиваясь разными гранями, удваивается в рассказе и идиллическая «Обломовка» – призрачная Фата-Моргана, угадывающаяся как в ностальгических грезах Смородина, так и в утопических фантазиях Зои.

Рекурсивный образ, оформляющий идею самоубийства средствами экфрасиса в «Пьедестале», невзирая на заостренную автором рассказа неоригинальность подхода (тема двойника в литературе и искусстве близка к исчерпанности) художника-самоучки, все же служит маркером проницаемой границы между живым и мертвым; посюсторонним и потусторонним, положительной и отрицательной артистической энергетикой, миром культуры и антикультуры. «Самоубийца» Смородина – шаг в «кромешный» «изнаночный» мир – локус, по Д.С. Лихачеву, «подчеркнуто выдуманный», где «наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии, жанровые формы и т. д.» [34. С. 55].

Заглядывание в маргинальную нишу «кромешного» мира, протестная претензия на идейно-художественную аномалию проявляются в наивном

¹ «Своеобразным двойником и одновременно антиподом Смородина является его жена Зоя, – пишет О.Г. Левашова. – Их психологические миры противопоставлены: героиня воплощает логику <...> задумчивая, молчаливая героиня – некую тайну. Однако тайна исчезает, Смородин и его жена в конечном итоге обнаруживают не только биографические совпадения в прошлом (у обоих за плечами тюрьма), но общность позиции в настоящем» [33. С. 55].

«инакомыслии» супругов Смородиных, выражающемся в бесконечных «спорах о человеке». Изобразительная диспропорция маленького комичного неумелого художника и неподъемного пафоса картины «Самоубийца» отчасти иллюстрирует концепцию человека, выведенную в пьесе Горького «На дне». Зоя и Воробьев – проходимцы, авантюристы, мелкие мошенники, которые познакомились в тюрьме, – в другую эпоху (за пределами советского социального выравнивания) вполне могли бы оказаться в компании горьковских «подпольных» философов. Шукшинское *...все же прекрасен сильный человек!* [5. С. 458]) – эхо пафосной сентенции Сатина: *Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо!* [35. С. 151]. Корреляции с аксиологией «изнаночного» мира «На дне» обнаруживаются в неожиданно пространном монологе молчаливой Зои: *...делать что-нибудь за кусок хлеба – это мерзко, гадко, противно, наконец, просто неохота* [5. С. 458] (ср. Сатин: *...Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (Хохочет.) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... <...> Человек – выше! Человек – выше сытости!..* [35. С. 151]). Уже в заголовке рассказа «Пьедестал» как будто задана инверсия обратной вертикали «На дне». Однако завершается рассказ образом лестницы, ведущей вниз, возвращая бесконечный диспут на круги своя.

«Пьедестал» Шукшина – эстетическая деконструкция, отражающая кризис гуманистической традиции, который распознается в признаках шизофрении, раздвоения личности, неадекватности бытийственного опыта (пробывание сразу в двух мирах) героев, расчеловечения в смерть, неотличимости живого от неживого, подлинного от искусственного. Одушевленность и неодушевленность в рассказе меняются местами: инертная Зоя («жизнь») напоминает статую, а бездушная картина отождествляется то с невестой, то с трупом.

В картине «Самоубийца», существенно углубляющей нарратив, очередной вызов «неизобразимости» смерти путем «изобразимости танатологических мотивов», которые, как справедливо утверждает Р.Л. Красильников, «несмотря на безусловную связь с фактом смерти, как правило, репрезентируют не его, а явления, происходящие до и после момента кончины» [36. С. 27], тем самым выказывая эстетическую беспомощность в отношении мортальной контрверзы.

Таким образом, суицидологический дискурс Шукшина, с одной стороны, вплетается в канву философской рефлексии на тему искусства смерти и смерти в искусстве, с другой – демонстрирует определенную специфику идейно-образного пространства художественной танатологии. В творческой эволюции писателя наблюдается смещение акцентов суицидологической эпистемы от позитивистской наивно-сентиментальной веры в торжество человечности (когда суицид представляет собой некий «сбой» сущностной программы («Нечаянный выстрел»)), через экзистенциальный кризис, выводящий самоубийство как следствие морального тупика («Сураз», «Жена мужа в Париж провожала»), к постмодернистской десакрализации жизни и

смерти, равноудаленных от онтологического смысла и перетекающих в телескопический симулякр («Пьедестал»). В четырех самоубийствах рассказов разных лет обнаруживается грация осмысления автором феномена суицида: неприятие и демонизация самоубийства, затем его нравственное оправдание, и, наконец, деконструкции смерти – отрицание отрицания.

Список источников

1. Куляпин А.И. В.М. Шукшин об искусстве умирать // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. № 3 (3). С. 31–34.
2. Куляпин А.И. Семиотика художественного пространства. Барнаул : АлтГПУ, 2016. 160 с.
3. Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М. : Аграф, 1999. 384 с.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 кн. Кн. 1: Охота жить : рассказы. М. : Надежда-1, 1998. 512 с.
5. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 кн. Кн. 2: Верую! М. : Надежда-1, 1998. 512 с.
6. Воробьева Т.А. Мортальная семантика дороги в прозе В.М. Шукшина // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 131–141.
7. Левашова О.Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы XIX в. (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2003. 38 с.
8. Сердюченко В. Читая Достоевского: Василий Шукшин // Русский переплет. URL: <http://pereplet.ru/kandid/76.html>
9. Васильев В.К. Тема самоубийства в позднем творчестве В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина как целостность. Барнаул, 1998. С. 50–55.
10. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 кн. Кн. 3: Странные люди. М. : Надежда-1, 1998. 528 с.
11. Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1876) // Собр. соч. : в 15 т. Т. 13. СПб., 1994. 541 с.
12. Кощей Л.А. Человека проблемы // Творчество В.М. Шукшина : энцикл. слов.-справ. Т. 1: Филологическое шукшиноведение: Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина. Барнаул, 2004. С. 103–105.
13. Куляпин А.И., Левашова О.Г. Достоевский Федор Михайлович // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 158–163.
14. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 кн. Кн. 6: Я пришел дать вам волю. М. : Надежда-1, 1998. 512 с.
15. Быстров В.Н. В. Шукшин и Ф. Достоевский (к проблеме гуманизма) // Русская литература. 1984. № 4. С. 18–33.
16. Гус М. Идеи и образы Ф.М. Достоевского. М. : Худож. лит., 1971. 591 с.
17. Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. СПб. : Наука, 1990. 845 с.
18. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. : в 15 т. Т. 9, ч. 1–3. СПб., 1991. 696 с.
19. Байрон Д.Г. Паломничество Чайльд Гарольда. Пермь : Кн. изд-во, 1988. 397 с.
20. Куляпин А.И. Шукшин и зарубежная литература // Творчество В.М. Шукшина : энцикл. слов.-справ. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул, 2006. С. 237.
21. Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском // Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 5. М. ; Л., 1936. С. 1–175.

22. Худенко Е.А. Локусы преступления и смерти // Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопозитика В.М. Шукшина. Барнаул, 2017. С. 124–129.
23. Флорбер Г. Госпожа Бовари. М. : Время, 2018. 384 с.
24. Достоевский Ф.М. Подросток // Собр. соч. : в 15 т. Т. 8. СПб., 1990. 814 с.
25. Куляпин А.И., Левашиова О.Г. В.М. Шукшин и русская классика. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 100 с.
26. Левашиова О.Г. Островский Александр Николаевич // Творчество В.М. Шукшина: энцикл. слов.-справ. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М. Шукшина. Мотивы и символы творчества В.М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул, 2006. С. 173.
27. Непросто говорить о Шукшине // Собр. соч. : в 6 кн. Кн. 5: Калина красная. М., 1998. С. 377–480.
28. Козлова С.М. Жена мужа в Париж провожала // Творчество В.М. Шукшина : энцикл. слов.-справ. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина. Барнаул, 2007. С. 94–96.
29. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 кн. Кн. 5: Калина красная. М. : Надежда-1, 1998. 560 с.
30. Вайль П. Живые и мертвые // Свобода – точка отсчета: О жизни, искусстве и о себе. М., 2012. 701 с.
31. Ицук-Фадеева Н.И. Смерть как инобытие («Юго-западный ветер» Д. Липскеров) // Мортальность в литературе и культуре. М., 2015. С. 356–367.
32. Лотман М.Ю. О природе искусства // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. 544 с.
33. Левашиова О.Г. «Жил человек...» (проблема самоубийства в творчестве В.М. Шукшина в аспекте традиций русской классики) // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3. С. 52–56.
34. Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 7–71.
35. Горький М. На дне // Макап Чудра. Челкаш. Старуха Изергиль. На дне. М., 2003. С. 77–157.
36. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественном творчестве: эстетический аспект. Москва ; Вологда : Граффити, 2010. 158 с.

References

1. Kulyapin, A.I. (2012) V.M. Shukshin ob iskusstve umirat' [V.M. Shukshin on the art of dying]. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. 3 (3). pp. 31–34.
2. Kulyapin, A.I. (2016) *Semiotika khudozhestvennogo prostranstva* [Semiotics of artistic space]. Barnaul : Altai State Pedagogical University.
3. Rudnev, V.P. (1999) *Slovar' kul'tury XX v.* [Dictionary of epy 20th-century culture]. Moscow: Agraf.
4. Shukshin, V.M. (1998) *Sobranie sochineniy: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 1. Moscow: Nadezhda-1.
5. Shukshin, V.M. (1998) *Sobranie sochineniy: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 2. Moscow: Nadezhda-1.
6. Vorob'eva, T.A. (2018) Mortal'naya semantika dorogi v proze V.M. Shukshina [Mortal semantics of the road in the prose of V.M. Shukshin]. *Kul'tura i tekst*. 3 (34). pp. 131–141.
7. Levashova, O.G. (2003) *Shukshinskiy geroy i traditsii russkoy literatury XIX v. (F.M. Dostoevskiy, L.N. Tolstoy)* [Shukshin's hero and the traditions of the 19th century (F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tambov.
8. Serdyuchenko, V. (n.d.) *Chitaya Dostoevskogo: Vasiliiy Shukshin* [Reading Dostoevsky: Vasily Shukshin]. [Online] Available from: <http://pereplet.ru/kandid/76.html>

9. Vasil'ev, V.K. (1998) Tema samoubiystva v pozdnem tvorchestve V.M. Shukshina [The theme of suicide in the late works of V.M. Shukshin]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina kak tselostnost'* [V.M. Shukshin's creative works as integrity]. Barnaul. pp. 50–55.
10. Shukshin, V.M. (1998) *Sobranie sochineniy: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 3. Moscow: Nadezhda-1.
11. Dostoevskiy, F.M. *Dnevnik pisatelya* (1876) [A Writer's Diary (1876)]. In: *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Vol. 13. St. Petersburg.
12. Koshchey, L.A. (2004) Cheloveka problemy [Human problems]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsikl. slov.-sprav.* [V.M. Shukshin's creative works: Encyclopedic Reference Dictionary]. Vol. 1. Barnaul. pp. 103–105.
13. Kulyapin, A.I., & Levashova, O.G. (2006) Dostoevskiy Fedor Mikhaylovich [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [V.M. Shukshin's creative works: Encyclopedic Reference Dictionary]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 158–163.
14. Shukshin, V.M. (1998) *Sobranie sochineniy: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 6. Moscow: Nadezhda-1.
15. Bystrov, V.N. (1984) V. Shukshin i F. Dostoevskiy (k probleme gumanizma) [V. Shukshin and F. Dostoevsky (on the problem of humanism)]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 18–33.
16. Gus, M. (1971) *Idei i obrazy F.M. Dostoevskogo* [Ideas and Images of F.M. Dostoevsky]. Moscow: Khudozh. lit.
17. Dostoevskiy, F.M. (1990) Besy [Demons]. In: *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Vol. 7. St. Petersburg: Nauka.
18. Dostoevskiy, F.M. (1991) Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. In: *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Vol. 9 (1–3). St. Petersburg.
19. Byron, G.G. (1988) *Childe Harold's Pilgrimag*. Perm: Kn. izd-vo. (In Russian).
20. Kulyapin, A.I. (2006) Shukshin i zarubezhnaya literatura [Shukshin and foreign literature]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsikl. slov.-sprav.* [V.M. Shukshin's creative works: Encyclopedic Reference Dictionary]. Vol. 2. Barnaul. p. 237.
21. Shakespeare, W. (1936) Hamlet. In: *Complete works: in 8 vols.* Vol. 5. Moscow; Leningrad. pp. 1–175. (In Russian).
22. Khudenko, E.A. (2017) Lokusy prestupleniya i smerti [Loci of crime and death]. In: Bogumil, T.A., Kulyapin, A.I. & Khudenko, E.A. *Geopoetika V.M. Shukshina* [Geopoetics of V.M. Shukshin]. Barnaul. pp. 124–129.
23. Flaubert, G. (2018) *Madame Bovary*. Moscow: Vremya.
24. Dostoevskiy, F.M. (1990) Podrostok [The Adolescent]. *Sobr. soch.: v 15 t.* [Collected Works: in 15 volumes]. Vol. 8. St. Petersburg.
25. Kulyapin, A.I. & Levashova, O.G. (1998) *V.M. Shukshin i russkaya klassika* [V.M. Shukshin and Russian Classics]. Barnaul: Altai State University.
26. Levashova, O.G. (2006) Ostrovskiy Aleksandr Nikolaevich [Aleksandr Nikolaevich Ostrovsky]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsikl. slov.-sprav.* [V.M. Shukshin's creative works: Encyclopedic Reference Dictionary]. Vol. 2. Barnaul. p. 173.
27. Shukshin, V.M. (1998) *Sobr. soch.: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 5. Moscow. pp. 377–480.
28. Kozlova, S.M. (2007) Zhena muzha v Parizh provozhala [The Wife Saw Her Husband Off to Paris]. In: *Tvorchestvo V.M. Shukshina: entsikl. slov.-sprav.* [V.M. Shukshin's creative works: Encyclopedic Reference Dictionary]. Vol. 3. Barnaul. pp. 94–96.
29. Shukshin, V.M. (1998) *Sobranie sochineniy: v 6 kn.* [Collected works: in 6 books]. Book 5. Moscow: Nadezhda-1.
30. Vayl', P. (2012) Zhivye i mertvye [The Living and the Dead]. In: *Svoboda – tochka otscheta: O zhizni, iskusstve i o sebe* [Freedom as a Point of Reference: About Life, Art, and About Oneself]. Moscow.

31. Ishchuk-Fadeeva, N.I. (2015) Smert' kak inobytiye ("Yugo-zapadnyy veter" D. Lipskero) [Death as Otherness ("Southwest Wind" by D. Lipskerov)]. In: *Mortal'nost' v literature i kul'ture* [Mortality in Literature and Culture]. Moscow. pp. 356–367.

32. Lotman Yu.M. (2002) O prirode iskusstva [On the Nature of Art]. In: Lotman, Yu.M. *Stat'i po semiotike iskusstva* [Articles on the Semiotics of Art]. St. Petersburg.

33. Levashova, O.G. (2003) "Zhil chelovek..." (problema samoubiystva v tvorchestve V.M. Shukshina v aspekte traditsiy russkoy klassiki) ["There Lived a Man..." (the problem of suicide in the works of V.M. Shukshin in the aspect of the traditions of Russian classics)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 52–56.

34. Likhachev, D.S. (1984) Smekh kak mirovozzrenie [Laughter as a Worldview]. In: Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., & Ponyrko, N.V. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Rus]. Leningrad. pp. 7–71.

35. Gor'kiy, M. (2003) *Makar Chudra. Chelkash. Starukha Izergil'. Na dne* [Makar Chudra. Chelkash. The Old Woman Izergil. At the Bottom]. Moscow. pp. 77–157.

36. Krasil'nikov, R.L. (2010) *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennom tvorchestve: esteticheskii aspekt* [Thanatological Motifs in Artistic Creativity: Aesthetic Aspect]. Moscow; Vologda: Graffiti.

Информация об авторе:

Московкина Е.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Moskovkina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 02.12.2023;
approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 30.09.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/91/13

Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: жанровый генезис и поэтика

Евгений Рудольфович Пономарев^{1,2}

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(ИМЛИ РАН), Москва, Россия*

² *Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} eponomarev@mail.ru*

Аннотация. Анализируется творчество В.Н. Муромцевой-Буниной 1927–1930 гг. Впервые изучается поэтика писательницы-мемуаристки, поставлен вопрос о генезисе ее творчества. Рассмотрена поэтика первых очерков, созданных в конце 1920-х гг., а также первых глав большой мемуарной книги. По мнению автора, мемуарные очерки Муромцевой-Буниной вырастают из двух письменных (нехудожественных) жанров – газетного некролога и развернутой дневниковой записи, а мемуарная книга – из дневниковых записей и философии Памяти, актуальной для И.А. Бунина в ходе работы над романом «Жизнь Арсеньева». Выявлены интертекстуальные связи между отдельными очерками, поэтика очерков прослеживается в динамике.

Ключевые слова: В.Н. Муромцева-Бунина, жанровый генезис, поэтика, мемуарный очерк, книга мемуаров

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-01340 «Полное собрание сочинений В.Н. Муромцевой-Буниной: архивное исследование, комплексное изучение, издание» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Для цитирования: Пономарев Е.Р. Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: жанровый генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 255–268. doi: 10.17223/19986645/91/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/13

Early works of Vera Muromtseva-Bunina: Genre genesis and poetics

Evgeny R. Ponomarev^{1,2}

¹ *Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1,2} eponomarev@mail.ru*

Abstract. The article examines works by Vera Muromtseva-Bunina written in 1927–1930. For the first time, the poetics of the memoirist writer is studied, and the

question of the genesis of her work is raised. The poetics of the first essays created in the late 1920s, as well as the first chapters of the large memoir book, are considered. The author proves that Muromtseva-Bunina's memoir essays grow from two written (non-fiction) genres – a newspaper obituary and an extended diary entry, and the memoir book from diary entries and the philosopheme of Memory, which was relevant for Ivan Bunin while working on the novel *The Life of Arsenyev*. Intertextual connections between individual essays are revealed; the poetics of the essays can be traced in dynamics.

Keywords: Vera Muromtseva-Bunina, genre genesis, poetics, memoir essay, book of memoirs

Acknowledgements: The reported study was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-28-01340: Complete Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Archival Research, Comprehensive Study, Publication).

For citation: Ponomarev, E.R. (2024) Early works of Vera Muromtseva-Bunina: Genre genesis and poetics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 255–268. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/13

О В.Н. Буниной (урожденной Муромцевой) обычно писали совсем немного – как об идеальной писательской жене, которая почти полвека прожила с И.А. Буниным, а после смерти писателя стала хранительницей архива и памяти о великом муже, а также первым биографом Бунина. Эта точка зрения, при всей ее справедливости, оставляет без внимания многие иные черты этой незаурядной женщины. Лишь в 2010-х гг. появилось несколько работ и публикаций, из которых стало видно, что Вера Николаевна имела свой круг общения – как в дореволюционной России, так и в эмиграции, – значительно превышающий круг общения ее мужа (в него входили и все знакомые Бунина и ее собственные знакомые). А также свои собственные сферы деятельности – это благотворительная и религиозно-общественная работа [1, 2]. Несколько лет назад – едва ли не впервые – Муромцева-Булнина была рассмотрена как «литератор», т.е. автор, имеющий значение сам по себе, независимо от великого мужа [3]. Эту тенденцию мы намереваемся продолжить и в рамках настоящей статьи. В.Н. Муромцева-Булнина, наряду с Г.Н. Кузнецовой и Л.Ф. Зуровым, стала полноправным участником писательской колонии в Грассе, как называли бунинский дом в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Она имела свои собственные темы, свой писательский стиль и должна быть рассмотрена как отдельный писатель (разумеется, не первого ряда), внесший свой вклад в культуру зарубежья.

Оригинальное творчество В.Н. Муромцевой-Буниной началось в конце 1920-х гг. и целиком относится к литературе русской эмиграции (несколько переводов французских романов, выполненных в предреволюционный период, мы не рассматриваем в этом контексте, хотя переводы художественной литературы, безусловно, сыграли важную роль в ее творческом становлении). Ее первый очерк, опубликованный в газете «Возрождение» 19 февраля 1927 г., назывался «Памяти С.А. Иванова». Само заглавие говорит нам

о жанровом генезисе – очерк с очевидностью вырастает из некролога, а первый абзац этого текста, казалось бы, может служить эпиграфом ко всему творчеству мемуаристки:

«При известии о смерти человека, которого любишь, после первого момента потрясения, начинаешь упорно думать о нем и представлять себе его. Сначала он является в живом физическом виде, а затем этот физический облик заслоняется его невидимым ликом, который открывается в редкие минуты человеческих общений. И чем человек выше, чем его личность больше, тем этот невидимый лик выступает отчетливей» [4].

Сергей Андреевич Иванов – революционер-народоволец, просидевший в Шлиссельбургской крепости двадцать лет, вспоминается Вере Николаевне отчасти по встречам в Москве, но больше по совместной работе в эмиграции: в Комитете помощи писателям и ученым, пострадавшим от большевизма. Основой заметки-некролога становятся душевные качества этого поразительного человека, а также мысль (близкая к историософии Н.А. Бердяева, с которой Бунина была знакома) о революционерах прошлого (существенно отличающихся от большевиков) – людях, соединяющих в себе идею самопожертвования с тонкой внутренней культурой.

В завершающих абзацах этот мини-очерк осмыслен автором как публичное надгробное слово:

По слабости я была лишена возможности поклониться его праху и проводить его до места последнего убежища.

Пусть же эти строки будут слабой благодарностью за то, что я получила от его большой и благородной души [4].

Газетный очерк, таким образом, сближается с художественно-разговорным жанром прощальных речей во время похорон. Благодаря этой концовке задача очерка начинает перерастать традиционные задачи некролога: надгробное слово эмоциональнее краткого изложения жизни покойного; оно более личное и более вдохновенное, оно не перечисляет факты, а вспоминает о вечно живой душе, оно как бы способствует переходу человеческого и исторического в вечную память.

Основная часть очерка и выстроена у Буниной именно так. Первая половина основной части лишь слегка и крайне размыто использует историю жизни (вся полнота которой автору, наверное, и неизвестна), основные мотивы – нравственная высота и духовная красота С.А. Иванова. Вся вторая половина – рассказ о последней встрече: «В последний раз, накануне своей смерти, он навестил меня вместе с М.А. Алдановым» [4]. Подробно изложен весь ход разговора.

Этот прием заставляет заглянуть в дневник В. Н. Буниной за предшествующие публикации дни. В записи от 13 февраля (31 января старого стиля) 1927 г. сообщается, что в этот день стало известно о смерти С.А. Иванова, а «накануне» (11 февраля, как узнаем мы из того же дневника) он «был у меня» [5]. Чуть подробнее, но практически теми же словами, что и в

очерке, передан ход последнего разговора; упоминается и Алданов. Более того, сообщение о том, что Сергей Андреевич близко к сердцу принимал проблемы Комитета и очень страдал из-за нехватки средств и «распыления» денег, которое в очерке относится к неопределенному времени – совместной работе в Комитете, в дневнике оказываются темами последнего разговора. Таким образом, примерно половина основной части очерка – это переписанная (слегка сокращенная) дневниковая запись.

Получается, что первый очерк В.Н. Буниной (еще не избравшей себе псевдоним двойную фамилию Муромцева-Бунина и подписавшейся «В.Н. Бунина») представляет собой контаминацию двух письменных (нехудожественных) жанров – газетного некролога и развернутой дневниковой записи, а также устного жанра надгробной речи. Творчество Муромцевой-Буниной вырастает из этого жанрового единства, тематически связанного с потрясением от смерти хорошо знакомого и духовно близкого человека. Получившийся сложный жанр переживает дальнейшие трансформации. Газетная заметка Буниной в подтексте обретает сюжетность: она не просто рассказывает об ушедшем человеке; она ставит целью показать переход сиюминутного в вечное, телесно-материального – в духовно-нетленное, личного – в значимое для всей русской культуры. Очерк как жанр может существовать и вне искусства (в журналистике) и внутри него (очерки в художественной литературе). Краткие тексты Муромцевой-Буниной изначально стремятся к очерку художественному.

Необходимо обратить внимание и на то, в какой момент жизни Вера Николаевна начинает писать очерки-воспоминания. Приближаясь к тяжелой операции, которую пережила во второй половине января 1927 г. (она была готова к смерти на операционном столе, даже написала прощальное письмо мужу, оставив его запечатанным), Бунина вновь обрела глубокую веру в Бога. Ее первый очерк, как и все последующие, проникнут непосредственным религиозным чувством – стремлением рассказать всем о том «невидимом лике» человека, который открывается только близким людям в тесном душевном общении. Знаменательно, что первым финалом очерка (предшествующим процитированной концовке – второму и окончательному финалу) становится совсем недавнее воспоминание о том, как Иванов навещил ее в клинике в Вилльжюиф после операции (жить ему самому оставалось около двух недель).

12 февраля 1927 г., на следующий день после кончины С. А. Иванова, скончался С.С. Юшкевич, известный писатель и хороший знакомый Буниных. Воспоминания о нем Муромцева-Бунина напишет позднее, в 1930 г. Но в дневниковых записях февраля 1927 г. смерть Юшкевича и смерть Иванова, последовавшие друг за другом, создают общую атмосферу рокового (возможность собственной смерти Вера Николаевна ощущает еще очень остро – смерть еще не отступила от нее).

15 февраля 1927 г. Бунина запишет в дневнике:

Скоро опустят в землю С<емена> С<оломоновича Юшкевича>. Скажут ненужные речи и разойдутся. День будут под впечатлением этого горестного события, затем займутся делами, и огромный город сотрет и это впечатление, как он стирает ежедневно все.

Газета очень слабо отозвалась на смерть Юшкевича. Несколько сильных слов написал Ян (так, на польский манер, Бунина постоянно называла мужа. – Е.П.). Незначительное и бесцветное воспоминание бар<она> Дризена, и даже нет в «Возрождении» некролога. Странная газета! Да и в «Последних новостях» – только две статьи. Я думала, что его смерть будет событием в нашей зарубежной жизни, но, кажется, о Потемкине (поэт-сатириконец П.П. Потемкин, умерший осенью 1926 г. – Е. П.) писалось больше. Интересно завтра прочесть речи. Может быть, у раскрытой могилы найдут надлежащие слова [5].

Эти прочувствованные строки во многом объясняют писательскую задачу, которую ставит себе Муромцева-Бунина. Задача очень близка одной из целей творчества в том виде, как оно понимается в «Жизни Арсеньева» (непосредственная работа над романом начата Буниным в том же 1927 г.) – сделать что-то, чтобы прошедшая жизнь не стерлась навсегда. Несмотря на необратимость смерти, найти «надлежащие слова». Она же оказывается исключительно созвучной и идее житийных биографий¹, которая родилась в эмиграции в середине 1920-х гг. Собственно, мемуаристика о том, как было в России, заполняет литературу русской эмиграции как раз в это время. Пишут в основном о недавнем прошлом (нередко преобразая это прошлое в своем новом эмигрантском сознании – «Петербургские зимы» Г.В. Иванова очень характерны в этом отношении).

В дальнейшем В.Н. Муромцева-Бунина напишет еще несколько очерков, вырастающих из идеи особого некролога, дающего живой облик умершего и фиксирующего главное, «нетленное» в прошедшей жизни. В 1928–1930 гг. она опубликует очерки, посвященные ушедшим несколько лет назад писателям и хорошим знакомым: Л.Н. Андрееву и С.А. Найденову (Алексееву); двум выдающимся ученым, с которыми свела ее жизнь – академикам Н.П. Кондакову и Д.Н. Овсяннику-Куликовскому; напишет и очерк о С.С. Юшкевиче. Показательно, что последним из напечатанных до Второй мировой войны очерков В.Н. Муромцевой-Буниной станет «Умное сердце» (1936) – «живой» (а не формально-типовой; формальное отношение к чужой смерти кажется ей нехристианским) некролог О.А. Шмелевой, жене писателя И.С. Шмелева. В дневниках появляются и иные идеи – например, написать о внезапно скончавшейся кузине Мане (М.С. Брюан, урожденная Муромцева, в первом браке Венявская), чтобы сохранить ее «живой облик» (поскольку мать ее, знаменитая оперная певица М.Н. Муромцева, хочет выпустить мемориальную брошюру, в которой, уверена Бунина, будут самые общие и неверные слова):

И зачем нужна идеализация, когда человек имеет много достоинств, но может иметь право и на недостатки, и как это близкие не понимают, и вместо живого

¹ О жанре житийных биографий см. [6].

образа дают какого-то неживого, состоящего из одних достоинств, манекена. Если брошюра будет такова, то я напишу о ней свои воспоминания и дам Живую Маню, полную интереса [7].

Вслед за кратким очерком о С.А. Иванове, первом опыте самостоятельного творчества, В.Н. Бунина приступает к совершенно иной работе: она пишет воспоминания об их с Буниным свадебном путешествии весной 1907 г. (из Москвы в Одессу, затем через Константинополь и Афины в Александрию, потом в Иудею, Бейрут, Баальбек и снова в Иудею, оттуда в Египет и обратно в Одессу). Этот объемный материал выстроен совершенно иначе (впрочем, оговоримся, что мы знаем его лишь в том виде, в каком он появился в эмигрантской периодике конца 1950-х гг.; более ранние варианты не сохранились): это воспоминания о самых важных днях жизни автора. Сначала много говорится о переживаниях девушки, порывающей с семьей и входящей в новую замужнюю жизнь; затем о новых впечатлениях и заботливости ее Яна, помогающей совершить этот переход; затем о писательском круге, в который автор впервые попадает как «жена Бунина»; наконец, о том, как привыкает она жить рядом с мужем, учитывая сложности его характера. И одновременно – воспоминания о ярких экзотических впечатлениях от Константинополя, Египта, Палестины, созданные в параллель к очеркам и стихотворениям мужа об этих землях, напечатанным еще до революции. Здесь мемуары соединяются с комментарием к произведениям мужа¹, а также с путевой прозой. Вновь получается комбинированный жанр, но совершенно иного рода. Все три его составляющие – жанры «вспомогательные», околотитературные. На их основе создается чисто литературный феномен: художественная автобиография, задача которой – воскрешение прежней жизни во всей ее сложности и многообразии (приуроченное к двадцатилетию супружеской жизни и вызванное во многом сильнейшим стрессом в жизни нынешней – с середины 1927 г. вместе с Буниными поселилась Г.Н. Кузнецова). Здесь в качестве образца используется роман «Жизнь Арсеньева», первая книга которого создается в эти же месяцы; В.Н. Бунина знакомится с ней непосредственно в процессе писания, поскольку, по ее собственному выражению, «перестукивает» написанное на пишущей машинке. Когда чуть позднее в писательской семье появится четвертый человек – Л.Ф. Зуров, начнутся споры, стоит ли Вере Николаевне писать о том, что, возможно, станет дальнейшим сюжетом «Жизни Арсеньева». Близость этих двух создающихся рядом произведений – как внешне-тематическая, так и внутренняя, кроющаяся в единстве мировидения и переработки жизненного материала – для всей грасской писательской колонии очевидна.

Весь 1927 г. В.Н. Муромцева-Бунина пишет «Наши странствия» (таково было, согласно дневнику, первоначальное заглавие этих мемуаров), в пер-

¹ Опыт такого комментирования (где и когда создано, чем навеяно) пригодится автору в дальнейшем при создании книги «Жизнь Бунина» (1958).

вой половине 1928 г. приступает к следующему мемуарному очерку «Гло-тово» – можно предположить, что так называлось объемное продолжение «Наших странствий», начинавшееся с первого визита Веры Муромцевой к новым родственникам и рассказывавшее о последующих поездках в имение С.Н. Пушешниковой Васильевское, которое Бунин любил и в котором часто подолгу жил. Этот материал был наверняка использован мемуаристкой в конце 1950-х гг., когда она стала регулярно печатать воспоминания в периодике (известны очерки «Первые впечатления от Васильевского», «Будни в Васильевском» и, собственно, «Гло-тово»). Однако ни в конце 1920-х гг., ни в начале 1930-х гг. Вера Николаевна не сделала попытки опубликовать свои автобиографические опыты. Возможно, сыграли роль уже упоминавшиеся опасения насчет сюжетного дублирования «Жизни Арсеньева». Кроме того, сказалось и само жанровое новаторство: обычно мемуары повествуют о прежней жизни и посвящаются тем, кого уже нет на свете. Первое условие мемуарного жанра тут было выполнено, но второе совсем не соблюдалось: и главный герой воспоминаний (Бунин), и многие другие лица, фигурирующие в тексте, были живы и здоровы. Возможно, из-за этой накладки – сущностной для всей эмигрантской культуры – печатание написанного было надолго отложено. Однако эта же особенность позволила мемуарам Муромцевой-Буниной стать «живыми» – по аналогии с «живым обликом» героев ее некрологов. Путешествие по Средиземному морю в Святую землю (а также родственные отношения мемуаристки с семьей писателя – в которую не смог и более не сможет войти никто иной, кроме нее) сообщало повествованию то «нетленное», что не подвластно времени.

Жанр мемуаров стал для В.Н. Муромцевой-Буниной школой большого повествования. Он подготовил ее к работе над мемуарной книгой, посвященной детству, отрочеству и юности, – на этот раз прямой проекции «Жизни Арсеньева» на ее собственную жизнь. Идея книги сложилась весной 1930 г. С середины июня началась работа над главой, посвященной детству. 7 марта 1931 г. «Детство» было завершено. Далее пойдут отрочество и юность. Эту книгу, еще в 1930-е гг. названную «Беседы с памятью», Муромцева-Бунина будет писать долгое время (примерно до 1941 г.) и так и не завершит. Сохранилось несколько рукописных и машинописных копий разных редакций, что позволяет ее реконструировать [8]. Заглавие же в конце 1950-х гг. будет передано другой книге воспоминаний, повествующей о жизни с Буниным.

Пока же, в 1928 г., отложив большие мемуары, Муромцева-Бунина возвращается к небольшому мемуарному очерку. По сравнению с очерком «С.А. Иванов» мемуаристка меняет подпись: все последующие очерки подписаны девичьей фамилией «В. Муромцева», как и дореволюционные переводы французских романов.

Очерки о Л.Н. Андрееве (1928), С.А. Найденове (1929), Д.Н. Овсяннико-Куликовском (1929), С.С. Юшкевиче (1930), Н.П. Кондакове (1930) объединяют идею «живого некролога» (абсурдность словосочетания, собранного

из двух разных выражений, кажется нам символически значимой: христианское сознание мемуаристики не считает его абсурдным) с идеей «живых мемуаров». «Нетленный лик» героя очерка соединяется с «нетленным временем», когда молодая Вера Муромцева проживала свои первые счастливые годы с Буниным, когда современная русская литература считалась самым важным делом на земле и когда Россия и русская культура стояли на верном пути.

Знаменательно настоящее время повествования, организующее все начало очерка «Отрывки воспоминаний: Л.Н. Андреев»: «Москва, первый снег, наш дом в Столовом. У нас гости, А.М. Федоров и Юл.Ал. Бунин. Разговор идет об Андрееве» [9]. Назывные конструкции первого предложения и отсутствие глагола во втором подводят к третьему предложению, в котором использован глагол настоящего времени. Это начало *ex abrupto* погружает читателя в то славное время, когда у Муромцевых был еще свой дом в Столовом, а многочисленные писатели проводили время в знаменитых московских ресторанах. На протяжении всего длинного (примерно четверть очерка) рассказа о первом знакомстве с Андреевым глаголы большей частью используют форму настоящего времени и лишь иногда прошедшего: «Я смотрю на черные с синеватым отливом волосы Андреева <...>»; «Затем идут расспросы об его работах»; «Затем он внезапно заявляет <...>»; но: «В передней, когда он накинул на себя дорогую шубу <...>, Иван Алексеевич напомнил ему <...>» [9]. Это соединение настоящего и прошедшего формирует уникальную ностальгическую интонацию, характерную для произведений Муромцевой-Буниной: действие как бы происходит перед нами прямо сейчас, но иногда нам напоминают – это все в прошлом¹. Ощущение «живого героя» (Андреев дан в нескольких эпизодах по-настоящему тоскующим, но при этом нередко манерничающим этой своей тоской) соединяется с «живым» же ощущением времени, например: «Было необыкновенно весело от остро пахнувшего воздуха, от бубенцов, от быстрой езды по пустынной улице, ярко освещенной электрическими шарами (причастия в форме настоящего времени! – *Е.П.*). За Тверской заставой нас то и дело обгоняли тройки, – Москва праздновала “первопутку”...» [9].

Такого же рода отдельные пассажи о «нетленном времени» организуют очерк «Отрывки воспоминаний: С.А. Найденов»: «В то время в России особенными любимцами русской публики были писатели. И так как баловать своих кумиров она умела не только со всей ширью славянской души, но и с большой истеричностью, то редко у кого из достигших в те годы “славы” не закружилась голова» [10]. Сам же герой предстает, с одной стороны, противоположностью Андрееву (он не любит шумихи и пошлости, потому что по-купечески ценит только настоящее; он сдержан и замкнут; резко относится и к собственной славе и к собственным неудачам), с другой же – не

¹ Нарративная структура очерков В.Н. Муромцевой-Буниной местами напоминает нарратологию И.А. Бунина: рассказа «Именины» (1924), а также романа «Жизнь Арсеньева» (1927–1933).

совсем соответствующим высокому писательскому званию, какому-то писательскому абсолюту: «Он был талантлив, умен, а между тем чего-то ему не хватало, чтобы подняться над своей первой пьесой. Мне кажется, у него не хватало культуры, широкого развития» [10]. С точки зрения «живого некролога» это правда об ушедшем, которая не может его оскорбить. Найденов «ниже», как тогда говорили, Андреева-драматурга, но выше его по своим человеческим качествам.

Глаголов в форме настоящего времени в этом очерке почти нет, но в той же функции, для создания уникальной ностальгической интонации, использованы как бы вневременные (так бывает всегда, вообще) ощущения мемуаристки: «Я была на генеральной репетиции. <...> Приятен этот домашний уют в театре, создаваемый столом с рефлектором в партере, за которым сидит режиссер, темнотой в антрактах, просто одетой публикой, волнением автора... В этот день автор прощается со своим детищем, – завтра оно уже будет отдано на суд публики» [10].

Крайне интересен финал очерка о Найденове. Сообщается, что в последние годы его жизни Бунины практически с ним не видались. Общение протекало в переписке. Он стал очень религиозен. Последнее письмо из Крыма было получено в 1920 г. В нем Найденов писал, что стал совершенно сед. Далее идет завершающий абзац:

И я теперь, когда думаю о нем, редко вспоминаю его молодым, сильным, черноглазым и черноволосым, а всегда представляю его себе с большой седой головой, со взором, просветленным тем светом, при котором уже не страшно ни жить, ни умирать [10].

Получается, что Вера Николаевна вспоминает Найденова таким, каким никогда не видела. Герой мемуарного очерка приобретает вневременное измерение и переходит в сферу вечной памяти в том «нетленном облике», который лучше всего выражает всю его прожитую жизнь.

Очерки, посвященные академикам, подчеркнута мемориальны. Это усиливает вневременное значение, которое приписывается их героям. Первый абзац очерка «Н.П. Кондаков (к пятилетию со дня смерти)» звучит камертоном всего повествования:

Высокий, плотный, с большой седой головой, с суровым, умным лицом, в тяжелой и очень добротного качества одежде, он при первом же знакомстве внушал уважение к себе, граничащее со страхом, даже людям, не имевшим понятия об его научном значении. <...> Во всем – в людях, вещах, еде – он прежде всего ценил доброкачественность. Подделки не выносил, самая незначительная недобросовестность выводила его из себя [11].

Обстоятельность роднит Кондакова с С.А. Найденовым, только в портрете академика она значительно усилена. «Подлинность» и «настоящность» отличают Кондакова от всех прочих людей. Он уже при жизни обретает «нетленный лик». А центр повествования о Д.Н. Овсяннико-Куликовском – простота величия или величие простоты. В описании первого своего знакомства

со знаменитым ученым, в кругу собственной семьи, В.Н. Бунина вновь «опрокидывает» эпизод в ностальгические воспоминания «вообще» — «как это было в Москве»:

В Москве, как известно, пригласить нежданного гостя к столу было явлением бытовым. Д. Н. с редкой простотой согласился отобедать с нами, только спросил, есть ли водка.

— Без рюмки алкоголя, — сказал он, — у меня не бывает никакого аппетита [12].

Академик с большим уважением относится к каждому и внимательно выслушивает всякого, с кем говорит. Он объясняет сложные вещи простому человеку «с редкой серьезной простотой». Или еще: «Спорил он очень приятно, никогда не давая чувствовать своего превосходства собеседнику, кто бы тот ни был, выслушивал, не перебивая, но твердо отстаивал свое, никогда не раздражался и не переносил несогласия в личные отношения» [12]. Он всегда высказывает уже обдуманное суждение; его определения точны — каждого писателя он способен определить одной-единственной фразой. Так что если Кондаков похож на памятник самому себе, то Овсянко-Куликовский — образец «живого» ученого, в котором серьезное академическое знание соединяется с настоятельной потребностью поделиться им со всем миром.

Принципиально важный момент — высоконравственный облик каждого из героев (традиция житийной биографии сказывается и в очерковой прозе: сам факт попадания в герои очерка предполагает некий духовный пример читателю). Эта тенденция присутствует в каждом из перечисленных произведений, но в «Овсянко-Куликовском» достигает апогея. Характерна реакция академика на события Гражданской войны:

И правда, события шли уже не шуточные. Когда о них рассказывали в присутствии Д.Н., он сидел с поникшей головой, с выражением муки и отвращения на лице, не произнося ни слова [12].

Важен в этом отношении и финал очерка:

<...> душа его, больше всего любившая свободу, не могла вынести гнета, произвола, преступности, патологии. Недаром молился он еще мальчиком:

— Господи, сделай так, чтобы я никогда никого не убил! [12].

А также обобщение (рифмующееся с приведенным московским), которое вводит читателя в основную часть очерка, посвященную одесским встречам времен войны и революции: «<...> в тот всем памятный жуткий период, когда характеры людей и свойства душ раскрывались особенно» [12]. Идея «нетленного времени» здесь значительно усложнена: время перестает восприниматься только застывшей счастливой феерией, оно выделяет из себя трагические отрезки, когда становится ясно, кто есть кто.

Нетленные души — по-прежнему основная тема В. Н. Муромцевой-Бунинной. Очерк о Д.Н. Овсянко-Куликовском — последний очерк такого рода, когда удивительная душа героя раскрывается перед читателем сама по себе,

по ходу встреч с мемуаристкой. Среди дневниковых записей Веры Николаевны, фиксирующих этапы написания очерка об Овсяннико-Куликовском, появляется следующая запись, которая применима ко всем очеркам начального периода ее творчества:

Каждое рождение есть чудо, тайна, необъяснимое для человеческого ума появление в мире нового «Я», чем-то от всех отличающегося и никогда не бывающего тождественным с кем бы то ни было, как не бывает вылитых двух лиц, даже у близнецов, самых похожих, даже у них всегда есть то или иное различие. Рождение же гения, то есть пришествие в мир наиболее самобытного «Я», есть тайна, которая всегда притягивает к себе человеческую мысль, желающую объяснить это явление. Поэтому люди так и любят читать биографии, поэтому многих и тянет писать их, и потому биография не может быть совершенна, т<ак> к<а>к самое ценное в ней – истоки этого «Я» – почти неуловимы [13].

Следующий очерк можно назвать переходным. Он завершает первый этап творчества Муромцевой-Буниной и открывает второй этап, более сложный. Очерк посвящен С.С. Юшкевичу (как помним, желание написать о нем возникло у автора еще в 1927 г., когда Юшкевич умер; многие задуманные Муромцевой-Буниной очерки остались нереализованными или ненапечатанными, но этот увидел свет) – не самой яркой и не самой однозначной литературной фигуре. О Юшкевиче в окружении Буниных многие отзывались скептически, как о писателе ненастоящем и даже плохом. Фигура Юшкевича мало подходит для апологетических воспоминаний, и автор находит для этого писателя иную форму.

Традиционный начальный эпизод биографического очерка – знакомство – дан совершенно необычно. Знакомство происходит в петербургской квартире Л.Н. Андреева (с одной стороны, возникает рифмовка с очерком об Андрееве; с другой стороны, в тот очерк, вроде бы перечислявший все встречи, этот эпизод не вошел), причем сразу с несколькими литераторами. Из небольшого списка по ходу вечера выделяются двое – Юшкевич и Серафимович. И на фоне Серафимовича Юшкевич смотрится выигрышно. Эта «положительность» образа закрепляется приведенным в конце эпизода положительным отзывом Бунина:

Юшкевич нравится мне, – заметил И.А. – Он всегда несет и с Дона и с моря, но человек талантливый, живой, органический (*так!* – Е.П.), а вот Серафимовича терпеть не могу. Обратила ты внимание на его лошадиные зубы! [14].

В свете всем известного будущего и мемуаристка и ее муж оказываются крайне проницательными: Серафимович, как известно, стал одним из первых большевистских «классиков», а Юшкевич, несмотря на попытки сотрудничать с красными властями Одессы, сделал единственный выбор честного человека: «Но пришел срок, и он не побоялся с риском для жизни не только своей, но и всей семьи бежать за границу, чтобы стать эмигрантом, хотя он мог, переехав в Москву, устроиться там недурно» [14]. Читай: как Серафимович.

Дальнейший облик Юшкевича раскрывается при помощи описания его внутренних противоречий. Этот прием впервые появился у Муромцевой-Буниной в очерке об Андрееве, но там он был редуцирован, поскольку имел иную функцию: показать, что за его рисовкой стояла настоящая, неизбывная «русская тоска». Здесь же Юшкевич, с одной стороны, говорит много глупостей (выстраивается антитеза Овсяннико-Куликовскому: если маститый академик высказывал только хорошо продуманное, то писатель думает вслух, пытаясь разобраться в том, что сейчас чувствует его душа), с другой же – в парадоксах и при отсутствии логики проявляется его мятущееся «живое чувство». Как бы повторяя одну из черт Овсяннико-Куликовского, мемуаристка определяет духовную основу Юшкевича одним словом: «неистовство». На это определение работает целый ряд эпизодов, изображающих Юшкевича в споре. К ним добавляются эпизоды, в которых писатель наивен, как ребенок, – «нетленный облик» характеризуется евангельским смыслом «быть как дети». Появляется и ребенок – дочка Наташа, и Юшкевич теперь выступает как замечательный отец (семантически рифмуется с двумя упоминаниями о дочери Овсяннико-Куликовского). Все это вместе приводит к общечеловеческому выводу: «У него был редкий дар любить» [14]. И весь очерк обретает смысл «оправдания» писателя, которого понимали немногие.

Дополняют «нетленный лик» писателя и последовательная структура «нетленного времени», использующая грамматические формы настоящего времени: «Собираемся в гости к Андрееву. За окнами, сквозь кисею падающего снега, в ярком свете фонарей, сверкает тяжкий памятник Александру III»; «Ранняя одесская весна. Мы, по пути в Алжир, гостим в этом чудесном городе, где ежегодно проводим несколько недель. В Одессе у И.А. много приятелей, среди них Юшкевич»; «Проводим лето на даче под Одессой. Юшкевич, как всегда, живет на самой шумной станции <...>» [14].

Очерк завершается утверждением: в последние годы Юшкевич обрел «космическое чувство» (цитата взята из Ю.Ф. Самарина) Это утверждение оказывается финальной точкой «оправдания» героя. Ранее Муромцева-Бунина не делала таких философских обобщений. Созданный ею жанр требует развития и новых тем.

Показательно, что очерки первого периода творчества (1927–1930) легко складываются в некий авторский цикл. Каждый из них (кроме первого, о С.А. Иванове, и очерка о Кондакове) имеет второй заголовок «Отрывки воспоминаний» (который сначала предшествует имени героя, затем переходит на уровень подзаголовка) – вероятно, планировалось в будущем собрать очерки в книгу. Герои очерков вступают в сложные отношения между собой: те или иные яркие человеческие качества повторяются у разных героев; некоторые персонажи выступают антитезой другим. Но после 1929 г. (очерки, опубликованные в начале 1930 г., были написаны в 1929 г.) мемуаристка перерастает жанр «живого некролога». Ей хочется больше писать о «нетленном времени», в котором она жила. Следующий этап творчества В.Н. Муромцевой-Буниной требует специальной статьи.

Список источников

1. Пономарев Е.Р. Нет ни красных, ни белых...: М.В. Раскольников и В.Н. Бунина // И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 2. М., 2010. С. 463–478.
2. «Когда переписываются близкие люди...»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун% (И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. 3) / сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева, Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014.
3. Рогачевская Е. Литератор Вера Николаевна Муромцева // *Emigrantica et cetera: K 60-летию Олега Коростелева* / ред-сост. Е.Р. Пономарев, М. Шруба. М., 2019. С. 753–774.
4. Бунина В.Н. Памяти С.А. Иванова // *Возрождение*. 1927. № 627. 19 февр. С. 3.
5. Бунина В.Н. Дневник 1927 г. // *Русский архив в Лидсе*. MS 1067/385.
6. Пономарев Е.Р. Россия, растворенная в вечности: Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // *Вопросы литературы*. 2004. № 1. С. 84–111.
7. Бунина В.Н. Дневник 1930 г. // *Русский архив в Лидсе*. MS 1067/ 398.
8. Пономарев Е.Р. «Беседы с памятью» В.Н. Муромцевой-Буниной: Неизвестная книга о детстве и юности // *Новый филологический вестник*. 2022. № 4 (63). С. 158–169.
9. Муромцева В. Отрывки воспоминаний: Л.Н. Андреев // *Последние новости*. 1928. № 2820. 11 дек.
10. Муромцева В. Отрывки воспоминаний: С.А. Найденов // *Последние новости*. 1929. № 2874. 2 февр.
11. Муромцева В. Н.П. Кондаков (к пятилетию со дня смерти) // *Последние новости*. 1930. № 3257. 21 февраля.
12. Муромцева В. Овсянко-Куликовский: Отрывки воспоминаний // *Последние новости*. 1929. № 3107. 24 сент.
13. Бунина В.Н. Дневник 1929 г. // *Русский архив в Лидсе*. MS 1067/ 395.
14. Муромцева В. Юшкевич. Отрывки воспоминаний // *Последние новости*. 1930. № 3221. 16 янв.

References

1. Ponomarev, E.R. (2010) Net ni krasnykh, ni belykh...: M.V. Raskol'nikova i V.N. Bunina [There are no reds, no whites...]. In: *I.A. Bunin. Novye materialy* [I.A. Bunin. New materials]. Vol. 2. Moscow: [Russkiy put']. pp. 463–478.
2. Ponomarev, E.R. & Devis, R. (eds) (2014) “*Kogda perepisvyayutsya blizkie lyudi...*”: *Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoy, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoy i M.A. Stepun* (I.A. Bunin. *Novye materialy*. Vyp. 3) [“When close people correspond...”: Letters of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun (I.A. Bunin. New materials. Vol. 3)]. Moscow: Russkiy put'.
3. Rogachevskaya, E. (2019) Literator Vera Nikolaevna Muromtseva [Writer Vera Nikolaevna Muromtseva]. In: Ponomarev, E.R. & Shrub, M. (eds) *Emigrantica et cetera: K 60-letiyu Olega Korosteleva* [Emigrantica et cetera: On the 60th Anniversary of Oleg Korostelev]. Moscow: Russkiy put'. pp. 753–774.
4. Bunina, V.N. (1927) Pamyati S.A. Ivanova [In Memory of S.A. Ivanov]. *Vozrozhdenie*. 627. 19 Feb. p. 3.
5. Russian Archive in Leeds. MS 1067/385. Bunina, V.N. *Dnevnik 1927 g.* [Diary of 1927].
6. Ponomarev, E.R. (2004) Rossiya, rastvorennaya v vechnosti: Zhanr zhitinyoy biografii v literature russkoy emigratsii [Russia, Dissolved in Eternity: The Genre of Hagiographic Biography in the Literature of Russian Emigration]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 84–111.
7. Russian Archive in Leeds. MS 1067/398. Bunina, V.N. *Dnevnik 1930 g.* [Diary of 1930].
8. Ponomarev, E.R. (2022) “Besedy s pamyat'yu” V.N. Muromtsevoy-Buninoy: Neizvestnaya kniga o detstve i yunosti [“Conversations with Memory” by V.N. Muromtseva-

Bunina: An Unknown Book about Childhood and Youth]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 4 (63). pp. 158–169.

9. Muromtseva, V. (1928) Otryvki vospominaniy: L.N. Andreev [Excerpts from Memories: L.N. Andreev]. *Poslednie novosti*. 2820. 11 Dec.

10. Muromtseva, V. (1929) Otryvki vospominaniy: S.A. Naydenov [Excerpts from Memories: S.A. Naidenov]. *Poslednie novosti*. 2874. 2 Feb.

11. Muromtseva, V. (1930) N.P. Kondakov (k pyatiletiyu so dnya smerti) [N.P. Kondakov (on the fifth anniversary of his death)]. *Poslednie novosti*. 3257. 21 Feb.

12. Muromtseva, V. (1929) Ovsyaniko-Kulikovskiy: Otryvki vospominaniy [Ovsyaniko-Kulikovskiy: Excerpts from memories]. *Poslednie novosti*. 3107. 24 Sep.

13. Russian Archive in Leeds. MS 1067/395. Bunina, V.N. *Dnevnik 1929 g.* [Diary of 1929].

14. Muromtseva, V. (1930) Yushkevich. Otryvki vospominaniy [Yushkevich. Excerpts from memories]. *Poslednie novosti*. 3221. 16 Jan.

Информация об авторе:

Пономарев Е.Р. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Москва, Россия), профессор Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: eponomarev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.R. Ponomarev, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Maxim Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); professor, Russian Christian Humanitarian Academy (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: eponomarev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2023;
одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 14.11.2023;
approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

Научная статья

УДК 821.111

doi: 10.17223/19986645/91/14

Метатекстуальность романа Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима»

Юлия Анатольевна Храмова¹,
Лариса Николаевна Парашенко-Корнейчук²,
Татьяна Анатольевна Свистуненко³

^{1,2} Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия

³ Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, Саратов, Россия

¹ khramovaya@mail.ru

² par_larisa@mail.ru

³ tsvist@mail.ru

Аннотация. Исследуются некоторые интертекстуальные и метатекстуальные техники при анализе структуры и содержания художественного текста как единого целого. На примере романа современного английского писателя Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» (2010) раскрывается роль современной культуры в интерпретации и генерации смыслов, порождаемых взаимодействием этих техник, изучается структурообразующая и смыслообразующая функция символов и математических чисел, исследуется влияние современных информационных технологий и ассоциативно-типологического, историко-культурного мышления на психологию личности.

Ключевые слова: Джонатан Коу, роман, интертекстуальность, метатекстуальность, английская литература

Для цитирования: Храмова Ю.А., Парашенко-Корнейчук Л.Н., Свистуненко Т.А. Метатекстуальность романа Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 269–280. doi: 10.17223/19986645/91/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/91/14

Metatextuality in Jonathan Coe's novel *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*

Yulia A. Khramova¹, Larisa N. Paraschenko-Korneychuk²,
Tatiana A. Svistunenko³

^{1,2} Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation

³ Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, Saratov, Russian Federation

¹ khramovaya@mail.ru

² par_larisa@mail.ru

³ tsvist@mail.ru

Abstract. The article explores some intertextual and metatextual practices while analyzing the structure and the content of the literary text as a whole. The study of *The Terrible Privacy of Maxwell Sim* (2010) by contemporary British writer Jonathan Coe has outlined the role of contemporary culture in the generation and interpretation of implications evoked by the interplay of these practices. It also emphasizes the function of symbols and mathematical numbers in the structural and semantic organization of the text as well as the influence of modern technologies and associative, historical, cultural and typological modes of thinking on personality psychology. The authors specify the most salient allusions and cultural codes determining the non-linear perception of the novel due to interaction on principles of correspondence, congruence, conflict, and confrontation. The central theme of the novel appears to be the loneliness of a modern man caused by the impact of globalization and new technologies. The protagonist Maxwell Sim fails to overcome the identity crisis, being entangled in the labyrinths of his own reasoning and thereby losing his personal identity. The absence of meaningful social connections triggers the erosion of his inner self and a gradual replacement of his individuality with mass behavioral patterns and stereotypes. The text subtly incorporates modern communication technologies (Facebook), real historical characters (Donald Crowhurst), allusions to Eliot, Thurber, and Dante. The structure of the novel is also found to acquire certain significance, referring either to Eliot's *Four Quartets*, or to Beethoven's five-part quartets, or to Euler's identity of five constants. The philosophical interpretation of the novel strands in their correlation with archetypes of the historical and cultural matrix offers a comprehensive coverage of internal and external processes determining personality formation and development. The complex analysis of intertextual and metatextual links along with the structural and journalistic components, game techniques employed in the title and the finale has suggested the implementation of value- and personality-forming strategies adopted to motivate the reader to ask questions, contemplate, and search for the answers.

Keywords: Jonathan Coe, novel, intertextuality, metatextuality, british literature

For citation: Khramova, Yu.A., Paraschenko-Korneychuk, L.N. & Svistunenko, T.A. (2024) Metatextuality in Jonathan Coe's novel *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 269–280. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/14

Роман Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» («*The Terrible Privacy of Maxwell Sim*», 2010) представляет собой любопытный объект для исследования хотя бы потому, что интереснейшим образом иллюстрирует цитату, высказанную Коу: *Я не способен написать и нескольких предложений, если в моей голове нет четкого представления о том, как должен быть построен роман* [1]. По мнению автора, в конструировании его произведений *определенно присутствует сухой математический расчет* [2], который впоследствии согласовывается с логикой поведения персонажей, переплетением сюжетных составляющих, расположением и внутренним строением глав, выбором лексических и синтаксических средств выражения и т.д. Вероятно, такая предрасположенность автора к выстроенности и внутренней гармонии текста как такового отчасти объясняется любовью к музыке и композиторским талантом Коу. Критики¹ говорят об особой внутренней музыкальности одного из наиболее успешных его романов

¹ См., например: [3, 4]. Подробнее об аллюзии к Элиоту и музыкальным канонам см.: [5].

«Клуб ракалий» (The Rotters' Club, 2001), заглавие которого прямо отсылает к названию одноименного альбома популярной в семидесятые британской рок-группы «Хэтфилд энд Норт» (Hatfield and the North). Роман «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» отличается тем, что «музыкальность» в нем присутствует не внутри, а на поверхности текста, выражаясь в особом построении и расположении глав, комбинации и развитии основных тем и лейтмотивов в структуре каждой отдельной главы и на уровне произведения как единого целого.

Центральной темой этого романа является одиночество современного человека, спровоцированное влиянием глобализации, экономического кризиса и новейших технологий (см.: [6]). С самого начала главный герой Максвелл Сим предстает как патологический неудачник, потерявшийся в виртуальной реальности Фейсбука, заблудившийся на дорогах родной страны, лишившийся семьи, работы, поддержки друзей. В основе трагикомичности главного героя лежит его заурядность¹, которая вкупе с обыденностью навалившихся на него проблем легко вызывает сочувствие и симпатию². Ближе к середине романа становится ясно, что эта подчеркнутая обыденность главного героя напрямую противоречит заглавию, что подталкивает читателя к поиску и восприятию второго, более глубинного слоя. О наличии этого слоя сигнализирует один из эпиграфов, взятый из книги Николаса Томалина и Рона Хэлла «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста»³, реально существовавшего британского путешественника, предпринимателя и авантюриста, попытавшегося сфабриковать кругосветное путешествие и в итоге добровольно расставшегося с жизнью. Главный герой Максвелл Сим, ощущая бесконечное одиночество в мире, переполненном современными технологиями и средствами связи, постепенно начинает отождествлять себя с этим историческим персонажем, каждый раз проводя все более убедитель-

¹ К слову, фамилия главного героя является «говорящей», что, по отзывам многих рецензентов, только подчеркивает обыденность и неотъемлемое присутствие современных технологий (сим-карт) в жизни каждого обывателя.

² Заглавие подразумевает литературную аллюзию к короткому рассказу Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» («The Secret Life of Walter Mitty»), повествующему о неуверенном в себе муже-подкаблучнике, живущем в придуманном им мире грез и фантазий.

³ Дональд Кроухерст (1932 – пропал без вести в 1969 г.), попал в список 100 великих авантюристов (100 великих авантюристов / авт.-сост. И.А. Муромов. М.: Вече, 2010. 430 с.) за попытку сфабриковать результаты непрерывной кругосветной гонки на приз «Золотой глобус» от газеты *Sunday Times*. Наряду с поломками яхты и оборудования Кроухерста преследовали напряжение и страх быть разоблаченным. Его яхту нашли в Саргассовом море с подтверждающими обман журналами на борту. Он мог совершить самоубийство, но подлинно это неизвестно. Материалы о нем были собраны журналистами Николасом Томалином и Роном Хэллом в книге «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста» («The Strange Last Voyage of Donald Crowhurst»), вышедшей в 2003 г. По мотивам этой истории были также сняты фильмы *Deep Water* (Великобритания, реж. Louise Osmond, Jerry Rothwell, 2006) и «Гонка века» (СССР, реж. Никита Орлов, 1986).

ные сопоставления и аналогии с собственной жизнью. Ближе к финалу романа Макс, отклонившись от маршрута рекламного тура и запутавшись в лабиринте собственных рассуждений, практически сходит с ума, окончательно утрачивая собственную личностную идентичность.

Однако основная игра историко-литературными и культурными аллюзиями происходит на третьем уровне романа, который неразрывно связан с первыми двумя. В отличие от первых двух, программный код этого уровня зашифрован не только в заглавии, но и в названии и построении глав. Структурно эти главы призваны обозначить четыре ключевые точки маршрута Макса: «Сидней – Уотфорд», «Уотфорд – Рединг», «Рединг – Кендал», «Кендал – Бреймар». Фактически путешествие Макса обрывается в Абердине, он так и не доехал до планируемого пункта назначения – Шетландских островов¹. Духовное же его путешествие (путешествие по «черному тоннелю») пока еще не окончено, оно завершится в последней главе, которая называется «Пляж ясного света».

Каждая глава, за исключением последней², снабжена вставной новеллой, символизирующей одну из четырех стихий: землю, огонь, воду и воздух. Таким образом, в романе пять глав, последняя из которых стоит особняком. Каждая глава, в свою очередь, также имеет четкую структурную организацию и включает в себя четыре пронумерованные и взаимосвязанные между собой подглавы плюс одну вставную новеллу, которая является самостоятельной и имеет отдельное название. Последняя, пятая, глава имеет особую структуру, поскольку не является обязательной частью маршрута главного героя. В отличие от предыдущих четырех она имеет отдельное название и символизирует конечный пункт назначения, не зависящий от изначально спланированного пути следования. Она состоит из двух пронумерованных подглав и одной (последней) подглавы, озаглавленной «√–1». Таким образом, роман построен по следующей схеме: внешняя структура романа выстроена по формуле 4+1, эта же формула сохраняется во внутренней структуре каждой главы, за исключением последней (2+1), всего в романе 23 подглавы (что по сумме однозначных чисел равняется пяти), а последняя подглава романа символизирует невещественное и невозможное число √–1.

Такое структурное построение несет особую символическую нагрузку и как минимум отсылает к циклу из четырех поэм Т.С. Элиота «Четыре квартета»³, название и цитаты из которого не только присутствуют прямо в тек-

¹ Если составить приблизительную географическую карту передвижения Максвелла Сима и сравнить ее с маршрутом Дональда Кроухерста, то получится, что они передвигались в прямо противоположных направлениях: Кроухерст двигался с севера на юг, а Макс с юга на север.

² Роль вставной новеллы здесь исполняет подглава «√–1»

³ Цикл поэм Т.С. Элиота «Четыре квартета» был написан в период 1934–1942 гг., впервые издан в единой композиции в 1943 г. В цикл входят поэмы: Бёрнт Нортон (1935), Ист Коукер (1940), Драй Сэлвейджес (1941), Литтл Гиддинг (1942) [5].

сте, но и своеобразно обыгрываются Коу. Так, к примеру, один из персонажей, отец Макса, был страстным поклонником творчества Элиота и несостоявшимся поэтом, написавшим сборник стихов под названием «Два дуга». В тексте романа также цитируются несколько строчек одной из поэм цикла «Бёрнт Нортон»:

Настоящее и прошедшее –
И оба, как говорят, наличествуют в будущем,
И будущее содержится в прошедшем.
Если все время веки настоящее,
Искупления не жди [7. С. 376].

Это произведение Элиота отличается особым символизмом и наиболее полно отражает концепцию мировосприятия поэта, которая отличалась особой целостностью, единством и универсальностью. «Четыре квартета» соотносятся с четырьмя временами года, четырьмя стихиями, возрастными этапами в жизни человека. В основу цикла Элиота были положены пятичастные квартеты Бетховена, а также «Божественная комедия» Данте. Название каждой из поэм соответствует географической местности, в которой побывал сам поэт.

Примечательной для исследователя здесь представляется параллель «пентатонической» конструкции романа Коу с пятичастными квартетами Бетховена для достижения гармонии целого и построения импровизаций в любой тональности. Изучение поздних квартетов великого композитора открывает удивительный мир глубокого психологизма, философских размышлений, созерцательности, задумчивости, драматизма, скорости, яркости и насыщенности звучания. Центром бетховенского монологического музыкального повествования становятся человек и окружающий его мир в планетарном масштабе, уникальность и индивидуальность выбранного пути, торжество сильного человеческого духа над страданием. Многочастность здесь будто бы рождена исповедальной импровизационностью музыки, с которой Бетховен обращается то ли сам к себе, то ли к Богу, то ли к очень узкому кругу понимающих душ. Так, сонатный финал квартета № 17 предваряется эпиграфом с подписанными под нотами словами: «Muss es Sein? – Es muss sein!» («Должно ли это быть? – Это должно быть!») В музыкальном исполнении этот диалог реализуется двумя мотивами – Grave (с вопросительными интонациями) и Allegro (с категорически утверждающими интонациями). В процессе развития мотив Grave, полный мучительного раздумья, преодолевается радостной народно-танцевальной музыкой темпа Allegro [8].

Аналогичным образом вся композиция элиотовского цикла построена по принципу восхождения к универсуму через прохождение дантовского ада, чистилища и рая. В романе Коу такая символика сохраняется, главный герой поэтапно проходит через стадии горя и утраты, через очищение страданием к предполагаемому финальному спокойствию и благоденствию. Географическая смена местности, физическое перемещение героя в пространстве также символизирует динамику и развитие внутреннего мира, его тесную,

глубокую взаимосвязь с миром внешним. Удивительной особенностью хронотопа этого романа является также и то, что он математически точно выстроен и вписан в большинство интертекстуальных и метатекстуальных ссылок, образуя единое и причудливое целое.

«Ад» в романе представлен символически, в первой части романа в описании преобладают мрачные серые тона: мир вокруг изображается «серым и холодным» [7. С. 113], предместья Хартфордшира описываются как «угрюмые, одноцветные» [7. С. 111], городской парк – «не райские кущи» [7. С. 113]. Люди вокруг воспринимаются героем как призраки-тени, словно возникшие из подземного мира: «...вокруг меня раскинулись магазины с привычными названиями, сплошь международные бренды, и по этим магазинам бродят толпы пассажиров, ошалевших от смены часовых поясов; с отрешенностью лунатиков они двигались между полками, стойками и вращающимися витринами, глядя на товары остекленевшими незрячими глазами» [7. С. 49–50]. Оказывается символичным и то место, где Макс впервые задумывается о никчемности своей жизни, – это происходит в общественном туалете, находящемся в «деревянной кабинке, под землей, в подвале ресторана в Сиднейской бухте» [7. С. 26].

В период «ада» герой часто пребывает в состоянии «черной депрессии», приступы которой представляют собой пытку и напоминают ему о фильме ужасов, который он когда-то видел в детстве. «Героя запирали в потайной комнате огромного старого замка; главный негодяй нажимал на рычаг, и потолок в комнате начинал медленно опускаться. Все ниже и ниже, грозя раздавить героя. Я испытывал примерно то же самое. Конечно, депрессия не расплющивала меня в лепешку, но что-то близкое к тому имело место: она тяжким грузом ложилась на плечи, лишала свободы движений, парализуя меня» [7. С. 48]. Герой практически не выходит из дома, не общается с людьми, не видит будущего перед собой: «Мир пребывал на грани финансовой катастрофы, газеты пестрили апокалиптическими заголовками, предвещавшими скорое крушение банков, в результате чего мы все потеряем деньги, а западной цивилизации, какой мы ее знаем, наступит конец» [7. С. 167]. Мрачные картины мировосприятия Макса дополняются описаниями двух земных стихий: воды и земли. Такое наложение поэтических образов позволяет символически показать низшую ступень на пути восхождения героя.

В первой главе романа (вставная новелла «Вода: Слабак») преобладают водные образы. Здесь вода – это символ жизни, текучести, перемен. В тексте присутствует много специально окрашенной лексики, позволяющей воссоздать у читателя ощущение водной стихии: «вода и огни Сиднейской бухты» [7. С. 23], нахлынувшие воспоминания из прошлого («вдруг все разом нахлынуло» [7. С. 12]), страстное стремление героя к общению, внезапно пробудившееся желание жить («я жадно набросился на Чарли, беззастенчиво вывалил на него столько слов, хлынувших бурным потоком из открывшихся шлюзов» [7. С. 49]). Встреча с девушкой Поппи, которая поведала Максиму историю Кроухерста, тоже описана символично: «...этот взрыв цвета и привлек мое внимание, вырвав меня из тьмы депрессии, – девушка

походила на призывно горящий маяк... свечение, которое я увидел, исходит от нее самой, вокруг девушки словно сияла аура» [7. С. 50]. Благодаря таким параллелям жизнь и судьба Макса помещаются в некий универсальный контекст, где его личный жизненный путь сопоставляется с движением корабля в открытом море, а встречающиеся на этом пути люди играют роль направляющих, маяков, которые указывают, в каком направлении предписано двигаться дальше.

Вторая глава романа (вставная новелла «Земля: Яма с крапивой»¹) представлена преимущественно земными образами. Здесь появляется ощущение тяжести, гравитации. Герой испытывает «тяжесть в желудке» [7. С. 122], психологическую подавленность. Во вставной новелле «Земля: яма с крапивой» преобладают описания почвы, грунта, земного рельефа, противопоставляются «приземленный» лучший друг Макса Крис и сам Макс, «летающий в облаках». В этой главе демонстрируется необходимость ощущения «почвы под ногами», земля и сила гравитации становятся метафорой самоопределения личности, символизируют способность и умение героев найти свое место в жизни.

Третья глава романа (вставная новелла «Огонь: Погнутая фотография») символизирует наступление периода «чистилища» в жизни Макса. В этой главе Макс столкнется с множеством открытий, которые принесут ему душевные страдания и боль. Макс все глубже погружается в тайны своего прошлого, копаясь в старых школьных дневниках, записях и фотографиях и пытаясь докопаться до истинных причин своих неудач. Этот этап символизирует динамику, активность, движение к цели, но для Макса это скорее не движение вперед, а движение в обратном направлении. Стихия огня здесь представлена разнопланово. Это и светящиеся рекламные вывески городов, и выжженные солнцем пустоши, и эксклюзивные постройки жилых домов, возводимые на руинах огромного промышленного завода, символизирующие, что «скоро феникс восстанет из пепла» [7, С. 237]. Вставная новелла изобилует описаниями огня и всего, что с ним связано. Описание рекордной жары 1976 г. («над Британией непрерывно сияло солнце» [7, С. 259]) дополняется подробными инструкциями, как нужно разжигать костер, чтобы пламя долгое время не угасало («нельзя просто набросать кучу веток и поджечь их спичкой» [7, С. 264]). Умение обращаться с огнем, раздобыть этот огонь выступает здесь метафорой практических навыков и умений человека, символизирует его способность устраивать свою жизнь и создавать комфортные условия. Такими навыками и умениями обладают не все персонажи романа. В этой новелле опять противопоставляются Крис, которому «хватало одной спички, чтобы разжечь хорошее, яркое пламя, которое не гасло в течение нескольких часов» [7. С. 265], и Макс, на которого «невыносимо было смотреть, как он бросает одну за другой потухшие спички в костер, не желающий разгораться» [7. С. 272].

¹ Впоследствии была опубликована как самостоятельный рассказ в сборнике *Ox-Tales: Earth* (2009).

Четвертая глава романа (вставная новелла «Воздух: Восход солнца») символизирует этап восхождения героя к раю. Глава изобилует описаниями восхождения, отдаления от земли, растворения в воздухе. Герой подмечает, что дорога, по которой он едет, «постепенно и плавно поднималась все выше над уровнем моря, а по сторонам была дикая сочная природа» [7. С. 331], при этом он сам постепенно теряет связь с самим собой, своей подлинной сущностью: «...иногда у меня возникает чувство, будто я нахожусь вне моего тела, смотрю на него со стороны, и даже в то утро в Кендале был момент, когда мне чудилось, что я смотрю на Хай-стрит сверху и вижу себя, идущего по улице среди толпы...» [7, С. 333]. Макс подмечает, что он не только утратил почву под ногами, но и перестал контролировать свои мысли, словно «отпуская их на волю» [7. С. 334]. Макс, находившемуся в таком пограничном состоянии, словно между небом и землей, открываются новые возможности, благодаря которым ему удастся лучше понять своего отца, постичь причины своих неудач, обрести гармонию со своей, как ему кажется, подлинной сущностью.

Последняя глава романа, под заглавием «Пляж ясного света», символизирует обретение рая. Перед Максом открываются потрясающие австралийские пейзажи, тихое и теплое море, завораживающая полоска горизонта, символизирующая слияние неба и земли. В этой главе много солнца («открытое солнечное небо» [7. С. 477]), цвета («...бассейн... переливающийся всеми оттенками синего и зеленого» [7. С. 478]), света («Серое медленно превращалось в серебристое, когда облака начинали рваться и пропускать блики уходящего солнца. Но довольно скоро они вспыхнули золотистым свечением и распались, удаляясь друг от друга... пока небо не прочертили бледно-красные и голубые полосы» [7. С. 496]). Пройдя сквозь «черный туннель», Макс вдруг почувствовал здесь себя словно в раю, он «чувствовал себя своим среди здешних обитателей, улыбчивых, расслабленных, доброжелательных» [7. С. 478]. На этом этапе Макс, как ему кажется, обретает гармонию, спокойствие, а также надежду на лучшее будущее.

Однако это не тот рай, о котором писали Данте в «Божественной комедии» и Элиот в своем цикле «Четыре квартета». Герою так и не удалось достичь духовного совершенства, его личностная идентичность была в итоге утрачена, а жизнь и судьба растворились среди жизней и судеб других героев. Макс вдруг стало казаться, что он уже не способен создать традиционную семью и обрести в ней себя, а потому единственный выход для него – набраться мужества и признать это, повторив тем самым судьбу своего отца. Теперь Макс, как и тогда, в случае с Кроухерстом, приходится признать, что он в очередной раз идет чьей-то чужой тропой, проживает чужую жизнь ценой утраты своей собственной. В финале романа остро встает вопрос о том, кто же на самом деле Макс, если он не имеет личности, не имеет индивидуального жизненного пути, не имеет силы воли и характера. В итоге Максвелл Сим оказывается тем, кто он есть на самом деле, – копией, симулякром, чистым конструктом писательского воображения, математическим мнимым числом, в соответствии с заглавием последней подглавы романа – $\sqrt{-1}$.

Здесь, по-видимому, кроется еще одна загадка романа. Сама структура глав по формуле $4+1$, количество подглав, по сумме однозначных чисел равное 5, мнимое число $\sqrt{-1}$ – все это отсылает к образцу математической красоты, тождеству Эйлера. Тождество Эйлера описывается как уравнение пяти констант (числа e , мнимой единицы i , числа π , единицы (1) и нуля (0)), пяти фундаментальных математических чисел, обнаруживающих тесную и глубокую взаимосвязь между собой. Особое значение здесь приобретает мнимая единица i , которая при взаимодействии с вещественными числами позволяет лучше понять и интерпретировать реальность [9, 10]. Может применительно к роману личность Макса, как конструкта писательского воображения, призвана сыграть роль этой самой мнимой единицы в историко-культурном аспекте? И параллели с Кроухерстом и Элиотом только подчеркивают эту взаимосвязь? А что если мыслить шире и провести параллель с биографией Б.С. Джонсона, автором которой также является Коу¹?

Исчезновение главного героя в финале по щелчку пальцев автора, лично появившегося на последних страницах романа и напрямую пообщавшегося со своим персонажем, было призвано стимулировать подобные вопросы в голове у читателя, равно как и поиск ответов на них. Эта встреча (реального автора и вымышленного персонажа) в очередной раз позволяет провести аналогию с тождеством Эйлера, сочетающим в себе комбинацию вещественных и мнимых чисел для более полного понимания и описания реальности. Примечательно, что при этой встрече автор говорит своему персонажу: «Право, Макс, по-моему, в вашем существовании *больше* смысла, чем в существовании многих других людей» [7. С. 506], подчеркивая при этом особую глубинную взаимосвязь между реальностью и вымыслом. Отвечая на упрек Макса в том, что написание романов не отражает существующей действительности, Коу признает: «...то, что я пишу, объективно не является «правдой» в буквальном толковании этого понятия. Однако я предпочитаю думать, что существует иная категория правды – более универсальная...» [7. С. 508].

В чем именно заключается эта «более универсальная» правда, остается решить самому читателю. Представляется, что исчезновение главного героя в финале символизирует абсурдность выбранного им пути, тупик, из которого просто нет другого выхода. Подобный прием призван показать важность сохранения индивидуальности и личностной идентичности в многоликом и быстро меняющемся мире. Принципиально важным оказывается найти свой жизненный путь и следовать ему, вместо того чтобы искать сходства с другими судьбами и подражать им. На извечный философский вопрос, что же собой представляет индивидуальная человеческая жизнь, само-

¹ В одном из своих интервью Коу особо отметил рецензию на этот роман Эда Лэйка «You're human like the rest of them: Jonathan Coe's *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*, в которой идет речь о параллелях с биографией Б.С. Джонсона. См.: <https://www.thenationalnews.com/arts/you-re-human-like-the-rest-of-them-jonathan-coe-s-the-terrible-privacy-of-maxwell-sim-1.526810>

стоятельный феномен или же копию уже прожитых кем-то и когда-то жизнью, Коу не дает однозначного ответа. По окончании прочтения романа очевидно лишь одно – следование социально-культурным стереотипам чревато утратой личностной идентичности.

Отдельно стоит отметить особую ответственность автора перед своими читателями. В разговоре с Максом Коу прямо ему говорит: «Я же как-никак за вас отвечаю» [7. С. 507]. Создание любых литературных и культурных стереотипов меняет общее информационное поле, которое хоть и опосредованно, но в конечном итоге воздействует на всякого, кто не живет в «информационном вакууме». Отсюда – особый запрос на «гравитацию» личности, фундаментальность основных принципов и устоев общества как целого. По словам самого Коу, попытка этим романом «выбить почву из-под ног у читателя» [9] должна заставить нас невольно задуматься над тем, «чего именно мы ждем от литературы и что конкретно она может нам дать» [9]. В своем комментарии к «Максвеллу Симу» Коу скажет: «Я пытаюсь наглядно показать всем вокруг, где есть вымысел, а где реальная жизнь, и не стоит путать эти два мира друг с другом» [9].

Таким образом, роман Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» представляет собой наглядный и наиболее вероятный, в противовес заглавию, сценарий развития личности, утратившей основы своей самодостаточности и индивидуальности. В качестве первоначальных причин, способствующих личностному размыванию и деградации, выступают внешние факторы, помноженные на глубинные внутренние комплексы главного героя, что интертекстуально отражено в заглавии, отсылающем к короткому рассказу Джеймса Тёрбера. При отсутствии адекватной сдерживающей реакции процесс распада личности героя усугубляется за счет дальнейшего размывания его идентичности в архетипах историко-культурной матрицы и виртуальной реальности, что метатекстуально реализуется «говорящей» фамилией Макса (Сим – сим-карта) и его самоидентификацией с реально существовавшим историческим персонажем Дональдом Кроухерстом. Интерпретация личностной трансформации героя контрастно оттеняется структурно-композиционной организацией романа, отсылающей то ли к элиотовскому циклу «Четыре квартета», то ли к пятичастным квартетам Бетховена, то ли к «Божественной комедии» Данте, то ли к тождеству Эйлера из пяти констант. Все компоненты романа в совокупности подчеркивают сложность поиска духовно-нравственных ориентиров, тесную взаимосвязь вещественного и невещественного мира, важность сохранения фундаментальных нравственных принципов и устоев общества, в очередной раз актуализируя вопросы о роли истории, культуры и литературы как хранилищ «более универсальной правды» в процессах становления и развития личности. Комплексный анализ интертекстуальных и метатекстуальных связей наряду со структурно-композиционной и публицистической составляющей, игровыми практиками в финале и заглавии позволил авторам предположить наличие в тексте ценностно- и личностно-формирующих приемов и принципов, призванных мотивировать современного читателя к размышлению и самостоятельному поиску ответов на интересующие его вопросы.

Список источников

1. Ask Jonathan Coe – Thursday, October 31 URL: https://www.goodreads.com/topic/show/1517252-ask-jonathan#comment_form (дата обращения: 27.12.2022).
2. Mullan J. *What a Carve Up!* By Jonathan Coe: Week four : readers' responses // *The Guardian*. 2011. 23 April. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/23/book-club-what-a-carve-up-week-four> (дата обращения: 27.12.2022).
3. Guignery V. Jonathan Coe. L. ; N.Y. : Palgrave Macmillan, 2016. 192 p.
4. Jonathan Coe: Contemporary British Satire / ed. by Philip Tew. L. : Bloomsbury Academic, 2018.
5. Haritonenko J. Words multiplied by music: Musicalised Fiction in the 21st Century // *Consciousness, Theatre, Literature and the Arts 2013* / ed. by D. Meyer-Dinkgräfe. New Castle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 215–233.
6. Храмова Ю.А. Мотивы утраты и одиночества в романе Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» // *Филологический класс*. 2020. Т. 25, № 2. С. 258–266.
7. Коу Д. Невероятная частная жизнь Максвелла Сима / пер. с англ. Е. Полецкой. М. : Фантом Пресс, 2012. 512 с.
8. Конен В. Бетховен: Камерно-инструментальное творчество. Струнные квартеты. URL: https://www.belcanto.ru/beethoven_quartets.html (дата обращения: 13.11.2022).
9. Laity P. A life in writing : Jonathan Coe // *The Guardian*. 2010. 29 May. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/may/29/life-writing-jonathan-coe> (дата обращения: 13.11.2022).

References

1. Goodreads.com. (2022) *Ask Jonathan Coe* – Thursday, October 31 [Online] Available from: https://www.goodreads.com/topic/show/1517252-ask-jonathan#comment_form (Accessed: 27.12.2022).
2. Mullan, J. (2011) *What a Carve Up!* By Jonathan Coe: Week four: readers' responses. *The Guardian*. 23 April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/23/book-club-what-a-carve-up-week-four> (Accessed: 27.12.2022).
3. Guignery, V. (2016) *Jonathan Coe*. London; New York: Palgrave Macmillan.
4. Tew, P. (ed.) (2018) *Jonathan Coe: Contemporary British Satire*. London: Bloomsbury Academic.
5. Haritonenko, J. (2014) Words multiplied by music: Musicalised Fiction in the 21st Century. In: Meyer-Dinkgräfe, D. (ed.) *Consciousness, Theatre, Literature and the Arts 2013*. New Castle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. pp. 215–233.
6. Khramova, Yu.A. (2020) Motivy utraty i odinochestva v romane D. Kou "Neveroyatnaya chastnaya zhizn' Maksvelly Sima" [Themes of Loss and Loneliness in J. Coe's Novel "The Terrible Privacy of Maxwell Sim"]]. *Filologicheskij klass*. 25 (2). pp. 258–266.
7. Coe, J. (2012) *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*. Moscow: Fantom Press. (In Russian).
8. Konen, V. (2022) *Beethoven: Kamerno-instrumental'noe tvorchestvo. Strunnye kvartety* [Beethoven: Chamber and instrumental works. String quartets]. [Online] Available from: https://www.belcanto.ru/beethoven_quartets.html (Accessed: 13.11.2022).
9. Laity, P. (2010) A life in writing: Jonathan Coe. *The Guardian*. 29 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2010/may/29/life-writing-jonathan-coe> (Accessed: 13.11.2022).

Информация об авторах:

Храмова Ю.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия). E-mail: khramovaya@mail.ru

Парашенко-Корнейчук Л.Н. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия). E-mail: par_larisa@mail.ru

Свистуненко Т.А. – канд. искусствоведения, профессор кафедры теории музыки и композиции Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова (Саратов, Россия). E-mail: tsvist@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Khramova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: khramovaya@mail.ru

L.N. Paraschenko-Korneychuk, senior lecturer, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: par_larisa@mail.ru

T.A. Svistunenko, Cand. Sci. (Art History), professor, Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov (Saratov, Russian Federation). E-mail: tsvist@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 13.01.2023;
approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 30.09.2024.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 81(038)
doi: 10.17223/19986645/91/15

**Рецензия на книгу: Лесников С.В. Метаязык лингвистики:
в 2 т. СПб. : Нестор-История, 2021. Т. 1: Проблемы
систематизации терминосистемы. 512 с.;
Т. 2: Лексикон терминосистемы. 1024 с.**

Мария Владимировна Боброва¹

¹ *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия,
bomaripgu@yandex.ru*

Аннотация. Представлен уникальный труд, в котором репрезентирован лингвистический блок Терминологического подфонда Машинного фонда русского языка: объединена и систематизирована информация о лингвистических терминах XVIII–XXI вв. Раскрыты цель, новизна, актуальность, структура, принципы организации данного научного издания, выполненного на стыке компьютерной лингвистики, математической лингвистики и лексикографии. Исследование направлено на упорядочение терминологического инструментария филологов и конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса (гизауруса). Раскрыто содержание теоретических установок автора (т. 1), предопределивших принципы систематизации лингвистической терминологии в словарной части работы (т. 2). Указаны достоинства и недостатки издания. Сделан вывод о значительной теоретической и практической ценности труда С.В. Лесникова.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, математическая лингвистика, лексикография, Машинный фонд русского языка, метаязык лингвистики, лингвистическая терминология, гизаурус

Для цитирования: Боброва М.В. Рецензия на книгу: Лесников С.В. Метаязык лингвистики: в 2 т. СПб. : Нестор-История, 2021. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы. 512 с.; Т. 2: Лексикон терминосистемы. 1024 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 281–293. doi: 10.17223/19986645/91/15

Review

doi: 10.17223/19986645/91/15

Book review: Lesnikov, S.V. (2021) *Metayazyk lingvistiki T. 1: Problemy sistematizatsii terminosistemy. T. 2: Leksikon terminosistemy* [Metalanguage of linguistics. Vol. 1: Problems of systematization of the term system. Vol. 2: Lexicon of the term system]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya

Maria V. Bobrova¹

¹ *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, bomaripgu@yandex.ru*

Abstract. The unique two-volume work *Metalanguage of Linguistics* by Sergei Lesnikov, a specialist in the field of computational and mathematical linguistics, is presented. In his publication, the author represented the linguistic block of the Terminological Sub-Fund of the Computer Fund of the Russian language, namely, combined and systematized information about linguistic terms of the 18th–21st centuries. In accordance with the formulation of the aim, the author ordered the terminological tools of linguists and constructed a hypertextual information retrieval thesaurus. The research was carried out at the intersection of computational linguistics, mathematical linguistics, and lexicography. The material for the study was all existing Russian dictionaries of linguistic terms, as well as word-usages in the most authoritative journal *Voprosy Yazykoznaviya* [Topics in the Study of Language] for the period 1952–2021. Approaches and methods provided the novelty of the reviewed two-volume book. The author solved the most urgent tasks: a colossal work was carried out, contributing to the unification, standardization, normalization of linguistic tools; at the same time, the materials also allow us to find answers to particular questions, for example, to determine the authorship of a term, to identify gaps, doublet or occasional terms, etc. In Volume 1, *Problems of Systematization of the Term System*, the mathematical component of research and the problems of developing search information systems are emphasized. The nature of the phenomenon of “metalanguage”, its properties and means of implementation, the principles of modeling and systematization of linguistic terms that ensure the relevance of a new genre of dictionaries – hypertextual thesaurus (hysaurus) of the metalanguage of science (in this case, linguistics), serving to automate research and improve the efficiency of information retrieval systems. The possibilities of applying the mathematical methods used by Lesnikov in philology are illustrated. Volume 2, *Lexicon of the Term System*, is the final product of the application of these approaches and methods – a consolidated dictionary of linguistic terms, including 27,772 entries; on the basis of approximately 20,000,000 word usages; terms that statistically have the greatest weight are selected for representation. The main features of the dictionary are as follows: highly specialized terms are included; not only lexemes in the initial form are presented, but also stable constructions, affixoids, radixoids, which is why the dictionary does not obey the purely alphabetical principle; the status of the interpreted unit and the zoning of the entry are reflected graphically, with the use of a multi-level offset in the line and various graphic symbols; definitions having the form of quotations with references to primary sources are compiled; lexical and semantic variants are not numbered; lexical, associative, and semantic-paradigmatic (synonymy, antonymy) connections, derivation relations, phonemic variability of terms are reflected; etc. The book has some nonessential shortcomings. The conclusion is made about the enormous theoretical and practical significance of Lesnikov’s work and the wide scale of further prospects in this direction.

Keywords: computational linguistics, mathematical linguistics, lexicography, Computer Fund of the Russian language, metalanguage of linguistics, linguistic terminology, hypertext thesaurus (hysaurus)

For citation: Bobrova, M.V. (2024) Book review: Lesnikov, S.V. (2021) *Metayazyk lingvistiki. T. 1: Problemy sistematizatsii terminosistemy. T. 2: Leksikon terminosistemy* [Metalanguage of linguistics. Vol. 1: Problems of systematization of the term system. Vol. 2: Lexicon of the term system]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 281–293. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/15

В российской лингвистике конец 2021 г. ознаменовался важным событием: вышел в свет уникальный труд, грандиозность, актуальность, теоретическую и практическую значимость которого невозможно переоценить. Это двухтомное издание «Метаязык лингвистики», автор которого – специалист в области компьютерной и математической лингвистики С.В. Лесников – представил широкой общественности значительную часть своей более чем тридцатилетней работы в рамках проекта по созданию Машинного фонда русского языка. Впервые о необходимости такого фонда заговорили более 40 лет назад (см. текст доклада академика А.П. Ершова «К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы» [1] на конференции «Диалог-78»), в 1985 г. было оформлено государственное техническое задание на его реализацию, и с того времени в работе над проектом принимали участие десятки ученых (подробнее об этом см. [2. Т. 1. С. 370–372]). В рецензируемом издании репрезентирован лингвистический блок Терминологического подфонда: объединена и систематизирована информация о лингвистических терминах XVIII–XXI вв.

Цель указанного труда определяется его автором следующим образом: «систематизация терминосистемы метаязыка лингвистики и конструирование гипертекстового информационно-поискового тезауруса (гизауруса)» [2. Т. 1. С. 11].

Новизна работы в значительной степени обеспечивается взглядом математика на сугубо лингвистические вещи: исследование осуществлено на стыке математической лингвистики, компьютерной лингвистики и лексикографии. Заметим, что взгляд математика ощущается во всем, даже в эстетике представленного издания. Так, объем первого тома составляют 512 страниц, второго – 1 024; это цифры, которые со всей очевидностью коррелируют с единицами измерения объема информации. Исследователь, привыкший к интерактивному взаимодействию, предоставляет ссылки на связанные с реализацией заявленной темы сайты, порталы, а также на свою электронную почту (serg@lsw.ru).

С.В. Лесников выполнил проект в русле проблем создания наиболее эффективных поисковых систем в современных условиях, когда «пополнение информационных ресурсов Интернета происходит высокими темпами, и найти необходимую информацию становится все труднее. Различные печатные справочники устаревают еще до выхода в свет» [2. Т. 1. С. 372]. По сути,

это бумажная версия содержательного контента для соответствующих поисковых программ, в большой степени разработанных, но пока не оконченных. С одной стороны, в такой версии утрачена главная особенность электронных информационных систем, а именно их открытость и возможность пополнения и корректировки данных (начиная с исправления элементарных опечаток и заканчивая приращением данных вследствие расширения источниковой базы). С другой стороны, нужно признать, что обнародование текстов на бумажных носителях остается самым демократичным способом подачи информации в нашем (иногда чрезмерно) стремительно развивающемся в техническом отношении мире. Помимо этого, не следует упускать из виду давнюю, крайнюю потребность научного сообщества в обобщении сведений о специфике дефинирования (содержательного наполнения) и функционирования терминологии в рамках различных направлений и разделов науки, текстов разных авторов и даже текстов одного автора, написанных в разное время. И уже это оправдывает стремление С.В. Лесникова обнародовать накопленные данные, хотя бы и вне соответствующей программной оболочки.

Актуальность подобной работы абсолютна и была осознана лингвистами не менее полувека назад. Ср., например, высказывание О.С. Ахмановой в работе 1961 г. о необходимости создания «предпосылок для перевода с одного диалекта метаязыка лингвистики на другой и перспективы его унификации, стандартизации и нормализации» [3. С. 115], поскольку, «к сожалению, лингвистическое словоупотребление оказывается не единообразным не только вследствие большого разнообразия сосуществующих школ и направлений» [4. С. 5]. С.В. Лесников справедливо указывает на влияние и таких факторов, как смена научной парадигмы, следование ученых объективно несходным национальным и локальным исследовательским традициям [2. Т. 1. С. 11]; еще более затрудняет исследовательскую работу и удручает вариативность терминов при индивидуальном их употреблении отдельными учеными. В итоге наблюдается увеличение доли полисемичных, омонимичных, синонимичных, дублетных терминов (см. об этом § 3.3 «Парадигматические отношения в терминосистеме» рецензируемого издания). Кроме того, укажем в качестве проблемного на вопрос об установлении авторства специальной лексики и ее толкований, нередко возникающий в условиях масштабности имеющейся лингвистической литературы и с учетом того факта, что, к сожалению, не всегда и не всеми исследователями соблюдается этика научных публикаций, требование обязательной точной ссылки на первоисточник данных. И все эти проблемы достаточно легко решаются при обращении к рассматриваемой работе.

Два тома представленного исследования диалектически взаимосвязаны. Так, если в первом томе, по замыслу автора, определены проблемы организации сформировавшейся в языкознании терминологической системы, то во втором (словаре) даются ответы на такие вопросы. В то же время данные проблемы, послужившие толчком для подготовки первого тома, продикто-

ваны именно существующим положением вещей (состоянием лингвистической терминологии), которое транслируют словарные материалы (обратим внимание, что проблемы составляют 2⁹ страниц, в то время как предполагаемые «ответы», т.е. словарь, – 2¹⁰ страниц). На наш взгляд лингвиста, словарь мог бы даже предшествовать теоретическим выкладкам, основанным прежде всего на математических расчетах. Однако авторский вариант текста переносит акцент именно на математическую составляющую исследования и проблемы разработки поисковых информационных систем.

Текст исследования предваряется вступительной статьей доктора филологических наук Н.Л. Сухачева «Концептуализация в науках о языке», в которой фактически обосновывается актуальность представленного труда, сконцентрированного на упорядочивании «основного инструментария целенаправленной деятельности» [5. С. 5] лингвистов. Однако «инструментарий любой науки, в том числе терминологический, остается лишь средством познания ее объекта: его систематизация и оптимизация не являются самоцелью» [5. С. 6]. В конечном итоге труд С.В. Лесникова должен способствовать адекватному осмыслению выработанной в лингвистике терминологии и отразиться на качестве лингвистических публикаций. В настоящее же время – справедливо указывает Н.Л. Сухачев – приходится констатировать, что регулярно нарушается терминологическая этика, которая, по Ч.С. Пирсу, требует минимизации специальных словоупотреблений и их дефиниций (и вспомним известный методологический принцип «не следует умножать сущности без необходимости», известный как «бритва Оккама»). Наоборот, «наблюдается явное злоупотребление избыточной и даже псевдонаучной терминологией» [5. С. 6] (ср. далее в определении С.В. Лесникова: «<...> часть терминологически значимых словоупотреблений начинает функционировать в виде своеобразных способов мимикрии под “научность”...» [2. Т. 1. С. 12]), искажается даже устоявшаяся терминология.

Безусловно верен вывод рецензента: «...это ценное пособие для знакомства с современным состоянием наук о языке» [5. С. 9] – прежде всего в терминологической их части, но, значит, и в части теоретико-методологической. Так, С.В. Лесников констатирует: «При анализе опубликованных терминологических словарей, независимо от их научной принадлежности, бросается в глаза лакуарность состава словника и некоторая тенденциозность подачи материала авторами-составителями» [2. Т. 1. С. 51]. Естественным образом приходится констатировать повторение ситуации в словнике рецензируемого словаря. Он позволяет судить о том, как «не повезло», в частности, ономастике. Ее терминологический аппарат наиболее полно представлен в двух изданиях «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской (1978 и 1988 гг.), но и он к настоящему времени объективно нуждается в корректировке. Известна, например, рядность специальной лексики в этом направлении языкознания, где используются слова с радикалом *-оним-* для обозначения того или иного разряда имен собственных, производные от них с суффиксом *-ик(а)* для обозначения раздела ономастики, изучающего такие имена собственные, с финальным элементом

-и(я) для обозначения совокупности имен собственных соответствующего разряда, иные. Обнаруживаем: наиболее полно в обобщающем словаре В.С. Лесникова представлена терминология, связанная с именованием лиц (*антропоним, антропонимика, антропонимия* и другие производные) и географических объектов (*топоним, топонимика, топонимия* и др.). В остальных случаях выработанные к настоящему моменту термины или не представлены вообще, или представлены фрагментарно, ср.: *лимнонимы* (отсутствуют *лимноним, лимнонимика, лимнонимия* и др.), *прозвища* (отсутствуют *прозвище, прозвищный*), *оронимика* (отсутствуют *ороним, оронимия* и др.) и под. Полагаем, в данном случае косвенно отражается не только разный «удельный вес» терминов, но и состояние общей теории и фактическое отсутствие современных обобщающих теоретических работ по ономастике вопреки большому к ней интересу современных исследователей.

Во вступительной части «Прологомены» С.В. Лесниковым обозначены традиционные для введения к научной работе пункты: объект, предмет, цель, задачи, источники и материал исследования, методологические подходы к данным.

Основная часть первого тома «Проблемы систематизации терминосистемы (гизаурус, классификация, синопсис)» представляет собой аналитический обзор русских словарей лингвистической терминологии, а также словоупотреблений в наиболее авторитетном журнале «Вопросы языкознания» за период 1952–2021 гг. Автором выявлены: «(1) способ организации словарных материалов, (2) охват специальной лексики, (3) степень информативности словарной статьи, а также (4) хронологические сдвиги в осмыслении и обозначениях соответствующих языковых явлений и в составе словаря лингвистической терминологии в целом» [2. Т. 1. С. 12–13].

В главе 1 «Моделирование гипертекстового тезауруса» определено наполнение наиболее значимых понятий «метаязык» и «тезаурус», введено понятие «гипертекстовый тезаурус – гизаурус» – в связи с принципами отбора и организации лингвистических терминов для поисковой системы. На основе различных толкований этих понятий автором определено, что «метаязык лингвистики представляет собой знаковую систему, фиксирующую в данный момент времени при помощи традиционных и отчасти специальных языковых средств (терминов и символов) некоторую сумму знаний о конкретном языке (языке-объекте)» [2. Т. 1. С. 28]. Метаязык обладает такими свойствами, как абстрактность, вариативность, детерминированность, искусственность, ограниченность, определенность, однозначность, открытость, системность, формализованность структуры, эталонность и др. Терминология при этом – основное, имеющее семиотическую природу средство репрезентации такого знания; логико-смысловая структура подобных знаков должна быть адекватна выражаемым понятиям, а их произвольность требует ограниченности переосмысления их конвенционально установленного содержания («значения») (см. § 1.1.1 «Определение “метаязыка”»). Система таких знаков, соответственно, может быть представлена только в виде обобщения словоупотреблений во всем множестве текстов, реализующих

метаязык лингвистики, и во всей их полноте. Тем самым обосновывается тип словаря, представленного в томе 2 настоящего издания, как словаря тезаурусного типа, цель которого – отразить исчерпывающие сведения об описываемом объекте. В данном случае предполагается максимально полный перечень терминов, для каждого из которых определены различные системные связи (парадигматические, корреляционные, родо-видовые и иные отношения с иными элементами лексической системы метаязыка лингвистики) с опорой на зафиксированные в лингвистических текстах словоупотребления (образуют иллюстративную зону словарной статьи). В отношении метаязыка отдельной науки построение такого словаря возможно на основе всего множества текстов в данной области знания, отсюда проистекает актуальность нового жанра научных исследований – гипертекстового тезауруса, или «гизауруса».

В главе 2 «Конструирование гизауруса метаязыка лингвистики» на примере языковедческой терминологии раскрываются математические решения построения гизауруса. Автором определены принципы моделирования системы терминов (с учетом универсалий: алфавита, лексики, парадигматических и синтагматических отношений), принцип организации гизауруса (фреймовый, позволяющий группировать термины в интерактивном режиме по разным основаниям, осуществлять требуемые выборки), алгоритм разработки и создания гизауруса, принципы формализованного анализа лексикографической информации (нацелен на выявление «веса», т. е. употребительности, а в конечном итоге объективности терминов и словарей).

В главе 3 «Систематизация понятий метаязыка лингвистики» в связи с проблемой создания гизауруса автором решаются вопросы о системных связях основных средств метаязыка лингвистики. С.В. Лесников дает описание основных типологий языковедческих терминов, но выбирает в качестве ведущего эпидигматический подход. Принципиально важными оказываются следующие виды системных отношений между терминами: синонимия, дублетность, антонимия, омонимия (в том числе в связи с вопросами полисемичности), паронимия, гиперо-гипонимия, ассоциативные и иерархические отношения.

В главе 4 «Структура гизауруса метаязыка лингвистики» представлены источники разрабатываемого автором гизауруса с указанием количества выявленных в каждом из них словарных статей, репрезентирующих термины, и словоупотреблений терминов, количества обработанных страниц. Особое внимание уделено базисным словарям русского языка, среди которых, например, Словарь Академии Российской (1789–1794), Словарь Грота – Шахматова (1891–1937), Словарь современного русского литературного языка (1948–1965), Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (три издания), Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., Словарь русских народных говоров, словари неологизмов и мн. др. Представлена краткая авторская типология обследованных источников в связи с разработкой проблем системной

лингвистики и автоматизации лингвистических исследований. Обозначена детерминированность искомых решений магистральными направлениями развития современного языкознания.

В главе 5 «Основные характеристики и возможности гизауруса» прежде всего затрагивается вопрос о перспективах, которые задают математические методы применительно к языковым данным. Средствами статистических измерений показан, в частности, достаточно низкий уровень энтропии словарей лингвистических терминов, что свидетельствует о высокой степени упорядоченности терминологии. Возможности методики в филологии проиллюстрированы автором на примере языка поэзии: математически (путем анализа индексов дистрибуции, итерации, исключительности, предсказуемости, плотности текстов) доказан значительный вклад в русский язык таких поэтов, как А.А. Блок, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет § 5.2 данной главы – «Систематический указатель гизауруса (синописис метаязыка лингвистики)», обобщающий наиболее известные теории и теоретические построения отечественных и зарубежных философов и языковедов в таких сферах, как «Общенаучные термины», «Общие вопросы лингвистики», «Общее языкознание», «Прикладная лингвистика», «Языкознание и другие науки», «Языкознание и семиотика». Повышению информативности и объективности изложения, безусловно, послужил отказ от объемных вербальных комментариев и использование графических средств (схематических и моделирующих изображений). Каждый блок сопровождается списком входящих в него терминов с учетом отношений дублетности между некоторыми понятиями. Особого интереса заслуживают схематические репрезентации построений Платона, Аристотеля, Л. Витгенштейна, Э.Б. де Кондильяка, Б. Рассела, Г. Фреге, А.А. Потебни, М. Хайдеггера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, Г.В.Ф. Гегеля, М.В. Ломоносова, М.А. Тулова, Э. Кассирера.

Вполне естественно, что, только ознакомившись с основным текстом рецензируемого труда, можно оценить всю его значимость. Логично поэтому, что лишь в пункте «Вместо послесловия», а не традиционно – во введении автор заостряет внимание на актуальности работы над гизаурусом метаязыка лингвистики как составной частью цифрового корпуса академических словарей русского языка, а фактически над Словарным подфондом Машинного фонда русского языка. Свежий взгляд на проблему с позиций математической лингвистики позволил автору вновь вернуться к проблеме классификации словарей, сделать обобщения и в этой области.

Подводя итог концептуальных теоретических разработок, С.В. Лесников подчеркивает основные достоинства и обозначает некоторые перспективы своего труда, справедливо заключает, что «гизаурус метаязыка лингвистики, включающий в себя наиболее важные понятия металингвистики, является базовым средством повышения эффективности информационно-поисковых систем не только для языкознания, но и в целом для гуманитарных наук» [2. Т. 1. С. 374].

Вполне естественно, что титанический труд автора не мог быть реализован без чьей-либо помощи, и текст завершается выражением признательности и благодарности автора многочисленным коллегам и близким.

Первый том рецензируемого издания сопровождается библиографическим списком и рядом приложений, среди которых: списки символов, инфограмм, таблиц, стандартных аббревиатур и условных сокращений, список аббревиатур источников гизауруса, указатель имен. В лучших традициях академической литературы издание сопровождается списком замеченных опечаток.

В связи с вопросами изучения метаязыка лингвистики (подчеркивает С.В. Лесников) он «может быть подвергнут условной симплификации путем упорядочивания лингвистической терминологии и формирования “нормативного терминологического перечня”, ограничивающего использование языковедами терминов-дублетов, а также “окказиональной” лингвистической терминологии, увы многочисленной, из-за непродуманности соответствующих терминологических словоупотреблений, что обусловлено чаще всего причинами околонаучного и псевдонаучного характера, а не спецификой метаязыка лингвистики» [2. Т. 1. С. 29]. Именно этому посвящен второй том рецензируемого издания – «Метаязык лингвистики. Лексикон терминосистемы».

Второй том представляет собой собственно словарь лингвистических терминов, основная часть которого предваряется замечаниями о составе и структуре лексикона, о строении словарной статьи, о графических средствах репрезентации системы терминов. Автором подчеркнуто, что специфику его труда составляет в первую очередь то, что в словарь попали термины, имеющие наибольший «вес» (исключены понятия в единичном употреблении), толкования имеют цитатный характер. Содержательно это компиляция выявленных авторов дефиниций терминов, но определенным образом систематизированных и репрезентированных. Словарь является акцентологически нормативным, так как в терминах указано ударение.

Перечислим некоторые нетрадиционные и наиболее значимые решения в организации словаря.

Словник включает узкоспециальные понятия и не включает общенаучные понятия типа «теория», «анализ», «метод», «реферат» и под. В то же время его образует не только собственно лингвистическая специальная лексика, но и терминология смежных областей науки или разделов наук: лингводидактики, библиотекovedения, антропологии, информатики, психологии и др.

Словарь не является собственно алфавитным. Словник образуют не только лексические элементы в начальной форме, но и устойчивые конструкции. Автором учитывается практика использования терминов, каждая единица (моно- и полилексемная) рассматривается как единый комплекс, и это видится логичным решением в отношении терминов (ср. принципы составления академических фразеологических словарей). Все вокабулы, включая одиночные лексемы и устойчивые конструкции («терминологизмы», как их определяет С.В. Лесников по аналогии с фразеологизмами),

выстроены в общий алфавитный список с учетом последовательности букв во всем комплексе. Например, нет общей статьи с вокабулой СЛОГОВОЙ, но имеется ряд статей: СЛОГОВАЯ ЭЛИЗИЯ, СЛОГОВОЕ УДАРЕНИЕ, СЛОГОВОЙ ЗВУК, СЛОГОВОЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ, СЛОГОВОЙ СОГЛАСНЫЙ; ср. также последовательность ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО, ГЕНДЕРНО НЕЙТРАЛЬНЫЙ. Вариативность следования частей (инверсивность) во внимание не принимается, собственно отсылочные статьи (типа «см. ...») от не первых компонентов отсутствуют, что допустимо в силу устойчивости подобных конструкций и значительно сокращает объем текста и упрощает работу с ним. Кроме того, в качестве самостоятельных вокабул и лексико-семантических вариантов представлены некоторые аффиксоиды и радикалоиды: *а-, аб-, абс-, -верб-, ин-, -ном-, -письм-, сложн-, флек-* и др.

Зоны и статус вокабулы в словарной статье отражаются графически, а именно, расположением на строке. Так, заголовочные слова введены с абзацным отступом, лексико-семантические варианты – без него. Для элементов алфавитных гнезд более низкого уровня абзацный отступ увеличен.

Лексико-семантические варианты следуют за знаком равенства и не нумеруются, что помогло автору уйти от искусственного ранжирования значений по степени важности / частотности / употребительности и т. п. Нумерация значений сохранена в цитатах.

В словаре отражаются не только лексические связи терминов (через алфавитно-гнездовое расположение специальных слов и конструкций), но также отношения производности, фонематическая вариативность, ассоциативные и семантико-парадигматические (синонимия, антонимия) связи.

Для экономии места в бумажной версии отражены не все ссылки на первоисточники, в полном объеме такая информация доступна на сайтах ГИЗА-УРУС.РФ и a-s-k.me.

Информативности значительно способствуют таблицы и инфограммы («информационные / интерактивные диаграммы иерархического вида»: схемы, структурограммы). Частично они дублируют обобщаемые материалы, но значительное их количество – результат осмысления теоретических построений философов и лингвистов математиком и лингвистом С.В. Лесниковым. Безусловно, перед нами новый тип справочника, объединяющий принципы текстовой и графической передачи информации и демонстрирующий, как методология собственно лингвистическая может быть обогащена методами и подходами математической лингвистики.

Репрезентативность лингвистического терминологического корпуса русского языка в труде С.В. Лесникова не вызывает сомнений, что обеспечивается достаточно надежными математическими подходами к отбору наиболее востребованной части лексического фонда текстов, служащих описанию языка, а кроме того, значительным объемом обработанного материала. Источником данных послужили 1 227 публикаций, преимущественно являющихся словарями либо включающих словарь лингвистических терминов [2.

Т. 1. С. 188–212]. Словарь метаязыка лингвистики включает 27 772 статьи [2. Т. 1. С. 16].

И в целом не только качественно, но и количественно труд С.В. Лесникова вызывает глубокое уважение, даже поражает воображение. По разным источникам автором обработано более 33 000 страниц печатного текста (причем необходимо учесть, что для книг, которые были доступны только в электронной форме, не совпадающей с печатной версией, количество страниц условно принималось автором за одну, вследствие чего реальное общее количество обработанных страниц кратно больше), более 704 000 словарных статей, около 20 000 000 словоупотреблений [2. Т. 1. С. 212]. Для сравнения: эти цифры сопоставимы с количественными показателями для аналогичных терминологических словарей 24 языков (славянских, европейских, скандинавских, а также японского, турецкого) в их совокупности – около 23 000 000 словоупотреблений [2. Т. 1. С. 229]. Внушительен библиографический список, включающий около 150 сборников научных трудов, около 10 000 научных статей и монографий, в том числе 6570 статей из полного корпуса журнала «Вопросы языкознания». Текст сопровождают 29 таблиц и 210 инфограмм разной степени сложности.

Представленный труд настолько огромен, что неизбежно обнаруживаются некоторые недочеты. Естественное появление, например, опечаток (так, указано, что «в компьютерной версии гизауруса порядка 2 000 000 терминов и терминологизмов» [2. Т. 1. С. 239], хотя, по данным таблицы на с. 188–212, их 20 млн, а с учетом дублирования данных и словоупотреблений в разных источниках, в «чистом виде» – около 200 000). К сожалению, не всегда выдержан алфавитный порядок следования слов (ср., например, в т. 2: статья АНОНС после гнезда слов с радикасом *антропо-* на с. 50, дублирующая статью на с. 46; ЗУБНО-ГУБНЫЕ СОГЛАСНЫЕ, ЗУБНОЙ СОГЛАСНЫЙ и др. после статьи на слово ЗУБЫ на с. 252; пр.), что несколько затрудняет работу со словарем.

Вызывает вопросы библиографический список: несмотря на его колоссальность, легко обнаруживается фрагментарность работ отдельных авторов, что могло стать одной из причин лакунарности словаря С.В. Лесникова, оговоренной автором (наряду с таким фактором, как лакулярность словарей лингвистических терминов). Но в данном случае отрицательный результат тоже результат, поскольку указывает на принципиальную недостаточность проанализированных словарей (фактически всех, имеющихся в российской лингвистике на сегодняшний день). Намечается перспектива дальнейшей работы по описанию метаязыка лингвистики, связанная с расширением круга источников для Терминологического подфонда Машинного фонда русского языка, привлечением, помимо словарей и энциклопедий, максимально возможного числа статей, монографий, работ иного жанра.

Полагаем, можно судить о необходимости корректировки не только принципов отбора источников, но и принципов отбора материалов. Сомнительна корректность включения в лексикон метаязыка лингвистики (даже с учетом

межпредметных связей в науке, в том числе в филологии) целого ряда терминов, ср.: *анонс* '1) рекламное сообщение новостного характера о спектакле, концерте, новой книге, фильме и т.п., 2) сообщение о маркетинговом мероприятии по продвижению продаж (напр., о торговле с праздничными скидками в определенный период времени), 3) выделение на первой полосе «ударных» материалов номера газеты или журнала, демонстрация фрагментов будущих материалов на ТВ и радио' [2. Т. 2. С. 46], *конгрев* 'бескрасочное или красочное тиснение штампами с вогнутым и выпуклым изображением, создающее выпуклое изображение, похожее на барельеф. Возможен на картоне толщиной менее 1,5 мм. Допустим на бумаге, кроме лакированной и покрытой припрессованной пленкой. Не годится для тканей с открытой фактурой – штапеля, шелка, хлопчатобумажных' [2. Т. 2. С. 322], *парабаса* 'часть композиции древнегреческой комедии, своеобразный перерыв в ходе действия. Хор разговаривал со зрителем на актуальные общественные темы' [2. Т. 2. С. 537].

Не всегда очевидна логика в принципах отбора и следовании инфограмм (см. т. 1, гл. 5). Непонятно, например, почему схема структуры общенародного языка, в целом не связанного с территориальным распространением языковых явлений, представлена в пункте «Лингвистическая география» [2. Т. 1. С. 319]. По неясным причинам для глаголов приведена инфограмма только для видов наклонения, но не представлены схемы для других грамматических категорий [2. Т. 1. С. 282]. Вместо инфограммы 109 «Сказуемое» [2. Т. 1. С. 283], которая дублирует в предельно упрощенном виде инфограмму 115 с идентичным названием [2. Т. 1. С. 287], логичнее было бы разместить классификацию простых предложений (см., в частности, таблицу «Классификация структурных схем простого предложения» в «Академической грамматике – 80» [6. С. 101]). Кроме того, в некоторых выбранных С.В. Лесниковым схемах языковые явления отражены неполно; ср., например, виды исторических изменений в составе слова в инфограмме 118 «Морфемика» [2. Т. 1. С. 289], перечни функциональных стилей в инфограммах 134, 136, 154 [2. Т. 1. С. 305, 306, 319].

Однако мы не считаем нужным концентрироваться на недочетах рецензируемого труда, тем более что большинство из них может рассматриваться как проявление авторского подхода: по нашему мнению, выбранный жанр не исключает долю субъективности в подаче материала. Напротив, мы бы хотели всячески подчеркнуть значимость справочника С.В. Лесникова «Метаязык лингвистики», способного стать настольной книгой лингвистов, причем не только начинающих исследователей.

Присоединяясь к оценке масштабности перспектив представленной работы самим автором, мы в то же время, исходя из собственных научных интересов, смеем надеяться, что устремления С.В. Лесникова лежат в направлении систематизации терминов в аспектных областях, прежде всего в области русской диалектологии.

Список источников

1. Еришов А.П. К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы. Новосибирск : ВЦ СО АН СССР, 1979. 24 с.
2. Лесников С.В. Метаязык лингвистики : в 2 т. СПб. : Нестор-История, 2021. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы. 512 с.; Т. 2: Лексикон терминосистемы. 1024 с.
3. Ахманова О.С. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 115–121.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : URSS, 2004. 569 с.
5. Сухачев Н.Л. Концептуализация в науках о языке // Лесников С.В. Метаязык лингвистики. Т. 1: Проблемы систематизации терминосистемы. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 5–9.
6. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М. : Наука, 1980. 709 с.

References

1. Ershov, A.P. (1979) *K metodologii postroeniya dialogovykh sistem: fenomen delovoy prozy* [On the methodology of building dialog systems: the phenomenon of business prose]. Novosibirsk: CC SB of the USSR AS.
2. Lesnikov, S.V. (2021) *Metayazyk lingvistiki: v 2 t.* [Metalanguage of linguistics: in 2 vols]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Akhmanova, O.S. (1961) *K voprosu ob osnovnykh ponyatiakh metayazyka lingvistiki* [On the question of the basic concepts of the metalanguage of linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 5. pp. 115–121.
4. Akhmanova, O.S. (2004) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS.
5. Sukhachev, N.L. (2021) *Kontseptualizatsiya v nauках o yazyke* [Conceptualization in language sciences]. In: Lesnikov, S.V. *Metayazyk lingvistiki: v 2 t. T. 1: Problemy sistematzatsii terminosistemy* [Metalanguage of Linguistics: in 2 vols. Vol. 1: Problems of systematization of the term system]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 5–9.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2: Syntax]. Moscow: Nauka.

Информация об авторе:

Боброва М.В. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Bobrova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.03.2023;
одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 03.03.2023;
approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2024. № 91

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 04.10.2024 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 20,2; усл. печ. л. 26,3. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 6046.

Дата выхода в свет 22.11.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru